МЕМУАРЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

В. Н. ГОЛОВИНА

В. Н. Головина

Мемуары

Москва
2024

УДК 82-94(47)
ББК 84(2=411.2)51-49
Г61

Головина, В. Н.

Г61 Мемуары / В. Н. Головина — Москва : Директ-Медиа, 2024. — 460 с.

ISBN 978-5-4499-3924-1

Еще в рукописи «Мемуары» Варвары Николаевны Головиной (1766–1819) – фрейлины при дворах императриц Екатерины II, Марии Федоровны и Елизаветы Алексеевны, – переходили после написания из рук в руки, породив многочисленные копии. Этот факт широкого распространения, до появления их в печати, свидетельствует об исключительной важности этого документа. Особую ценность воспоминаниям Головиной придает то, что они были написаны по просьбе и при сотрудничестве императрицы Елизаветы, супруги Александра I. Поэтому, помимо фактов личной биографии и событий, проходивших перед глазами Варвары Николаевны, читатель найдет сведения, не лишенные политического значения. Рассказывая простым и доступным языком про крупные и мелкие события, переплетавшиеся с ее жизнью, Головина превосходно описывает происходящее и изображает портреты отдельных исторических лиц.

«Мемуары» особенно важны тем, что в них предстает картина эпохи, которая и в общественной, и в частной жизни была богата яркими чертами, и в которой красивые, волнующие и интересные образы отражались в воображении женщины с душой артиста, способной к восприятию впечатлений и художественной передаче их.

УДК 82-94(47)
ББК 84(2=411.2)51-49

ISBN 978-5-4499-3924-1

Содержание

Предисловие

«Стоит ли их издавать? Все их уже читали!» — шутливо заметил мне один из моих друзей, когда я при благосклонном содействии графа Шарля Ланскоронского, правнука автора «*Мемуаров*», собирался приступить к их изданию.

Конечно, это простая шутка, но, тем не менее, в ней сказалась черта, предоставляющая произведению графини Головиной среди массы подобных документов отдельное место.

В ту эпоху, когда запрещенная литература заимствовала у свободной печати ее способы пропаганды, предлагаемые «*Мемуары*» получили широкое распространение гораздо раньше настоящего издания, в котором я с большим удовольствием принимаю деятельное участие.

Я не говорю о русском переводе г. Шумигорского, появившемся в 1900 г. и многочисленные сокращения которого объясняются строгостью цензурных правил, в настоящее время не действительных. Оригинал был написан по-французски, и мне было возможно восстановить текст в его полной неприкосновенности.

Я также не имею в виду бесчисленных извлечений, напечатанных в различных сборниках в России, во Франции и в других странах.

Еще в рукописи «*Мемуары*», переходя после их написания из рук в руки, породили многочисленные копии.

Лично у меня было пять таких копий из различных источников.

Уже один этот факт широкого распространения, ранее появления в печати, свидетельствует об исключительной ценности, которую приписывали этому документу. Различные причины еще более увеличивают означенную ценность.

И прежде всего то, что «*Мемуары*» были написаны не только по просьбе, но даже, в некоторой своей части, при сотрудничестве одной высокой особы, которую одна историческая работа, недавно вышедшая в свет, вывела из того скромного полумрака, в котором она до сих пор находилась. Убеждая графиню Головину заняться в свободное время составлением мемуаров, императрица Елизавета, супруга Александра I, предложила не только руководить своими советами, но и документировать эти «*Мемуары*». Как видно из появившихся томов очень интересного труда Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Михайловича[1], Императрица Елизавета Алексеевна, добровольно отходя на второй план среди великих событий ее времени, в то же время не оставалась ни равнодушной, ни чуждой к ним. В моих руках находятся документы, которые я надеюсь когда-нибудь издать, как в высшей степени поучительные не столько для истории России, сколько для Франции, и в них мы видим, что Государыня вела переписку, не лишенную политического значения, обнаруживая большую проницательность.

Лично не находясь в этой сфере действия, Головина была только ее эхом. Поэтому, так как переменившиеся отношения двора удалили ее от такого драгоценного источника сведений, последняя часть «*Мемуаров*», существенно пострадав от этого, почти всецело входит в область личной биографии, все-таки не лишаясь известной прелести и интереса.

Двор Екатерины II, царствования Павла I и Александра I сгруппировали около трона много выдающихся женских образов, обольстительных и привлекательных

---

[1] Императрица Елизавета, супруга Александра I, т. I и II, Париж и С.-Петербург. 1908 и 1909 гг. См. т. II, стр. 233, 440 и след. 462.

по различным причинам. В этой блестящей плеяде Варвара Николаевна заняла совершенно отдельное место благодаря своим качествам и даже недостаткам, придававшим ей пленительную оригинальность. Находясь в кругу лиц, близких Екатерине, графиня Головина питала к Великой Государыне чувства безграничной преданности и восхищения, получая от нее также постоянно взамен свидетельства чрезвычайного доверия и любви. Но в то же время она не разделяла ни одной ее слабости; влияние окружавших Екатерину людей, обаятельной и развращающей среды, не имело на нее никакого действия, и ни на одну минуту она не потеряла чистоту своей совести и независимость суждений.

Поэтому, по отношению событий, проходивших перед ее глазами, она является свидетелем большой ценности. Она на все смотрела ясным взором и оценивала с естественным спокойствием прямодушия. Сама оставаясь безупречной, она сумела сохранить относительно увлечений других не легкую снисходительность, располагающую к преступным компромиссам, но известную широту воззрений, предостерегающую от излишне строгих суждений.

После восшествия на престол Императора Александра I ей пришлось на несколько лет покинуть отечество, и пред ней предстала живая картина Франции, оправляющейся после бурь революции. Она присутствовала при конце Консульства и начале Империи. Случайные знакомства сблизили ее с осколками старинной аристократии, находившейся на пути к восстановлению в своих правах. В этой среде, проникаясь убеждениями, чувствами и интересами своих французских друзей, она не сумела сохранить ту сдержанность, которая ей приличествовала, как иностранке. Более роялистка, чем многие из них, она последовала за ними

в перипетиях политической борьбы. Она сильно осуждала Бонапарта, как и многие из русских того времени. Так как и здесь она отражала борьбу страстей, волновавших общество, то свидетельство ее не лишено интереса.

Рассказывая про крупные и мелкие события, переплетавшиеся с ее жизнью, она писала просто и безыскусственно, без всяких претензий, побуждаемая естественной склонностью, в которой, быть может, играла роль и наследственность; и, если она не вполне овладела пером, то, по крайней мере, достигла известной приятности слога, оцененной уже многими читателями.

Она была дочерью генерал-лейтенанта Николая Федоровича Голицына (1728–1780) и княгини Прасковьи Ивановны, урожденной Шуваловой, (1734–1802) и принадлежала к двум старинным родам, известность которых не требует пояснений. От Шуваловых она унаследовала склонность к литературе и искусству. Прасковья Ивановна была сестрой фаворита Императрицы Елизаветы, дочери Петра Великого, Ивана Ивановича Шувалова (1727–1798), основателя московского университета и академии художеств, который во время пятнадцатилетнего добровольного изгнания, после смерти своего августейшего друга, мог даже заграницей приобрести славу мецената. Писатели, даже во Франции, знают другого Шувалова, Андрея Петровича (1727–1783), состоявшего в переписке с Вольтером, Даламбером, Лагарпом и писавшего сравнительно недурные стихи в честь Нинон.

Детство и ранняя юность Варвары Николаевны протекли вне влияния этих родственников. Родившись в 1766 году, она до 1780 года жила вместе со своими родителями в имении Петровском, Московской губернии,

где она встретила только своих деревенских соседей, людей мало образованных. Ее отец, незаметная личность, кажется, сам был человеком старинного уклада. Ее мать более развитая и умная прилежно занималась воспитанием дочери, но, живя в Петровском, ощущала недостаток средств для этого. Дядя же, Иван Иванович, путешествовал, взяв с собой старшего из двух братьев Варвары Николаевны, Федора.

Но в 1780 году судьба будущей графини Головиной вдруг изменилась. Умер ее отец, вскоре после смерти своего младшего брата Ивана († 1777 г.) и вернулся из путешествия дядя.

Княгиня Голицына решилась отправиться жить в Петербург вместе с нежно любимым братом, который, оставаясь холостым и лишенный других близких родственников, казалось, был готов отдать им всю свой любовь. Семья Голицыных, состоя всего только из трех лиц, заняла дом, смежный с домом Шувалова, на углу Невского проспекта и Большой Садовой; пробитая стена соединила их жизнь, душой и радостью которой была Варвара Николаевна. Она быстро пополнила свое начальное образование, полученное в Петровском. Иван Иванович привез с собой из Рима и Парижа драгоценные коллекции предметов искусства, античный мрамор, картины, гравюры и богатую библиотеку. Молодая девушка составляла опись этой коллекции, предаваясь этому с той горячностью и восторгом, которые позднее заставили ее посвятить себя занятиям подобного рода. Она много читала, но главным образом рисовала. Она скоро стала писать красками, верно передавая натуру, с искусством, многочисленные свидетельства которого сохранились до сих пор и которое отчасти перешло по наследству к ее потомкам. Вместе с рукописью «*Мемуаров*» после нее остались альбомы, где рядом с ее

рисунками находятся сделанные ее дочерями и внуками наброски, пейзажи, виды старого, теперь исчезнувшего, Парижа, портреты и карикатуры, составляя все вместе очень привлекательную коллекцию.

В ней можно убедиться в действительно артистическом призвании Варвары Николаевны. Некоторые из ее произведений были напечатаны и, между ними, портрет Потемкина, пожалуй, один из самых лучших портретов знаменитого фаворита Екатерины Великой. Известный русский иконограф Ровинский также с похвалой упоминает в своем «*Словаре русских гравированных портретов*» (II 856 и IV 393) рисунок, изображающий Императрицу, сидящей под знаменитой «колоннадой» в Царском Селе, «очень характерный и похожий портрет», говорит он.

Музыка тоже увлекала молодую девушку. Она пела и позднее даже делала попытки в композиции. Она с успехом выступала в концертах в Царском Селе и Зимнем дворце и вызывала аплодисменты романсами своего сочинения, никогда не впадая в претенциозный и тщеславный дилетантизм.

В то же время, под руководством своего дяди, она упражнялась в литературном слоге той эпохи и достигла, если не безусловной правильности, то, по крайней мере, приятной легкости стиля, о котором читатели будут иметь возможность судить сами. И вместе с непринужденностью, ясностью и духом французских писателей, она усвоила также отчасти их остроумие. Впоследствии она была известна приятностью своего разговора, острой шуткой и быстрой живостью ее возражений.

Таким образом, врожденные и приобретенные таланты представляли вместе одно целое, прелесть которого единодушно признавали современники, как в России, так и заграницей.

Отдавая должное ее уму, никто, однако, не говорил про ее привлекательную внешность и, действительно, Варвара Николаевна, казалось, не была красивой. Правда, в 1780 году в Москве была напечатана, в небольшом количестве экземпляров, написанная в честь ее Иваном Морозовым, ода, где он воспевал ее глаза, «похожие на блистающую зарю» и ланиты «из лилий и роз»; но ее портрет от того времени, приписываемый кисти знаменитого Рокотова, сохранившийся в Петровском, в настоящее время принадлежащем князю А. М. Голицыну, далеко не подтверждает этого. Лицо, изображенное там в первой молодости, скорее выделяется силой выражения, чем правильными или приятными чертами. И позднейшие ее портреты, как написанный г-жей Виже Лебрен, недавно появившийся в произведении де Нольчак, посвященном этому художнику, а также портрет, помещенный в выше цитированном труде Великого Князя Николая Михайловича, производят такое же впечатление.

Но в то же время Варвара Николаевна не была и безобразна, хотя в этом отношении, если и нельзя про нее сказать, что она совершенно лишена была кокетливости, так как это было бы неестественно, а она была естественна во всем, то, по крайней мере, она не проявляла никакой заботливости. Женившись на ней по любви, ее муж был не единственным мужчиной, которому она нравилась, хотя она и не позволяла никому другому высказывать себе это; но главные свойства ее привлекательности находились совсем в другой области.

В 1783 году она была назначена фрейлиной ко двору, где ее брат с 1780 года числился камер-юнкером. Она вскоре была там замечена, но уже раньше она обратила на себя внимание того, чье имя она будет носить всю жизнь.

Головины с шестнадцатого века принадлежали к высшей аристократии московских бояр, креатур Ивана Грозного и его непосредственных предшественников; политика этих царей выдвигала их в первый ряд, как противовес оппозиции удельных и медиатизированных князей, потомков Рюрика и Гедимина. Начиная с Петра Ивановича Головина, казначея Василия IV, и Симона Васильевича, героя польской войны, Головины играли выдающуюся роль в истории России. Иван Иванович Головин, помогавший Петру Великому в подавлении стрелецкого бунта, и спутник его во время путешествия в Европу, имел честь открыть своим именем список русских адмиралов. Один из его родственников генерал-адмирал, генералиссимус и фельдмаршал Федор Алексеевич Головин, по диплому императора Леопольда I-го, первый получил титул графа в России.

Его внук Николай Николаевич Головин, родившийся в 1756 году, был в 1782 году, когда его в первый раз увидала Варвара Николаевна, одной из самых блестящих партий, которая могла представиться ее выбору. Он был хорошо сложен и довольно представителен, как это видно на миниатюре Изабей, находящейся у графа Ланскоронского, и к тому же он считался одним из очень богатых людей.

Оба семейства находились в родстве; молодые люди понравились друг другу, но княгиня Голицына воспротивилась немедленному браку, находя его преждевременным.

По новым идеям, проникавшим в то время в высшее общество, следовало, чтобы взаимная склонность будущих супругов выдержала испытание времени и жених мог бы перебеситься.

Последний добросовестно этим и занялся во время заграничного путешествия, план и проект которого,

по всем вероятиям, исходили от Шувалова. Но он не пошел по следам Ивана Ивановича и не заботился приобрести привычки и склонности, которые обеспечили бы ему возможность духовного общения со своей будущей супругой. Он долгое время находился в Париже, но знакомства и связи, заключенные там, не имели ничего общего ни с литературой, ни с искусством. Говорят, что у него была связь с знаменитой «Амазонкой свободы», Теруань де Мерикур; может быть она и была матерью ребенка, о котором впоследствии заботилась графиня Головина с снисходительностью, к которой почти обязывали нравы той эпохи. Очень строгого нрава и очень ревнивая супруга Павла I, Императрица Мария Феодоровна, подавала в этом пример по отношению к незаконным детям своего мужа. Незаконный сын Николая Николаевича был кроме того пожалован дворянской грамотой и носил сокращенную фамилию своего отца, — тоже по обычаям того времени, — Ловин. В Монпелье граф Головин вступил в близкие отношения с молодой девушкой из хорошей семьи. У нее родилась от него дочь, восхитительный ребенок. Воспитанная, благодаря великодушным заботам графини Головиной, она была выдана замуж за де Ривиера Гессенского, посланника в Петербурге. Выдающийся художник, он был дружен с г-жей Виже Лебрен, и иногда по дружбе рисовал пейзажи для фона портретов, которые писала великая артистка. У графа Ланскоронского есть две картины; на одной из них изображен сам де Ривьер, а на другой его прелестная жена с дочерью, которая была еще тогда ребенком; произведения свидетельствует о настоящем большом таланте портретиста. Весь род де Ривьер, теперь угасший, находился в родственных отношениях с потомками графа и графини Головиных.

По возвращении из путешествия графа Головина, брак был быстро отпразднован и казался счастливым. «Я ужинал вчера с графиней Головиной», пишет в январе 1792 года граф Валентин Эстергази, посланный в Петербург французской аристократией, — «она до безумия любила своего мужа и он также ее очень любит. Их приятно видеть»[2].

Вызывавший противоречивую оценку современников, большей частию недоброжелательную, и в то же время совершенный тип большого барина того времени, беспечный сибарит, беспорядочно ведущий свои дела, Николай Николаевич Головин, казалось, был вполне дворянином. Полковник в тридцать четыре года без способностей и склонности к военной службе, позднее чиновник также без всякого призвания к гражданской службе, он не блистал ни там, ни тут, но отличался всегда строгой честностью. Последнее, а также и беззаботность, с которой он разорился, прожил свое огромное состояние, и его тесная дружба с графом Федором Растопчиным, с «этим сумасшедшим Федькой», как его звала Екатерина, все это вызывало строгое осуждение. Но когда в 1814 году распространились слухи о том, что он тяжело заболел, г-жа Свечина писала: «Если он умрет, одним честным человеком будет меньше в России, а их там не слишком много».

Отсутствие жалоб в воспоминаниях на недостатки ума и характера своего супруга, от которых должна была страдать графиня Головина, не опровергают мнений о нем. Варвара Николаевна была очень сдержана и, как мы увидим дальше, не упоминала и о других фактах, игравших значительную роль в ее интимной жизни. Графиня Головина не нашла нужным сказать все, что ее

---

[2] De Falloux, *Lettres de M-me Sweichine*, I, 112.

касалось близко. Но, по всем вероятиям, она говорила правду, приписывая своему оклеветанному мужу черты благородства и великодушия, реабилитирующие его память. С другой стороны, Николай Николаевич не мешал жене устроить в их общем доме гостеприимный салон, благоразумный, но в то же время странно привлекательный, где, как в Петербурге, так и в Париже, благодаря потоку эмиграции, установившемуся в ту эпоху между двумя странами, смешались два общества в одно избранное, одинаково привлекательное и прелестное.

Осмотрев петербургские салоны на берегу Невы, Адам Чарторижский писал: «Дом Головиных отличается от всех мной перечисленных. Здесь нет ежедневных вечеров, но вместо этого небольшое избранное общество, вроде того, которое в Париже продолжало старинные традиции Версаля. Хозяйка дома остроумная, чувствительная, восторженная, обладает талантами и любовью к изящным искусствам»[3].

«Восторженная?» Трудно заметить в первых страницах «*Воспоминаний*» эту черту характера, подчеркнутую Чарторижским; ничто не кажется более неподходящим к природному темпераменту Варвары Николаевны, обладавшей великолепным душевным здоровьем и вполне уравновешенным характером. По причинам, которые читатель узнает в этой книге, можно отвергать свидетельство князя Чарторижского во всем, что касается Головиной, как наблюдателя не лишенного недоброжелательности. Но все-таки, это он верно подметил. В то время, к которому относятся его слова, характер Головиной изменился. Находясь в близких отношениях с французскими гостями в Петербурге, она подверглась

[3] Mémoires, I, 45.

их влиянию. Чувствительность в духе Руссо волной охватила Европу и, обращаясь в стремительный поток, восторженность была той атмосферой, в которой проходила жизнь эмигрантов во всех странах, куда они уносили с собой свои сожаления, страдания и преувеличенные надежды.

Оторванная обстоятельствами, о которых упоминается в «*Мемуарах*», от своих естественных точек опоры, потерявшись, г-жа Головина отдалась этому течению. Правда, она не совсем потеряла голову, но не избегла в некотором роде крушения.

Начиная с этого времени, она стала восторженной во всем, в политике, в религии и даже в дружбе.

Первая из ее подруг принадлежала к семейству ее мужа. Это была графиня Анна Ивановна Толстая, дочь князя Ивана Сергеевича Барятинского и княгини Екатерины Петровны, урожденной Голштейн-Бек. Мать последней Наталья Николаевна, урожденная Головина, была теткой Николая Николаевича. С живым умом и романическим темпераментом, графиня Толстая слыла красавицей. Близкие называли ее «*Длинная*», тогда была мода на прозвища, и Головину за ее резвость и насмешливость, которая все-таки обыкновенно не обращалась в злость, прозвали, (должен это упомянуть, хотя и рискую возбудить недоверие к «*Мемуарам*» у известного рода читателей), «маленьким драгуном». Да, но она была добродетельным драгуном, хотя это и редко бывает, и предания, сохранившиеся на этот счет в ее семье, заслуживают доверия, потому что никто из ее современников не отрицает это, даже самые лучшие подруги Варвары Николаевны. Она была неприступной женщиной с инстинктивным стремлением ньюфаундленской собаки спасать из водоворота страстей увлеченных жертв, которые в общем не очень охотно

принимали эту помощь. Толстая, испытав это на себе, далеко не была благодарна, и отношения молодых женщин значительно пострадали от этого. Граф Толстой, сам человек беспорядочного поведения и склонный к интригам, содействовал этому разладу. Впрочем, скоро Варвара Николаевна подчинилась влиянию дружбы более обаятельной.

В 1793 г. Екатерина II занялась браком своего любимого внука, Александра, которого, как известно, она охотно сделала бы своим непосредственным наследником. Павел, по обыкновению, с недовольным видом принял невестку, на которой остановился августейший выбор его матери, и обращенная в православие принцесса Луиза Баденская стала членом Императорского Дома под именем Елизаветы Алексеевны. Для молодой четы был учрежден двор, и граф Головин занял там должность маршала, причем в этом назначении жена его сыграла большую роль. Очень опытная в деле замещения должностей, по причинам известным, Екатерина заметила «маленького драгуна» и решила поставить его на страже около Великой Княгини. Будущая Императрица Елизавета, соединенная в пятнадцать лет браком с супругом, которому тоже было только шестнадцать лет, она, конечно, не могла ждать помощи в таких делах от Екатерины Петровны Шуваловой, гофмейстера ее двора и женщины, одной из худших, находившихся вокруг трона.

Великая Княгиня покорно подчинилась этой стратегической комбинации, имевшей целью ее защиту, и следствием явилась взаимная дружба, которая слабо отражается в «*Мемуарах*», по обыкновению своему сдержанных. Графиня Головина внесла туда самую бдительную материнскую заботливость, смешанную с обожанием, которое последующие испытания не только

не ослабили, но обратили в восторженность. Очень милая, но крайне романтичная, принцесса отдалась этой дружбе со страстностью молодой девушки, в которой склонность к сентиментальности той эпохи, тоска по родине, легкие неприятности в семейной жизни выливались в такую силу порывов дружбы, что нам это теперь с трудом понятно.

Обладая молодой женщиной, созданной во всех отношениях, чтобы покорять и пленять сердца, Великий Князь, кажется, довольно холодно отвечал на проявление ее робкой нежности. В то время мода доводила до восторженности чувства дружбы между мужчинами и между женщинами и, кажется, подобный характер носила дружба Великого Князя Александра и Адама Чарторижского.

Покровительствуемые Екатериной II дружеские отношения «маленького драгуна» с Великой Княгиней должны были подвергнуться впоследствии жестоким случайностям. До смерти Императрицы, эта дружба, приводя в восторг Головину, доставляла ей исключительное положение при большом и малом дворе. Изъявления уважения в изобилии сыпались на молодую женщину, которую неизменно выделяли своим вниманием государыня и супруга будущего государя. И Варвара Николаевна, окруженная уважением, ласками, жила как среди ослепительного сна.

Все изменилось с восшествием Павла I.

Сама графиня Головина объясняет эту перемену враждебным отношением новой Императрицы Марии Федоровны, расположение которой она потеряла после того, как долгое время пользовалась им. Но следует заметить, как это делает и Великий Князь Николай Михайлович[4], что другие лица, не любимые супругой

---

[4] «*Императрица Елизавета I*», стр. 252, франц. издание.

Императора Павла, как например, Чарторижские и Княгиня Наталья Федоровна Шаховская, впоследствии Голицына, остались при дворе и в числе близких лиц к Великому Князю Александру и его супруге.

Причина перемены, происшедшей в положении Головиных, гораздо более сложного порядка. Высокая милость, которой они пользовались до сего времени, возбудила много зависти. С другой стороны, Головина, со свойственной ей прямотой, боролась с многочисленными интригами, в которых Е. П. Шувалова вместе со своим неизменным другом Александром Яковлевичем Протасовым, воспитателем Александра I, дошли до того, что способствовали постыдным замыслам князя Платона Зубова. Скучая своим настоящим положением, а также чтобы заручиться на будущее, последний фаворит Екатерины осмелился даже на ее глазах обратиться со своими нескромными чувствами к Елизавете Алексеевне. Старая Императрица делала вид, что не замечает этого, и молодая Великая Княгиня, испытывая огорчения в своей семейной жизни, не показывала, что смущена этим. Головина попыталась энергично вмешаться в это дело.

В таких случаях, даже с самыми честными намерениями, есть риск самому прослыть интриганом. И многие лица постарались изобразить в таком виде Варвару Николаевну[5]. Принадлежа также ко двору Великого Князя, граф Толстой недоброжелательно относился к Головиным, положение которых было более блестящим, чем его. Различными способами, о которых упоминают «*Мемуары*», удалось обвинить Головину как в увлечениях графини Толстой, так и в несправедливых

---

[5] «*Архив Воронцовых*», XXX, 113, сравнить Шильдер «*Александр I*», I, 88.

подозрениях, наброшенных на Великую Княгиню. Елизавета Алексеевна поверила этому, и произошел разрыв. Головины покинули двор.

Правда должна была открыться позднее. Но и тогда, по странным и довольно загадочным причинам, жертва этой печальной ошибки не возвратила себе то, что она потеряла.

Она потеряла все сразу. Назначенный куратором университета, ее брат отправился в Москву, чтобы занять этот пост. Вскоре, в 1798 г., умер И. И. Шувалов, оставляя в их общем доме пустоту, которая ничем не могла быть заполнена. Судебный процесс, возникший по поводу его наследства, внес раздор в семью, до сих пор жившую согласно.

Замужем за человеком, верной и преданной спутницей которого она оставалась до конца, но разделенная с ним в интеллектуальном отношении целой пропастью, мать двух малолетних дочерей, Варвара Николаевна вдруг оказалась одинокой, как в нравственном, так даже и в материальном отношении. Немилость, хотя и незаслуженная, образовала вокруг нее совершенную пустоту, удаляя от нее и тех, кто раньше добивался быть принятым ей. Увлеченная безрассудной любовной связью с человеком — лордом Уайтвортсом, английским посланником, — который мог бы быть ее отцом, графиня Толстая и та оставила свою подругу, которая все сделала, чтобы предохранить ее от этого приключения.

Варвара Николаевна осталась только со своей матерью. Она никогда не прекращала проявлять нежную заботливость относительно последней и она, сочувствуя умственным течениям той эпохи, была во всех отношениях ценной спутницей в жизни. Но очень пожилая уже, все более и более прихварывая, к тому же русская с

ног до головы, княгиня Голицына, хотя она и была из рода Шуваловых, начала отставать от умственного движения, за которым она и ранее следовала с известной сдержанностью и увлекаться которым она была теперь все менее и менее расположена. Тем более, что в эту эпоху, проникаясь страстностью, оно нападало на вещи, которые она считала недосягаемыми и священными, создавая таким образом между теми, кто беззаветно отдавался ему, как это было с Головиной, и другими, более робкими или более благоразумными, печальное разногласие.

Тогда в Петербурге появилось совершенно новое общество, способное увлечь воображение и чувствительность, несоразмерно обостренную от невозможности найти удовлетворение в окружающей среде. Это были эмигранты, выброшенные на берег России бурей революции, сотрясавшей тогда Францию. Политика Павла I, оказывая этим изгнанникам радушный прием, восстановляя Версаль в Митаве и «Отель Кондэ» на берегу Невы, делала их героями дня. При дворе и в обществе в первых рядах толпилась и толкалась масса иностранцев, имена которых прежде упоминались в свите короля Франции: Брогли, Круссаль, Дамас, Доткшамп, Торси, Лагард, Ламезонфор, Сен-Прист, Лафертэ, Блакас...

И в то же время революция отбросила на тот же гостеприимный берег некоторых знаменитых членов французского духовенства. Из них аббат Николь получил разрешение открыть в Петербурге учебное заведение, которое дополняла коллегия иезуитов под управлением знаменитого Грубера, и знаменитый педагог получил воспитанников из самых аристократических родов России: Голицыных, Нарышкиных, Гагариных, Меньшиковых, Орловых. Рядом с ними

Догар в той же аристократической среде занимался деятельной пропагандой, в которой педагогические занятия очень тонко переплетались с горячей проповедью католицизма.

По своему положению, а также в силу отношений, завязанных И. И. Шуваловым во время своего пребывания во Франции, Головины первые вошли в соприкосновение с эмигрантами. Обыкновенно даже приписывали влиянию графа Эстергази, агента претендентов на трон Франции, назначение Головина ко двору Великого Князя Александра. Пустота, образовавшаяся теперь вокруг Варвары Николаевны, еще более побуждала ее искать общества эмигрировавших. В ее салоне, более чем где-либо, они могли найти дух своей родины. Г-жа Виже-Лебрен, став постоянной гостьей Головиной во время своего долгого пребывания в Петербурге, так отзывается о ней:

«Эта прелестная женщина блещет остроумием и различными талантами, что часто было вполне достаточно, чтобы занять нас, потому что у нее мало бывало народу. Она рисовала очень хорошо, сочиняла прелестные романсы, которые исполняла, аккомпанируя себе на рояле. Более того, она была в курсе всех литературных новостей Европы, которые, как я думаю, можно было узнать у ней одновременно с Парижем»[6].

Впечатления г-жи Эдлинг, автора известных «*Мемуаров*», были почти такие же:

«Я подружилась с графиней Головиной, прелесть которой, красноречие и таланты, делают ее дом приятным».

И вскоре все усиливающееся сближение любезной хозяйки дома с характером своих постоянных посетите-

---

[6] «*Воспоминания*» II, 323–324.

лей, создавало между ними связь, становившуюся с каждым днем все теснее. Варвара Николаевна становилась все более восторженной в обществе этих бродячих рыцарей политического и религиозного легитизма и приняла их как и те, так и другие убеждения.

Немного спустя после восшествия на престол Павла I, она встретила между ними особу, которая своим характером, званием и прошлым решительно завладела ее чувствами.

Это была знаменитая принцесса Тарентская, Луиза де Шатильон, младшая дочь последнего герцога де Шатильон и Адриенны де Лабом Лебланк де Лавальер. Родившись в 1763 году, выданная замуж в 1781 за Шарля де Латремойль, принца Тарентского, она с 1787 г. была в числе статс-дам Марии-Антуанетты и разделяла с ней как последние удовольствия, так и первые испытания несчастной королевы. Заключенная в 1792 г. в тюрьму, она избежала смерти и даже ей удалось получить свободу. В Англии, где она нашла убежище, настойчивые письма Императора Павла и Императрицы Марии Феодоровны приглашали ее в Россию, где она вместе со своими родными могла быть прилично устроена. Не сохранив ничего из своего большого состояния, позволившего ей истратить во время ее свадьбы 66954 ливра «на туалет и сообщения о свадьбе»[7], не имея другого средства, чтобы помочь своей семье, все уже испытав, принцесса приняла это приглашение.

В России ей предшествовала репутация героини. Про нее рассказывали, что она с опасностью для жизни закрыла своим телом молодую девушку, оставленную на ее попечение, от ружей, направленных на нее. Действительно, мать этой молодой девушки, герцогиня

[7] Princesse de Tarente, «*Souvenirs*» p. 242.

де Турцель, подтверждает это в своих «*Мемуарах*», изданных в 1883 г. герцогом де Карс[8]. Вид и манеры принцессы находились в полном соответствии с этой лестной для нее легендой. Строгая, спокойная, постоянно печальная, без улыбки, она казалась живым олицетворением траура по династии, которой она служила, по своей стране и аристократии.

«Во внешности и манерах этой странной женщины было что-то отталкивающее, — говорит г-жа Эддинг, — и в то же время она была способна на самую глубокую привязанность. Никогда я не встречала человека более сильного характера и одностороннего ума»[9]...

По словам de Fallons[10] «политические идеи принцессы не были ни глубоки, ни серьезны, но производили сильное впечатление, потому что были связаны с великими традициями и потрясающими несчастными событиями. В ней видели живое воплощение прошлого».

Графиня Головина была тронута этим до самой глубины своей души с первой встречи. Можно сказать, что она была поражена, как ударом грома, и скоро между ней и знатной иностранкой установилась известная общность как материальная, так и духовная. Начиная с этого времени и до 1814 г., когда принцесса Тарентская умерла в доме своей подруги, их жизнь постоянно сливалась. Головина делила свою любовь, преданность и заботы на две части и большую из них посвящала не своим самым близким родным. Но ни ее дочери, ни муж не жаловались на это, великодушно разделяя это нежное отношение, в проявлении которого, кажется, даже слуги дома принимали участие.

---

[8] II, 279.

[9] «*Мемуары*», стр. 46.

[10] Madame Swetchine, I, 164.

И принцесса Тарентская не одна пользовалась такими симпатиями в России. Сентиментальные и восторженные, элегантные, несмотря на временную нужду, и утонченные, хотя и с поверхностным образованием, все эти эмигранты, вместе со своими спутниками иезуитами, стремившимися устроиться в Петербурге педагогами, с целью католической пропаганды, легко находили дорогу к разочарованному сердцу некоторых русских. Они давали последним то, что вновь пробудившиеся чувства и мысли напрасно заставляли их искать у себя на родине, где под прозрачным внешним блеском плохо скрывался фон природной грубости, где литература и наука были в зачаточном положении и где даже религия, часто благодаря невежественным и некультурным служителям ее, принимала внешность, производившую отталкивающее впечатление на людей чувствительных.

Под этой внешностью Головина и многие из ее соотечественников, даже самые достойные, наиболее способные к восприятию благородных стремлений, не различали более сущности вещей. Получив воспитание из рук иностранцев, иногда дополнив его поездкой в Европу, попадая ко двору, вдруг перенявшему европейскую утонченность, вдобавок это блестящее общество иностранцев, внезапно заполнившее их салоны, все это их отдаляло и делало чуждыми лучшим и благородным сторонам народного гения. Это общество потерпевших крушение от политической бури, очень привлекательное во многих отношениях, но в сущности легкомысленное, по жестокой ошибке казалось высшим идеалом культуры, к которому со времени Петра Великого стремились лучшие русские люди и куда, по их мнению, надо было вести народ, стоявший на пороге цивилизации.

Варвара Николаевна разделяла это необдуманное увлечение, и в силу прямоты своего характера, не могла

остановиться на полдороге. Она хотела во всем подражать своей подруге, все разделять с ней. Она стала католичкой вместе с некоторыми из русских, в число которых входит также и Толстая, и так как Головина нигде не оставила никаких указаний на время перехода в другую веру, до сих пор не удалось определить его точно. «*Мемуары*» молчат об этом, ни слова, ни намека, так как нельзя же относить сюда ее частые посещения католических церквей. У меня и сейчас есть один знакомый русский, горячо верующий православный, который во время своих частых приездов в Париж, каждое воскресенье сперва выслушает мессу в Ла-Мадэлен, а потом обедню в русской церкви на улице Дарю.

Молчание Варвары Николаевны об этом объясняется, быть может, августейшим сотрудничеством, о котором я упоминал раньше; но во всяком случае это событие тяжело отразилось на ее жизни, с этого времени полной разных тягостных испытаний.

Брат Головиной не мог простить ей этого поступка и прервал с ней всякие сношения. Оставив также мемуары (*«Русский Архив»* 1874 г.), князь Федор Голицын совершенно не говорит там о своей сестре, и она в предлагаемом сочинении упоминает о нем всего только три раза, причем последний раз с довольно заметным оттенком враждебности. По характеру своему не склонная к злым чувствам, Варвара Николаевна и православная, и католичка, не особенно строго соблюдала христианскую заповедь о прощении обид и при случае проявляла довольно язвительный характер.

Она была «с коготком», как отзывается о ней граф Эстергази, набрасывая довольно красивый ее портрет, и сравнивая ее с другой особой, которой он отдавал свое нежное предпочтение. «Не обладая твоим постоянством, — пишет он своей жене, — потому что она легко

привязывается и легко расстается со своими друзьями, — не такая добрая и не такая остроумная, это все-таки женщина, которая более других здесь походит на тебя: честная, любит своего мужа, свои обязанности, своего ребенка, с приятной фигурой, хотя и не красавица, полная талантов и обходительности в обществе»[11].

Заметим мимоходом, что женившись уже пожилым на женщине, бывшей на двадцать пять лет моложе, граф Эстергази имел особенные причины отдавать предпочтение своей жене.

У Головиной были и другие неприятные последствия ее перехода в другую религию. Великий Князь Александр, после того как сам неоднократно проявлял к ней признаки особой милости и уважения, казалось вовсе не был недоволен переменой отношения к ней своей супруги. Быть может он и не вполне был уверен в виновности Головиной, но тогда он был еще далек от своих последующих увлечений и недоверчиво относился к восторженности. Переход в другую веру бывшей подруги его жены естественно должен был усилить это чувство, затрагивая интересы государства. Будущий монарх православной России не мог поощрять отпадение от веры. Поэтому, когда Елизавета Алексеевна, выйдя из заблуждения относительно своей так горячо любимой подруги, была намерена вновь сойтись с ней, их разделяла стена, уничтожить которую у нее не было желания или возможности.

Я довольствуюсь этим объяснением за недостатком какого-либо другого, вытекавшего из *«Мемуаров»*, или допустимого помимо их. Во всяком случае оно не вполне удовлетворяет, потому что заменившая Головину около Елизаветы Алексеевны, хотя и не так привязанная к ней, графиня Толстая, тоже перешедшая в католичество,

---

[11] Lettres, p. 380.

сохранила с ней до конца очень близкие отношения. Правда, эти отношения, главным образом, выражались в переписке, так как бывшая возлюбленная лорда Уайтвортса прожила большей частию заграницей и там же умерла. В сорокалетнем возрасте Варвара Николаевна, разочаровавшись в лучших чувствах дружбы и привязанности, оказалась окруженной холодным враждебным отношением и почувствовала непреодолимую потребность удалиться из среды, связи с которой были порваны.

Возведенная на трон в 1801 году после смерти Павла I, Елизавета Алексеевна осталась предметом восторженного поклонения. Головина не ограничивалась только внешними проявлениями уважения, которые подобали Государыне, но даже в душе не позволяла себе обратиться с упреком к женщине, так сильно любимой и такой неблагодарной. Несмотря на то, что ее держали в стороне от двора, несмотря на тысячи мелких уколов, она по-прежнему сохранила к Елизавете Алексеевне чувства, полные энтузиазма, которые она отдала ей в незабываемые мгновения первых клятв в дружбе. Но, подчиняясь высшей воле или по собственному желанию, кумир стал холоден, как мрамор.

«Блестящее и страстное воображение, — пишет г-жа Эдлинг, говоря об Императрице[12], — соединялись в ней с холодным сердцем, неспособным к настоящему чувству любви... Благородство ее чувств, возвышенность ее идей, добродетельные наклонности, красивое лицо делали ее идолом толпы, но не могли возвратить к ней ее супруга. Изъявления уважения льстили ее гордости, но были не достаточны для ее счастья».

«... Окруженная престижем, она по очереди увлекалась искусством, наукой, чувствами самыми страстными

[12] «*Мемуары*», стр. 57.

...и, постоянно разочаровываясь, охладевая, она испытала счастье только в тот момент, когда жизнь собиралась покинуть ее...»

Из труда Великого Князя Николая Михайловича известно, что только в последние дни жизни Императора Александра I между августейшими супругами, официально соединенными, но в интимной жизни остававшимися чуждыми, произошло сближение, уничтоженное смертью. Это роковое путешествие в Таганрог должно было для примирившихся супругов быть настоящим свадебным путешествием.

Немного спустя после восшествия на престол Императора Александра, принцесса Тарентская направилась во Францию, призываемая семейными делами. Она не получила в России того, на что имела право надеяться. Быстро меняющееся расположение Павла I доставило ей жестокое разочарование. Через несколько месяцев после ее отъезда, Головина последовала за своей подругой, захватив с собой всю свою семью. Принятая, как близкий человек, высшим обществом Сен-Жерменского предместья, находя удовлетворение стремлениям ума и сердца в этой среде, прелести и добродетели которой она сильно преувеличивала, Головина без сомнения очень надолго бы осталась в Париже, если бы ей не помешали вскоре после того обострившиеся отношения Франции и России. Она с болью рассталась со своей второй родиной, но в виде утешения она увезла с собой то, что было для нее там самого дорогого.

Накануне ее отъезда г-жа де Шатильон сказала ей:

— Увезите с собой мою дочь!

По преданию, которое я слышал в замке Видевиль, — в настоящее время собственность графа и графини Галард, — принцесса Тарентская не могла быть довольна своим житьем у родных. Ссора из-за денег,

тяжелые отношения со своим мужем, от которого у нее была только одна дочь, умершая в раннем возрасте, заставляли ее с сожалением вспоминать об менее неприятных испытаниях эмиграции. Про нее говорили, что у нее был неуживчивый характер. Две подруги более не расставались. Обладая очень ограниченными средствами бывшая статс-дама Марии Антуанетты приняла гостеприимство Головиной, и в одном из альбомов, о котором я упоминал выше, есть акварель, изображающая комнату на даче около Петербурга, где в 1814 году она скончалась после тяжелых страданий, которые она мужественно переносила.

Это был для Варвары Николаевны удар, от которого она не оправилась. Более чем когда-либо чувствовала она себя чужой в России. Благодаря дружескому участию, у нее было несколько мимолетных свиданий, похожих на свидания любви, с Елизаветой Алексеевной, в которых по временам являлся признак прежней дружбы, теперь навсегда исчезнувшей.

Взяв в Париж свою мать, Головина на обратном пути потеряла ее. Она сделала над собой усилие, чтобы сойтись со своим братом и приняла на себя заботы об его сыне, воспитанием которого он мало занимался. Она выдавала замуж своих дочерей, но пережив себя, она оставалась неутешной.

Скоро домашние заботы еще более омрачили ее разочарованную жизнь. Граф Головин, к которому Император Александр всегда относился довольно холодно, вновь поступил на службу, получил для своей дочери шифр фрейлины и для своей жены титул дамы ордена Св. Екатерины. Но в то же время он совершенно разорился. Виже Лебрен очень удивлялась, встретив у него за столом довольно дерзкого крестьянина, и потом узнала, что это был заимодавец, вызванный для сроч-

ных платежей[13]. Более чем безрассудно и бессознательно Николай Николаевич следовал в этом отношении примеру многих своих современников. Автор очень любопытных мемуаров И. Ф. Тимковский[14] изображает некоторых из вельмож того времени, рассуждающих о затруднениях жизни, причем почти все были согласны, что невозможно жить, довольствуясь одним только своим доходом. Один из гостей, возражая, привел пример графа Строганова, на что другой ответил:

— Строганову это возможно, когда он получает около миллиона рублей в год; у меня же всего только сто тысяч, как же я могу выпутаться?

Граф Головин, которого, быть может, изобразил здесь Тимковский, не называя его, выпутывался при помощи новых долгов и продажей по частям своих имений.

И в один прекрасный день Варвара Николаевна должна была примириться с продажей дачи, где умерла принцесса Таренская и которая была ее любимым местопребыванием. Эта же пропасть постепенно поглотила значительное приданое, приготовленное графиней для своих дочерей. Католички, как и их мать, они вышли замуж за поляков: старшая, Прасковья, за графа Максимиллиана Фредро, младшая, Елизавета, за графа Леона Потоцкого, блестящего русского дипломата.

В 1817 году она отказалась продолжать «*Мемуары*». Она предприняла их только согласно желания, выраженному ее *кумиром*; но кумир перестал ими интересоваться. И Варвара Николаевна, казалось, вполне разочаровалась в жизни к тому моменту, когда начинающаяся неизлечимая болезнь, та же самая, от которой

---

[13] Souvenir II, 322.

[14] «*Русский Архив*», 1874, I, 1463.

погибла «ее несравненная подруга», — рак — понемногу ухудшал ее здоровье.

В 1818 году, все более и более расхварываясь, она отправилась во Францию, и после своего появления в 1820 г. в Россию, она опять поехала туда, чтобы уже более не возвращаться. Монпелье привлекал тогда многих иностранцев славой своего медицинского факультета. Головина, кажется, очень ненадолго остановилась там; но, начиная с этого момента и до ее смерти, настолько густая тень окутывает последние дни ее жизни, что русский издатель «*Мемуаров*» искал сначала могилу их автора на берегу Луа; потом он думал, что нашел ее в Сен-Жермен де-Пре и даже привел рисунок с надписью, в которой он не мог разобрать дату кончины. Этот рисунок взят из альбома графа Леона Мнишека, правнука Головиной, и представляет собой импровизацию, в которой блестящий дипломат больше заботился об искусстве, чем о точности.

Мне было позволено приподнять край завесы, благодаря великодушному участию августейшего историографа Императрицы Елизаветы. Узнав о моих затруднениях, Великий Князь Николай Михайлович положил им конец, доверив мне часть своих чудесных документов. Я открыл там многое, дополняющее настоящую рукопись. Письма Головиной от 1820 и 1821 года, адресованные *кумиру*, одни из Монпелье, другие, вероятно, из Парижа. Насколько они отличаются от прежних записок, где был изгнан всякий этикет, расстояние уничтожено, и сердце писавшей их могло свободно излагать свои чувства. Нежность еще заметна в них, но, кажется, что она проскальзывает, несмотря на усилие сдержать ее, и как бы охлажденная ледяным дыханием смерти. Первое письмо есть без сомнения прощальное послание при отъезде из С.-Петербурга:

19 июля 1820 г.

Я имею честь послать Вашему Императорскому Величеству молитву, которую Вы мне позволили предложить Вам: для меня будет утешением думать, что Ваше Величество прочтет ее иногда утром. Единение в Боге единственно истинное, и чистые и бескорыстные чувства могут с полным доверием отдаться ему...

Сентябрь 1821 г.

«Каждый день я все более убеждаюсь, что слова очень слабый способ, чтобы выразить сильные чувства привязанности и благодарности. Я обращаюсь к сердцу Вашего Императорского Величества, чтобы оно могло прочесть те чувства к ней, которые заключаются в моем сердце... Мои страдания беспрерывны; моя крайняя худоба и слабость свидетельствуют об этом. У меня бывают очень болезненные припадки, и я осуждена еще долго страдать; но Бог в своем милосердии посылает мне милость выносить их не жалуясь, и я принимаю это испытание, соединенное со столькими чувствительными лишениями, как благодеяние. У меня так мало заслуг до сего времени; я больше наслаждалась, чем страдала; я окружена друзьями и заботливым отношением; но что я покинула, не может быть ничем заменено...

P. S. Я часто вижу Толстую, но она по-прежнему остается загадкой для меня».

Между Головиной и ее первой подругой отношения не были очень нежными. Также больная и, по странному совпадению, той же болезнью, Толстая искала лекарств между югом Франции и Парижем. Она более постоянно переписывалась с Императрицей Елизаветой и, отбросив всякую церемонию и принужденность, писала ей из Марселя 16 октября 1818 года:

«Среди напастей жизни, у меня две неприятности: первая состоит в грозных письмах Головиной. Я говорю Вам об этом, Ваше Величество, потому, что может быть Вы это знаете и что только одно Ваше слово способно остановить невоздержность ее языка».

В декабре того же года Варвара Николаевна была в Париже, но когда императрица спрашивала про нее у Толстой, последняя ничего не могла сказать. Три года спустя, в апреле 1821 года, они были вместе в Париже, но не могли сойтись. Толстая жаловалась на это: «Я дожидалась, что она меня позовет, и не дождалась». Ожидание продолжалось, и она отправилась без приглашения, но не могла похвалиться приемом.

«Мне кажется, что я была гораздо более рада видеть ее, чем она меня. У меня нет никакой злобы к ней; я смотрю на нее, как на избалованного ребенка. Ее непоследовательность приносит несчастье только ей. Наконец, со вчерашнего дня она в своей атмосфере, в предместье Сен-Жермен. Она безумно рада этому. Дай Бог, чтобы она была там счастлива».

В этих строках довольно ясно просвечивает гнев и досада разочарованной дружбы. Толстая даже не допускала того, что ее подруга так тяжело больна, как она это утверждала: «Я думаю, что это критический возраст так действует на нее, а больше у нее нет никакой болезни».

В июне того же года она должна была признать свою ошибку. В это время граф Головин умер в России среди гибели своего состояния, упреков толпы «нежных друзей, дававших ему деньги взаймы из 12 %», как говорил граф Растопчин[15]. Он прибавляет далее 18 июля 1820 г.: «Графиня Головина все хворает, и насту-

[15] Письма и примечания изданы маркизом Сегюром «*Le Correspondant*», 1882 г., новая серия, том XC, стр. 533.

пающая жара, по всему вероятию, ускорит ее смерть. Она очень страдает, и несмотря на это, удивительная вещь, с удовольствием ест и не чувствует опасности. Духовные лица утешают ее, и, кажется, аббат Дье-Дежарден состоит ее духовником. Ривьер, ее доктор, постоянно находится между страхом Божиим и приличием».

«Эти внутренние опухоли, объясняет Толстая, сильно увеличиваясь, нарушают все функции. Она очень страдает, но переносит страдания мужественно и покорно».

Обе дочери умирающей были беременны в это время и их не пустили из России. Ее племянник Федор Голицын провел около нее несколько недель, но должен был уехать, призываемый обязанностями своей службы. Желая оспаривать право находиться около больной у ее друзей из Сен-Жерменского предместья, заботы которых казались Толстой недостаточными, она наталкивалась на все возрастающее отвращение.

«Около нее нет никого, на кого бы можно поручиться. Это меня очень беспокоит... Я бываю так огорчена, когда она меня не принимает... После стольких лет такой испытанной дружбы, кажется, она могла бы не стесняться со мной и я ничего не понимаю в этом»...

Обе женщины оставались загадкой одна для другой: обычная история дружеских связей на их печальном склоне.

Впрочем, Толстая преувеличивала одиночество Варвары Николаевны. Насильно проникая к ней однажды, она застала ее в обществе г-жи де-Беарн, которая почти не покидала ее. Кроме того, г-жа де Ривьер, незаконная дочь графа Головина, находилась постоянно около своей благодетельницы.

10-го июля 1821 г. Головина узнала о смерти своего мужа, скончавшегося 12-го июня. «Я надеюсь, по крайней мере, — пишет довольно зло Толстая, — что это не

повлияет на ее здоровье». Она критически относится к выбору доктора, которому доверилась умирающая, хотя это и был знаменитый Дюбуа. Она предпочла ему Дюпюитрена, который очень искусен и заботлив, тогда как Дюбуа приходит только при последней крайности.

Из этого видно, что знаменитые доктора мало переменились в течение века.

Положение Головиной все ухудшалось, и ее дверь строго была закрыта от назойливых посетителей, в какой роли чаще других являлась Толстая. «Мы очень счастливы, когда нам удается добраться до гостиной», пишет она. Было, однако, средство, открывавшее все двери, это — явиться с письмом от Императрицы Елизаветы.

«Я сказала ей, что у меня есть поручение от Вашего Величества к ней и она меня приняла... Она была очень расстроена... Я нашла, что она сильно переменилась. У нее вид покойника и она невыносимо страдает. Несмотря на свою покорность она, она сама это говорит, иногда дожидается смерти, как благодеяния, и просит прощения у Бога, что не может больше переносить боль... Если что и может утешить ее, так это известия об Вашем Величестве и разговор про Вас. Какие благословения посылает она Вам, какие пожелания всякого рода счастья высказывает она»!

Эти строки помечены 16 августом 1821 г.; менее чем через месяц, 13-го сентября, Толстая извещала Государыню, что мучениям наступил конец. Головина скончалась третьего дня, по-прежнему терпеливая, покорная, «до последней минуты оставаясь сама собой». Ее могила на кладбище Пер-Лашез благоговейно охраняется потомками ее младшей дочери; род ее старшей дочери угас.

Также исчезло богатство графа Головина, но взамен его Варвара Николаевна оставила своим потомкам наследство, которое они считают более ценным: арти-

стические таланты, легкость пера, восторженную пытливость к проявлениям ума. Они унаследовали от нее также особенную любовь к Франции. На большинство из них Париж производил то же самое впечатление непреодолимого магнетизма, как и на автора «*Мемуаров*». После того, как они жили в Польше, в России и в столицах различных стран Европы, они поселились в Париже и там окончили свое существование. Пережив своих родных, дочери графини Потоцкой, графиня Ланскоронская, вышедшая второй раз замуж за графа Витцгума, и графиня Мнишек последовали их примеру. У них были в Париже особняки, знаменитые своими коллекциями предметов искусства. Второй сын графини Фредро, бывший священником, и граф Леон Мнишек, внук графини Потоцкой, были парижанами с ног до головы. Около семи человек из потомства Варвары Николаевны погребены, как и она, на кладбище Пер-Лашез и двое других в Нормандии.

Со стороны матери родственники Варвары Николаевны живут в России и судьба их различна. Петровское, как мы уже это видели, по-прежнему в руках Голицыных, и брату настоящего владельца, князю Михаилу, бывшему гофмейстером двора покойного Великого Князя Владимира Александровича, я обязан ценными сообщениями, которые значительно облегчили мне мою работу. Я выражаю ему здесь мою глубокую благодарность.

Я спешу теперь уступить слово автору «*Мемуаров*». Рукопись, которой я пользовался, находилась в числе наследства графа Андрея Мнишек и была уступлена после его смерти вдовой (вторая жена графа, француженка, урожденная де Лагатинери) барону Леону де Во. Она состоит из четырех тетрадей, переплетенных в сафьян и, по всем вероятиям, восходит к первой четверти прошлого века, в них можно ясно видеть два различных женских

почерка. Один из них приписывают графине Головиной, но я не вполне уверен, чтобы настаивать на этом. В этом документе встречаются очень немногочисленные подчистки и поправки и, вернее всего, он является копией. В то время, когда составлялись «*Мемуары*», Варвара Николаевна страдала глазами, также была очень занята художественными работами, насколько, конечно, ей позволяло это ее слабое зрение, и едва ли она взяла на себя этот труд. Скорее всего, копия была переписана дочерьми под ее наблюдением или, быть может, частью даже принцессой Тарентской. К сожалению, в данном вопросе я не могу выйти из области предположений. Письма принцессы Тарентской графине Головиной хранятся в Петербурге в собственной Его Императорского Величества библиотеке. Леонс Понго упоминает об этих письмах и приводит оттуда некоторые выдержки в своем этюде о русских в Париже, помещенном в журнале «*Correspondant*» и вышедшем потом отдельно (Париж, 1904 г.). Но я лично не имел возможности воспользоваться означенным источником, а, с другой стороны, архивы рода де Латремойль в настоящее время тоже недоступны.

Госпожа Фредро в свою очередь оставила «*Мемуары*», с которыми я очень был бы рад познакомиться и которые в копии или оригинале мне были обещаны из двух различных источников. Но после долгих месяцев ожидания и бесплодных усилий я должен был отказаться от этого.

Во всяком случае, рукопись, которой я пользовался, по сравнению с другими известными копиями, представляет полную гарантию в достоверности. Если оригинал и сохранился, ничто до сих пор не указало на его существование. Четыре тетради, которыми я пользовался, представляют кроме того еще одну особенность, что

в каждой из них оставлено значительное количество чистых страниц, вероятно для приложений и примечаний, что, однако, не было исполнено.

Возможно, что эта копия и была экземпляром, переданным автором Императрице Елизавете Алексеевне. Существует легенда, что рукопись «*Мемуаров*» долгое время сохранялась в Зимнем дворце и была сожжена по распоряжению Императора Николая I, который, действительно, много уничтожил подобных документов. Если и уцелела часть переписки Императрицы Елизаветы Алексеевны, то это только благодаря тому, что письма, я не знаю каким образом, попали в частные руки. Но экземпляр «*Мемуаров*», переданный Головиной Государыне, был возвращен обратно автору. Она говорит это совершенно ясно.

Так ли или иначе, но рукопись предлагаемых в данной книге «*Мемуаров*» уже давно служила оригиналом для других копий, две из которых, в таких же четырех тетрадях каждая, но уже позднейшей редакции, были мне переданы графом Ланскоронским. Сличая с другим экземпляром, из библиотеки графа Леона Мнишек, служившего оригиналом для русского издания, а также еще с другим того же происхождения, но принадлежащим графу Григорию Строганову в Риме; я убедился, что тексты рукописей разнятся незначительными вариантами, произошедшими просто от ошибок при переписке.

Без сомнения мне нет необходимости говорить, что я добросовестно сохранил текст, внося туда очень незначительные поправки в правописании только там, где описки были слишком очевидны. Мне казалось, что текст, написанный подряд, было бы нужно разделить на главы, прибавить хронологическую классификацию,

отчасти помеченную в рукописи, и ввести красные строчки.

Но я оставил неприкосновенным язык автора, и его совершенная естественность, отсутствие отделки, изысканности, ясность и простота легко искупают некоторые недостатки в стиле.

Головина превосходно рассказывает события и изображает отдельных лиц. Ее экскурсии в область философских комментарий менее удачны, но зато и не так часты.

«*Мемуары*» особенно ценны тем, что в них встает перед нами картина эпохи, которая и в общественной, и в частной жизни богата яркими чертами, приобретая особую прелесть от того, что красивые, волнующие и интересные образы отражались в воображении женщины с душой артиста, способной к восприятию впечатлений и художественной передаче их.

К памятнику на кладбище Пер-Лашез, где эта приемная дочь Франции нашла себе последнее успокоение, но не забвение, должен быть прибавлен и этот литературный памятник, появляющийся в стране, которая была близка ее уму и сердцу.

К. Валишевский

Последние годы царствования Екатерины II

Глава первая. 1777–1791

I

В жизни наступает время, когда начинаешь жалеть о потерянных мгновениях первой молодости, когда все должно бы нас удовлетворять: здоровье юности, свежесть мыслей, естественная энергия, волнующая нас. Ничто нам тогда не кажется невозможным; все эти способности мы употребляем только для того, чтобы наслаждаться различным образом; предметы проходят пред нашими глазами, мы смотрим на них с большим или меньшим интересом, некоторые из них поражают нас, но мы слишком увлечены их разнообразием, чтобы размышлять. Воображение, чувствительность, наполняющие сердце, душа, по временам смущающая нас своими проявлениями, как бы заранее предупреждая, что это она должна восторжествовать над нами, — все эти ощущения беспокоят нас, волнуют, и мы не можем разобраться в них.

Вот приблизительно что я испытала, вступив в свет в ранней юности.

Почти все первые годы моего детства прошли в деревне. Мой отец, князь Голицын[16], любил жить в готическом замке[17], подаренном Царицами его предкам. Мы уезжали из города в апреле месяце и возвращались только в ноябре. Моя мать была небогата и не имела средств, чтобы дать мне блестящее воспитание. Я почти

---

[16] Голицын Николай Федорович (1728–1780), генерал-лейтенант.

[17] Усадьба Голицыных Петровское под Москвой.

не расставалась нею; ее нежность и доброта приобрели ей мое доверие. Я могу по правде сказать, что с того момента, как я начала говорить, я ничего от нее не скрывала. Она предоставляла мне свободно бегать одной, стрелять из лука, спускаться с горы в долину к реке, протекавшей там, гулять в начале леса, осеняющего окна помещения, занятого моим отцом, взлезать на старый дуб рядом с замком и рвать там желуди. Но мне было положительно запрещено лгать, злословить, относиться пренебрежительно к бедным или презрительно к нашим соседям. Они были бедны и очень скучны, но хорошие люди. Уже с восьми лет моя мать нарочно оставляла меня одну с ними в гостиной, чтобы занимать их. Она проходила рядом в кабинет с работой, и, таким образом, она могла все слышать, не стесняя нас. Уходя, она мне говорила: «Поверьте, дорогое дитя, что нельзя быть более любезным, как проявляя снисходительность, и что нельзя поступить умнее, как применяясь к другим». Священные слова, которые мне были очень полезны, и научили меня не скучать ни с кем.

Я хотела бы обладать талантом, чтобы описать это имение, одно из самых красивых в окрестностях Москвы: готический замок с четырьмя башенками; галереи со стеклянными дверями, оканчивающиеся у боковых крыльев дома; одна сторона была занята матерью и мною, в другой жил отец и останавливались приезжавшие гости; прекрасный и обширный лес, окаймлявший долину и спускавшийся, редея, к слиянию Истры и Москвы. Солнце заходило в углу, который образовали эти реки, что доставляло нам великолепное зрелище. Я садилась на ступеньки галереи и с жадностью любовалась пейзажем, я бывала тронута, взволнована, и мне хотелось молиться; я бежала в нашу старинную церковь, становилась на колени в одном из

маленьких приделов, где когда-то молились царицы; священник вполголоса служил вечерню, дьячок отвечал ему; все это сильно трогало меня, часто до слез... Это может показаться преувеличенным, но я рассказываю это потому, что это правда, и потому, что я убеждена собственным опытом в том, что еще на заре жизни у нас бывают предчувствия и что простое воспитание больше способствует их развитию, оставляя нетронутой их силу.

В это время у меня случилось несчастье: я потеряла моего брата, которому было восемнадцать лет[18]. Он был красив и добр, как ангел. Моя мать была удручена горем. Мой старший брат[19], находившийся тогда во Франции вместе с дядей И. И. Шуваловым[20], приехал утешать ее. Я была очень рада его видеть; очень любознательная, я засыпала его вопросами, которые его очень забавляли. У меня была настоящая страсть к искусствам раньше, чем я узнала их.

Мы поехали в Петербург, чтобы повидаться с дядей, который возвратился в Россию после пятнадцатилетнего отсутствия. Мне тогда было десять лет, и, следовательно, он должен был увидеть меня в первый раз, причем моя особа представляла поразительный контраст с детьми, которых он видел до сих пор. У меня не было ни сдержанного вида, ни натянутых манер, какие бывают обыкновенно у маленьких барышень. Я была очень резвой и говорила все, что мне придет в голову. Мой дядя очень полюбил меня. Нежность, которую он питал к моей матери, еще более усиливала его чувства

---

[18] Голицын Иван Николаевич (1759–1777), князь, юнкер гвардии.

[19] Голицын Федор Николаевич (1751–1827), князь, прозванный «любезным кавалером», позднее куратор Московского университета.

[20] Шувалов Иван Иванович (1717–1797), обер-камер-гер, фаворит императрицы Елизаветы, основатель Московского университета и Академии художеств.

ко мне. Это был один из самых замечательных по своей доброте людей. Он играл очень большую роль в царствование Императрицы Елизаветы и был покровителем искусств. Екатерина II приняла его с особенным отличием, поручила ему заботы о Московском университете, назначила его обер-камергером, пожаловала ему Андреевскую и Владимирскую ленты, обставила ему дом, оказала ему честь ужинать у него. Он был великолепным братом и заменил отца детям своей сестры. Моя мать, кажется, любила его больше жизни.

Он привез с собой массу старинных вещей. Я не могла насмотреться на них и хотела все срисовать; он наслаждался моим восторгом и поощрял мои намерения.

Хотя мы недолго пробыли в столице, я успела узнать и увидеть многое. В этом году родился Великий Князь Александр. По этому случаю все вельможи давали праздники. Был бал у княгини Репниной, где устроили кадриль из сорока пар детей, приблизительно от одиннадцати до двенадцати лет. Одна из маленьких участвующих захворала за четыре дня, и княгиня Репнина[21] приехала с дочерьми умолять мою мать позволить мне заменить захворавшую барышню. Напрасно моя мать уверяла, что я плохо умею танцевать, что я никогда не бывала в обществе; они не переставали просить. Пришлось согласиться. Меня повезли на репетицию; мое маленькое самолюбие заставило меня быть очень внимательной; другие были уверены в своем исполнении или, по крайней мере, думали так, а потому и репетировали небрежно. Мне же нельзя было терять време-

---

[21] Репнина Наталья Александровна (1737–1798), урожденная Куракина, жена дипломата и военного деятеля времен Екатерины II князя Николая Васильевича Репнина (1739–1801). Статс-дама. Одна из ее дочерей, Полина, должна была выйти замуж за брата графини Головиной, князя Ф. Н. Голицына.

ни — оставалось всего только две репетиции; я постаралась запомнить, что мне нужно было делать, чтобы не осрамиться при моем первом дебюте в свете. Возвратясь домой, я мысленно нарисовала фигуру кадрили на паркете и проделала ее одна, напевая оставшийся в моей памяти мотив. Это мне великолепно удалось.

Когда наступил знаменитый день бала, я получила всеобщее одобрение. Императрица обошлась со мной очень ласково. Великая Княгиня полюбила меня, и эта любовь продолжалась шестнадцать лет; но так как на свете все меняется, то и она переменилась ко мне, но позднее я буду говорить об этом подробнее. Императрица приказала моему дяде привести меня на собрание «малого Эрмитажа»[22]. Я отправилась туда с матерью и дядей. Общество, бывшее там, состояло из генерал-адъютантов, большею частью стариков, графини Брюс[23], придворной дамы и друга Императрицы, фрейлин и камер-юнкеров. Мы ужинали за механическим столом: тарелки спускались сверху, как только дергали за веревку, проходившую сквозь стол; под тарелками были аспидные пластинки и маленький карандаш; надо было написать, что хочешь получить, и дернуть за веревку, через несколько минут тарелка возвращалась с требуемым кушаньем. Мне очень понравилось это, и веревка была в постоянном движении.

Мы два раза совершали путешествие в Москву. И после того, как мою мать постигло несчастье — умер мой отец, — она решила поселиться в Петербурге, в доме моего дяди. Мне было тогда четырнадцать лет.

---

[22] Имеются в виду интимные собрания, проводимые Екатериной II в Эрмитаже.

[23] Брюс Прасковья Александровна (1731–1786), урожденная Румянцева, жена графа Якова Александровича Брюса, Тверского губернатора. Статс-дама.

В это время я увидала и обратила внимание на графа Головина. Я встречала его в доме моей тетки, княгини Голицыной[24]. Его репутация доброго сына, хорошего человека, и благородство характера, проявляемое им, произвели на меня впечатление. Его красивое лицо, знатный род, к которому он принадлежал, и его состояние, все это делало его одной из лучших партий. День ото дня я встречала его все с меньшим равнодушием. Он выделял меня из всех барышень, бывавших в свете, и, хотя он не смел мне этого сказать, я поняла его и сначала открылась матери, сделавшей вид, что она не придает этому никакого серьезного значения. Она не хотела смущать мое первое чувство. Моя молодость и путешествие, которое он собирался совершить по Европе, дали ей возможность испытать нас.

Во время его отсутствия его мать проявляла трогательную дружбу; его сестра Нелединская[25] и его тетка Голицына осыпали меня изъявлениями дружбы. Я была более чем тронута их чувствами, питавшими привязанность, которая начинала серьезно заполнять мое сердце. За меня не один раз сватались, но я отказывала всем, как только сообщала мне об этом моя мать; в моем воображении являлся мне тогда граф Головин. В то время молодежь была много строже; молодой человек с уважением относился к браку; внебрачных детей не усыновляли тогда. За все царствование Императрицы Екатерины был всего только один пример: Чесменский, сын графа Алексея Орлова. Император Павел злоупотребил своей властью в этом отношении и поощрял

---

[24] Голицына Дарья Алексеевна (1724–1798), урожденная княгиня Гагарина, жена князя Александра Михайловича Голицына (1724–1798). Статс-дама (1773).

[25] Нелединская Анастасия Николаевна, жена действительного тайного советника Александра Юрьевича Нелединского-Мелецкого.

поступки, которые совсем разрушили идею и принцип священной связи.

Я продолжала бывать на собраниях «малого Эрмитажа». Туда приходил Великий Князь Александр; ему было тогда четыре года, а Великому Князю Константину — его брату — три года. Приводили двух скрипачей, и мы танцевали; я была любимой дамой Александра. Однажды, когда маленький бал был более оживлен, чем обыкновенно, и Великий Князь вел со мною полонез, он сказал мне с самым серьезным видом, какой может быть у ребенка его лет, что он хочет показать мне ужасную вещь. Я была заинтересована и смущена. Когда мы пришли в последнюю комнату дворца, он провел меня в угол, где стояла статуя Аполлона, в которой античный резец мог доставить удовольствие артисту, а также привести в смущение молодую девушку, к счастью, слишком неопытную, чтобы восхищаться совершенством искусства за счет стыдливости.

Я позволяю себе рассказывать эти мелочи, только чтобы освежить в памяти все, что я видела при дворе. По справедливости, я не могу найти у себя никаких талантов. Я не могу писать мемуары, они были бы недостаточно интересны, и это произведение можно назвать только «*Воспоминаниями*». У меня сохранилось много драгоценного из них, и они часто занимают мои мысли. Сопоставление прошлого с настоящим может быть нам очень полезно. Прошлое похоже на книгу счетов, которую надо подсчитать, чтобы быть спокойным в настоящем и уверенным в будущем.

Я встречала более роз, чем шипов на жизненном пути. Их разнообразие и богатство, казалось, умножались передо мной. Я была счастлива. Чистое счастье гонит прочь равнодушие и располагает нас с участием относиться к счастью других. Несчастье же набрасывает

пелену печали на предметы, его окружающие, и постоянно удерживает наше внимание на наших собственных страданиях, пока Бог в бесконечной Своей милости не откроет новый путь нашим чувствам и не смягчит их.

В шестнадцать лет я получила шифр фрейлины. Их было тогда двенадцать. Почти каждый день я была при дворе. По воскресеньям бывало собрание «большого Эрмитажа», на которое допускался дипломатический корпус и особы первых двух классов, мужчины и женщины. Собирались в гостиной, где появлялась Императрица и поддерживала разговор. Затем все следовали за ней в театр; ужина не было. По понедельникам бывал бал и ужин у Великого Князя Павла. По вторникам я была дежурной. Мы проводили вместе с подругой часть вечера в бриллиантовой комнате, названной так потому, что там хранились драгоценности и между ними корона, скипетр и держава. Императрица играла в карты со старыми придворными. Две фрейлины сидели около стола, и дежурные придворные занимали их. По четвергам было собрание «малого Эрмитажа» с балом, спектаклем и ужином; иностранные министры не бывали на этих собраниях, но остальные посетители были те же, что и по воскресеньям, кроме того, в виде милости, допускались некоторые дамы. По пятницам я была дежурной. По субботам наследник трона давал великолепный праздник. Приезжали прямо в театр и, когда появлялись Их Императорские Высочества, начинался спектакль; после спектакля очень оживленный бал продолжался до ужина, который подавался в зале театра; посередине залы ставили большой стол, а в ложах — маленькие; Великий Князь и Княгиня ужинали, прохаживаясь между гостями и разговаривая с ними. После ужина опять начинался бал и кончался очень поздно. Разъезжались с факелами, что производило прелестный эффект на скованной льдом прекрасной Неве.

Эта эпоха была самой блестящей в жизни двора и столицы: все гармонировало. Великий Князь виделся с Императрицей-матерью утром и вечером. Он участвовал в Тайном Совете. Город был полон знати. Каждый день можно было встретить тридцать-сорок человек гостей у Голицына[26] и Разумовского[27], у первого министра графа Панина[28], где часто бывали Великий Князь и Княгиня, у графа Чернышева[29] и у вице-канцлера, графа Остермана[30]. Там бывало много иностранцев, приезжавших посмотреть на Екатерину Великую и подивиться ей; общий тон общества был великолепен.

II

В 1786 году граф Головин возвратился в Россию после четырехлетнего отсутствия. Это было около Пасхи. Я направилась во дворец, чтобы поцеловать руку у Государыни. Весь двор и город отправились в этот день в церковь дворца. Там была толпа народа; площадь перед дворцом была покрыта красивыми экипажами. Все носило благородный характер и имело великолепный вид. Недаром в то время народ думал, что рай находится во дворце. После целования руки мы отправились в помещение Великого Князя и Княгини, чтобы принести

---

[26] Голицын Александр Михайлович (1718–1783), князь, одержал победу против турок при Хотине 17 сентября 1769.

[27] Разумовский Кирилл Григорьевич (1724–1803), брат фаворита императрицы Елизаветы Петровны; фельдмаршал и гетман Украины.

[28] Панин Никита Иванович (1718–1783), воспитатель цесаревича Павла Петровича, в 1763–1781 руководил Коллегией иностранных дел.

[29] Чернышев Иван Григорьевич (1726–1797), президент Адмиралтейств-коллегий.

[30] Остерман Иван Андреевич (1725–1811), граф, действительный тайный советник, государственный канцлер, сенатор. С 1796 – в отставке.

им поздравления. Едва я вошла туда, как у одного из окон увидала графа Головина. Боязнь выдать себя увеличила мое смущение. Чистая и законная любовь отличается робостью, которая подавляет нежность. Она, как сладкий сон, без волнений; пробуждение спокойно, сожаления и угрызения совести ей незнакомы; уважение и дружба протягивают ей руки.

Счастлива та, кто испытала это чувство. Мать, пользующаяся доверием дочери, воспитывает его. Сердечная пустота — одна из очень больших опасностей. Нежные чувства, питая сердце, охраняют его, так как чувства — источник всякой жизни. Это ручей, спокойно текущий через потоки и плодоносные веселые равнины до океана, где и поглощается в его бесконечности.

Я была просватана в июле месяце. Великая Княгиня, осыпавшая меня тогда изъявлениями дружбы и доброты, написала мне следующую записку:

«Поздравляю вас, моя милочка, со счастливым событием, которое закрепит ваши чувства и сделает вас, на что я надеюсь, такой счастливой, как я вам этого желаю. Наслаждайтесь самым совершенным счастьем. Будьте такой же хорошей женой, как вы были хорошим ребенком, и, несмотря на то, что вы должны отдать ваши чувства вашему дорогому жениху, любите всегда вашего доброго друга *Марию*.

Целую маму, искренно поздравляя ее и дорогого дядю. Мой муж выказывает живейшее сочувствие вашему счастью».

Девятнадцати лет я вышла замуж; моему мужу было в это время двадцать девять. Свадьба была отпразднована 4 октября в Зимнем дворце. Ее Императорское Величество надела мне бриллианты на прическу. Гувернантка, фрейлина баронесса Мальтлиц, подала их на платье. Императрица, кроме обыкновенных драгоценностей, прибавила еще рог изобилия. Это не

ускользнуло от баронессы, любившей меня, и она сделала замечание. Ее Императорское Величество ответила, что это украшение служило ей и она выделяет им тех из невест, которые ей больше нравятся. Я покраснела от удовольствия и благодарности. Императрица заметила мою радость и, ласково подняв мой подбородок, сказала: «Посмотрите на меня; вы вовсе недурны».

Я встала; она провела меня в свою спальню, где были образа, и, взяв один, приказала мне перекреститься и поцеловать его. Я бросилась на колени, чтобы принять благословение Ее Величества; она обняла меня и взволнованно сказала: «Будьте счастливы; я желаю вам этого как мать и государыня, на которую вы всегда должны рассчитывать».

Императрица сдержала свое слово; ее милостивое отношение ко мне продолжалось, все возрастая, до самой ее смерти.

Двадцати лет у меня были ужасные роды. На восьмом месяце беременности я захворала сильнейшей корью и была на краю могилы. Это случилось во время путешествия Императрицы в Крым. Часть докторов была с Ее Величеством, другие были в Гатчине во дворце, в котором Великий Князь Павел проводил часть лета. У молодых Великих Князей и Великих Княгинь не было кори, и поэтому доктора не могли приехать ко мне. Мне остался полковой хирург; он запустил болезнь; с ребенком, находившемся во мне, начались судороги; я терпела жестокие мучения. Граф Строганов[31], который был очень привязан ко мне, отправился к Великой Княгине, чтобы вызвать в ней участие к моему

[31] Строганов Александр Сергеевич (1734–1811), граф, обер-камергер, член Государственного совета, сенатор, меценат, президент Академии художеств (с 1798).

тяжелому положению. Она послала мне сначала доктора, потом акушера. Мои страдания были так сильны, что пришлось дать мне опиуму, чтобы усыпить меня на двенадцать часов. Когда я пробудилась от искусственного сна, у меня не было сил для разрешения от бремени; пришлось прибегнуть к инструментам. Я мужественно перенесла эту мучительную операцию; мой муж стоял близ меня, едва дыша, и я боялась, что он может упасть в обморок. Ребенок умер через двадцать четыре часа, но я узнала об этом по истечении трех недель. Я была при смерти, но постоянно спрашивала его, и мне отвечали, что волнение, которое я испытаю при виде его, очень ухудшит мое положение. Когда мне стало лучше, Великая Княгиня послала ко мне свою подругу, г-жу Бенкендорф[32], со следующей очень любезной запиской:

«Поздравляю вас, дорогая графиня, с разрешением и шлю вам тысячу пожеланий как можно скорее выздороветь. Будьте мужественны, моя дорогая, в скором времени вы будете только наслаждаться счастьем быть матерью, не вспоминая о перенесенных страданиях. Бенкендорф передаст вам, как я вас люблю.

Ваш добрый друг *Мария*».

Во время моей болезни я получала лестные и трогательные изъявления сочувствия. У моих дверей постоянно останавливались, спрашивая о моем здоровье, даже лица, которых я не знала. Через четыре дома от меня жила г-жа Княжнина, с которой я никогда не была

---

[32] Шиллинг фон Конштадт (1758–1797) приехала в Россию с великой княгиней и вышла замуж за полковника, а позднее генерала Христофора Ивановича Бенкендорфа. Их дочь Дарья (Доротея) Христофоровна после смерти матери воспитывалась при дворе, а в 1800 после окончания Смольного института вышла замуж за графа Х. А. Ливена, которому в 1826 был пожалован титул князя.

знакома и которую никогда не видала; однажды вечером она увидала, что шарманщик направляется к окнам моего дома, она послала слуг и выбежала сама, чтобы заставить замолчать музыканта, повторяя ему, что он не должен играть так близко от умирающей. Моя молодость и семейное счастье были причиной этого всеобщего доброжелательства. Мой брак, казалось, интересовал всех. Такое приятное чувство вызывает вид влюбленных супругов, старики наслаждаются воспоминанием, а молодежь сравнением.

Я быстро выздоровела, но моя печаль продолжалась долго. Долгое время я не могла слышать крика ребенка, едва не падая от этого в обморок. Заботы друзей, которыми я была окружена, в конце концов успокоили меня.

Ее Императорское Величество вернулась из путешествия в Крым. Мой дядя, сопровождавший ее, встретил меня с особой нежностью; он был так счастлив найти меня оправившейся после такой тяжелой болезни.

Путешествие Императрицы было замечательно и заслуживает известности гораздо большей, чем оно пользуется. Ее Величество сопровождали: английский посланник де Фиц-Герберт, впоследствии лорд Сент-Геленс, французский посланник граф де Сегюр, австрийский посланник граф Луи де Кобенцль, мой дядя, графиня Протасова[33] и графиня Браницкая[34]. Потемкин, ехавший впереди, приготовил многочисленную стражу. Она отказалась от нее. Император Иосиф, присоединившийся к ней на дороге, был очень удивлен, что так мало принято предосторожностей. Императрица ничего не ответила на его замечание, но одно событие

---

[33] Протасова Анна Степановна (1745–1826), – фрейлина и близкий друг Екатерины II.

[34] Энгельгардт Александра Васильевна (1754–1838), племянница Г. А. Потемкина, вышла замуж за Франсуа Ксавье Браницкого.

оправдало ее поведение. Только что покоренные татары принимали ее с энтузиазмом. Раз, когда карета Ее Величества находилась на очень крутой горе, лошади закусили удила и опрокинули бы ее, но жители окрестных деревень, сбежавшиеся, чтобы посмотреть на свою государыню, бросились к лошадям и остановили их. Многие при этом были убиты и ранены, но крики восторга раздавались непрерывно. «Да, я вижу, — сказал тогда император, — что вам не нужно стражи».

Посланники были в восторге от этого путешествия. Я вспоминаю интересный анекдот, рассказанный мне графом де Кобенцль. Императрица путешествовала в шестиместной карете. Император, его посланник и мой дядя находились там всегда. Посланники и две дамы допускались туда по очереди. У Императрицы была великолепная бархатная шуба. Посланник похвалил ее, на что Императрица ответила: «Это один из моих слуг заботится об этой части моего гардероба. Он слишком глуп для другой должности». Граф Сегюр, о чем-то думавший в это время, слышал только, как хвалили шубу, и поспешил сказать: «Каков господин, таков и слуга». Это вызвало большой смех.

В тот же день за обедом Императрица шутя заметила графу Кобенцлю, сидевшему, как всегда, рядом с ней, что, должно быть, ему надоело постоянно находиться около нее. «Своих соседей не выбирают», — ответил он. Эта рассеянность была встречена таким же смехом, как и предыдущая.

После ужина Ее Величество рассказывала какой-то анекдот; лорда Сент-Геленса не было в это время в комнате, и он возвратился, когда она уже кончила рассказ. Присутствовавшие выразили ему сожаление, что он оказался лишенным удовольствия, доставленного этим рассказом. Императрица предложила повторить его, но

едва она дошла до половины анекдота, как лорд крепко заснул. «Только этого не хватало, господа, — сказала она, — чтобы довершить вашу предупредительность. Я вполне удовлетворена».

В 1780 году мой муж получил чин полковника. Императрица дала ему полк, и ему пришлось отправиться в армию. Эта разлука была для меня крайне тяжелой. Я только что встала с постели после родов и была очень слаба. Отсутствие моего мужа продолжалось несколько месяцев; он возвратился и уехал опять. Правда, он надеялся скоро вернуться ко мне, но обстоятельства войны[35] переменились, и он, не находя возможности уехать с поля военных действий, просил меня приехать к нему и прислал двух нижних чинов, чтобы проводить меня. Хотя это распоряжение было мне очень приятно, но моя радость была отравлена тем горем, которое должен был причинить мой отъезд моей матери.

Она занялась приготовлениями к моему путешествию, разыскала мне хирурга, снабдила меня всем необходимым, добавила к моим двум проводникам еще одного офицера и заставила меня взять с собою барышню-компаньонку, жившую у нее в доме. Это была очень хорошая особа, но большая трусиха. Моя мать проводила меня до Царского Села, где я получила записку от брата, бывшего на дежурстве в Гатчине у Великого Князя. Он передавал, что Великая Княгиня непременно требует, чтобы я заехала проститься с ней; мне было это по дороге, но я была в дорожном туалете, вся закутанная; погода была холодная, а путешествие, которое мне предстояло совершить, было долгое и непокойное.

---

[35] Русско-турецкая война началась в июле 1787 и завершилась Ясским миром 1791, который подтвердил присоединение Крыма и Кубани к Российской империи.

Несмотря на это, Ее Императорское Высочество непременно хотела видеть меня в дорожном костюме, и пришлось отбросить церемонии в сторону. Я подъехала, меня провели в помещение г-жи Бенкендорф, куда Великая Княгиня прислала за мной минуту спустя. Я вошла в ее кабинет, где она меня дожидалась; она обняла меня, трогательно говорила со мной о подчинении супружескому долгу, посадила меня за свой письменный стол, приказала мне написать моей матери, долго разговаривала со мной, послала за Великим Князем, заставила его поцеловать меня и, наконец, очень нежно простилась со мной.

И вот я во весь дух неслась день и ночь по дороге в Бессарабию. Мне было тогда двадцать два года, и я была полна здоровья и мужества. На некотором расстоянии от Витебска, выйдя из кареты, пока меняли лошадей, я вошла в нечто вроде барака и уселась на стол, потому что стулья были сломаны; я велела развести несколько кусков бульона, чтобы подкрепиться. Вдруг с шумом появляется военный и передает мне письмо и толстый пакет. Я была так обрадована, узнав почерк своей матери, что совершенно забыла про того, кто мне передал посылку; но, успокоившись, я узнала графа Ланжерона, французского эмигранта, ехавшего добровольцем в армию[36]. Я видела его в Петербурге у графа Кобенцля и у герцогини Нассауской.

---

[36] Ланжерон Александр Федорович (1763–1831), генерал от инфантерии. Француз по происхождению, служил во французском войске; с началом революции эмигрировал и поступил на русскую службу. Отличился в войне со шведами 1790 и при взятии Измаила. В 1799 возведен в графское достоинство. В 1810 участвовал во взятии Силистрии. В 1812 командовал корпусом; участвовал также в войнах 1813 и 1814; позже управлял Новороссийским краем, одновременно был главным начальником бугских и черноморских казаков и всей пограничной линии. Способствовал развитию города Одессы. Оставил обширные мемуары.

Поблагодарив его, я опять уселась на стол и принялась за бульон, который он пожирал глазами, но который я поспешно доела, чтобы доказать ему, что я не намерена делиться с ним, вовсе не желаю его общества и что он может уходить. Он так и сделал. Дверь была открыта, я слышала, как он, войдя в соседнюю комнату, приказал подать как можно скорее молока. Через минуту еврейка подала ему полную крынку молока и кусок хлеба. Но так как он ел, расхаживая по комнате и посматривая в мою сторону, то мне это надоело. Я пошла и села в карету, которую быстро запрягли.

Приехав в Шклов утром, я не хотела останавливаться ни на минуту: я знала, что местный помещик Зорич[37], большой барин и очень любезный, любит угощать у себя проезжих, более или менее знатных. Как только я вошла на двор почтовой станции, я сейчас же потребовала лошадей; но вдруг около моей кареты показались граф Ланжерон, успевший обогнать меня, и граф Цукато[38], оба в папильотках и халатах, рассыпаясь в извинениях за свой смешной наряд. Я не могла удержаться от смеха, смотря на них, и чтобы избавиться от их общества, я отправилась дожидаться лошадей в находившийся в глубине двора дом, где никого не было. Только что я села у окна, послышалось хлопанье бича и во двор въехало раззолоченное «визави» (узкая двухместная карета), запряженное великолепными лошадьми. С неприятной дрожью я узнала Зорича, которого я в детстве встречала при дворе. Он встал передо мною на

---

[37] Зорич Симон Гаврилович (1745–1799), бывший фаворит Екатерины II, по происхождению хорват. Получив отставку в 1778, он построил в Шклове, подаренном ему Екатериной II, великолепный дворец, где его посетила Екатерина. Основал также военную школу.

[38] Цукато Евгений Гаврилович (1798–1808), граф, позднее генерал-майор и член Военной коллегии.

колени, умоляя меня отобедать у него. Я употребила все мое красноречие, чтобы отказаться от его приглашения, но все было напрасно. Пришлось сесть с ним в карету и ехать к его племянницам, чтобы дожидаться там, пока он приедет за мной. Это было сделано, чтобы не нарушить приличия. Зорич не был женат и не хотел оставаться со мной наедине в течение двух часов перед обедом.

Его племянницы были для меня совершенно новым знакомством. Я никогда их раньше не видала и даже не слыхала про них. Они были заняты костюмами для бала, назначенного на следующий день, и просили меня помочь им советами. Чтобы лучше исполнить их желания, я нарисовала им модели шляп, токов, платьев и чепцов. Они были в восторге от меня, и я произвела на них прелестное впечатление.

Перед обедом Зорич заявился ко мне предложить свою руку, чтобы провести меня в свое элегантное визави, и поместился против меня. Мой костюм был совершенной противоположностью его костюма. На мне была маленькая черная касторовая шляпа с пером и голубой сюртук с красным воротником. Это были цвета военной формы моего мужа. У Зорича было пять буклей цвета голубиного крыла, вышитое платье и шляпа в руке; он был надушен, как султан, и я кусала себе губы, чтобы не рассмеяться.

Мы приехали. Он провел меня в гостиную, где было не меньше шестидесяти человек, из которых я знала только троих: графа Ланжерона, графа Цукато и м-ль Энгельгардт, очень красивую особу, родственницу племянницы Потемкина. Я подсела к ней. Обед был долог и утомителен своим изобилием. Я с удовольствием думала о том моменте, когда можно будет уехать, но пришлось остаться на весь день и даже поужинать.

Наконец, я уехала вместе с десятью знаменитыми курьерами Зорича, которые должны были как можно скорее доставить меня в Могилев. Действительно, я очень скоро доехала туда, утомленная почестями, которые мне оказывались по дороге. Меня подвезли к двери очень красивого двухэтажного здания. Я быстро вбежала по лестнице, обошла все комнаты, легла в последней на диван и крепко заснула. Меня разбудил в семь часов утра начальник города, приехавший предложить мне свои услуги и засыпавший меня вопросами о политических и придворных делах.

Я отвечала ему очень дерзко. Только что он ушел и я успела окончить свой туалет, как мне доложили о приходе адъютанта, господина Пассека[39], губернатора города и нашего дальнего родственника. Он приглашал меня обедать к себе в деревню, в пяти-шести верстах от города, и прислал за мной свой экипаж. Я согласилась. Золоченая двухместная карета, с пятью стеклами, запряженная четырьмя серыми лошадьми, с двумя форейторами по-английски, дожидалась меня. Я ехала через весь город с большим шумом; евреи, узнав карету губернатора, становились на колени; я раскланивалась направо и налево, очень забавляясь этим фарсом. Приехав во дворец, я была там чудесно принята; мне показали прекрасный сад, прелестные виды, предложили очень хороший обед, после которого я сыграла партию в шахматы с господином, которого я в первый раз видела; потом я простилась с хозяином и вернулась к своему экипажу, чтобы ехать дальше. На следующий день после моего отъезда из Могилева я получила огромный пакет на почтовой станции, где я остановилась. Я была

---

[39] Пассек Петр Богданович (1736–1802), губернатор Белоруссии, один из участников государственного переворота 1762.

в восхищении, думая, что это от матери, но моя радость превратилась в удивление, когда я увидела послание в стихах и очень почтительное письмо графа Ланжерона. Я была очень рассержена тем, что обманулась, и дала себе обещание отомстить. Через день, в Кременчуге, я наскоро обедала, пока запрягали лошадей, как вдруг появился Ланжерон. «Никогда хорошо написанные стихи не были так дурно приняты, как ваши, — сказала я ему. — Ваш пакет доставил мне жестокое разочарование, так как я приняла его за письмо от моей матери. Это недоразумение, очень тяжелое для меня, лишило меня способности почувствовать всю прелесть вашей поэзии». Он принял сокрушенный вид и сказал мне, вздыхая, что он очень несчастен, потому что только что получил извещение из Парижа, что его жена[40] была при смерти. Он просил у меня рекомендательных писем к мужу и к княгине Долгорукой[41]. Я села писать; я рекомендовала его как поэта, как рыцаря, ищущего приключений и не находящего их, как чувствительного мужа, оплакивающего агонию своей жены в стихах.

Я сложила два письма и передала ему, не запечатав их. Он простился со мной. Когда я собиралась садиться в карету, я получила огромный арбуз и новые стихи графа Ланжерона. К счастью, это были последние.

Я приехала в Кременчуг в дурную и холодную погоду. Некоторые из моих экипажей требовали починки. Я остановилась в деревянном дворце; построенном для Императрицы во время путешествия ее в Крым, и заказала себе маленький обед. Пока я занималась туалетом,

---

[40] Ланжерон Наталья Петровна, урожденная Трубецкая. Жена А. Ф. Ланжерона, в первом браке – Кашинцева.

[41] Барятинская Екатерина Федоровна (1769–1849), замужем за князем Василием Васильевичем Долгоруким, в то время фаворитка князя Г. А. Потемкина.

мне доложили, что пришел начальник города, швед. В самых красивых фразах в мире предложил он мне отобедать у него, говоря, что он был предупрежден о моем приезде и все приготовил, но что он заранее извиняется за свою жену, которая очень больна и не может оказать мне должный (по его мнению) прием. Пришлось отправиться с ним. Мы сели в двухместную карету, грязную и запряженную скверными лошадьми; подъехав к двери одноэтажного деревянного домика, он предложил мне руку и провел меня в гостиную, прося пройти в комнату рядом, где лежала его жена. Я согласилась, но каково же было мое удивление, когда я увидала закутанную во все белое фигуру, лежащую на диване. Комната была очень мрачна, занавесы спущены, а хозяйка оказалась негритянкой! Цвет ее лица сливался с тенью комнаты. Она извинилась слабым болезненным голосом, что не может встать; я села рядом с ней, прося ее не беспокоиться, и разговаривала с ней до обеда, который был далеко не изыскан.

Нестройный оркестр терзал мои уши; ему аккомпанировал хор фальшивых голосов; мой хозяин восторгался этой музыкой, беспрестанно повторял, что это любимая музыка князя Потемкина. Когда кончился обед и мои экипажи были исправлены, швед проводил меня до барки, на которой я должна была переехать через Буг. Эта река производит впечатление своей широтой и довольно опасна для переезда. Моя спутница дрожала. Я же наслаждалась разнообразием волн, качавших барку. Погода была туманная; дул сильный ветер; облака, сталкиваясь, меняли форму с крайней быстротой; серая масса рассеивалась, и глаз едва успевал следить за их движением. Я была в восхищении от этого зрелища. Все поразительно в природе; ее изобилие так же велико, как бесконечен ее Творец.

Вид бессарабских степей был совершенной новостью для меня. Направо я видела бесконечную равнину, без деревьев, без человеческих жилищ, если не считать нескольких казачьих постов. Несколько прекрасных цветов рассеяны там и здесь на траве, сожженной солнцем; направо поднимаются довольно высокие горы. Казачьи посты состоят из подземных хижин, и на поверхности земли видны только соломенные крыши в виде сахарных голов. Пики, воткнутые в землю вокруг, блестят, как звездочки. Ночью я остановилась, чтобы переменить лошадей. Великолепно светила луна, была превосходная погода; я вышла из кареты и услыхала звуки гитары, они раздавались под землей и казались волшебными. Кроме этих гармонических аккордов, вокруг была абсолютная тишина. Мне было досадно убежать, но все было готово для продолжения пути, и я с нетерпением приближалась к цели моего путешествия. Преобладающее желание заставляет нас забывать о настоящем, все становится побочным перед точкой, к которой мы стремимся, не видя ее; душевное зрение подавляет зрение телесное.

На следующий день я осталась без пищи, пришлось обратиться к казакам. Подходя к одной из хижин, я услыхала радостные крики: «Да здравствует Екатерина Великая! Да здравствует наша мать, дающая нам хлеб и славу! Да здравствует Екатерина!» Эти слова как бы пригвоздили меня к месту, я не могла наслушаться их. Никогда я не испытала энтузиазма более чистого и справедливого. Это прославление Государыни в степях, за две тысячи верст от столицы, производило трогательное впечатление.

Я спустилась в хижину, где веселились по случаю свадьбы. Мне предложили пить; я просила есть. Сейчас же на моих глазах сварили пирожки совершенно новым для меня способом: они состояли из ржаной муки и во-

ды. Из теста делали лепешку и в середину клали творог, потом края закрывали и бросали в котел с кипящей водой. Через десять минут мне подали эти пирожки, и я съела шесть штук, найдя их превосходными. Мои спутники последовали моему примеру, и мы отправились дальше.

После двухчасовой езды мы подъехали к другому посту. Несмотря на шесть съеденных мною пирожков, я была очень голодна. Из окна кареты я увидала маленькую палатку у подножия горы, в которой сидел господин за столом и усердно ел. Я спросила его имя, это был полковник Рибопьер[42], которого я знала и очень любила. Я послала сказать ему, что умираю от голода и прошу его уступить мне немного из его обеда. Как только он узнал меня, он сейчас же подбежал к моей карете и принес половину жареного гуся, вина и воды. Он был в восхищении, что мог оказать мне эту небольшую услугу, а я очень довольна, что была обязана ему за нее. В армии я с удовольствием опять встретилась с ним. Он был очень несчастен, искал опасности и погиб при осаде Измаила.

На следующий день, находясь в семидесяти верстах от Бендер, мы подъехали к довольно высокой горе. Погода была жаркая, дорога пыльная, и лошадям было очень трудно подниматься. Я предложила моей компаньонке и горничной выйти из кареты, что они и сделали. Карету своротили с дороги и пустили лошадей по траве. Я осталась одна в экипаже, дверцы были открыты на

---

[42] Рибопьер Иван Степанович (1750–1790). В конце 1770-х гг. приехал в Россию. Стал адъютантом Потемкина. Был женат на Аграфене Александровне, урожденной Бибиковой. Близость Рибопьера к А. М. Дмитриеву-Мамонову и родство его жены с княжной Д. Ф. Щербатовой сделали его и жену участниками известной любовной интриги. В 1790 погиб при штурме Измаила.

случай падения. Через четверть часа я услыхала на большой дороге колокольчик и увидала курьерскую повозку, в которой стоял мужчина, поглядывая по сторонам. Я узнала мужа. Я выпрыгнула из кареты, он тоже выскочил из повозки; я была более чем счастлива. Подбежали мои спутницы; он оставил все экипажи, сел в почтовую тележку, в которой ехали мой доктор и офицер, и увез меня с собой.

И вот мы едем через холмы и горы по каменистой дороге и к десяти часам вечера приезжаем в главный город Бессарабии. Мост через Днестр мы перешли пешком; мой муж отвез меня прямо к Княгине Долгорукой. Она сидела в маленькой гостиной, спиной к дверям. Рядом с ней была г-жа де Витт, в настоящее время графиня Потоцкая[43]. В глубине комнаты стоял стол, окруженный игроками, очень занятыми игрой. Я тихо пробралась за кресло княгини и закрыла ей глаза рукой. Она вскрикнула, я отступила назад. Г-жа де Витт, видя незнакомое лицо, молчала; мужчины, не поворачивая головы, воскликнули: «Опять наверно летучая мышь». Накануне в окно влетала летучая мышь, и княгиня очень испугалась. Я вышла к свету, раздались радостные восклицания. Поужинали, потом проводили меня домой.

Мое небольшое помещение было еще не совсем устроено; дивана еще не поставили, и так как мои экипажи еще не приехали, то мой муж разостлал свой плащ на полу, сделал мне подушку из своего мундира, поставил свечу на пол и поместился около, чтобы сторожить мой сон.

---

[43] Потоцкая Софья Константиновна (София де Челиче, или Главоне) (1766–1822), красавица-гречанка из Константинополя. На 13-м году жизни продана матерью польскому послу для польского короля. В 1779 вышла замуж за коменданта Каменец-Подольска де Витта. Вторично вышла замуж за графа Феликса Потоцкого.

Я спала великолепно. Проснувшись, я обошла дом, состоявший из трех комнат подряд. Комната, где я спала, была отделана деревом, дверь была вся резная; в глубине комнаты были две больших двери, за которыми была ниша, куда турки запирают своих жен. Потолок был тоже столярной работы, пол земляной, хорошо убитый; в окнах деревянные решетки и вместо стекол прозрачная бумага, через которую проникал свет, но больше ничего не было видно.

Я открыла окно, чтобы осмотреть двор. Против дома были увядшие виноградные лозы и большое вишневое дерево без ягод: сезон уже прошел. Я была очень печальна, мой муж получил приказание идти на атаку Килии. Ему поручили командование пехотой, а его полк был кавалерийским. Мысль о предстоящей разлуке меня очень смущала, главным образом потому, что я должна была остаться одна в лагере и в перспективе был еще приезд Потемкина через шесть дней.

В день отъезда моего мужа я заперлась у себя, погружаясь в свои печальные мысли. Все вокруг меня были заняты приездом князя, и это ожидание мне сильно не нравилось. Наконец он приехал и прислал звать меня вечером к себе. Княгиня Долгорукая сказала мне: «Будьте повнимательней к князю, он здесь все равно что государь». — «Я с ним знакома, княгиня, — отвечала я, — я его видала при дворе, он обедал иногда у моего дяди, и я не знаю, почему я стала бы выделять его особенным вниманием изо всех, кого я встречаю».

Этот маленький разговор произошел у нас по дороге, когда мы шли к князю. Этот последний подошел ко мне с самыми горячими изъявлениями дружбы. «Я очень рада видеть вас, князь, — сказала я ему, — сознаюсь все-таки, что видеть вас не было целью моего путешествия. Но вы похитили моего мужа, и вот я оказываюсь вашей пленницей».

Я села; очень большая зала была наполнена генералами и между ними князь Репнин[44], державшийся очень почтительно, что меня непонятно поразило и прибавило мне дерзости. Я здесь одна, думала я про себя, у меня нет защитника, и мне надо держаться с гордым достоинством. Это мне великолепно удалось.

Вечера у князя Потемкина становились все чаще; великолепие и азиатская роскошь были доведены на них до крайности; я вскоре заметила, что Потемкин очень ухаживал за княгиней Долгорукой. Она сначала некоторое время сдерживалась при мне, но потом тщеславие взяло верх, и она стала кокетничать вовсю, что меня с каждым днем все более удаляло от нее. Все окружавшее меня не нравилось мне, самый воздух, которым я дышала, казался мне зараженным.

В те вечера, когда не было бала, проводили время в диванной. Диван был обит турецкой розовой материей, затканной серебром, такой же ковер с примесью золота лежал у наших ног. На роскошном столе филигранная курильница распространяла аравийские ароматы. Подавали различные сорта чая. На князе почти всегда было платье, отороченное соболем, бриллиантовая звезда и Андреевская и Георгиевская ленты. На Долгорукой был почти костюм султанши, не доставало только панталон! Г-жа де Витт старалась изо всех сил и играла далеко не подходящую ей роль; м-ль Пашкова, впоследствии в замужестве Ланская[45], жила у княгини

---

[44] Репнин Николай Васильевич (1734–1801), князь, генерал-фельдмаршал (1796) и дипломат. В 1763–1769 посол в Польше, участник русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791, фактический главнокомандующий армией (1791).

[45] Ланская Варвара Матвеевна (1754–1831), урожденная Пашкова, вторая жена Василия Сергеевича Ланского, члена Государственного совета.

Долгорукой, но держалась, насколько возможно, в стороне от всего этого. Я же проводила большую часть вечера за игрой в шахматы с принцем Виртембергским[46] и князем Репниным. Княгиня Долгорукая не расставалась с Потемкиным. Ужин подавался в прекрасной зале; блюда разносили кирасиры, высокого роста, в мундирах с красными воротниками, высоких черных и меховых шапках с плюмажем. Они попарно входили в комнату и напоминали мне стражу, появляющуюся на сцене в трагедиях. Во время обеда знаменитый оркестр вместе с пятидесятые трубами исполнял самые прекрасные симфонии. Дирижером был Сарти[47]. Все было великолепно и величественно, но не удовлетворяло меня. Нельзя наслаждаться спокойно, когда нарушаются принципы.

Я не буду входить в описание подробностей событий каждого дня. Это было самое неприятное время моей жизни. Эта нечистая любовь, вызванная тщеславием, вынужденное знакомство с г-жей де Витт, внушавшей мне только презрение и не совсем вежливое чувство жалости: все это противоречило моему сердцу. И я жила только надеждой уехать оттуда.

Однажды вечером я услыхала пушечный выстрел. Мое сердце сильно забилось. Это было извещение о взятии Килии[48]; мой муж был невредим. Я была в восхищении и обезумела от радости.

На следующий день я отправилась на Te Deum. После церемонии я подошла к князю, прося его, чтобы он распорядился о возвращении моего мужа. «Я сейчас же

---

[46] Фридрих Вильгельм Карл, принц Виртембергский, брат великой княгини Марии Федоровны (1771—1833).

[47] Сарти Джузеппе (1729—1802), итальянский композитор, педагог.

[48] 18 октября 1790 г.

пошлю об этом приказ, — сказал он мне, — а вам пришлю копию, чтобы вы знали о приказе». Действительно, едва я успела возвратиться к себе, как мне принесли бумагу, в которой говорилось, что надо как можно скорее отослать графа Головина к жене, даже если он этого не хочет. На следующий день мой муж приехал верхом — расстояние было только сто верст. Я свободно вздохнула. Это было в ноябре, и я решилась подождать Екатеринина дня. Князь готовил великолепный праздник, и я полагала, что мне необходимо на нем присутствовать. Он осыпал меня тысячами проявлений внимательности.

Наступил праздник. Он повез нас на линейках через двухсоттысячную армию, выстроенную по дороге и отдававшую нам честь. Мы спустились в огромную подземную залу, богато убранную. Против очень красивого дивана было нечто вроде галереи с музыкантами. Звук инструментов казался задушенным под землею, но от этого был только прекраснее. Ослепительным ужином закончился вечер. Мы возвратились в тех же экипажах мимо тех же рядов армии. Раздавался беглый ружейный огонь; горящие бочки со смолой освещали нам путь. Зрелище было красиво и величественно, но мне было приятно вернуться домой.

На следующий день я послала за генералом Рахмановым, который меня очень любил; я просила его обратиться с просьбой к Потемкину, фаворитом которого он был, чтобы князь дал полугодовой отпуск моему мужу. Он ответил мне, что князю было бы приятнее, если бы я письменно обратилась к нему. Я настаивала на том, чтобы он просто исполнил мое поручение, говоря, что я увижу потом, как мне будет нужно поступить. Он вернулся с ответом, что князь умоляет меня написать ему несколько слов, чтобы он мог выразить те чувства дружбы и уважения, которые он ко мне питает. Я намарала

быстро небольшую записку, стараясь быть как можно любезней, и передала ее Рахманову, который взялся вручить ее князю и принес мне самый предупредительный, почти трогательный ответ. Он есть у меня и сейчас.

Я занялась приготовлениями к путешествию с возможно большей энергией. Мой отъезд огорчал Потемкина. Княгиня Долгорукая тоже была расстроена: ей было неприлично одной оставаться в армии. Накануне отъезда я пошла проститься к князю и поблагодарить его за внимание. Я уехала вместе с мужем, очень довольная тем, что мне удалось избавиться от образа жизни, который мне совсем не подходил.

III

Я вернулась в январе месяце прямо к моей матери, очень обрадованная свиданием с ней. Мой дядя и свекровь приняли меня очень нежно; моя дочь пользовалась великолепным здоровьем и испытывала невыразимую радость.

Несколько дней спустя я отправилась во дворец и была очень милостиво принята Государыней и Великой Княгиней. Я сохранила все свои преимущества в посещении собраний Эрмитажа и возвратилась к своему прежнему образу жизни. Княгиня Долгорукая возвратилась в феврале, а князь Потемкин в марте. Крепость Измаил была взята приступом[49], и кампания была окончена. Князь давал при Дворе и в городе праздники, один другого прекрасней, но ни один из них не был таким изысканным и новым, как праздник в Таврическом дворце. Он был устроен в огромной молдавской зале, где двойной ряд колонн почти составлял круг. Два портика разделяли его посредине, и между ними был

[49] 11 декабря 1790 г.

зимний сад, великолепно освещенный скрытыми лампами. Там было много деревьев и цветов. Главный свет падал с круглого потолка, посередине которого находился вензель Императрицы, сделанный из стразов. Этот вензель был освещен скрытым источником света и ослепительно блистал.

Кадриль по крайней мере в пятьдесят пар открыла бал. Здесь находилось все, что было лучшего в столице. Присутствие Императрицы немало содействовало очаровательности праздника[50].

Князь Потемкин пробыл в Петербурге только два месяца. Он разрешил моему мужу остаться в Петербурге до начала кампании. Надеялись на мир. Я ужинала с князем накануне его отъезда у его племянницы, г-жи Потемкиной, теперь княгини Юсуповой[51]. Он очень трогательно простился со мной, постоянно повторяя, что он никогда не забудет меня, и настойчиво просил меня вспоминать о нем и пожалеть его, так как он скоро умрет. У него было вполне определенное предчувствие. Он захворал, приехав в Яссы, и умер[52] через несколько дней в долине, куда он приказал себя отнести.

В это время мой муж уже с месяц был в армии. Императрица послала князя Безбородко, чтобы заключить мир. Ни один офицер не мог, конечно, отлучиться, но я решилась написать ему просьбу об отпуске моего мужа. Он согласился. Спустя немного времени был заключен мир. Но скоро началась война с Польшей[53]. Муж должен был отправиться в армию, и я с ним. Моя мать и све-

---

[50] Бал был 28 апреля 1791 г.

[51] Энгельгардт Татьяна Васильевна (1769–1841?). В первом браке с 1785 за генерал-поручиком Михаилом Сергеевичем Потемкиным, во втором – с 1793 за Николаем Борисовичем Юсуповым.

[52] 5 октября 1791 г. по дороге из Ясс в Николаев.

[53] Май — июнь 1722 г.

кровь были очень огорчены этой новой разлукой, которая и меня очень беспокоила, как вдруг однажды пришел граф Марков и сказал мне, что Императрица занята составлением Двора для своего внука, Великого Князя Александра, и что мой муж будет назначен маршалом.

Эта новость вызвала всеобщую радость в нашей семье, тем более что Императрица очень лестно отозвалась о муже. Это случилось в апреле, а 21 этого месяца было рождение Ее Величества, и в этот день должно было быть объявлено назначение должностей ко Двору Великого Князя Александра. Я ожидала этого дня с большим нетерпением. Наконец он наступил. Друг моего мужа, граф Ростопчин[54], заехал ко мне, отправляясь во дворец, и сказал мне, что он, наверно, первый известит меня о приятной новости. У него был горбатый жокей, англичанин, которому он приказал дожидаться верхом перед одним из окон дворца и, когда граф покажется в окне и сделает знак платком, сейчас же галопом направиться ко мне и передать следующую записку:

Quand le petit bossu Sera aperçu, Qi'on entende un cri général: Vive monsieur le maréchal!	Когда появится маленький горбун, Пусть раздастся общий крик: Да здравствует господин маршал!

Немного спустя стали говорить о браке Великого Князя Александра с принцессой Луизой Баденской.

---

[54] Ростопчин Федор Васильевич (1765–1826), граф (с 1799), пользовался расположением великого князя Павла Петровича. В 1812–1814 — московский генерал-губернатор.

Глава вторая. 1792–1794

I

Императрица послала графиню Шувалову[55] и г-на Стрекалова[56] ко двору маркграфа Баденского просить как его, так и наследного принца, чтобы дочь последнего, Луиза, приехала в Россию. Она прибыла 31 октября 1792 года вместе со своей сестрой Фредерикой, позднее королевой Шведской. Принцессе Луизе было тринадцать с половиной лет, ее сестре на год меньше. Их приезд произвел большую сенсацию. Дамы, посещавшие Эрмитаж, были им представлены каждая в отдельности. Я не была в их числе. Я только что оправилась от очень серьезной болезни после смерти моей второй дочери, прожившей всего только пять месяцев. Я увидала принцесс только две недели спустя после других дам.

Я имела честь быть представленной им во дворце, где были их апартаменты, примыкавшие к Эрмитажу. Я была поражена очаровательной прелестью принцессы Луизы. Такое же впечатление вынесли все, видевшие ее раньше меня. Я особенно привязалась к принцессе. Ее молодость и нежность внушали мне живое участие к ней и нечто вроде боязни за нее, от чего я не могла отделаться, отлично зная мою родственницу, графиню Шувалову, характер которой, склонный к интригам и безнравственный, внушал мне опасения. Императрица, назначив меня в штат принцессы, тем самым, казалось, разрешала мне проявить искреннее усердие, которое далеко не было официальным.

---

[55] Шувалова Екатерина Петровна (1743–1816), урожденная Салтыкова, вышла замуж за А. П. Шувалова.

[56] Стрекалов Степан Федорович (1728–1805), писатель, статс-секретарь Екатерины II и сенатор (1798–1805).

Я привожу здесь, что принцесса Луиза, теперь императрица Елизавета, сама рассказала мне о своем приезде в Петербург.

«Мы приехали, моя сестра, принцесса Фредерика, впоследствии королева Шведская, и я, между восемью и девятью часами вечера. В Стрельне, последней станции перед Петербургом, мы встретили камергера Салтыкова, которого Императрица назначила дежурным к нам и послала навстречу, чтобы поздравить нас. Графиня Шувалова и г-н Стрекалов оба сели в нашу карету, и все эти приготовления к моменту, самому интересному в моей жизни и всю важность которого я уже чувствовала, наполняли мою душу волнением, когда, въезжая в городские ворота, я услышала, как воскликнули: Вот мы и в Петербурге!»

«Невольно, в темноте, мы с сестрой взялись за руки, и по мере того, как мы ехали, мы сжимали друг другу руки, и эта немая речь говорила нам о том, что делается внутри нас».

Мы остановились у Шепеловского дворца; я бегом поднялась по хорошо освещенной лестнице; графиня Шувалова и Стрекалов, оба с довольно слабыми ногами, остались далеко позади меня. Салтыков был со мной, но он остался в передней. Я прошла по всем помещениям не останавливаясь и вошла в спальню, обитую малиновым штофом; там я увидала двух женщин и мужчину и сейчас же с быстротой молнии сделала следующий вывод: «Я нахожусь в Петербурге у Императрицы; нет ничего проще, что она встречает меня, следовательно, это она передо мною», и я подошла, чтобы поцеловать руку у той, которая наиболее соответствовала представлению об Императрице, которое я составила по виденным мною портретам. Несколько лет спустя, с большим светским опытом, я, наверно, колебалась бы более долгое время, прежде чем поступить так.

«Она была с князем Зубовым[57], тогда еще просто Платоном Зубовым, и с графиней Браницкой, племянницей князя Потемкина. Императрица сказала, что ей очень приятно познакомиться со мной; я передала ей приветствие моей матери. Между тем пришли моя сестра и графиня Шувалова. После нескольких минут разговора Императрица удалилась, и я отдалась волшебному чувству, вызванному во мне всем, что я видела кругом себя. Я никогда не видала, чтобы что-нибудь производило такое сильное впечатление, как Двор Императрицы Екатерины, когда его видишь в первый раз».

«На третий день после нашего приезда, вечером, нас должны были представить Великому Князю-отцу и Великой Княгине. Весь день прошел в том, что нас причесывали по придворной моде и одевали в русские платья. Я в первый раз в жизни была в фижмах и с напудренными волосами. Вечером, в шесть или семь часов, нас отвели к Великому Князю-отцу, который нас принял очень хорошо. Великая Княгиня осыпала меня ласками; она говорила со мной о моей матери, семье, о тех сожалениях, которые я должна была испытать, покидая их. Такое обращение расположило меня к ней, и не моя вина, если эта привязанность не обратилась в настоящую любовь дочери».

«Все сели; Великий Князь послал за молодыми Великими Князьями и Княгинями. Я как сейчас вижу, как они вошли. Я смотрела на Великого Князя Александра так внимательно, насколько это позволяло приличие. Он мне очень понравился, но не показался мне таким красивым, как мне его описали. Он не подошел ко мне и смотрел на меня неприязненно. От Великого Князя

---

[57] Зубов Платон Александрович (1767–1802), фаворит Екатерины II (с июля 1789 г.), в 1796 получил титул светлейшего князя.

мы направились к Императрице, которая уже сидела за своей обычной партией бостона в бриллиантовой комнате. Нас посадили с сестрой около круглого стола с графиней Шуваловой, дежурными фрейлинами и камергерами. Два молодых Великих Князя вскоре пришли после нас. Великий Князь Александр во весь вечер не сказал мне ни слова, не подошел, видимо избегая меня. Но понемногу он освоился со мной. Игры в Эрмитаже в небольшом обществе, вечера, проведенные вместе за круглым столом, где мы играли в секретер или смотрели гравюры, постепенно привели к сближению».

«Однажды вечером, когда мы рисовали вместе с остальным обществом за круглым столом в бриллиантовой комнате, Великий Князь Александр подвинул мне письмо с признанием в любви, которое он только что написал. Он говорил там, что, *имея разрешение своих родителей сказать мне, что он меня любит, он спрашивает меня, желаю ли я принять его чувства и ответить на них, и может ли он надеяться, что я буду счастливой, выйдя за него замуж*».

«Я ответила утвердительно, также на клочке бумаги, прибавляя, что *я покоряюсь желанию, которое выразили мои родители, посылая меня сюда*. С этого времени на нас стали смотреть как на жениха и невесту. Мне дали учителя русского языка и Закона Божия».

На следующий день после представления принцессы Луизы Императрица дала аудиенцию делегатам Польши, графам: Браницкому, Ржевусскому и Потоцкому, стоявшим во главе партии, не желавшей наследственности престола в Польше. Они приехали просить Ее Величество взять Польшу под свое покровительство. Это была первая церемония, в которой участвовала принцесса Луиза. Императрица находилась на троне

в тронном зале. Публика наполняла помещение, и толпа теснилась около залы кавалергардов. Граф Браницкий произнес по-польски речь. Вице-канцлер Остерман отвечал по-русски, стоя около ступеней трона. Когда окончилась церемония, Императрица возвратилась в свои апартаменты. Принцесса Луиза последовала за ней, но, обходя трон, она запуталась ногой в нитях бахромы бархатного ковра и упала бы, если бы Платон Зубов не поддержал ее.

Она смутилась и была в отчаянии от этого случая, тем более что она в первый раз появилась публично. Нашлись смешные люди, которые сочли это дурным предзнаменованием. Им не пришло в голову сравнение одного августейшего лица, вспомнившего при этом случай Цезаря, который так счастливо выпутался в подобном обстоятельстве. Высаживаясь на берег Африки, чтобы следовать за остатками республиканской армии, он упал и воскликнул: «Африка, я держу тебя!» — обращая таким образом в свою пользу случай, который другие могли бы дурно истолковать.

Я приближаюсь к самому интересному моменту в моей жизни.

II

Красивое и новое зрелище открылось перед моими глазами: величественный дворец; государыня заметно сближала меня с той, которая должна была вызвать во мне безусловную привязанность. Чем более имела я честь видеть принцессу Луизу, тем более внушала она мне абсолютную преданность. Несмотря на ее молодость, мое участие к ней не ускользнуло от ее внимания. Я с радостью заметила это. В начале мая двор уехал в Царское Село. На следующий за отъездом день Ее Им-

ператорское Величество приказала моему мужу, чтобы я приехала туда на все лето.

Этот приказ привел меня в восхищение. Я отправилась сейчас же, чтобы приехать раньше, чем начнется вечер у Императрицы. Как только я окончила туалет, я сейчас же отправилась во дворец, чтобы быть представленной ей. Она появилась в шесть и встретила меня очень милостиво, говоря: «Я очень рада видеть вас в числе наших. Будьте же с сегодняшнего дня *госпожой Толстой Маршальшей*[58], чтобы иметь более внушительный вид».

Я хочу сейчас дать понятие о лицах, которым было разрешено пребывание в Царском Селе и которые были допущены в ее кружок. Но прежде чем рисовать различные портреты, я хотела бы дать образ государыни, которая в продолжение тридцати четырех лет делала счастливой Россию.

Потомство будет судить Екатерину II со всем пристрастием людей. Новая философия, которой она, к несчастью, была заражена и которая была ее главным недостатком, обволакивает как бы густой вуалью ее великие и прекрасные качества. Но мне казалось бы правильным проследить ее жизнь с юности, прежде чем заглушать отзвуки ее славы и непередаваемой доброты.

Императрица была воспитана при дворе принца Ангальтского, своего отца, невежественной гувернанткой низкого поведения, которая едва могла научить ее читать. Ее родители никогда не занимались ни ее убеждениями, ни ее воспитанием. Ее привезли в Россию семнадцати лет, она была красива, полна естественной грации, талантов, чувственности и остроумия, с желанием учиться и

[58] Мне дали это прозвище, потому что мой муж был немножко толст. — *Примеч авт.*

нравиться. Ее выдали замуж за герцога Голштинского, бывшего тогда Великим Князем и наследником Императрицы Елизаветы, своей тетки. Он был некрасив, слабоволен, маленького роста, мелочен, пьяница и развратник. Двор Елизаветы также представлял полную картину разврата. Граф Миних[59], умный человек, первый разгадал Екатерину и предложил ей учиться. Это предложение было поспешно принято. Он дал ей для начала словарь Бейля, произведение вредное, опасное и соблазнительное, в особенности для того, у кого нет ни малейшего представления о Божественной истине, поражающей ложь[60]. Екатерина прочла его три раза подряд в течение нескольких месяцев. Оно воспламенило ее воображение и потом привело ее к общению со всеми софистами. Таковы были склонности принцессы, ставшей женой Императора, у которого не было другого честолюбия, как сделаться капралом Фридриха II. Россия была под игом слабости; Екатерина страдала от этого; ее великие и благородные мысли перешагнули через препятствия, противившиеся ее подъему. Ее характер возмущался развращенностью Петра и его презрительным отношением к своим подданным. Всеобщая революция собиралась разразиться. Желали регентства, и так как у Императрицы был десятилетний сын — впоследствии Павел I, — то было решено, что Петра III отошлют в Голштинию. Князь Орлов и его брат, граф Алексей, пользовавшиеся тогда расположением Императрицы, должны были отправить его. Приготовили корабли в Кронштадте и на них хотели отправить Пет-

---

[59] Миних Иоганн Эрнест (1701–1788), граф, сын фельдмаршала Б. Х. Миниха. В нач. 1740-х гг. обергофмаршал двора. В 1743–1763 в ссылке в Вологде. Автор записок о правлении Анны Ивановны.

[60] Все эти подробности получены мною от моего дяди Шувалова, которому Императрица рассказывала всё это сама. — *Примеч. авт.*

ра с его батальонами в Голштинию. Он должен был переночевать накануне отъезда в России, близ Ораниенбаума.

Я не буду входить в подробности этого трагического события. О нем слишком много говорили и извращали его; но, способствуя истине, я считаю необходимым привести здесь подлинное свидетельство, слышанное мною от министра графа Панина. Его свидетельство является тем более неоспоримым, что известно, что он не был особенно привязан к Императрице. Он был воспитателем Павла I, надеялся, что будет держать бразды правления во время регентства женщины, и обманулся в своих ожиданиях. Сила, с которой Екатерина овладела властью, разбила все его честолюбивые замыслы и оставила в его душе недоброжелательное чувство.

Однажды вечером, когда мы были у него в кругу его родственников и друзей, он рассказал нам много интересных анекдотов и незаметно подошел к убийству Петра III. «Я был, — говорил он, — в кабинете Императрицы, когда князь Орлов пришел известить ее, что все кончено. Она стояла посреди комнаты; слово *кончено* поразило ее. — Он уехал! — возразила она сначала. Но, узнав печальную истину, она упала без чувств. С ней сделались ужасные судороги, и одну минуту боялись за ее жизнь. Когда она очнулась от этого тяжелого состояния, она залилась горькими слезами, повторяя: "Моя слава погибла, никогда потомство не простит мне этого невольного преступления". Фавор заглушил в Орловых всякое другое чувство, кроме чрезмерного честолюбия. Они думали, что, если они уничтожат Императора, князь Орлов займет его место и заставит Императрицу короновать его». Трудно описать твердость характера Императрицы в ее заботах о государстве. Она была честолюбива, но в то же время покрыла славой Россию; ее материнская заботливость распространялась на каждого,

как бы он незначителен ни был. Трудно представить зрелище более величественное, чем вид Императрицы во время приемов. И нельзя было быть более великодушным, любезным и снисходительным, чем она в своем тесном кругу. Едва появлялась она, исчезала боязнь, заменяясь уважением, полным нежности. Точно все говорили: «Я вижу ее, я счастлив, она наша опора, наша мать».

Садясь за карты, она бросала взгляд вокруг комнаты, чтобы посмотреть, не нужно ли кому чего-нибудь. Она доводила свое внимание до того, что приказывала опустить штору, если кого беспокоило солнце. Ее партнерами были дежурный генерал-адъютант, граф Строганов[61], и старый камергер Чертков[62], которого она очень любила. Мой дядя, обер-камергер Шувалов, тоже иногда принимал участие в игре или, по крайней мере, присутствовал при этом. Платон Зубов тоже. Вечер продолжался до девяти часов или до половины десятого.

Я вспоминаю, что однажды Чертков, бывший плохим игроком, рассердился на Императрицу, заставившую его проиграть. Ее Величество была оскорблена тем, как он бросил карты. Она не сказала ничего и прекратила игру. Это случилось как раз около того времени, когда обыкновенно расходились. Она встала и простилась с нами. Чертков остался уничтоженным. На следующий день было воскресенье. Обыкновенно в этот день бывал обед для всех входивших в администрацию. Великий Князь Павел и Великая Княгиня Мария приезжали из Павловска, замка, в котором они жили, нахо-

---

[61] Строганов Александр Сергеевич (1733–1811), граф, был постоянным собеседником императрицы Елизаветы Петровны. В 1761 был отправлен к австрийскому двору, где получил графское достоинство. В 1766 в его доме собирались депутаты, избранные в комиссию по составлению проекта Нового уложения.

[62] Чертков Ефрем Александрович (1735–1797), действительный тайный советник, участвовал в возведении Екатерины II на престол.

дившегося в четырех верстах от Царского Села. Когда они не приходили, то был обед для избранных лиц под колоннадой. Я имела честь быть допущенной на эти обеды. После обедни и приема, когда Императрица удалялась в свои покои, маршал Двора, князь Барятинский, перечислял лиц, которые должны были иметь честь обедать с ней. Чертков, допущенный на все небольшие собрания, стоял в углу, крайне огорченный происшедшим накануне. Он почти не смел поднять глаза на того, кто должен был произнести над ним приговор. Но каково же было его удивление, когда он услышал свое имя! Он не шел, а бежал. Мы пришли к месту обеда. Ее Императорское Величество сидела в конце колоннады. Она встала, взяла Черткова под руку и молча обошла с ним кругом колоннады. Когда она возвратилась на прежнее место, она сказала ему по-русски: «Не стыдно ли вам думать, что я на вас сержусь? Разве вы забыли, что между друзьями ссоры остаются без последствий?» Никогда я не видела человека в таком волнении, в каком был этот старик; он расплакался, беспрестанно повторяя: «О, матушка, что сказать тебе, как благодарить тебя за такие милости? Всегда готов умереть за тебя!»

На вечерах в Царском Селе рядом со столом Императрицы стоял круглый стол. Принцесса Луиза, уже считавшаяся невестой Великого Князя, сидела там между своей сестрой и мной. Кроме нас там сидели м-ль Шувалова, теперь в замужестве Дитрихштейн[63], и племянницы графини Протасовой[64]. Императрица

---

[63] Дитрихштейн Александра Андреевна (1775–1845), дочь Андрея Петровича Шувалова; в 1797 вышла замуж за австрийского посланника в России Франца Иосифа (1767–1854), князя Дитрихштейна.

[64] Протасова Анна Степановна (1745–1826), графиня, любимая фрейлина императрицы Екатерины II. Воспитала пять дочерей своего брата Петра Степановича: Александру (вышла замуж за князя

давала распоряжение принести нам карандаши, перья и бумагу. Мы рисовали или играли в секретер. Иногда Ее Величество спрашивала, что у нас выходило, и весело смеялась. Графиня Шувалова играла в карты с м-ль Протасовой, дежурными придворными и иногда с графиней Браницкой, которая по временам приезжала в Царское Село.

Дворец в Царском построен Императрицей Елизаветой I. Он обширен и красив, несмотря на свою готическую архитектуру. Императрица Екатерина прибавила для себя особое помещение в более изысканном вкусе. Оно находилось за многочисленными залами в зеркалах и позолоте, отделявшими от апартаментов, занятых прежде Великим Князем Павлом, и за которыми находилось возвышение, где Императрица обыкновенно стояла обедню вместе с семьей и дамами ее свиты. Первая комната этого нового помещения была отделана живописью восковыми красками, в следующей комнате стены украшены были сибирской лазурью, а пол был сделан из красного дерева и перламутра. Большой кабинет рядом весь из китайского лака, а если повернуть налево, находилась спальня, очень маленькая, но очень красивая, и кабинет с зеркалами, разделенными большими деревянными панно. Маленький кабинет служил входом в колоннаду, которая была вся видна в перспективе из двери.

На террасе перед колоннадой находился диван, обитый зеленым сафьяном, и стол. Ее Величество занималась там делами рано утром. Перед этой очень простой пристройкой находилась маленькая стена. Если обогнуть ее, то налево открывался прелестный газон,

---

Голицына), Екатерину (за графом Ростопчиным); Варвару, Веру (за Илларионом Васильчиковым) и Анну (за графом Толстым).

окаймленный прекрасными и душистыми цветами. Красивые комнаты примыкали к террасе с этой стороны. Налево барьер из гранита шел до самого сада, украшенный бронзовыми статуями, вылитыми по древним образцам в Императорской академии.

Колоннада представляла собой стеклянную галерею с мраморным полом. Она была окружена другой открытой галереей, с рядом колонн, поддерживавших крышу; с нее открывался обширный вид. Колоннада возвышалась над двумя садами: старый парк, многолетние липы которого бросали тень на маленькие комнаты рядом с террасой, и английский сад с красивым озером посередине.

Это прекрасное помещение, занятое той, которая обладала всем, чтобы нравиться и вызывать привязанность, казалось волшебным. У Императрицы был особый дар облагораживать все, к чему она приближалась. Она сообщала смысл всему, и самый глупый человек переставал казаться таким около нее. Каждый оставлял ее довольный собой, потому что она умела говорить, не вызывая смущения и применяясь к разумению того, с кем она говорила.

III

Императрица очень любила своего внука, Великого Князя Александра (впоследствии Императора Александра I). Он был красив и добр, но качества, которые можно было заметить в нем тогда и которые должны бы были обратиться в добродетели, никогда не могли вполне развиться. Его воспитатель, граф Салтыков[65],

---

[65] Салтыков Николай Иванович (1736–1816), генерал-фельдмаршал; участвовал в Семилетней войне. С 1783 руководил воспитанием великих князей Александра и Константина Павлови-

коварный и лукавый интриган, так руководил его поведением, что неизбежно должен был разрушить откровенность его характера, заменяя ее заученностью в словах и принужденностью в поступках. Граф Салтыков, желая сохранить одновременно сближение Императрицы и ее сына, внушал Великому Князю скрытность. Его доброе и превосходное сердце иногда брало верх, но тотчас же воспитатель пытался подавить движения его души. Он отдалял его от Императрицы и внушал ему ужас по отношению к отцу. Молодой князь испытывал поэтому постоянную неудовлетворенность своих чувств.

Великий Князь-отец старался передать ему свою склонность к военному. Он требовал, чтобы Александр и его брат присутствовали два раза в неделю на ученье в Павловске. Учил его тактике мелочной и мелкой, постепенно сглаживая в нем великие идеи о военном искусстве, независимо от мундира прусского образца и более или менее крепко пришитой пуговицы. Но, несмотря на эти обстоятельства, способные разрушить самый яркий характер, я должна отдать справедливость моему Государю: прощение всегда настолько близко его сердцу, насколько далека от него тирания; у него мягкий и обворожительный характер; в его разговоре есть прелесть и благородство, много красноречия в стиле и совершенная скромность в его добрых делах.

Принцесса Луиза, ставшая его супругой, соединяла невыразимую прелесть и грацию со сдержанностью и тактичностью, довольно редкими в четырнадцать лет.

чей; в 1784 назначен сенатором и членом совета при Высочайшем дворе (впоследствии – Государственный совет), в 1788 – вице-президентом, с 1790 – президент Военной коллегии. С 1812 председатель Государственного совета и Комитета министров. В 1814 возведен в княжеское достоинство.

Во всех ее поступках проглядывал результат забот матери, как уважаемой, так и любимой. Ее ум, мягкий и тонкий, с крайней быстротой схватывал все, что могло его украсить, как пчела, которая умеет достать мед из самых ядовитых растений. В ее разговоре отражалась свежесть ее юности, и к этому она присоединяла большую правильность понятий. Мне никогда не надоедало ни слушать ее, ни изучать ее душу, в которой так мало пошлости, душу, предвещавшую все добродетели, но также заключавшую в себе и все опасные стороны характера. Ее доверие ко мне, возрастая со дня на день, все более оправдывало мои чувства к ней. Ее слава от этого становилась для меня дороже и драгоценнее. Первое лето, которое мы провели вместе, было началом дружбы, продолжавшейся много лет. Она представлялась мне молодым и прекрасным растением, стебель которого, выращенный искусной рукой, мог дать прекрасные побеги, но бури и вихри угрожали остановить его рост. Опасности, увеличившиеся вокруг нее, усиливали мою заботливость. Как часто я с сожалением вспоминала о принцессе ее матери, единственно которая могла бы закончить это прекрасное произведение, и примеры добродетельных поступков, показываемые ею, были бы единственным оружием, которое могло бы спасти ее против иллюзии и увлечений.

Надо сказать несколько слов о Великом Князе Константине. У него запальчивый характер, но не гордый; все его поступки носят отпечаток тирании, но лишены энергии. Он дурен своей слабостью и наказывает только тогда, когда чувствует себя более сильным. Его ум производил бы приятное впечатление, если бы можно было забыть про его сердце. Но все-таки у него бывают моменты великодушия; он похож на цикуту, которая одновременно является и лекарством и ядом.

Графиня Шувалова, друг Вольтера и Даламбера, пользуется их доктринами, чтобы оправдывать свои слабости. Она хитрая интриганка и приносит все в жертву фавору. В то время идолом, перед которым она курила фимиам, был Платон Зубов.

Графиня Браницкая, несмотря на ловкость своего ума, постоянно выдает свой корыстолюбивый характер. Она очень богата и всегда жалуется на бедность. У Платона Зубова довольно образованный ум, хорошая память и способность к музыке. Его ленивый томный вид носит отпечаток беспечности его характера.

Граф Строганов очень любезный человек и добр до слабости. Он страстно любит искусство. Его характер основан на восторженных порывах. Он может причинить зло увлекаясь, но никогда он не сделает его умышленно. Его ровный характер и веселость как бы созданы для того, чтобы оживлять общество. Император Павел назначил его директором Академии художеств, и он многое улучшил там. Он любил свою родину, но у него не было качеств, которые могли бы сделать его ее опорой.

Мой дядя обер-камергер Шувалов был воплощенной добротой. Его красивое и благородное лицо отражало великодушную и бескорыстную душу. Половину своих доходов он отдавал бедным. Его привязанность к Императрице доходила до слабости, и он всегда был робок с нею, несмотря на милости, которыми она его осыпала. Однажды, когда она играла на бильярде с лицами, постоянно составлявшими ее общество, он вошел в комнату. Ее Величество в шутку сделала ему глубокий реверанс. Он ответил на него. Она улыбнулась. Придворные громко захохотали. Эта внезапная показная веселость неприятно подействовала на Императрицу. «Господа, — сказала она, — мы сорок лет дружны с господином обер-камергером, и поэтому мне позволено

шутить с ним». Все замолчали. Дядя целый год томился скорбью после смерти Государыни[66].

Чертков был добрым и отличным русским человеком, в полном смысле этого слова. Он соединял благородство характера с большим природным умом. Императрица была предметом его обожания. Он умер несколько месяцев спустя после ее смерти, не перенеся ее потери.

М-ль Протасова была некрасива и смугла, как негритянская королева с Таити, она всегда находилась при дворе. Она была родственницей князя Орлова, и он поместил ее туда. Она достигла более чем благоразумного возраста, не выйдя замуж, и Ее Величество пожаловало ей свой портрет и звание фрейлины «с портретом». Она принадлежала к интимному обществу Императрицы не потому, что была ее другом или ее заслуги доставили ей это отличие, но потому, что, хотя она была бедной и угрюмой, у нее была благодарная душа. Императрица, жалея об ее бедности, захотела поддержать ее своим покровительством. Она позволила ей выписать племянниц к себе и помогала в их воспитании. Иногда она шутила над ее угрюмым видом. Однажды, когда Протасова была более дурно настроена, чем обыкновенно, Ее Величество заметила это и сказала ей: «Я уверена, моя королева (этот эпитет она прибавляла, когда желала пошутить), что вы сегодня утром побили свою горничную, и оттого у вас такой сердитый вид. Я же встала в пять часов утра, решила много дел, которые удовлетворят одних и не понравятся другим, и оставила все мое неудовольствие и хлопоты там, в кабинете, а сюда пришла, моя прекрасная королева, в самом лучшем настроении духа».

---

[66] Он пережил ее только на год и умер 14 ноября 1797 г.

Двор Великого Князя Александра составляли следующие лица: маршал граф Головин, мой муж; камергеры граф Толстой[67] и Ададуров[68], камер-юнкеры князь Хованский[69] и граф Потоцкий[70]. Вечер кончался у принцессы Луизы, которая после помолвки и обращения в православную веру получила титул Великой Княгини Елизаветы. Племянницы Протасовой постоянно приходили туда. Принцесса Фредерика немало вносила прелести в это общество. Она отличалась тонким умом и, несмотря на молодость, обладала вполне определившимся характером. Увы! Ее блестящая судьба подвергла ее тяжелым испытаниям, и корона, которую она носила, была усеяна терниями[71]. Она уехала оттуда в конце нашего пребывания в Царском Селе, чтобы вернуться к принцессе, своей матери. Прощание двух сестер представляло трогательное зрелище. Накануне отъезда я встретила Императрицу под сводами, когда она выходила от принцессы Фредерики. Она заходила отдать ей прощальный визит...

На следующий день, когда все было готово к отъезду, собрался двор Великого Князя Александра. Все прошли часть сада и красивой лужайки к решетке, где стояла карета. После раздирающего сердце прощания Великая Княгиня вскочила в карету, когда уже совсем закрывали

---

[67] Толстой Николай Александрович (1765–1816), обергофмаршал императорского двора, президент Придворной конторы.

[68] Ададуров Алексей Петрович (?), родственник математика, литератора, переводчика Василия Евдокимовича Ададурова (1709–1780).

[69] Хованскии Андрей, гвардеец.

[70] Потоцкий Станислав Феликс (1752–1805), генерал-майор.

[71] Густав-Адольф IV (1778–1837), король Швеции с 1792, сын шведского короля Густава III. В 1797 женился на принцессе Фредерике Баденской (1781–1826). Отрекся от трона в 1809. Фредерика-Доротея развелась с ним в 1812 и умерла в Лозанне в 1828.

дверцы, поцеловала сестру и, быстро выскочив, взяла меня за руку и побежала со мной к развалине в конце сада. Она села под деревом, положила мне голову на плечо и отдалась своей печали.

Когда пришла графиня Шувалова вместе с другими придворными, Великая Княгиня сдержала слезы, встала и медленно направилась к дому с самым спокойным видом. Еще такая молодая, она умела сдерживать свою печаль. Эта сила, так редко встречаемая, вызвала ложное представление об ее характере у лиц, которые были недостойны понять ее. Ее считали холодной и нечувствительной. Когда мне говорили об этом, молчание было моим единственным ответом. Есть вещи, настолько священные и настолько достойные уважения, что, разоблачая их, кажется, будто совершаешь проступок против них. И есть суждения, настолько низкие и достойные презрения, что они не заслуживают, чтобы им оказывали честь оспаривать их.

IV

Приготовления к браку Великого Князя Александра начались после возвращения в город. Все ожидали этого события с величайшим интересом. Наконец оно свершилось 29 сентября 1793 года. В церкви Зимнего дворца сделали возвышение, чтобы церемония брака была видна всем. Как только жених и невеста взошли туда, их вид вызвал всеобщее умиление. Они были прекрасны, как ангелы. Обер-камергер Шувалов и князь Безбородко держали венцы. После свершения брака Великий Князь и Княгиня спустились, держась за руку. Великий Князь преклонил колено перед Императрицей, чтобы поблагодарить ее, она подняла, обняла и поцеловала его, плача. Потом они подошли к Великому

Князю-отцу и Великой Княгине и поцеловали их; последние также благодарили Императрицу. Великий Князь Павел был глубоко растроган, что удивило всех. Он любил тогда свою невестку с нежностью отца. Граф Ростопчин, долгое время пользовавшийся расположением Павла I, рассказал, что, когда однажды в Гатчине говорили о Великой Княгине, Великий Князь Павел с живостью сказал: «Надо отправиться в Рим, чтобы найти вторую Елизавету».

Но все переменилось. Несчастные обстоятельства создали положение, способное возбудить подозрения, и придали низкой клевете внешний вид истины. Такова судьба государей. Их самые законные и естественные чувства отклоняются со своего пути злыми и ловкими льстецами, старающимися сохранить милостивое отношение к ним за счет других преданных людей.

Великого Князя Павла было легче обмануть, чем кого-нибудь другого. Его характер, все более и более недоверчивый, ценил тех, кто хотел погубить его. Великая Княгиня, его жена, хотя и очень любила его, старалась подчинить его себе и этим только раздражила его. Она окружила его интриганами, которые постоянно льстили его самолюбию и противодействовали доброте его характера. Она думала, что достаточно только помогать бедным, чтобы исполнить долг милосердия, и та же самая гордость, которая причинила ей столько неприятностей, отравила и ее добрые дела, тогда как в них мягкое сердце является главным источником. Она завидовала красоте и прелести Великой Княгини Елизаветы, дружбе ее с Императрицей и, главное, тем почестям, которые ей везде оказывали. Я не могу приписать перемену ее отношения ко мне ничему другому, как моей особенной преданности ее невестке. Милость, которой она меня удостаивала в продолжение шестнадцати лет,

обратилась в ненависть. Она старалась погубить меня во мнении Великой Княгини Елизаветы, зная, что для меня не может быть ничего чувствительнее.

В день свадьбы был большой обед, вечером — бал в большом зале Великого Князя Александра. Императрица, Великий Князь Павел и Великая Княгиня Мария отвели новобрачных в их помещение. На следующий день был другой бал в большой галерее Императрицы. Многочисленные праздники следовали один за другим. В том же году, в октябре, приезд турецкого посланника доставил красивое зрелище. Аудиенция, данная Императрицей, была величественна. От двери зала, в котором происходил прием, до трона, на котором сидела Императрица, стояли в два ряда телохранители государыни. Это были очень высокого роста мужчины в красных куртках с золоченым изображением солнца и русского орла на груди и на спине, скрепленными толстыми перекрещивающимися цепями. Каски и карабины были посеребрены, плюмаж черный.

На государыне была императорская мантия и маленькая корона. Два церемониймейстера открывали шествие, каждый держа в руке золотой жезл с орлом. Сзади два других вели посланника, богато одетого, и пятьдесят турок несли подушки из материи, затканной золотом, с подарками.

Около этого же времени, когда двор из Царского Села перебрался в Таврический дворец, где всегда проводили часть весны и осени, я испытала большое удовольствие: моя свекровь просила у Императрицы разрешение лично поблагодарить ее за своего сына.

Она была слишком стара и глуха, чтобы быть представленной Императрице во время церемонии в Зимнем дворце, когда он был назначен маршалом двора Великого Князя Александра. Ее Величество соизволила предоставить ей эту милость и приказала мне привести

ее однажды после обеда. Мы взошли в гостиную за несколько минут до прихода Императрицы. Моя свекровь была очень гуманной женщиной с большими достоинствами, справедливо пользовавшейся всегда великолепной репутацией. Она вполне доказала свое мужество во время несчастий и ссылки ее семьи и своего тюремного заключения в царствование Императрицы Елизаветы[72]. Она уже давно не выезжала в свет по причине своей болезненности. Едва она появилась в гостиной, как раздался всеобщий крик радости. У ней целовали руки и оказывали все знаки уважения. Я должна откровенно сознаться, что была тронута и гордилась этими изъявлениями почтения. Императрица приняла ее крайне милостиво, поцеловала ее и приказала мне быть переводчиком около нее, чтобы избежать необходимости кричать ей на ухо. Я с признательностью повторила ей все милостивые выражения Государыни. Она повела нас во внутренние апартаменты, чтобы показать их моей свекрови, которая воспользовалась отсутствием придворных, чтобы броситься к Императрица и в трогательных выражениях передать, насколько она была благодарна Государыне за то, что она позаботилась об ее старости и ее сыне. Императрица была крайне растрогана, и я тоже. Нет ничего приятнее, как испытывать чувство благодарности за любимого человека и разделять его счастье. Когда мы вернулись в гостиную, свекровь хотела уехать, но Ее Величество оставила ее на вечер, устроила ей партию в бостон с лицами, которые ей были очень приятны, и наслаждалась веселостью, которую эта любезная и почтенная старушка распространяла вокруг себя.

[72] Дочь генерал-майора Степана Васильевича Лопухина и его жены Натальи Федоровны, урожденной Балк, обвиненных в заговоре против императрицы Елизаветы Петровны и сосланных в Сибирь.

V

Девятого мая уехали в Царское Село. Отъезд Императрицы, хотя он и происходил каждую весну, производил всегда большое впечатление. Она отправлялась вместе со своей интимной свитой в шестиместной карете; перед ней ехали шесть гайдуков, двенадцать гусаров, двенадцать казаков. Сзади камер-пажи и шталмейстеры, все верхом. Как только шествие трогалось, с крепости раздавалось сто выстрелов из пушки, чтобы возвестить всему городу об отъезде государыни. Сбегался народ, съезжались экипажи, чтобы увидеть, как она будет проезжать. После ее отъезда в городе становилось мрачно и беспокойно; чувствовалась невообразимая пустота. Не отдавая себе отчета, я разделяла общее чувство, хотя и уезжала ей во след на другой день. Я не давала себе ни отдыха, ни срока, чтобы скорее уехать.

Я очень недовольна, что эта пышность императорских выездов уничтожена. Наше зрение и воображение испытывают необходимость в величественных образах, которые так легко сливаются с тем уважением, которое чувствуешь в душе к монарху. Я также жалею о пушечном выстреле, которым возвещался восход и заход солнца: напоминание о смерти и надежда объединяют наши мысли.

Глава третья. 1794–1795

I

Лето 1794 года, второе проведенное мною в Царском Селе, привлекло еще некоторых новых лиц. Граф Эстергази, агент французских принцев, был очень хорошо принят Императрицей. Его тон, несколько грубоватый, скрывал его корыстолюбивый характер, склонный к интригам. Его считали прямым и откровенным. Но Императрица недолгое время была в заблуждении и терпела его только по доброте. Он заметил это и стал слугою Зубова, который его поддерживал. Его жена была добрая женщина, любившая своих прежних государей, ровная, уверенная и приятная в обращении.

Граф Штакельберг[73], наш бывший посланник в Варшаве, где он играл интересную роль, в совершенстве обладал умением занимать общество. Он был ловким придворным и предан Зубову.

Граф Федор Головкин[74], хотя и незаметная личность, некоторое время играл известную роль. Бесстыдный лжец, полный злого остроумия и дерзкий, он, шутя и забавляя, пробрался к подножию трона; но он недолго пользовался милостью. Насмешка и злословие были изгнаны из кружка Императрицы, которая не могла их терпеть. Граф Головкин стал чтецом и ценил Зубова, другом сердца и поверенным графини Шуваловой. Зубов достал для него место посланника в Неаполь. Его

---

[73] Штакельберг Отто-Магнус граф фон (1736-?), русский посланник при испанском и польском дворах (1736–1800). Участвовал во втором разделе Польши.

[74] Головкин Федор Гаврилович (1766–1823), полномочный министр в Неаполе. Долгое время был в немилости и отдалении от двора. В царствование Павла I – обер-церемониймейстер. Автор Мемуаров.

дурное поведение заставило его отозвать. Он даже был на некоторое время изгнан из России.

Три сестры княжны Голицыны[75] были назначены фрейлинами к Великой Княгине Елизавете незадолго до ее свадьбы.

Природа была так оживленна, что она придавала неизъяснимую прелесть теплой весенней погоде. Это время года как бы усиливает чувства; воспоминания являются толпой. Вся жизнь наполнена чувством; лучше любить тех, кого должен любить и хотелось бы любить больше. Но среди этих ощущений испытываешь некоторое беспокойство, которое может оказаться опасным для сердца, алчущего пищи.

Великая Княгиня выросла и похорошела. Она приковывала к себе все взгляды. Ее ангельское лицо, стройный грациозный стан, легкая походка вызывали всегда новое изумление. Когда она входила к Императрице, все взоры останавливались на ней. Я наслаждалась ее торжеством, но с опасением. Мне хотелось бы, чтобы Великий Князь больше обращал на нее внимания, чем другие. Каждый вечер гуляли. Прекрасная погода располагала к продолжительному пребыванию на воздухе. Императрица останавливалась около гранитного барьера или у колоннады. Солнечный закат, тишина в воздухе и аромат цветов очаровывали чувства. Что за время — молодость! Сколько меда обращается в яд!

Ничто не могло представить зрелища более интересного и приятного, чем прелестный союз Великого Князя Александра и Великой Княгини Елизаветы. Это были Амур и Психея. Все казалось согласным в их чувствах для лиц их свиты. Великий Князь почтил меня

---

[75] Марья (1773–1826) вышла замуж за графа Петра Александровича Толстого, Софья (1776–?) – за графа Шарля Сен-Приста, Елизавета (1777–1835) – за графа Александра Ивановича Остермана-Толстого.

особым доверием. Я всегда участвовала в их утренней прогулке. Оба одинаково хорошо относились ко мне. Если происходила между ними легкая ссора, то, опять-таки, мне приходилось быть их судьей. Я вспоминаю, как после одной из таких ссор они приказали мне прийти на следующий день, в семь часов утра, в комнаты моего дяди, находившиеся в нижнем этаже дворца и выходившие в большой сад. Я отправилась туда в назначенный час. Оба появились на террасе. Великий Князь влез в окно, вытащил стул, выпрыгнул из окна и заставил меня последовать за ним, все для того, чтобы придать вид приключения самой невинной вещи в мире. Они взяли меня за руку и повели в старинную беседку в глубине сада, посадили меня за стол, и процесс начался. Они говорили оба разом. Приговор был произнесен в пользу Великой Княгини, которая была совершенно права. Великому Князю пришлось признать это, он так и сделал. Окончив это важное дело, мы с самым веселым видом продолжали нашу прогулку.

Мы совершали в это лето великолепные поездки. Императрица не желала ничего другого, как видеть своих внуков счастливыми и довольными. Она разрешала Великому Князю и Великой Княгине совершать прогулки, куда им вздумается, даже после обеда. Однажды в Красном Селе была приготовлена охота. Эта деревня находится на очень небольшом расстоянии от города Дудергофа; он состоял из трех довольно высоких холмов, из которых два покрыты лесом. Там растут прелестные цветы, гербаристы часто находят там интересные экземпляры. Средний холм не так лесист, на его вершине построена финская деревушка и лютеранская церковь, что делает местность очень живописной[76].

---

[76] Императорское имение в пятнадцати верстах от Царского Села. Там находится деревянный дворец, построенный Елизаветой I. *Прим. автора*.

Мы спустились ко дворцу. Стояла жаркая погода, предвещавшая грозу. Мы чудесно пообедали, но едва вышли из-за стола, как послышались раскаты грома и красивая молния ослепила нас. Сильный, хороший дождь падал отвесно и также град. Великая Княгиня бегала за градинами, попадавшими в комнату через каминную трубу. Эта шутка, беспокойство охотников, различные волнения очень забавляли нас, меня и Великую Княгиню. Фрейлина, княжна Голицына, спряталась в спальне. Она страшно боялась грозы. Молодая графиня Шувалова присоединилась к ней; ее мать ходила взад и вперед. Мы же, Великая Княгиня и я, были проникнуты чувствами, доставлявшими нам наслаждение; гроза, молния и гром были для нас красивым зрелищем. Прислонясь к окну, мы любовались явлениями природы. У нас были одинаковые костюмы, амазонки и черные касторовые шляпы. На шляпе Великой Княгини была стальная петелька, которую она прикрепила к моей шляпе, чтобы можно было незаметно обменяться. Она дала мне свою шляпу и взяла мою. Все это произошло в молчании. В тот же день она дала мне маленькую записку, которую я и сейчас храню, вместе с медальоном, в котором находится ее портрет и прядь волос.

Нет ничего приятнее, как первое проявление чувства дружбы, ничто не должно останавливать ее развитие. Доверие, преданность и чистая невинность молодости походят на цветник, полный постоянно распускающихся цветов. Любят без боязни и без угрызений. И какое счастье, больше чем счастье, обладать чувствительным сердцем, дружба которого является верным залогом.

Гроза прекратилась, и затем наступила полнейшая тишина. Воздух был полон теплоты и благоухания. Все способствовало приятности нашей прогулки. Немного поохотились и потом мы взобрались на первый холм.

С его вершины мы открыли прелестный вид, цветы и земляника росли у нас под ногами. Потом мы пошли к другому холму, более покрытому лесом. На полдороге находился птичник, окруженный ветвистыми деревьями, рядом с которым была тропинка, ведущая на вершину. Великая Княгиня захотела подняться по ней, но тропинка была слишком крута и камениста. Придумали другой способ, как взобраться на вершину. Рядом с птичником мы нашли финскую тележку с лошадью и предложили этот экипаж Великой Княгине, которая с радостью согласилась. Туда сели со мной княжна Голицына и молодая графиня Шувалова, камергеры и камер-юнкеры помогали лошади: одни тянули ее за узду, другие подталкивали тележку. Великий Князь и некоторые из сопровождавших ехали верхом. Эта многочисленная свита и финская тележка напоминали волшебную сказку и, казалось, скрывали в себе что-то таинственное. Все — тайна в жизни, даже и финская тележка.

Прогулка затянулась, мы возвращались в колясках, вечером, при чудной погоде. Природа представляла совсем особенное зрелище. Свет заменился полутьмой. Все предметы, холмы, деревья и колокольни вырисовывались темной тенью на сероватом фоне неба. Мало разговаривали, но каждый наслаждался по-своему.

Графиня Толстая, жена камергера Великого Князя, жила в Царском Селе. Она не была еще принята у Императрицы, но имела разрешение посещать Великую Княгиню как принадлежащая к ее двору. Она через моего мужа приходилась мне родственницей. Ее же муж в это время ухаживал за мной. Он привел мне ее, говоря: «Я вам делаю подарок — мою жену».

Она была обижена этими словами, которые привели меня в замешательство и поставили нас в стесненное

положение, которое, к счастью, продолжалось недолго. Она была прекрасна, но несчастные обстоятельства в ее жизни увеличили ее природную робость. Когда мы остались одни, она молчала. Наконец, посредством забот и внимания мне удалось приучить ее к себе, завоевать ее доверие и заставить полюбить меня от всего сердца. Наши отношения превратились в настоящее чувство; испытания, через которые прошла каждая из нас, только укрепили дружбу, которая не должна и не может угаснуть.

Мы вместе гуляли по утрам в окрестностях Царского Села. Она пригласила меня однажды посетить деревню колонистов, находившуюся в двенадцати верстах от дворца. Она нам очень понравилась, и мы подробно описали Великому Князю и Великой Княгине нашу поездку; Их Императорские Высочества захотели тоже проехаться туда и получили на это разрешение от Императрицы. Было решено, что они поедут инкогнито под нашим покровительством. Великая Княгиня под именем м-ль Гербст будет играть роль горничной графини Толстой, а Великий Князь будет моим племянником. В восемь часов утра Великая Княгиня поехала со мной и графиней Толстой в маленькой почтовой повозке, принадлежавшей последней. Мой муж поехал с Великим Князем в своем английском экипаже. Когда мы приехали к г-же Вильдбад — имя хозяйки дома, где мы остановились, г-жа Великая Княгиня была тронута воспоминанием. Дом и костюм были такие же, как у крестьян на ее родине. Семья Вильдбадов состояла из мужа и жены, сына с женой, маленьким ребенком и молодой девушки. Позвали двух соседей, играли вальсы с берегов Рейна; эта музыка и вся обстановка произвели большое впечатление на Великую Княгиню, и к ее наслаждению примешалась печаль.

Мой муж хотел отвлечь ее внимание и сказал: «Мадмуазель Гербст, вы слишком ленивы, пора готовить завтрак. Пойдемте в кухню. Нарвите петрушки для яичницы, которую мы будем готовить». Эта шутка возвратила нам веселость. Великая Княгиня повиновалась и взяла первый урок кулинарного искусства. На ней было белое утреннее платье и соломенная шляпа на ее прекрасных белокурых волосах. Принесли роз, мы сделали из них гирлянду и украсили ее шляпу. Великая Княгиня была прекрасна, как ангел. Великий Князь с трудом сохранял серьезный вид, и мой муж, со шляпой на голове, старался казаться как можно важнее.

Мы съели превосходную яичницу; сливочное масло и густые сливки докончили наш завтрак. В углу комнаты стояла колыбель с уснувшим ребенком. Молодая мать время от времени подходила и качала ее. Великая Княгиня, увидав колыбель, подошла к ней, встала на колени и качала ребенка. Глаза ее наполнились слезами, казалось, она предчувствовала те тяжелые испытания, которые ей готовила судьба.

Эта смесь простоты, веселости и чувствительности придала большой интерес нашей утренней прогулке. Возвратились мы с приключением. Полился, как из ведра, крупный теплый дождь. Мы посадили Великого Князя к себе, покрыв кожей, закрывавшей наши ноги. Но так как больше чем троим нельзя было поместиться в глубине экипажа, то, несмотря на наши заботы, Великий Князь промок до костей. Это нисколько не уменьшило нашего удовольствия, и мы долгое время с интересом вспоминали об этой прогулке.

Г-жа Вильдбад, иногда приезжая в город по своим делам, привозила мне масла. Я попросила ее однажды отвезти его моему предполагаемому племяннику. «Я не знаю, где он живет», — ответила мне она. Я сказала, что

прикажу отвести ее туда. Один из моих лакеев повел ее во дворец. Когда она узнала правду, от удивления и счастья с ней едва не сделалось дурно. Великий Князь пожаловал ей сто рублей и платье ее мужу. Мне кажется, что эта пенсия продолжалась несколько лет.

II

Удовольствия все увеличивались. Императрица старалась сделать пребывание в Царском Селе возможно более приятным. Придумали играть на лужайке перед дворцом. Было два лагеря: лагерь Александра и лагерь Константина. Они отличались знаменами, в одном — розовое, в другом — голубое, с вышитыми серебром вензелями. Я была в лагере Александра. Императрица и лица, не участвовавшие в игре, сидели на скамейке перед дорожкой вокруг дворца. Великая Княгиня Елизавета вешала свою шляпу на знамя, прежде чем бежать. Она едва касалась земли, до того она была легка. Ветер играл ее волосами, она обгоняла всех женщин. Ею любовались, и ее вид никогда не мог надоесть.

Эти игры нравились всем, и им предавались с удовольствием. Императрица, бывшая воплощенной добротой, заметила, что камергеры и камер-юнкеры, дежурившие во дворце два раза в неделю, очень жалели, когда кончалось дежурство. Она позволила им оставаться в Царском Селе, сколько им было угодно, и никто из них не уехал за все лето.

Зубов участвовал в играх. Грация и красота Великой Княгини не замедлили произвести впечатление на него. Однажды вечером во время игры Великий Князь подошел ко мне, взял меня за руку, а также и Великую Княгиню и сказал мне: «Зубов влюблен в мою жену». Эти слова, сказанные при ней, вызвали во мне крайне

неприятное чувство. Я отвергала эту мысль как вещь невозможную. Я прибавила, что если Зубов способен на подобное безумие, то он достоин презрения и не следует обращать на это никакого внимания. Но было слишком поздно. Эти несчастные слова внесли замешательство в сердце Великой Княгини. Она была смущена, я чувствовала себя несчастной и беспокоилась. Нет ничего бесполезнее и опаснее, как обратить внимание молодой женщины на чувство, которое неизбежно должно оскорбить ее и которое чистота и благородство души не позволяют заметить, но удивление превращает его в замешательство, которое можно дурно истолковать.

Как обыкновенно, после игры я ужинала у Их Императорских Высочеств. Открытие Великого Князя не выходило у меня из головы. На следующий день мы должны были обедать у Великого Князя Константина в его домике в Софии[77]. Я отправилась к Великой Княгине, чтобы сопровождать ее. Она сказала мне: «Пойдемте скорее, впереди других, мне надо вам кое-что сказать». Я повиновалась; она дала мне руку, и, когда мы были так далеко, что нас не могли слышать, она сказала мне: «Сегодня утром к Великому Князю приходил Ростопчин и подтвердил ему то, что он заметил насчет Зубова. Великий Князь мне с такой горячностью и тревогой передавал свой разговор с ним, что со мной едва не сделалось дурно; я не знаю, что мне делать, присутствие Зубова будет стеснять меня, я уверена в этом».

«Ради Бога, успокойтесь! — отвечала я ей. — Все это достойно только вашего презрения. Вам нечего ни смущаться, ни беспокоиться. Будьте настолько мужественны, забудьте все, что вам сказали. И все решится само

---

[77] Маленький городок, построенный за садом Царского Села. – *Примеч. авт.*

собою». Она немного успокоилась, и обед прошел довольно хорошо. Вечером мы поднялись к Императрице. Зубов был задумчив и непрестанно бросал на меня томные взгляды, которые он переносил потом на Великую Княгиню. Скоро всем в Царском Селе стало известно об этом безумии, и против меня появились две партии: поверенные и шпионы. Графиня Шувалова была главной поверенной чувств Зубова. Граф Головкин, граф Штакельберг, Колычев, камергер и впоследствии маршал Двора, фрейлины княжны Голицыны и доктор Бек следили за мной. Они изо дня в день отдавали отчет в своих наблюдениях графу Салтыкову. Наши прогулки, разговоры, малейшее внимание, оказываемое мне Великой Княгиней, все это подхватывалось, подвергалось переработке, разбиралось и через Салтыкова передавалось Великой Княгине-матери. Я была окружена легионом врагов. Но моя совесть была спокойна, и я была так проникнута чувством дружбы к Великой Княгине Елизавете, что вместо того, чтобы беспокоиться об этом, я удвоила усердие и в некотором роде дерзость. Покровительство Императрицы, ее милостивое отношение ко мне и доверие Великого Князя удаляли от меня всякое замешательство.

Эти обстоятельства только укрепили мою дружбу с Великой Княгиней. Мы почти не расставались с ней, и она сообщала мне все свои чувства. Я была глубоко тронута, и ее слава стала целью моего счастья.

Я не знаю ничего привлекательнее, как эти первые излияния души. Они как чистый источник, пробивающий себе новую дорогу, пока он не найдет места, где разлить воды свои и освободиться от земли, его сдавливающей.

Внимательность Зубова ко мне удвоилась и все более и более возмущала меня. Его перешептывания с

графиней Шуваловой вызывали у меня презрение и к тому, и к другой. Между другими поверенными Зубова был один итальянец, гитарист Сарти. Я была с ним знакома, так как он приходил иногда играть ко мне; его роль состояла в том, чтобы следить за нашими прогулками в саду с Великой Княгиней и докладывать своему возлюбленному покровителю, куда мы пошли, а тот отправлялся нам навстречу. Эта проделка иногда удавалась. Зубов встречал нас с глубоким поклоном и глядел на нас своими большими черными глазами с томным выражением смущения, что очень смешило меня. И как только мы отходили от него, я всецело отдавалась веселому настроению. Я сравнивала его с волшебным фонарем и особенно старалась сделать его смешным в глазах Великой Княгини.

Раз, когда я одна прогуливалась утром в саду, мне встретился граф Штакельберг, он заговорил со мною тем дружеским и вежливым тоном, каким он обыкновенно говорил с лицами, которым он хотел показать свою любовь.

— Дорогой друг, дорогая графиня, — сказал он мне, — чем более я вижу прелестную Психею, тем более я теряю голову. Она несравненна, но я знаю у нее один недостаток.

— Какой же?

— А! у нее не чувствительное сердце; она слишком многих делает несчастными. Она не умеет поблагодарить за самые нежные чувства, за самые почтительные ухаживания...

— Да чьи же?

— Того, кто ее обожает.

— Вы с ума сошли, дорогой граф, и, должно быть, вы меня плохо знаете. Отправляйтесь к г-же Шуваловой, она вас лучше поймет, и знайте раз и навсегда, что слабость так же чужда Психее, как близка к низости ваша речь.

Окончив эти слова, я взглянула в сторону помещения Зубова и увидела его на балконе. Я взяла графа Штакельберга под руку и подвела его к нему.

— Вот, — сказала я ему, — молодой человек, который совсем сошел с ума; пустите ему кровь как можно скорее. А пока я вам разрешаю расспросить у него все подробности нашего разговора.

И я оставила их, очень довольная собой.

Несмотря на тревоги, пребывание в Царском Селе было приятным. Оно давало пищу обольстительным иллюзиям молодости. Величественная картина двора, дворец, сады и террасы, пропитанные ароматами цветов, все это возбуждало благородные мысли и воспламеняло воображение. По возвращении с прогулки в чудный вечер Императрица остановилась около гранитного барьера; все уселись на широких плитах камня, покрывавших его. Ее Величество поместила меня между собой и Великой Княгиней, с которой Зубов не спускал глаз. Великая Княгиня была смущена, и я не могла быть спокойной. Я делала громадное усилие над собой, чтобы вслушаться в то, что Императрица говорила мне. Вдруг мы услыхали восхитительную музыку. Дьетц, очень хороший музыкант, играл под окнами Зубова, недалеко от барьера, трио на виоль д'амур с аккомпанементом альта и виолончели. Гармонические звуки этого инструмента любви таяли в воздухе среди царившей тишины. Великая Княгиня была взволнована.

Немая речь души свойственна дружбе; между друзьями нет надобности в словах, чтобы чувствовать мысли друг друга. Я понимала Великую Княгиню, и для меня этого было достаточно. Ее смущение заменилось приятным чувством наслаждения, вызванного волшебным настроением минуты.

Когда Императрица удалилась, я проводила Великую Княгиню домой; мы сели в маленькой гостиной

у окна, а остальное общество находилось рядом в большом салоне; окно, у которого мы сидели, было открыто и выходило в сад; на красивой поверхности озера отражалась луна; все было спокойно кругом, кроме души, жаждущей впечатлений.

Великий Князь любил свою жену любовью брата, но она чувствовала потребность быть любимой так же, как она бы любила его, если бы он сумел ее понять. Разочарование в любви очень тягостно, особенно во время первого ее пробуждения. Принципы, в которых Великая Княгиня была воспитана принцессой, своей матерью, были проникнуты добродетелью и побуждали ее к исполнению своего долга. Она знала и чувствовала, что ее муж должен быть главной целью ее любви. И она отдавалась этому чувству, но не получала ответа, и потому дружба становилась для нее с каждым днем все более и более необходимой. Я находилась около нее и нежно любила ее. Препятствия, интриги и обман еще более увеличили ее любовь ко мне, и я боялась остановить развитие этого чувства, так как ее душа искала проявления. Чтобы сохранить чистоту ее сердца, я предоставила ей излиться в чувстве дружбы ко мне. В преданности к ней я находила твердую уверенность. Я знала, что дружба меняется со временем: на первых порах она отличается пылкостью юности, впоследствии она становится спокойнее, и, наконец, испытания увенчивают ее.

Однажды вечером, вместо того чтобы отправиться вслед за Великой Княгиней после окончания собрания у Императрицы, я прошла в комнаты моего дяди, чтобы переменить туалет. Это было не долго, и я уже выходила, когда кто-то сказал мне, что Зубов дает серенаду у своего окна, а услужливая Шувалова взялась провести Великую Княгиню по лужайке мимо окна и обратить внимание на Зубова, чтобы получить одобрение его

чувствам. Я пришла в бешенство и побежала туда как можно скорее. К счастью, я догнала Великую Княгиню раньше, чем она дошла до условленного места. Шувалова шла с ней под руку.

— Куда вы идете, Ваше Высочество?

— На лужайку, — отвечала она, — графиня сказала мне, что там мы услышим прелестную музыку.

Я сделала ей знак глазами и прибавила:

— Поверьте, что будет лучше, если мы прогуляемся в такую прекрасную погоду.

Великая Княгиня оставила руку своей уважаемой спутницы, и мы пошли с ней таким шагом, что Шувалова не могла нас догнать. Она осталась там, крайне рассерженная на меня. Дорогой я рассказала Великой Княгине настоящую подкладку этой истории, и она была очень довольна. На следующий день графиня Шувалова жаловалась на меня всем своим поверенным, и я очень смеялась этому. Я нахожу также достойным похвалы заслужить ненависть людей, презираемых нами, как и уважение тех, кого мы любим. У меня нет способности к интригам, расчетам и к ловкости; я не могу льстить за счет моей совести и не знаю политики света.

Однажды после обеда Колычев предложил мне от имени Зубова спеть романс в тот момент, когда Императрица появится на вечере. Этот романс был новостью. Я прочла куплеты и во втором увидела довольно ясно выраженное объяснение в любви[78].

---

[78] Le sort me fait un crime,
De voulolr I'enflammer
Et laisse à sa victime
Le droit fatal d'aimer.
Судьба преступно поступает со мной,
Воспламеняя мое сердце
И предоставляет своей жертве,
Роковое право любить.

Я поблагодарила Колычева и попросила его передать Зубову, что я не хочу ни обращать на себя внимание, ни злоупотреблять добротой Ее Величества, которая не любит музыки. Он ушел с тем же, с чем и пришел, и я не сказала об этом Великой Княгине.

На следующий день, в воскресенье, был небольшой бал в своем обществе. Танцуя английский с Колычевым, я увидала сверток нот у него в кармане. Он вытаскивал его время от времени, чтобы обратить внимание Великой Княгини, которая находилась около меня. Так как его проделка не удалась, то он решился сам предложить ей романс, но я предупредила Великую Княгиню, тихо сказав ей:

— Не берите этих нот, сегодня вечером вы узнаете, что это такое.

Она не взяла их. Во время полонеза я видела, как Зубов, графиня Шувалова и граф Головкин сговаривались между собой. Минуту спустя Головкин пригласил меня танцевать. Я согласилась, и он поместился в первой паре, а Шувалова и Зубов сзади нас. Я сказала графу, что не хочу идти в первой паре.

— А почему? — спросил он. — Вы доставите удовольствие Зубову.

— Пускай он сам ведет полонез, — ответила я.

В то время как я настаивала на перемене места, Зубов сказал мне:

— Я умоляю вас, графиня, начать полонез, я был бы так счастлив следовать за вами, только вы можете привести меня к счастью.

— У меня нет способности вести кого-либо — я едва себя умею вести.

И я перешла с первого места на последнее.

— Вы очень упрямы, — сказал мне Головкин.

— Признаюсь, — отвечала я, — что я не так покладиста, как вы.

Я забыла рассказать про княгиню Прасковью Андреевну Голицыну, старшую дочь графини Шуваловой, получившую разрешение бывать по воскресеньям в Царском Селе. Это была женщина с непокойным умом и непоследовательным характером. Она завидовала исключительно милостивому обращению со мной Императрицы. После обедни до обеда Ее Величество делала прием. Княгиня Голицына знала, что Государыня иногда для развлечения делала оттиски из картона с мифологическими изображениями, и ей страшно хотелось получить такой оттиск для медальона, который она носила на шее нарочно так, чтобы можно было заметить, что он пустой. Императрица обратила внимание на это и сказала Голицыной:

— Мне кажется, княгиня, что в медальоне, который я вижу на вас вот уже несколько воскресений, чего-то не хватает.

Княгиня покраснела от радости и ответила, что была бы очень счастлива, если Государыня находит, что медальон достоин ее работы.

— Нет, я вам дам сибирский камень, который гораздо красивее моих оттисков.

Неделю спустя она послала графине Шуваловой для ее дочери медальон с сибирским халцедоном и бриллиантами. Княгиня появилась за обедней, сияющая от радости, и, не владея собой, всем показывала подарок Государыни. Вечером на балу она была вне себя от волнения. Императрица весь день посматривала на меня и обходилась довольно холодно; это меня нисколько не обеспокоило. Я танцевала, как всегда, очень веселая, и все мои мысли были поглощены Великой Княгиней. Болезнь, распространенная при дворе, не действовала на меня. Ее Величество заметила это и в конце вечера позвала меня.

— Ваша веселость приводит меня в восхищение, — сказала она мне. — Ничто не может ее нарушить.

— Отчего же, Ваше Величество, мне не быть веселой? Я осыпана милостями Вашего Величества и Великой Княгини, чего мне может не хватать? Я счастлива, и вдвойне счастлива тем, что я вам обязана этим.

— Идите, вы мне доставляете удовольствие.

По возвращении в город 30 августа, в день Св. Александра, Ее Величество послала за моим мужем и вручила ему для меня медальон, гораздо более красивый, чем у княгини Голицыной, прибавив, чтобы он только в том случае передал его мне, если он мною доволен. Секретарь Императрицы Трощинский рассказывал мне, что он находился при том, когда ювелир принес медальон. Императрица показала его Трощинскому, говоря: «Я предназначаю его для женщины, которую я очень люблю. Я подарила тоже медальон княгине Голицыной, но, если их сравнить, можно судить о различии моей любви».

Сколько милостей запечатлелось в моей душе! Как приятно и неизбежно чувство благодарности! Даже смерть не разрушила его. Оно самостоятельно и справедливо, и спокойствие могилы делает его священным и религиозным.

III

Этот год был отмечен интересными событиями: взятие Курляндии, Варшавы и раздел Польши. Последнее было неизбежным политическим следствием первых двух событий. Ненависть поляков против русских усилилась, и зависимое положение довело до крайней степени их раздраженную гордость. Я была свидетельницей сцены, которую я никогда не смогу забыть. Она дала мне понятие о силе очарования Императрицы.

Приехала депутация поляков для представления Государыне. Все мы дожидались Императрицу в салоне. Насмешливый и враждебный вид этих господ меня очень забавлял. Государыня вошла в комнату; мгновенное движение выпрямило их всех. У нее был величественно-снисходительный вид, вызвавший у них глубокий поклон. Она сделала два шага, ей представили этих господ, и каждый из них становился на одно колено, чтобы поцеловать у нее руку. В эту минуту у всех у них на лицах было выражение покорности. Императрица заговорила с ними... Через четверть часа она удалилась, сделав свой обыкновенный медленный реверанс, который невольно заставлял наклонить голову каждого из присутствующих. Поляки были вне себя от восторга, они уходили бегом и громко говорили:

— Нет, это не женщина — это сирена, это волшебница; ей нельзя сопротивляться.

Когда двор перебрался в Таврический дворец, я бывала там каждый день. Я часто обедала у Их Императорских Высочеств в небольшом кружке: Великий Князь, Великая Княгиня, мой муж и я. В шесть часов мы отправлялись к Императрице, где также присутствовало общество, которое раньше собиралось у круглого стола в Царском Селе. Иногда бывали концерты. Оркестр состоял из лучших придворных музыкантов, некоторых любителей, и между ними Зубов. Великая Княгиня и я — мы были первыми певицами. У нее был нежный красивый голос, и ее слушали с восторгом. Мы пели с ней вместе дуэты, так как в наших голосах было много схожего.

Однажды вечером после исполнения симфонии Зубов подошел ко мне и опять предложил мне спеть тот знаменитый романс, от которого я тогда отказалась. Я сидела за стулом Императрицы. Великая Княгиня,

находясь рядом со мной, слышала эту просьбу и смутилась; она не смела поднять на меня глаз, и Великий Князь тоже волновался. Я встала и пошла за Зубовым к клавесину. Он хотел мне аккомпанировать на скрипке. Я спела первый куплет, в котором ничего не было, и остановилась.

— Как, уже! но это очень мало, графиня.

Я снова начала первый куплет; он просил меня спеть второй, но я отказалась, говоря, что мы задерживаем концерт из-за очень плохого романса, и пошла от клавесина на свое место. Когда я проходила мимо Императрицы, она сказала мне:

— Что это такое за иеремиада?

— Да, действительно, Ваше Величество, это самая скучная ария, какую я когда-либо слышала.

И я села на место. Взгляды Великой Княгини выражали удовольствие, и я была более чем счастлива видеть, что она довольна. Концерт кончился, и я собиралась уходить, но в тот момент, когда я надевала плащ, подошел Великий Князь и заставил меня пробежать с ним до кабинета Великой Княгини; там он встал на колени передо мной и самым живым образом выразил мне удовольствие, которое ему доставил мой поступок.

Я позволю себе рассказать настоящий фарс, который я устроила в это время. Существовал некий Копьев, умный человек, но большой негодяй, игравший роль прихлебателя у знатных. Он заходил иногда к моей свекрови и вертелся в передней у Зубова. Однажды, посетив нас, он сказал, что видел, как Великая Княгиня, стоя у окна, разговаривала с Шуваловой, и что он долго смотрел на них из помещения Зубова, находившегося напротив, и что сам Зубов тоже не спускал с них глаз. Он прибавил, что это устраивает графиня Шувалова, чтобы доставить возможность своему протеже видеть Великую Княгиню. Эти подробности показались мне

оскорбительными и очень не понравились. На следующий день Великая Княгиня написала мне, чтобы я пришла к ней к одиннадцати часам, желая прорепетировать дуэт, который мы должны были петь на следующем концерте. Я отправилась туда. Сарти нам аккомпанировал...

Сарти ушел. Я спросила Великую Княгиню, правда ли, что графиня Шувалова подводила ее к окну, чтобы разговаривать. Она мне ответила, что это правда, но что с тех пор, как она увидала Зубова, смотревшего на нее, она больше не останавливалась у окна.

Я попросила у нее позволения сделать все, что мне придет в голову, она согласилась, и я предложила ей сесть в глубине комнаты, чтобы видеть спектакль, который я ей устрою. Я пошла сначала за булавками в ее уборную, а возвратясь, подошла к окну и увидала напротив Зубова с зрительной трубой, направленной на нас. Я раскланялась с ним, он ответил мне глубоким поклоном. Я посмотрела на него с минуту, потом отвернулась, как будто я с кем-нибудь разговаривала. Затем я встала на стул и стала скалывать вместе занавеси, оставив отверстие, в которое я просунула голову и поклонилась ему еще раз. Он быстро отошел от своего окна, а мне больше ничего не было нужно, и я слезла со стула. Великая Княгиня смеялась от всей души.

Перед обедом я хотела уйти, но она не отпустила меня и оставила на весь день. К вечеру послали за графиней Толстой, и мы весело провели время вшестером, три мужа и три жены.

IV

Спустя несколько недель двор возвратился в Зимний дворец. Великий Князь прохворал пятьдесят два дня. Каждое утро я получала записку от Великой Княгини с

приказанием приехать к ней. Графиня Толстая тоже была приглашена, но она не всегда приезжала. Лучшие музыканты с Дьецом во главе исполняли симфонии Гайдна и Моцарта. Великий Князь тоже играл на скрипке. Мы слушали эту прекрасную музыку из соседней комнаты, где почти всегда мы были только вдвоем. На нашем разговоре часто отражалась гармония, которая так хорошо подходит к словам души.

Музыка обладает волшебной властью над нашими способностями: она возбуждает память, дающую нам воспоминания; все окружающее исчезает перед нашими глазами; раскрываются могилы, встают мертвые, возвращаются отсутствующие, ощущения завладевают нами; в это время наслаждаешься, страдаешь, сожалеешь и чувствуешь сильнее. Одно время в моей жизни, тяжелое для меня время, я избегала клавесина. Невольно я играла те места, которые напоминали мне прошлое. Я справлялась с собой, но не могла справиться с воспоминаниями. Если бы это чувство было любовью, оно бы кончилось победой или отвращением, но это было справедливое непреодолимое чувство, которое не ослабевало от страданий и больше не могло обратиться к сердцу, вызвавшему его.

Когда Великий Князь поправился, вечера прекратились. Великая Княгиня сожалела об этих тихих и интересных вечерах, так же как и я. После ужина я шла с Великой Княгиней в уборную. Иногда мы разговаривали.

Великий Князь оставался в соседней комнате вместе с моим мужем, которого он очень любил. Они разговаривали и иногда спорили о либеральных идеях, которые Лагарп[79], один из его воспитателей, старался

---

[79] Лагарп Фредерик Сезар де (1754–1838), швейцарский политический деятель, приверженец идей Просвещения. В 1784–1795 вос-

внушить ему. Но наступал момент расставания; Великий Князь направлялся с мужем в свою комнату, где он делал ночной туалет; Великая Княгиня тоже начинала раздеваться; я помогала ей, распускала ее волосы, заплетала в косу. Г-жа Геслер, ее камер-фрау, раздевала ее, потом она шла в свою спальню, чтобы лечь в постель, и звала меня проститься. Я становилась на колени около постели, целовала у ней руку и уходила.

Однажды вечером, когда я пришла к Великой Княгине, она открывала одну из дверей кабинета в тот момент, когда я входила через другую. Она подбежала ко мне, как только увидала меня. Признаюсь, что я приняла ее за приятное видение. Ее волосы лежали небрежно, на ней было белое платье, которое тогда называли греческой рубашкой, на шее была золотая цепь, и рукава отдернуты, потому что она только что отошла от арфы. Я остановилась и сказала: «Боже, какой у вас хороший вид!» — чтобы не сказать ей: «Боже, как вы прекрасны».

— Что вы находите необыкновенного во мне? — спросила она меня.

— Я нахожу, что у вас такой вид, что вы великолепно себя чувствуете...

В каком глупом положении бываешь, когда приходится говорить не то, что думаешь, тем, от кого бы не хотел ничего скрывать! Она увела меня в свою комнату, приказала мне аккомпанировать на рояле и сыграла на арфе Les folios d'Espagne; я делала аккорды. Потом мы разговаривали до ужина. Вечером не было концерта.

Наш разговор никогда не касался личностей. Мысли следовали одна за другой без подготовки и отделки. Переполненное сердце является неиссякаемым источником

питатель великого князя Александра Павловича. В 1798–1800 член Директории Гельветической республики.

тем, душа облагораживает их, и ум кладет свой отпечаток на их выражение. Как я жалею тех, кто стремится блистать за чужой счет, какой фальшивый блеск, какое отсутствие глубины мысли! Сколько мелочности и напрасных забот в изображении лжи, исчезающей так же быстро, как искры, мелькающие в наших глазах!

Во время зимы 1794/1795 года часто бывали маленькие балы и спектакли в Эрмитаже, а также балы в тронном зале. Появился новый придворный: шевалье де Сакс, незаконный сын принца Ксавье, дяди Саксонского короля. Императрица приняла его очень хорошо, но его пребывание в столице окончилось печально. Один англичанин по имени Макартней научил его нанести оскорбление князю Щербатову по выходе со спектакля. Он оскорбил его так, что не могло возникнуть никаких сомнений в том, что шевалье де Сакс был не прав, и поэтому был отослан. Князь Щербатов вследствие этого не мог получить удовлетворения, которого требовала его честь; он разыскал его в Германии, вызвал на дуэль и убил. Путешествуя во Франции, я встретила его сестру, герцогиню Эсклиньяк. Мы остановились с ней в одной гостинице в Страсбурге, и потом я видела ее еще в Дрездене. После смерти шевалье де Сакс она питала непримиримую ненависть к русским.

По мере того как я разыскиваю в прошлом воспоминания, составлявшие тогда мое наслаждение, невольные сравнения приходят мне на ум и прерывают нить моих мыслей. Что же такое жизнь, как не постоянное сравнение прошлого с настоящим? Ощущения притупляются с возрастом, чувства успокаиваются, точка зрения проясняется, душа освобождается понемногу от своих оков. В ней, как в прекрасной картине, потемневшей от времени, легкие тени теряют свой блеск, но зато больше силы в общем впечатлении и она дороже ценится знатоками.

Возвратимся ко двору, к человеческим слабостям и... к моей повязке. Графиня Салтыкова, родственница графини Шуваловой, очень желала быть допущенной на концерты Эрмитажа. Императрица предоставила эту милость ей и ее дочерям один или два раза. Однажды, когда она была приглашена, мы дожидались Ее Величество в комнате, где находился оркестр. Г-жа Салтыкова, женщина хотя и с достоинствами, но была одержима непреодолимой завистью, распространенной при дворе. Милостивое отношение ко мне Императрицы иногда заставляло ее довольно сухо обходиться с моей незначительной особой. В этот вечер у меня была очень красивая прическа, которую мне устроила Толстая, и повязка под подбородком. Графиня Салтыкова подошла ко мне с холодным и враждебным видом. Она была высокого роста, внушительная, с мужскими чертами лица.

— Что это у вас под подбородком? — спросила она. — Вы знаете, эта повязка придает вам вид, будто у вас болит лицо?

— Это Толстая меня так причесала, — ответила я, — и я подчинилась ее фантазии, у нее больше вкуса, чем у меня.

— Не могу от вас скрыть, — продолжала она, — что это очень некрасиво.

— Что делать! Я не могу сейчас ничего переменить.

Появилась Императрица, и началась симфония; Великая Княгиня спела арию, я тоже, после чего Ее Величество позвала меня (графиня Салтыкова сидела рядом с ней).

— Что это у вас под подбородком? — сказала Императрица. — Знаете ли, что это очень красиво и идет к вам.

— Боже, как я счастлива, что эта прическа нравится Вашему Величеству! Графиня Салтыкова нашла это таким некрасивым и неприятным, что я была совсем обескуражена.

Императрица пропустила палец под повязку, повернула мое лицо к графине и сказала:

— Посмотрите, как она красива.

Салтыкова, очень сконфуженная, ответила:

— Действительно, это довольно недурно идет к ней.

Императрица немного больше потянула меня к себе и подмигнула. Мне очень хотелось рассмеяться, но я сдержалась ввиду смущения графини, она почти возбуждала жалость. Я поцеловала руку у Государыни и возвратилась на свое место.

Той же зимой случилось одно недоразумение, ясно свидетельствующее о доброте Императрицы. Она дала распоряжение маршалу двора, князю Барятинскому, прислать в Эрмитаж графиню Панину, в настоящее время г-жу Тутолмину[80]. Ее Величество появилась и увидела графиню Фитингоф, которую она никогда не приглашала, а графини Паниной не было. Государыня сделала вид, что ничего не замечает, разговаривала и потом тихо спросила у князя Барятинского, каким образам графиня Фитингоф попала на собрание Эрмитажа. Маршал очень извинялся и сказал, что лакей, которому было поручено приглашение, ошибся и вместо графини Паниной был у графини Фитингоф.

— Сначала пошлите за графиней Паниной; пусть она приезжает как есть; относительно же графини Фитингоф запишите ее на лист больших собраний Эрмитажа; не надо, чтобы она могла заметить, что она здесь по ошибке.

Графиня Панина приехала и была принята как дочь человека, которого Императрица всегда уважала.

[80] Тутолмина Софья Петровна, дочь графа Петра Ивановича Панина, жена Ивана Васильевича Тутолмина (1762–1815), камергера Великой Княгини Елизаветы Алексеевны, позднее шталмейстера.

Я приведу здесь один случай, делающий честь одинаково и Императрице, и подданному. Императрица составила кодекс законов и отдала его на рассмотрение сенаторов. Тогда Ее Величество еще посещала заседания Сената. После нескольких заседаний она спросила о результате рассмотрения. Все сенаторы одобрили кодекс, только один граф Петр Панин хранил молчание. Императрица спросила его мнение.

— Должен я отвечать Вашему Величеству как верноподданный или как придворный?

— Без сомнения, как верноподданный.

Граф изъявил желание переговорить с Государыней наедине. Она удалилась с ним, взяла тетрадку и разрешила ему вычеркнуть, не стесняясь, что он находит неудобным. Панин зачеркнул все. Императрица изорвала тетрадку надвое, положила на стол заседаний и сказала сенаторам:

— Господа, граф Панин только что доказал мне самым положительным образом свою преданность.

И, обращаясь к Панину, прибавила:

— Я вас прошу, граф, поехать со мной и отобедать у меня.

С тех пор Ее Величество во всех своих проектах советовалась с ним, и, когда он был в Москве, она спрашивала его мнение письменно.

V

Наступила весна. Всегда с новой радостью думала я об отъезде в Царское Село. Кроме наступления прекрасного времени года и здорового деревенского воздуха этой местности, там я имела счастье видеть Великую Княгиню каждый день почти с утра до вечера. И в городе я часто виделась с ней, но это было не то же самое.

Поэтому она регулярно писала мне через моего мужа, который имел честь постоянно находиться при Их Императорских Высочествах. Мы отправились в Царское Село 6 мая 1795 года. Я была беременна; опять начались игры, но я не могла принимать в них участия по причине моего состояния и оставалась около Ее Величества, которая милостиво сажала меня рядом с собой. Мы разговаривали обыкновенно про грацию и прелесть Великой Княгини.

Я вспоминаю, что однажды вечером, в то время как делали приготовления к игре, Императрица сидела между Великой Княгиней и мной. Между ними сидела маленькая левретка Императрицы, которую Великая Княгиня гладила рукой. Императрица, повернув голову в мою сторону, разговаривая со мной, желала также приласкать собаку и положила на руку Великой Княгини свою руку, та ее поцеловала. «Боже мой, — сказала Государыня, — я не думала, что там ваша рука». — «Если это не было преднамеренно, то я благодарю случай», — отвечала Великая Княгиня. Эти слова, сказанные так кстати и с такой грацией, дали Императрице повод говорить со мной о Великой Княгине, которую она любила, с особенной нежностью.

У молодой и робкой Великой Княгини не было в обращении с Государыней той непринужденности, какую она могла бы иметь. Происки и интриги графа Салтыкова еще более увеличивали испытываемое ею стеснение. Великая Княгиня-мать все более и более завидовала дружбе Императрицы к своей невестке. Это несчастное чувство увеличивало также ее недовольство мною. Она старалась погубить меня в глазах Великого Князя Александра и Великой Княгини Елизаветы, изображая меня им опасной женщиной и интриганкой. Увы, я слишком мало подходила под это определение,

мои искренние и непринужденные манеры были так противоположны политике двора, что, если бы расчет хотя бы на одну минуту был у меня в мыслях, я, наверно, действовала бы с большей осторожностью и ловкостью. Мое деятельное усердие и преданность не позволяли мне видеть ничего другого, кроме полезного результата для той, кому я отдала свою жизнь. Я не думала об опасностях, которым я подвергалась ежедневно. Бог велик и справедлив; время разрушает оружие клеветы и разрывает покров, скрывающий от глаз истину; совесть, это интимное чувство восторжествует над нашими печалями и даст нам спокойствие, которое позволит нам все перенести.

Тридцатого мая мы ездили с Их Императорскими Высочествами в Петергоф. Мы отправились очень рано и вернулись в Царское Село поздно, уже ночью. Погода была благоприятна; утро мы провели, осматривая сады; после обеда мы, Великая Княгиня и я, гуляли по террасе Монплезира[81], это место величественно и прекрасно: красивые водопады, высокие дерева, крытые аллеи и море имеют благородный и величественный вид. Я говорила с Великой Княгиней, и наш разговор прерывался только мерным шумом волн, разливавшихся на отлогом берегу: Мы стояли, облокотясь на перила, и она говорила со мной с откровенностью, проникавшей мне в сердце. Я слушала ее и отвечала с еще большей чувствительностью.

Вдруг она увела меня в маленький дворец, примыкавший к террасе; она открыла мне всецело свою душу. Эта минута была торжеством и предчувствием грядущей силы, доказательством ее доверия ко мне и причиной

---

[81] Маленький деревянный дворец, построенный Петром I. Императрица Екатерина II жила там иногда в начале своего царствования. — *Прим. автора*.

клятвы в преданности, которую я дала в глубине души и которая являлась источником моей беспредельной привязанности к ней.

Этот разговор расположил нас лучше наслаждаться всем. Мы присоединились к остальному обществу и в десять часов покинули Петергоф. Проезжая мимо деревни обер-шталмейстера Нарышкина[82], мы застали его со всей семьей у входа в сад. Из вежливости мы остановились. Обер-шталмейстер умолял Их Императорские Высочества зайти к нему в дом, где собралось многочисленное общество. Пять дочерей его ломались и жеманились: это был настоящий балаганный спектакль. Дом Нарышкина был замечателен разнохарактерностью общества, собиравшегося там ежедневно. Хозяин не был покоен, пока его гостиная не была полна все равно кем. Достоинства и качества посетителей ему были безразличны.

Прогулка 30 мая — одно из самых дорогих моих воспоминаний. В жизни бывают минуты, когда кажется, что решается судьба. Они как точка, которую ничто не может стереть. Тысяча обстоятельств следуют за ней, не разрушая ее в течение лет; неприятности, проблески счастья, все кажется связанным с этим центром, наполняющим сердце.

Наш флот отправлялся в Англию. Императрица предложила Их Императорским Высочествам съездить в Кронштадт, посмотреть его. Великий Князь одобрил это предложение, Великая Княгиня — тоже, при условии что и я буду участвовать в путешествиях. Графиня Шувалова была в городе около своей дочери, которая рожала. Когда эта маленькая поездка была решена,

---

[82] Нарышкин Лев Александрович (1733–1799), с 1751 состоял при дворе Великого Князя Петра Фёдоровича. С 1762 обер-шталмейстер, с 1799 — действительный камергер.

Салтыков пришел накануне утром для того, чтобы убедить Великого Князя, что я не должна принимать участия в поездке и что это возбудит особое недовольство Великой Княгини матери. Я угадала эту интригу прежде, чем кто-нибудь сказал мне о ней. Великий Князь ничего не говорил мне о путешествии, но Великая Княгиня все время высказывала желание взять меня с собой, милостиво прибавляя, что она не может наслаждаться ничем, если я не буду принимать участия. После обеда, когда я сидела у окна в помещении моего дяди, ко мне подошел Великий Князь.

— Я вас искал по всему саду, — сказал мне он, — мне хотелось вас видеть.

— Ваше Высочество слишком добры, прошло немного времени, как я имела честь вас видеть. Признаюсь, что эта поспешность кажется мне немного подозрительной; я боюсь, не является ли она результатом посещения графа Салтыкова.

Великий Князь покраснел и сказал:

— Что за идея, *толстуха*! (Он тогда меня так звал.) Я просто хотел вас видеть. До вечера!

— Я не знаю почему, Ваше Высочество, но у меня есть предчувствие, что должно что-то случиться.

В шесть часов я поднялась к Императрице. Она появилась раньше, Их Императорские Высочества опоздали. Государыня подошла ко мне и сказала:

— Я надеюсь, что вы участвуете в путешествии?

— Я не получала еще никакого приказания, — ответила я.

— Но как же можно разлучить вас с мужем? Как же вы не будете сопровождать Великую Княгиню?

Я наклонила голову, ничего не ответив, видя, что Императрица была рассержена.

— Наконец, — прибавила она, — если о вас не позаботились, то я беру это на себя.

Когда пришли Их Императорские Высочества, Государыня была серьезна. Она села за бостон, а мы около круглого стола. Я рассказала Великой Княгине все, что произошло. Она очень обрадовалась, предвидя, что я поеду вместе с ней. Она позвала Великого Князя и передала ему все, что я ей сообщила. Он рассыпался в просьбах, чтобы я ехала с ним. Я заупрямилась, поставила ему на вид все опасности, которым он подвергался около графа Салтыкова; сознаюсь, что я была немного злой.

После вечера у Императрицы я ужинала у Их Высочеств. Та же просьба и тот же отказ. Потом я вернулась к себе. В то время как я собиралась ложиться, Великий Князь послал за моим мужем, который пришел мне передать, что я непременно должна ехать.

Мы отправились в путь рано утром на следующий день. В свите Их Императорских Высочеств были граф Салтыков, мой муж, я, граф и графиня Толстые, г-н и г-жа Тутолмины, просившие разрешения принять участие в путешествии, дежурная фрейлина и камергер. Погода была великолепна. Много гуляли перед обедом, который был подан во дворце Монплезир, где мы прожили два дня в течение нашей поездки. Вечером мы, я и Великая Княгиня, отправились на морской берег. Море было спокойно и позволяло надеяться на следующий день. Заходящее солнце чудно светило, и его золотые лучи освещали высокие старые дерева, длинные тени которых были усеяны яркими точками света. Этот момент в природе производит вполне определенное действие. Артист находит в нем совсем готовую палитру, которую напрасно ищет в своем воображении. Это так же, как прекрасный характер, определившийся и благородный, который поражает, вызывает привязанность и разрушает сомнение. Спокойное море является зер-

калом природы, оно отражает небо так же, как красивое лицо носит отпечаток души.

Широкая аллея в средине сада поднимается уступами до большого дворца, пересекаемая струями фонтанов; они поднимаются очень высоко и рассыпаются бриллиантами. Сад оканчивается каналом, ведущим в море. Посредине канала находились катера и шлюпки, на которых мы на следующий день должны были отправиться в Кронштадт. Матросы сидели кругом котла на шлюпке и ели похлебку деревянными ложками. Великая Княгиня остановилась на мгновение, смотря на них, потом она спустилась на несколько ступеней и спросила их, что они едят.

— Похлебку, матушка[83], — отвечали они разом.

Она спустилась к судну и спросила у них ложку, чтобы попробовать похлебку. Энтузиазм, вызванный у матросов этим добрым побуждением, достиг апогея. Их крики долго еще повторялись эхом. Великая Княгиня тихо поднялась со спокойным, ангельским видом, который делал еще красивее ее прекрасное лицо; она молча подала мне руку и пошла по направлению к саду. Я не говорила ничего, крики матросов отдавались в глубине моей души. Красота природы, волшебная сила прелести и доброты, как прекрасный аккорд на хорошо настроенном органе: звуки проникают в сердце и заставляют забывать слова, слишком сильно чувствуешь, чтобы искать их.

На следующий день мы отплыли в Кронштадт. Стояла хорошая тихая погода. Подъехали прямо к флоту; он находился на рейде, весь разукрашенный флагами; снасти, связанные гирляндами, были усеяны матросами, что

---

[83] Это одно из самых почтительных выражений народа. — *Прим. автора*.

представляло красивое зрелище. Мы поднялись при криках «ура» на корабль командующего флотом адмирала Ханыкова[84]. Их Императорским Высочествам подали превосходный морской завтрак. Каюты были красивы. Мы гуляли по палубе. Обширность моря дает представление о бесконечности, а корабль свидетельствует об уме человека.

Мы обедали в Кронштадте у вице-адмирала Пушкина[85]. Изобилие плохо приготовленных блюд не способствовало возбуждению аппетита, но молодость, здоровье и телесное упражнение делают вкусными кушанья. Лакомство — это слабость старости, последнее наслаждение, очень печальное и скучное. Юность не думает о желудке, ее аппетит гораздо деликатнее.

После обеда мы проехались по живописной местности Кронштадта и к вечеру отплыли обратно в Петербург. Мерное покачивание лодки успокаивает и усыпляет. Такое действие оно производит почти на всех, кто не страдает морской болезнью. Великая Княгиня положила голову ко мне на плечо и заснула. Великий Князь стоял на руле. Все дамы были немного утомлены. Фрейлина Голицына, в настоящее время графиня Сен-При[86], старалась преодолеть сон и делала

---

[84] Петр Иванович Ханыков (1743–1812).

[85] Мусин-Пушкин Алексей Васильевич, вице-адмирал (1788–1796).

[86] Голицына Софья Алексеевна (1776–1815), жена Германа-Эммануэля-Шарля Гиньяра, графа Сен-При (1782–1861), брата графа Гильома-Эммануэля, эмигрировавшего в 1791 вместе со своим отцом Франсуа Эммануэлем, знаменитым дипломатом. Граф Гильом потерял ногу, сражаясь с французами при Аустердице, и погиб в 1814 г. при Лаоне под командой Блюхера. Граф Шарль разделял участь своих родных, также поступил на службу в России, был статским советником и губернатором Одессы и Подолии при Александре I; возвратился в Париж во время Реставрации и наследовал

смешные гримасы, открывая то один глаз, то другой. Граф Салтыков посматривал искоса с принужденной улыбкой на Великую Княгиню, прислонившуюся ко мне. Я же была счастлива тяжестью моей ноши и не хотела бы ни с кем перемениться положением.

Поужинали рано, чтобы воспользоваться утром на следующий день. Великая Княгиня, как только проснулась, пришла в мою комнату. Она застала нас с Толстой еще совершенно раздетыми. Эти минуты свободы доставляют самое большое удовольствие высоким особам; они рады на время покинуть свое положение. Судьба Великой Княгини должна была ее привести на трон, но в шестнадцать лет об этом можно забыть. Она была тогда далека от мысли, что через немного лет она окажется на сцене приковывающей к себе все взгляды, где надо скрывать иллюзии под величием и достоинством и охранять уважение и демаркационную линию, которые являются причиною порядка и безопасности.

Великая Княгиня приказала мне отправиться завтракать с ней; г-жа Геслер приготовила нам превосходный завтрак, и Великий Князь пришел его попробовать. Мы почитали некоторое время и пошли гулять втроем: Великая Княгиня, графиня Толстая и я. Мы уехали из Петербурга после обеда довольно поздно, в восхищении от нашего небольшого путешествия.

VI

Присоединение Польши после последнего ее раздела привело в волнение корыстолюбивые и алчные стремления: открывали рты для того, чтобы просить,

---

место своего отца в Палате Перов. От его брака с Софьей Голицыной родились: сын граф Алексей, служащий при Людовике Филиппе во французском дипломатическом корпусе, и дочь Ольга, бывшая замужем за князем Долгоруким.

и карманы, чтобы получать. Зубов очень скромно желал получить *староство*[87], предназначенное принцу де Конде. Результатом его нескромности был отказ, что вызвало у него надутый вид, который, впрочем, он не умел сохранять в течение долгого времени. Власть, поддержанная справедливостью и силой, заставила его покориться и скрыть свою досаду. Это же самое староство граф де Шуазель-Гуфье[88] просил у Императора Павла. Он, наверно, получил бы его, если бы Император не сказал об этом князю Безбородко, который сообщил ему о размерах этого имения. Шуазель удалился со своим добродушным видом, получив менее значительное поместье.

Никогда я не знала человека, обладавшего таким даром слез, как граф Шуазель. Я помню еще, как он был представлен в Царском Селе: при каждом слове, сказанном ему Ее Величеством, его мигающие глаза наполнялись слезами. Сидя напротив Императрицы, он не спускал с нее глаз, но его нежный вид, покорный и почтительный, не мог вполне скрыть хитрость его мелкой души. Несмотря на свой ум, Шуазель не одурачил никого. Даже его живописное путешествие по Греции было только тщеславной мечтой, оскорбляющей памятники того времени, способные разрушить ложь.

Однажды вечером Ее Величество прошла к озеру, села на скамейке, приказала мне сесть рядом с ней и

---

[87] Ленное поместье в Польше.

[88] Шуазель-Гуфье Мари-Габриель-Флоран-Огюст (1752–1817), дипломат и археолог, в 1784 назначен посланником в Константинополе. После 1791 в России. При императоре Павле I управлял Академией художеств и Императорской библиотекой. В 1802 вернулся во Францию. Возвратившись во Францию во время Реставрации, он был министром, пэром и продолжал свои археологические исследования.

предложила Их Императорским Высочествам покормить лебедей, которые были приучены к этому. Все придворные приняли участие в этой забаве. В это время Государыня говорила мне про моакса, род американской кошки, которую все боялись и которая была очень к ней привязана.

— Представьте себе, — сказала она, — как несправедливо поступили с ним вчера. (Я была больна и не приезжала ко двору.) В то время как мы были у колоннады, этот бедный моакс прыгнул на плечо Великой Княгине и хотел к ней приласкаться. Она оттолкнула его веером, это движение вызвало неумеренное усердие, и бедное животное было позорно изгнано. С тех пор я его не видала.

Едва Ее Величество кончила говорить, как моакс показался сзади нас на спинке скамьи. К несчастью, у меня была такая же шляпа, как накануне у Великой Княгини; он принял меня за нее, но, обнюхав мое лицо, он убедился в своей ошибке, впустил мне когти в верхнюю губу и схватил мою щеку зубами.

Императрица закричала, называя меня по-русски самыми нежными именами; кровь текла у меня из губы, что еще более увеличивало ее испуг. Я умоляла ее ничего не бояться. Одной рукой я схватила морду моего врага, другой взяла его за хвост и отдала его камер-юнкеру, которого Ее Величество позвала мне на помощь.

Она была бесконечно довольна мною, что я не испугалась, сказала мне слишком много лестного за такое небольшое испытание храбрости; она вытерла мне кровь своим платком, повторяя, что ей очень приятно, что у меня нет кривлянья и истерик. Бедного моакса посадили в железную клетку, послали в город в Эрмитаж, и больше его не видали.

Летом случилась довольно оригинальная история. Согласно разрешению Императрицы, данному камергерам,

оставаться сколько им угодно в Царском Селе, они забросили свою службу у Великого Князя в Павловске, и вследствие этого Ростопчин, находившийся там, не мог никуда оттуда уехать. Выведенный из терпения этой особой ссылкой, он решился написать циркулярное письмо, довольно колкое, в форме вызова на дуэль всем своим коллегам. Это письмо было составлено так, чтобы осмеять каждого, разбирая подробно мотивы его небрежности. Все эти господа обиделись и пожелали драться с Ростопчиным, который принял вызов и попросил моего мужа быть секундантом. Князь Михаил Голицын и граф Шувалов[89] должны были драться первыми. Назначили свидание, но они оказались настолько рассудительными, что муж воспользовался их мирным настроением и окончил дело полюбовно. Постарались также успокоить князя Барятинского[90], брата графини Толстой.

Эта история дошла до Государыни, и она, желая дать пример, сослала Ростопчина в свое имение с женой. Он несколько месяцев перед этим женился на второй племяннице м-ль Протасовой. Это изгнание очень огорчило Великого Князя Александра и Великую Княгиню Елизавету, которые его очень любили. Мы все были страшно печальны. Государыня провела вечер внутри колоннады; она наблюдала наши вытянувшиеся лица и сказала графу Строганову, находившемуся около нее:

— Можно подумать, что Ростопчин потерян для жизни.

Она послала князя Барятинского к Суворову в Варшаву, так как война еще продолжалась; он возвратился после конца кампании, когда последовал мир. Ростоп-

[89] Шувалов Павел Андреевич (1776–1823), генерал-адъютант.

[90] Барятинский Иван Иванович (1750–1830), князь, позже посол в Мюнхене.

чин был возвращен через несколько месяцев. Эта ссылка доставила ему милость Великого Князя Павла, который считал его человеком, пострадавшим за него.

В этом году летом была особенно прекрасная погода. Но все-таки приближался момент отъезда из Царского Села, и я думала об этом с сожалением. Уже было десятое августа, и ночи, хотя и немного темные, были покойны и теплы. Великая Княгиня предложила мне сделать прогулку после вечера у Императрицы. Я согласилась при условии, что Великий Князь и мой муж также будут участвовать в ней. Мы условились, что я с мужем буду дожидаться их в большой средней аллее, наиболее тенистой, и что, переменив платье, она придет к нам с Великим Князем.

Она пришла через четверть часа с ним под руку. На ней был редингот из голубого кашемира и черная касторовая шляпа. Мы сели вдвоем на скамейке, а Великий Князь с мужем пошли до конца аллеи. Окружившая нас тишина делала еще более чувствительной неопределенность ночного воздуха. Несмотря на отсутствие ветра, в природе чувствуется какое-то дрожание, точно она прислушивается к нашим удовольствиям и печалям.

Мы хранили молчание, свидетельствующее о доверии, которое с такою прелестью и готовностью дарит дружба. Ищут друг друга, желают быть вместе, молчат и удовлетворены: это главное чувство жизни сердца, и, несмотря на его горячность, нежность может его успокоить.

Великая Княгиня прервала молчание, чтобы живо выразить мне все, что происходило в ней. Казалось, ей не хватало слов. Вдруг поднялся ветер, нагнувший ветки над нашими головами. Она воскликнула:

— Mon Dieu, je vous remercie! Природа согласна со мной.

Я взяла ее за руку и предложила ей идти навстречу возвращавшемуся Великому Князю. Он предложил нам пойти подождать его в круглую беседку близ поля с розами, а сам он хотел отправиться с мужем к развалинам[91], посмотреть, нет ли там воров. Великая Княгиня была очень рада опять остаться со мной вдвоем. Мы вошли в эту беседку, открытую со всех сторон — купол поддерживается колоннами, — и сели на скамейку. Великая Княгиня прислонилась ко мне и продолжала свой рассказ. Моя душа с жадностью воспринимала каждое слово, выходившее из ее уст. Что за исследование — знакомиться с чистой и нетронутой душой, способной к принятию прекрасных и глубоких впечатлений! Никогда я не замечала в Великой Княгине ни мелочности идей, ни обыкновенных чувств, более или менее составляющих жизненный роман, известный всем и который можно предугадать заранее. Если бы ее душа и сердце могли бы излиться на груди того, кто должен был бы ее понимать, сколько добродетелей и чудных качеств стало бы известно, даже ранее ее печалей и скорбей. Но никогда не понятая, не признанная, всегда отталкиваемая, она была предназначена к самым жестоким жертвам, обладая благородной душой, самым чувствительным сердцем и самым живым возвышенным воображением.

Сколько опасностей для всякой другой, но не для нее! И в то же время ее душа, более сильная, чем страсти, разорвала мрачное покрывало, скрывающее истину; она открыла чистый свет, сверкающий даже во мраке, этот маяк, который ни грозы, ни бури не могут угасить и который находится в глубине нас самих.

Но возвратимся к беседке. Уже прошло некоторое время, как пробило одиннадцать часов; ночь станови-

---

[91] Здание с башней в конце сада. — *Примеч. авт.*

лась темнее, и было поздно. Великий Князь не приходил за нами, и, несмотря на прелесть разговора со священным для меня лицом, порученным моим заботам, и желание остаться там, я начинала бояться, что нас мог застать там какой-нибудь пьяница или слишком любопытный человек. Наконец пришел Великий Князь и мы направились домой, поужинали и разошлись позднее, чем обыкновенно.

На следующий день я рано отправилась гулять в Английский сад; я приказала моему негру принести мне туда камеру-обскуру, подаренную мне Императрицей; я поставила ее против колоннады с другого берега озера, чтобы срисовать прелестный вид. Озеро было широко и я была на выгодном для перспективы расстоянии. Эта камера-обскура была велика и удобна, туда можно было почти войти на половину корпуса и очень хорошо положить руки. Я принялась за работу. В это время графиня Браницкая проходила на противоположном берегу. Она увидала мой аппарат и не могла понять, что такое она видит; она остановилась и осматривала четырехугольную массу камеры, зеленую занавеску, спускавшуюся до земли, и спросила у своего лакея, дерзкого и грубого человека, что это такое, по его мнению. Последний отвечал не колеблясь: «Это г-жа д'Эстергази лечится электричеством». Графиня обошла кругом озера, подошла ко мне и рассказала мне смешную выдумку своего лакея. Мы обе много смеялись; потом она рассказала об этом Государыне, и та тоже нашла это забавным.

Однажды вечером Великий Князь попросил позволения у ее Величества остаться у себя. Позвали Дьетца с виоль д'амур и трех других превосходных музыкантов для исполнения квартетов. Когда этот маленький концерт окончился, Великая Княгиня приказала мне следовать за ней в ее внутренние апартаменты.

«Уже давно, — сказала она мне, — хотела я вам показать нечто вроде дневника, который я хочу послать матери при верной оказии. Я не хочу его отправить, не показав вам и не отдав его на ваше суждение. Останьтесь здесь (мы были в спальне), я сейчас принесу его, и вы поступите с вашей обычной откровенностью».

Она вернулась, мы сели около камина, я прочла тетрадку и бросила ее в огонь. У Великой Княгини вырвалось резкое движение, потом на лице ее отразилось удивление.

— Что вы делаете? — сказала она с легким раздражением в голосе.

— То, что я должна, Ваше Высочество. Эта рукопись обладает всей прелестью стиля и искренним доверием дочери к своей матери, но, когда принцесса, ваша мать, прочтет его, находясь на расстоянии восьмисот лье от вас, она будет беспокоиться. Каким образом вы можете ее тогда успокоить? Вы посеете в ее душе смущение и муку. Большая разница, говорить или писать. Иногда одного слова достаточно для человека, который нас любит.

Великая Княгиня согласилась с трогательной прелестью и сказала мне многое, что тронуло мое сердце.

Эта тетрадка была отражением души, всецело изливающейся на груди любимой матери, преувеличивая опасности из благородного стремления и большого недоверия к самой себе. На ее стиле заметно отразился характер ее учения. История была все время ее любимым чтением. Изучение сердца человеческого помогает нам познавать и судить себя. Благородство ее души в соединении с принципами располагало ее к снисходительному отношению к другим и большой строгости к себе.

Одной из причин, заставивших меня уничтожить эту рукопись, было желание лишить возможности Ве-

ликую Княгиню читать ее. Ее необходимо было поддержать против трогательного недоверия к своим силам, которое могло ее бросить в уныние.

Императрица никогда не объявляла заранее о своем отъезде из Царского Села. Она отправлялась обыкновенно в тот момент, когда этого меньше всего ожидали, что было причиной недоразумений, забавлявших ее. Однажды сказали, что Ее Величество сегодня выезжает в карете, и это очень всполошило всех, кто имел честь возвращаться с Государыней в Петербург в ее карете. Граф Штакельберг был особенно этим заинтригован и приказал своему лакею укладываться. Ее Величество села в шестиместную карету и оказала мне честь, пригласив меня туда вместе с м-ль Протасовой, Зубовым, флигель-адъютантом Пассеком и графом Штакельбергом. Она отдала заранее распоряжение кучеру, который повез нас сначала на обыкновенную прогулку, а потом свернул на дорогу в город. Граф Штакельберг сделал знак Пассеку, что он не ошибся и угадал. Но в то же время кучер своротил с большой дороги и въехал в лес. Все эти повороты взад и вперед совершенно сбили с толку графа Штакельберга, и он не знал, что подумать. Мое присутствие его должно было бы успокоить. Я никогда не возвращалась в город с Ее Величеством. Наконец спокойно вернулись во дворец; граф Штакельберг не нашел своего лакея, который уехал вместе с вещами. Пришлось послать за ним вдогонку. Это удалось с большим трудом, что очень забавляло Государыню и все общество.

Так как было поздно, она сейчас же удалилась к себе. Я последовала за Их Императорскими Высочествами в их апартаменты и ушла оттуда только в одиннадцать часов. Около полуночи, когда я собиралась ложиться, мне принесли записку от Великой Княгини, которая

просила меня от лица Великого Князя и от себя прийти как можно скорее к ним, так как они хотели сказать мне что-то особенное. Я приказала негру взять фонарь и следовать за мной. Ночь была темная и теплая; я шла по большому двору и коридорам дворца; повсюду царило глубокое молчание. Только часовые кричали: «Кто идет?» У меня был вид искательницы приключений. Проходя по террасе мимо маленькой лестницы, ведущей в комнаты Ее Величества, я увидала стоявший там пикет. Офицер посмотрел на меня с удивлением. Я дошла до малого входа, где меня дожидался камер-лакей Великой Княгини и провел меня в ее кабинет. Минуту спустя она пришла вместе с Великим Князем. На ней был надет шлафрок и ночной чепец, а на Великом Князе — сюртук и туфли. Они спросили моего совета по поводу незначительных вещей, которые они могли бы отложить до следующего дня и тем охранили бы меня от сплетен и злословия моих надзирателей: с того момента, более чем когда-либо, я стала самой таинственной интриганкой. Но Великий Князь утверждал, что только я одна могла разрешить их спор. Примирив их, я возвратилась домой в час ночи.

Через несколько дней утром Императрица уехала из Царского Села. Мы все были на лужайке за оградой, чтобы посмотреть, как будет проезжать Государыня. Их Императорские Высочества оставались еще на сутки. Я вернулась с ними в город. Отъезд Императрицы огорчал всех: угольщики, водовозы, весь народ, живший в Царском Селе, бежал за ее каретой и плакал.

Глава четвертая. 1795–1796

I

Немного времени спустя после возвращения в город Великая Княгиня заболела лихорадкой и вдобавок, чтобы увеличить мое беспокойство, захворал серьезно мой муж. Великий Князь навещал его почти каждое утро, и я предлагала ему завтрак. В четыре часа я отправлялась в Таврический дворец и оставалась там около Великой Княгини до восьми часов. Однажды вечером я нашла ее в худшем положении, чем всегда. Она пересиливала себя, боясь, что я уйду, когда она заснет. Я умоляла ее лечь на кушетку и заснуть, обещая ей не уходить. Она согласилась при условии, что я сяду рядом с ней, чтобы она могла проснуться, если я захочу встать.

Я с удовольствием смотрела, как она спит. Ее сон был покоен, и я наслаждалась тем, что она успокоилась и отдыхала. Я жалею о тех, кто не испытал этих мгновений чувствительной и чистой нежности, этого деликатного чувства, которое наслаждается молча и которому, как кажется, не хватает сердца. Оно говорит душе: нежные заботы и деятельное попечение увеличивают его чувствительность. Я смею сказать, что всегда питала к Великой Княгине чувство материнской любви. Уверенность в ее дружбе и добром отношении ко мне все укреплялась. У меня не было ни сомнений, ни препятствий, ни недоверия. Взаимное общение, существовавшее между нами, придавало нашей дружбе простой и естественный ход.

Я невольно возвращаюсь к ней, пытаясь изложить мои воспоминания. У меня нет воспоминаний ни более чувствительных, ни более глубоких, чем те, предметом которых является Великая Княгиня. Эта эпоха была

самой замечательной в моей жизни, она оказала влияние на все последующее мое существование. Вскоре сцена должна была измениться; появятся новые действующие лица; непредвиденные обстоятельства и печальное событие довершат мое горе. Я останусь одна, со своим сердцем, и такой я хотела бы остаться в этом рассказе...

Великая Княгиня выздоровела, мой муж поправился, и я перешла к моему обычному ходу жизни. В то время говорили о приезде герцогини Кобургской с дочерьми и о браке Великого Князя Константина. Было несколько балов в Таврическом дворце.

Двор перебрался в Зимний дворец. Несмотря на то что момент разрешения от бремени был еще далек, я чувствовала себя нехорошо. Доктора приказали мне сидеть дома. Это была необходимая предосторожность. Толстая также была беременна и должна была родить раньше меня. Она родила сына, и, несмотря на мое нездоровье, я отправилась к ней и ухаживала за ней некоторое время. Как только она оправилась, она приехала ко мне и присутствовала при родах, окончившихся очень удачно и бывших 22 ноября. У меня родилась дочь, к счастью, оставшаяся в живых.

Я не могу обойти молчанием мою дружбу с прелестной женщиной, графиней Шенбург, дочерью г-на Сиверса. Она приехала около года тому назад из Дрездена с матерью. Толстая познакомилась с ней во время путешествия. Я ее видела раньше, когда ей было четырнадцать лет и она ненадолго приезжала в Петербург. Ее мать была хорошо знакома с моей и привела ко мне свою дочь. С самого первого момента нашего знакомства г-жа де Шенбург почувствовала ко мне необычайное влечение. Она мне часто говорила это потом. Это было одно из редких существ по своему уму, душе и чи-

стоте сердца. Она великолепно знала пять языков и музыку, артистически рисовала, была чувствительна, обладала горячностью и совершенной честностью. Она проводила свою жизнь между мной и Толстой, сдерживая живость дружеских чувств по отношению ко мне из боязни обидеть Толстую. Про нее можно было сказать, что тайна ее сердца состояла в деликатности. Она ухаживала за мной во время родов.

Я была счастлива, насколько возможно. Муж и обе подруги не покидали меня. Великая Княгиня выражала мне искреннее участие и часто писала мне. Моя дочь пользовалась великолепным здоровьем. Это спокойствие, проистекавшее из уверенности в счастье, возвращало мне силу.

Через месяц после родов Толстая, находясь наедине со мной, сказала:

— Вот прошло уже два дня, как Великая Княгиня посылала к вам. Я отправлюсь к ней на минуту известить ее о вас, а вам передать о ней.

Она уехала. Через четверть часа мне принесли от великой Княгини записку, полную чувствительной любви. Я отвечала ей со всей силой моей привязанности к ней. Едва я отправила ответ, как приехала Толстая, крайне недовольная.

— Это невероятно, — сказала она мне, — если бы я не заговорила о вас с Великой Княгиней, я думаю, она и не спросила бы, как вы себя чувствуете.

Я улыбнулась и показала записку, которая была для меня дороже всякого сокровища. Толстая не могла прийти в себя от удивления. Горячо чувствующее сердце изливается всецело в сердце того, кого оно любит. Великой Княгине не было надобности говорить обо мне, ей достаточно было думать обо мне, чтобы быть уверенной, что я ей отвечу.

Так как я появилась при дворе только в январе, я не была свидетельницей ни приезда принцесс Кобургских в октябре месяце, ни их отъезда, ни обращения в православную веру и помолвки принцессы Юлии с Великим Князем Константином, но одна особа, вполне достойная доверия и присутствовавшая при всем этом, сообщила мне подробности, описываемые мною здесь.

Великая Герцогиня Кобургская приехала в Петербург вместе с тремя дочерьми: принцессой Софьей, принцессой Антуанеттой — впоследствии она была замужем за принцем Александром Виртембергским и провела большую часть своей жизни в России — и с принцессой Юлией. Они появились в первый раз на одном из концертов Эрмитажа. Императрица и двор отправились туда раньше, и придворные из любопытства стояли толпой у двери, через которую должны были войти иностранные принцессы. Наконец они появились, и смущение, испытываемое бедной герцогиней, попавшей к самому большому и блестящему двору Европы, не сделало более благородными ее мало изящные манеры. Три девушки тоже были очень смущены, но все они были более или менее хороши лицом. Молодость уже сама по себе может вызвать участие.

Впрочем, это смущение скоро прошло, в особенности у младшей, которая через два дня, находясь на балу в Эрмитаже, подошла к Великой Княгине Елизавете, взяла ее за кончик уха и сказала ей по-немецки ласкательное слово, в переводе означающее: *душенька*. Эта наивность удивила Великую Княгиню, но доставила ей удовольствие. В общем, приезд и пребывание принцесс в Петербурге были очень приятны Великой Княгине. Прошло слишком мало времени, как она покинула свою родину и семью, чтобы она перестала скучать о них, и, хотя приехавшие принцессы ничем не напоми-

нали ей родных, все-таки она могла по крайней мере говорить с ними о незначительных подробностях, с вопросом о которых можно обратиться только к соотечественникам, и слышать от них выражения, самый звук которых напоминал ей ее детство.

Во время пребывания принцесс Кобургских в Петербурге было много праздников и балов, и, между прочим, был большой маскированный бал при дворе, памятный для Великой Княгини Елизаветы тем, что он вызвал единственный случай, когда Государыня выразила ей свое неудовольствие. Известная мадам Лебрен незадолго перед этим приехала в Петербург. Костюмы на ее портретах и картинах произвели революцию во вкусах. В то время начинала проникать склонность к античному, и графиня Шувалова, способная к увлечениям юности всем, что было ново и шло из-за границы, уговорила Великую Княгиню одеться на маскированный бал по рисункам мадам Лебрен. Великая Княгиня охотно и легкомысленно уступила, не подумав, понравится ли это или нет Государыне, полагая, что графиня Шувалова не может предложить ничего такого, что было бы не угодно Ее Величеству. Туалет был придуман и исполнен мадам Лебрен, и Великая Княгиня появилась на бал довольная и уверенная в одобрении, которое вызовет ее костюм.

Дворы Великих Князей и двор Государыни отправлялись на подобные балы отдельно, так что Великий Князь Александр с супругой давно уже были на балу, когда они встретили в одной из зал Императрицу. Великая Княгиня Елизавета подошла к ней, чтобы поцеловать руку, но Государыня молча посмотрела на нее и не дала ей руку, что поразило Великую Княгиню. Она скоро догадалась о причине этой строгости и жалела о той легкости, с которой она согласилась заплатить дань

общему безумству. На следующий день Императрица сказала графу Салтыкову, что она была недовольна туалетом Великой Княгини, и обходилась с ней холодно в продолжение двух или трех дней.

У Императрицы было решительное отвращение ко всему преувеличенному и претенциозному, и она доказывала это при всяком случае; было вполне естественно, что она была шокирована, увидав признаки этих двух неприятных недостатков в своей внучке, которую она любила во всех отношениях и желала, чтобы она служила примером для других.

Герцогиня Кобургская не сумела снискать любовь Государыни. Ее Величество редко виделась с ней в интимном кругу, и по истечении трех недель стали торопить Великого Князя Константина сделать выбор.

II

Я думаю, что ему было бы приятнее не делать никакого выбора, так как он вовсе не хотел жениться. Но наконец он решился и остановился на принцессе Юлии. Эта бедная молодая принцесса вовсе не казалась довольна судьбой, ожидавшей ее. Едва просватанная за Великого Князя Константина, она подвергалась грубостям с его стороны и нежности, тоже очень походившей на дурное обращение.

Принцесса Юлия была отдана на попечение г-жи Ливен[92], гувернантки Великих Княжен. Частью она брала уроки вместе с ними, также вместе обедала и выходила; и с ней обращались так строго, как она к этому до

[92] Шарлотта Карловна фон Ливен (1743–1828), светлейшая княгиня, ордена Св. Екатерины 1-й степени кавалерственная дама, урожденная фон-Поссе, вдова генерал-майора барона Отто-Генриха Ливена; пожалована в статс-дамы в 1794.

сих пор не привыкла. Она утешалась от этого временного стеснения с Великим Князем Александром и Великой Княгиней Елизаветой. Последняя отдавала ей все время, которое она могла уделить, и между ними вполне естественно завязалась дружба. В средине зимы Великий Князь Константин приходил завтракать к своей невесте ежедневно в десять часов утра. Он приносил с собой барабан и трубы и заставлял ее играть на клавесине военные марши, аккомпанируя ей на этих шумных инструментах. Это было единственное изъявление любви, которое он ей оказывал.

Он ей иногда ломал руки, кусал ее, но это было только прелюдией к тому, что ее ожидало после свадьбы.

В январе месяце я появилась при дворе и была представлена принцессе Юлии. Ее свадьба с Великим Князем была отпразднована в феврале 1796 года. Она получила имя Великой Княгини Анны. В день свадьбы был большой бал и иллюминация в городе. Их отвезли в Мраморный дворец, находившийся недалеко от Государыни, на берегу Невы. Императрица подарила Мраморный дворец Великому Князю Константину. Думали, что для него будет устроен Шепелевский дворец, примыкавший к Зимнему, но его поведение, когда он почувствовал себя на свободе, доказало, что за ним был нужен строгий надзор. Немного спустя после свадьбы он забавлялся в манеже мраморного дворца тем, что стрелял из пушки, заряженной живыми крысами. И Государыня, возвратясь в Зимний дворец, поместила его в боковых апартаментах Эрмитажа.

Великой Княгине Анне было тогда четырнадцать лет, у нее было очень красивое лицо, но она была лишена грации и не получила воспитания; она была романтична, что становилось еще опаснее от полного отсутствия принципов и образования. Она обладала

добрым сердцем и природным умом, но все представляло опасность для нее, потому что у нее не было ни одной из тех добродетелей, которыми преодолевают слабости. Ужасное поведение Великого Князя Константина еще более сбивало ее с толку. Она стала подругой Великой Княгини Елизаветы, которая была бы способна содействовать подъему ее души, но обстоятельства и ежедневные события, все более и более тягостные, едва давали ей опомниться самой.

Я должна бы раньше упомянуть о приезде двух братьев князей Чарторижских[93]. К несчастью, они играли слишком заметную роль, чтобы не поместить их в мои «*Воспоминания*». Они часто приходили ко мне. Старший был сдержан и молчалив, у него изящный вид, серьезное лицо и выразительный взгляд. У него лицо страстного человека. Младший очень оживлен, горяч и много французского в манерах. Великий Князь Александр сразу полюбил их. Спустя несколько месяцев после их приезда они были назначены камергерами. Императрица отличала их ради их отца, который был одним из замечательных людей своей страны. Поляк в душе, он далеко не стоял за нас. Ее Величество старалась покорить его, обращаясь хорошо с его детьми.

Переехали в Царское Село. Великие Княгини все более сближались друг с другом. Их дружба пока еще не оказывала влияние на доверие Великой Княгини Елиза-

---

[93] Адам (1770–1861) и Константин (1773–1860), сыновья князя Адама-Казимира Чарторижского и Изабеллы фон Флемминг. Адам был министром иностранных дел при Александре I, один из лидеров польского восстания 1831, умер в изгнании в Париже. Константин был адъютантом великого князя Константина Павловича. Имение Чарторижских было конфисковано после восстания Т. Костюшко, и в 1795 оба брата прибыли в Петербург, где сблизились с великим князем Александром Павловичем.

веты ко мне. Наоборот, она даже хотела, чтобы ее невестка подружилась со мной, но это было невозможно. Характер Великого Князя Константина не допускал никакого сближения с его женой, и полный контраст, который я находила между нею и прелестной, как ангел, Великой Княгиней Елизаветой, не поощрял меня к этому.

Великий Князь Александр с каждым днем все более тесно сближался с князьями Чарторижскими и молодым графом Строгановым, другом старшего брата. Он больше не расставался с ними. Общество молодых людей, окружавших Великого Князя, вовлекло его в предосудительные связи. Князь Адам Чарторижский, ободренный особой дружбой Великого Князя, находясь вблизи от Великой Княгини Елизаветы, не мог ее видеть, не испытывая чувства, которое уважение, принципы и благодарность должны бы были подавить в самом начале.

Великий Князь и его двор перебрались 12 июня в Александровский дворец. Государыня построила его для своего внука. Дворец был очень красив, и перед ним был разбит разделанный палисадник, примыкавший к Английскому саду. Перед окнами Великой Княгини находился цветник, окруженный железной решеткой с маленькой дверью, через которую был ход в ее внутренние апартаменты. За несколько дней перед переездом Государыня подозвала меня (это было на одном из маленьких балов в воскресенье) и сказала мне:

— Сделайте мне удовольствие, передайте вашему мужу, чтобы он распорядился расстановкой мебели в Александровском дворце: он совсем закончен. Мне хотелось бы, чтобы Великий Князь вступил во владение им вместе со своим двором. Выберите себе помещение, какое вам больше понравится, и где вы будете ближе к

Великой Княгине Елизавете. Я надеюсь, что она довольна мною, я делаю все, чтобы ей угодить. Я ей дала самого красивого юношу в моем государстве.

Ее Величество остановилась на минуту, потом прибавила:

— Скажите мне, вы их видите постоянно, действительно ли они любят и довольны друг другом?

Я отвечала чистую правду, что они кажутся довольными. Тогда они еще были счастливыми, насколько это было возможно для них. Императрица положила свою красивую руку на мою и сказала мне с волнением, все перевернувшим во мне:

— Я знаю, что не в вашем характере ссорить супругов. Я вижу все, знаю больше, чем можно об этом подумать, и моя любовь к вам будет продолжаться всегда.

— Ах, — отвечала я, — то, что Ваше Величество только что сказали мне, драгоценнее для меня, чем власть над всем миром, и я могу поклясться, что я употреблю всю свою жизнь, чтобы быть достойной этого мнения, которое дороже для меня, чем сама жизнь.

Я поцеловала ей руку; она встала, говоря:

— Я покидаю вас; мы слишком хорошо понимаем друг друга, чтобы нам играть роли.

Во время этого разговора князь Алексей Куракин находился напротив. Он подошел пригласить меня протанцевать полонез.

— Можно быть уверенным, кузина, — сказал он, — что с вами недурно обращаются.

Я ничего не отвечала и почти не слыхала, что он мне говорил. Я передала мужу приказание Ее Величества. Он занялся устройством всего, и три дня спустя мы были в новом помещении.

Я позволю себе привести здесь одну мысль. Самая ужасная клевета сумела уверить к Великой Княгине

Елизавете, что у ее внука не было детей, а она желала этого во что бы то ни стало. Только что приведенный мною разговор, бывший 9 июня 1796 года, мне кажется совершенно достаточным, чтобы опровергнуть эту ужасную ложь. Скажу даже больше: Ее Величество сама говорила с Зубовым в конце 1796 года по поводу его непристойных чувств к Великой Княгине и заставила его совершенно переменить поведение. Когда опять переехали в Царское Село, не было больше ни прогулок, ни взглядов, ни вздохов. Графиня Шувалова на некоторое время осталась без дела. Мы прозвали ее тогда: *Impressario in angustia* — импресарио в затруднении. Это было название одной из опер-буфф Чимарозо.

Великий Князь и Великая Княгиня были очень довольны своим дворцом. Мои комнаты находились над апартаментами Великой Княгини, и, так как середина строения выдвигается полукругом, она могла разговаривать со мной, находясь у последнего окна перед углом. Однажды после обеда мы устроили шутку: она осталась у своего окна, а я подошла к своему, и мы долго разговаривали. В это время Великий Князь и мой муж играли на скрипке в моей гостиной. Тогда еще все было в согласии.

Князья Чарторижские ежедневно приходили ко мне. Через несколько недель сцена изменилась. Великий Князь стал неразлучен со своими новыми друзьями. Великая Княгиня Анна каждое утро приходила за Великой Княгиней Елизаветой, чтобы гулять в саду. Я предпринимала поездки с Толстой, помещение которой было рядом с моим. В этом году она получила позволение Государыни посещать ее вечера. Великий Князь день ото дня становился все холоднее в обращении со мною; князья Чарторижские почти не заглядывали ко мне; чувства князя Адама занимали всех. Его брат

Константин влюбился в Великую Княгиню Анну, почувствовавшую также склонность к нему. Эта смесь кокетства, интриги и заблуждений ставила Великую Княгиню Елизавету в тяжелое и затруднительное положение. Она замечала перемену в своем муже; каждый вечер она была вынуждена терпеть в своем семейном кругу присутствие человека со всеми внешними признаками страсти, которую, как казалось, Великий Князь поощрял, доставляя ему случай видеть Великую Княгиню. Ее невестка делала ее поверенной состояния своей души и сердца, и, когда Великая Княгиня пыталась противодействовать и спасти ее от самой себя, Великая Княгиня Анна начинала плакать, говорила о тирании своего мужа, и жалость брала верх над рассудком.

Однажды Ее Величество объявила Их Императорским Высочествам, что она посетит их после обеда. Была подана изысканная и великолепная закуска под колоннадой, нечто вроде гостиной, открытой с одной стороны, а с другой — против сада — огражденной двойным рядом колонн. Оттуда был обширный и прекрасный вид. После возвратились во внутренние апартаменты. Государыня села между мною и Великой Княгиней.

— Я прошу у вас позволения, madame la grande duchesse, разрешить этим господам посмотреть ваши апартаменты.

Так как это было воскресенье, то было много народа, и, между прочими, вице-канцлер граф Остерман и граф Марков[94]. Великая Княгиня сделала утвердительный

[94] Марков Аркадий Иванович (1747–1827), граф, русский дипломат. После занятия нескольких дипломатических постов за границей был в 1786 назначен членом Коллегии иностранных дел, секретарем А. А. Безбородко, а затем П. А. Зубова. При Павле I попал в опалу.

знак головой и посмотрела на меня, желая дать мне понять, что она находится в затруднении. Она нагнулась сзади Государыни и сказала мне: «Книга на туалете». Я тотчас же поняла, что надо убрать с виду томик «Новой Элоизы», предоставленный графиней Шуваловой двум Великим Княгиням. Накануне этого дня Великая Княгиня Елизавета позвала меня к себе утром, у нас был с ней интересный разговор в ее кабинете, потом она провела меня в уборную комнату, где я увидала эту книгу, по поводу которой я осмелилась сделать некоторые замечания, выслушанные ею по обыкновению милостиво. Поэтому я очень легко поняла, что она хотела, и без колебаний попросила Государыню позволить мне, как жене привратника, показать гостям помещение Великой Княгини.

Государыня одобрила это, и я пустилась с быстротой молнии, опередила общество и спрятала книгу. Этот вечер доставил мне большое удовольствие; во время закуски Великая Княгиня сообщила мне одно место из письма принцессы-матери, которая оказала мне честь написать по моему адресу очень много ласкового.

Каждый день, казалось, приводил с собой новую опасность; я очень страдала, что Великая Княгиня подвергалась им. Я жила над ее комнатами и видела, как она выходила из дому и возвращалась, а также что и Великий Князь довольно регулярно приводил каждый вечер к себе ужинать князя Чарторижского. Бог только один читал в моей душе. Однажды, более измученная, чем обыкновенно, всем, что происходило на моих глазах, я, вернувшись с вечера у Государыни, переменила платье и села на окно, находившееся над апартаментами Великой Княгини. Высунувшись наружу, насколько это было возможно, я увидала кусочек белого платья Великой Княгини, освещенного луной, лучи которой

падали в наши комнаты. Я видела, как Великий Князь возвратился со своим другом, и предположила, что Великая Княгиня сидит одна в своем кабинете. Я накинула на плечи косынку и спустилась в сад. Подойдя к решетке цветника, я увидала ее одну, погруженную в печальное раздумье.

— Вы одна, Ваше Высочество? — спросила я.

— Я предпочитаю быть одной, — отвечала она, — чем ужинать наедине с князем Чарторижским. Великий Князь заснул у себя на диване, а я убежала к себе и предаюсь своим далеко не веселым мыслям.

Я страдала от невозможности находиться около нее; имея право не покидать ее, я не могла войти в ее апартаменты. Мы проговорили с ней больше четверти часа, и я вернулась к себе под окно.

Я становилась настоящей помехой для Великого Князя. Он знал мои чувства и был вполне уверен, что я не одобряла его. Князь Чарторижский с удовольствием видел, что Великий Князь все увеличивал препятствие моим отношениям с его женой, Он отлично знал, что я не возьмусь помогать ему, и очень старался поссорить меня с Великим Князем. Мой муж осмелился сделать Великому Князю замечание относительно его поведения и ущерба, который он наносит репутации своей жены. Это только еще более вооружило его против меня. Я решилась молчать и молча страдать.

Однажды утром, когда мы сидели за клавесином с Толстой, я услыхала, как дверь тихо отворилась. Показалась Великая Княгиня — она, так сказать, влетела в комнату. Она взяла меня за руку, увела меня в мою спальню, заперла дверь на ключ и с плачем бросилась в мои объятия. Я не буду пытаться передать, что во мне происходило. Она собиралась говорить, как вдруг постучали в дверь, крича, что приехала из деревни моя

мать повидаться со мной. Великая Княгиня была очень огорчена этой помехой и сказала мне одно слово, которое я никогда не забуду. Потом она вытерла слезы, вышла в гостиную, была, насколько возможно, приветлива с матерью, напоила ее чаем, и все с таким видом, как будто она нарочно пришла, чтобы оказать ей честь: таков был ангельский характер этой княгини. Несмотря на молодость, она с деликатностью скрывала свои собственные чувства, когда они могли стеснить других, и ее доброта всегда брала верх.

В этом году приехало новое лицо: полька, княгиня Радзивилл[95]. Она была представлена Государыне, и последняя хорошо приняла ее, в то же время ни на что не соглашаясь из того, что она просила. Ее претензии были скромны: она хотела быть назначена опекуншей молодого князя Радзивилла без всяких прав к тому, желая завладеть его состоянием и получить шифр фрейлины. Восторженная поклонница искусства, она говорила о нем очень оригинально; она была интересна в обществе, и у нее был приветливый вид, отчего с ней чувствовали себя легко. Низко пресмыкаясь при дворе, она приправляла свою речь такой оригинальностью, что это не казалось уже таким шокирующим, как это вышло бы у всякого другого. Я не буду говорить об ее нравственности, которая слишком известна: она, отчасти для удовольствия, отчасти по влечению, давно уже пренебрегала общественными приличиями. Она говорила про своего мужа, что он, как страус, высиживает чужих детей. Государыня иногда забавлялась ее остроумием и восторженностью, но ей часто надоедало подличанье княгини.

---

[95] Елена Радзивилл увлекалась литературой и искусством, создала известный культурный салон в своей резиденции в Аркадии.

Я вспоминаю, что однажды, находясь у колоннады, она так подличала, что Ее Величество была шокирована и дала ей косвенный урок, говоря с маленькой английской левреткой, подаренной ей принцессой Нассауской. Это была очень красивая собачка, но с низким и завистливым характером. Ее звали *Пани* — польское слово, в переводе означающее «сударыня».

— Послушайте, *Пани*, — сказала ей Государыня, — вы знаете, что я вас прогоняю всегда, когда вы подличаете: я не люблю низости.

С княгиней Радзивилл была одна из ее дочерей, прелестная особа, ни в чем на нее не похожая. Это была олицетворенная доброта и разум. Она часто страдала от экстравагантностей матери. Ее Величество пожаловала ей шифр фрейлины, а ее два брата были назначены камергерами. У нее было очень деликатное здоровье, и она умерла в Петербурге после очень недолгой болезни, через несколько дней после смерти Государыни. В бреду она беспрестанно повторяла, что Императрица приходила за ней. Я поехала к ее матери, думая найти ее в отчаянии, но она избавила меня от изъявлений сострадания и участия, выразить которые я приехала, и у меня осталось только сожаление, что я не увижу больше Христины, достойной другой матери.

III

Двадцать пятого июня я была разбужена пушечными выстрелами, возвещавшими разрешение от бремени Великой Княгини Марии. У нее родился сын, названный Николаем[96]. Она лежала в Царском Селе. Государыня не спала всю ночь возле нее и была крайне рада, что у нее стало одним внуком больше.

---

[96] Будущий император Николай I.

Через несколько времени случилось событие, глубоко огорчившее Ее Величество. На одном из воскресных балов г-жа Ливен, гувернантка Великих Княжон, попросила у Государыни позволения говорить с ней. Она посадила ее рядом с собой, и г-жа Ливен сообщила ей о случае жестокости, проявленной Великим Князем Константином по отношению к одному гусару. Он с ним ужасно обошелся. Этот жестокий поступок был совершенной новостью для Государыни. Она тотчас же позвала своего доверенного камердинера и велела ему собрать возможно полные сведения относительно этого случая. Тот возвратился, подтверждая донесение г-жи Ливен. Государыня до того была взволнована этим, что сделалась больна. Я знаю, что, когда она возвратилась в свои внутренние апартаменты, с ней случилось нечто вроде апоплексического удара. Она написала Великому Князю Павлу, сообщая ему обо всем случившемся и прося наказать своего сына, что он и сделал очень строго, но не так, как было условлено. Потом Государыня распорядилась посадить его под арест.

На следующее воскресенье Государыня, хотя и не совсем хорошо себя чувствовала, приказала Великому Князю Александру дать у себя бал. Нездоровье Государыни беспокоило меня. В глубине души у меня было смущение и мрачные предчувствия, к несчастью, слишком осуществившиеся. Позвали Великую Княгиню Анну, которую Великий Князь Константин не хотел отпускать от себя; едва она пробыла на балу полчаса, как он послал за ней, и она уехала почти со слезами.

Новые проекты и надежды занимали умы. Говорили о браке Великой Княгини Александры[97] со шведским

[97] Александра Павловна (1783–1801), старшая дочь Павла I, с 1799; жена эрцгерцога Иосифа, палатина венгерского.

королем[98]. Однажды вечером Государыня подошла ко мне и сказала:

— Знаете, я очень занята устройством моей внучки Александры. Я хочу выдать ее замуж за графа Шереметева[99].

— Я слышала об этом, Ваше Величество, — отвечала я, — но говорят, что его родные не согласны.

Этот ответ показался ей очень забавным. Хотя и казалось, что Ее Величество совсем поправилась, она жаловалась на ноги. Однажды в воскресенье, перед обедом, она взяла меня за руку и подвела к окну, выходившему в сад.

— Я хочу, — сказала она, — построить здесь арку, соединяющую салоны с колоннадой, и здесь я буду проходить в часовню. Это избавит меня от долгого пути, который я принуждена делать, чтобы идти к обедне. Когда я прихожу на трибуну, у меня уже больше нет сил стоять. Если я умру, я уверена, что это вас очень огорчит...

Эти слова, сказанные Государыней, произвели на меня действие, не поддающееся описанию.

Ее Величество продолжала:

— Вы меня любите, я знаю это и тоже вас люблю; успокойтесь.

Она быстро отошла от меня; она была взволнована. Я осталась, прислонившись лицом к стеклу, заглушая рыдания.

---

[98] Король Густав IV Адольф (1792–1809, самостоятельно, с 1976).

[99] Шереметев Николай Петрович (1751–1809), граф, действительный тайный советник, обер-камергер, шеф Кадетского корпуса. Один из самых богатых людей своего времени. Женился позднее на своей крепостной актрисе Прасковье Ивановне Ковалевой-Жемчуговой. После ее смерти в 1803 основал в Москве в память ее Странноприимный дом.

Мне казалось, что время летело; при отъезде из Царского Села мне было печально, как никогда. Внутренний голос в глубине моей души говорил мне*: Это было последнее лею, проведенное тобою там*. За несколько дней перед отъездом Великая Княгиня Елизавета попросила меня написать ей прощальное письмо. Я никогда не могла понять этой мысли, еще более опечалившей меня. Все, казалось, подготовлялось к тяжелому исходу. Я повиновалась; она мне прислала такой же ответ, хранящийся у меня до сих пор.

По возвращении в город стали громко говорить о приезде шведского короля. Готовились к празднествам и удовольствиям, обратившимся в скорбь и плач.

Король приехал вскоре после того, как двор возвратился в город. Он взял псевдоним графа Гага и остановился у своего посланника барона Штеддинга. Его первая встреча с Государыней была очень интересна. Она нашла его таким, каким она желала его видеть. Мы были представлены королю в Эрмитаже. Выход Их Величеств в гостиную был замечателен. Они держались за руки. Достоинство и благородный вид Императрицы нисколько не уменьшали красивой осанки, которую умел сохранить молодой король. Его черное шведское платье, волосы, падающие на плечи, прибавляли к его благородству рыцарский вид. Все были поражены этим зрелищем.

Герцог Зюдерманландский, дядя короля, далеко не был представителен. Он был невысокого роста, с немного косыми смеющимися глазами, рот у него был сердечком, маленький заостренный живот и ноги, как зубочистки. Его движения были быстры и взволнованны, у него постоянно был такой вид, что он хочет что-то сделать. Я понравилась ему, и он за мной настойчиво ухаживал везде, где только встречал меня. Государыня

очень забавлялась этим. Однажды вечером в Эрмитаже, когда он любезничал более, чем обыкновенно, Ее Величество подозвала меня и сказала, смеясь:

— Надо верить только половине из того, что говорят, но с вашим влюбленным верьте только четверти.

Двор находился в это время в Таврическом дворце. Чтобы придать разнообразие вечерам, устроили маленький бал из лиц, составлявших общество Эрмитажа. Мы собрались в гостиной. Появилась Государыня и села рядом со мной. Мы разговаривали некоторое время. Дожидались короля, чтобы открыть бал.

— Я думаю, — сказала мне Ее Величество, — что лучше начать танцы. Когда Король придет, он будет менее смущен, застав все в движении, чем это общество, которое сидит и ждет его.

— Ваше Величество, прикажете мне пойти распорядиться? — спросила я.

— Нет, — отвечала она, — я дам знак камер-юнкеру.

Она сделала знак рукой, но камер-юнкер не заметил его, а вице-канцлер граф Остерман принял это на свой счет. Старик подбежал со своей длинной палкой так скоро, как мог, и Государыня встала, отвела его к окну и серьезно проговорила с ним около пяти минут. Она вернулась потом на свое место и спросила меня, довольна ли я ею.

— Я желала бы, чтобы все дамы в Санкт-Петербурге могли поучиться у Вашего Величества, как деликатно надо обращаться с гостями.

— Но как же я могу поступать иначе, — возразила она. — Я огорчила бы этого бедного старика, сообщив ему, что он ошибся. Вместо этого, поговорив с ним о погоде, я убедила его, что он действительно был позван мною. Он доволен, вы довольны, и, следовательно, я довольна.

Вошел Король. Государыня была приветлива с ним, сохраняя известную меру и достоинство. Их Величества присматривались друг к другу, пытаясь проникнуть в душу. Прошло несколько дней, и Король завел разговор о своем желании вступить в брак. Государыня, не высказав согласия, пожелала сначала договориться относительно главных пунктов. Переговоры и обсуждения следовали одно за другим; разъезды министров и договаривающихся сторон возбуждали любопытство при дворе и в городе.

В большой галерее Зимнего дворца был дан бал. В этот вечер Король еще не был осведомлен об отношении к нему Великой Княжны Александры. Это очень беспокоило его. На следующий день было большое празднество в Таврическом дворце, я сидела рядом с Государыней, и Король стоял перед нами. Княгиня Радзивилл принесла Ее Величеству медальон с портретом Короля, сделанным из воска художником Тонса, выдающимся артистом. Он сделал портрет на память, видев Короля всего только один раз на балу в галерее.

— Очень похож, — сказала Государыня, — но я нахожу, что граф Гага изображен на нем очень печальным.

Король с живостью заметил:

— Это потому, что вчера я был очень несчастен.

Благоприятный ответ Великой Княжны был ему объявлен только утром.

Перебрались в Зимний дворец. Было приказано всем придворным и знати давать балы. Первый был у генерал-прокурора графа Самойлова[100]. Стояла еще хорошая погода. Многие из гостей, русских и шведов,

---

[100] Самойлов Александр Николаевич (1744–1814), генерал-прокурор Сената, в 1785 получил титул графа.

ждали приезда Императрицы на балконе. В тот момент, как показалась ее карета, видели, как поднялась на небе падающая звезда (comete) и исчезла за крепостью. Это явление природы вызвало много суеверных толков.

Ее Величество вошла в зал. Король был уже там. После первых танцев Государыня удалилась в кабинет вместе с Королем. Туда были допущены некоторые лица из ее близкого общества. Другие играли в бостон. В это время у Их Величеств произошло первое совещание по поводу брака. Государыня передала Королю бумагу и попросила его прочесть ее потом у себя. Я находилась в зале, где танцевали. Императрица позвала меня и приказала мне сесть и занять тех из гостей, кто не играл в карты. Вскоре после этого Государыня возвратилась вместе с Королем в залу. Был подан очень хороший ужин; Государыня не села за стол и рано уехала с бала.

Граф Строганов также дал бал, который Императрица почтила своим присутствием. Переговоры относительно брака шли как нельзя лучше, отчего Ее Величество была очень весела и любезнее, чем обыкновенно. Она приказала мне сесть за ужином против влюбленных и после рассказать ей, как они любезничали.

Король был очень занят Великой Княжной Александрой. Они не переставая разговаривали. Когда ужин кончился, Государыня позвала меня, чтобы спросить у меня о моих наблюдениях. Я сказала ей, что заботы г-жи Ливен оказались напрасными; что Великая Княжна была совсем испорчена; что это было неприятно видеть; что Король не ел и не пил, а насыщался взглядами. Все эти глупости очень забавляли Императрицу.

На этом вечере она была с веером в руках, чего я раньше у нее никогда не видала. Она держала его так странно, что я не могла удержаться, чтобы не смотреть на нее. Она это заметила.

— На самом деле я думаю, — сказала мне Ее Величество, — что вы смеетесь надо мной.

— Должна признаться Вашему Величеству, — отвечала я, — что никогда я не видала, чтобы более неловко держали веер.

— Правда, — продолжала она, — что у меня немного вид *Нинет при дворе*[101], но Нинет очень пожилой.

— Эта рука, — сказала я, — не создана для пустяков; она держит веер, как скипетр.

Были также балы у австрийского посланника, графа Кобенцля, и у вице-канцлера графа Остермана на даче.

Я приведу здесь копию некоторых бумаг, писанных собственноручно Государыней и Королем Шведским. Они мне были вручены немного спустя после смерти Екатерины II.

«Двадцать четвертого августа шведский король, сидя со мной на скамейке в Таврическом саду, попросил у меня руки Александры. Я сказала ему, что он не может ни просить у меня этого, ни я его слушать, потому что у него есть обязательства к принцессе Мекленбургской. Он уверял меня, что они порваны. Я сказала ему, что я подумаю. Он попросил меня выведать, не имеет ли моя внучка отвращения к нему, что я и обещалась сделать и сказала, что через три дня дам ему ответ. Действительно, по истечении трех дней, переговорив с отцом, с матерью и с девушкой, я сказала графу Гага на балу у графа Строганова, что я соглашусь на брак при двух условиях: первое, что мекленбургские переговоры будут совершенно закончены; второе, что Александра останется в религии, в которой она рождена и воспитана. На первое он сказал, что это не подвержено никакому

---

[101] *Нинет при дворе* – комедия в двух актах Фавара, представлена в первый раз в 1755 году в Итальянской комедии.

сомнению; относительно второго он сделал все, чтобы убедить меня, что это невозможно, и мы разошлись, оставаясь каждый при своем мнении».

«Это первое упорство продолжалось десять дней, но все шведские вельможи (excellences) не разделяли мнения короля. Наконец, я не знаю как, им удалось убедить его. На балу у посланника он сказал, что устранили все сомнения, которые возникли в его душе относительно вопроса о религии. И вот, все казалось улаженным. Ожидая, я составила записку № 1, и, так как она была у меня с собою в кармане, я передала ее ему, говоря: "Я вас прошу прочесть внимательно эту записку; она вас утвердит в добрых намерениях, которые я у вас нахожу сегодня". На следующий день, на фейерверке, он поблагодарил меня за записку и сказал мне, что его огорчает только одно, что я не знаю его сердца. На балу в Таврическом дворце шведский король сам предложил матери обменяться кольцами и устроить обручение. Она сказала мне это: "Я говорила с регентом, и мы назначили для этого четверг. Условились, что оно будет совершено при закрытых дверях, по обряду греческой церкви"».

«Пока же договор обсуждался между министрами. В него входила статья о свободном отправлении религии, и она вместе с остальным текстом договора должна была быть подписана в четверг. Когда же прочли его уполномоченным министрам, оказалось, что этой отдельной статьи там не было. Наши спросили у шведов, что они с ней сделали. Они ответили, что король оставил ее у себя, чтобы переговорить со мной об ней. Мне сделали донесение об этом случае. Было пять часов вечера, а в шесть часов было назначено обручение. Я сейчас же послала к шведскому королю узнать, что хочет он мне сказать по этому поводу, потому что перед обручением я его не увижу, а после будет слишком позд-

но отступать. Он послал мне устный ответ, что будет говорить со мной об этом».

«Нисколько не удовлетворенная этим ответом, я, чтобы сократить, продиктовала графу Маркову записку № 2, для того чтобы, если король подписал бы этот проект удостоверения, я могла бы вечером сделать обручение. Было семь часов вечера, когда посланный был отправлен; в девять часов граф Марков возвратился с запиской № 3, писанной рукою короля и подписанной, где вместо ясных и определенных выражений, предложенных мною, находились смутные и неопределенные. Тогда я приказала сказать, что я больна. Остальное время, проведенное ими здесь, прошло в ходьбе туда и обратно. Регент подписал и утвердил договор таким, каким он должен быть. Король должен был утвердить его через два месяца, когда он будет совершеннолетним. Он послал его на обсуждение своей консистории».

№ 1 — копия с записки Ее Императорского Величества, переданной из рук в руки королю Шведскому:

«Согласитесь ли вы со мной, дорогой брат, что не только в интересах вашего королевства, но и в ваших личных интересах заключить брак, о желании вступить в который вы мне говорили?»

«Если Ваше Величество согласна с этим и убеждено в этом, почему же тогда религия является препятствием его желаниям?»

«Пусть Ваше Величество позволит мне заметить, что даже епископы не находят ничего сказать против его желаний и изъявляют усердие в устранении сомнений по этому поводу».

«Дядя Вашего Величества, его министры и все, кто благодаря долгой службе, привязанности и верности имеют право на доверие, сходятся в мнении, что в этой статье нет ничего противного ни совести, ни спокойствию его царствования».

«Наши подданные, далекие от порицания этого выбора, будут восторженно приветствовать его, благословлять и обожать вас, потому что вам они будут обязаны верным залогом их благополучия и общественного и частного спокойствия».

«Этот же выбор, осмелюсь сказать это, докажет доброту вашего суждения и рассудка и вызовет одобрение вашей нации».

«Предоставляя вам руку моей внучки, я испытываю глубокое убеждение, что я делаю вам самый драгоценный подарок, который я могу сделать и который может лучше всего убедить вас в правдивости и силе моей нежности и дружбы к вам. Но, ради Бога, не смущайте ни ее счастья, ни вашего, примешивая к нему совершенно посторонние предметы, о которых было бы самое умное, если бы вы предписали глубокое молчание себе и другим, иначе вы откроете доступ неприятностям, интригам и шуму без конца».

«По моей, известной вам, материнской нежности к внучке вы можете судить о моей заботливости об ее счастии. Я не могу не чувствовать, что тотчас же, как она будет соединена с вами узами брака, ее счастье будет неотделимо от вашего. Могла ли бы я согласиться на брак, если бы видела в нем малейшую опасность и неудобство для Вашего Величества и если бы, наоборот, я не находила в нем все, что может обеспечить ваше счастье и счастье моей внучки?»

«К стольким доказательствам, собранным вместе и которые должны повлиять на решение Вашего Величества, я прибавлю еще одно, заслуживающее наибольшего внимания Вашего Величества. Проект этого брака был задуман и взлелеян блаженной памяти покойным Королем, вашим отцом[102]. Я не буду приводить свиде-

[102] Густав III (1746–1792), король Швеции с 1771; 16 марта 1792 на него было совершено покушение (скончался 29 марта).

телей относительно этого признанного факта ни из числа ваших подданных, ни из моих, хотя их очень много, но я назову только французских принцев и дворян их свиты, свидетельство которых тем менее подозрительно, что они совершенно нейтральны в этом деле. Находясь в Спа вместе с покойным королем, они слышали, как он часто говорил об этом проекте как об одном из наиболее близких его сердцу, и исполнение которого самым лучшим образом могло закрепить доброе согласие и дружеские отношения между двумя домами и государствами».

«Итак, если этот проект является мыслью покойного короля — вашего отца, как мог этот просвещенный и полный нежности к своему сыну государь задумать то, что повредило бы Вашему Величеству в глазах его народа или уменьшило бы к нему любовь его подданных? Что этот проект был результатом долгого и глубокого размышления, слишком доказывается всеми его поступками. Едва укрепив власть в своих руках, он внес в сейм торжественный закон о терпимости ко всякой религии, чтобы навсегда рассеять в этом отношении весь мрак, порожденный веками фанатизма и невежества, и который было бы неразумно и недостойно похвалы воскрешать в настоящее время. На сейме он еще более открыл свои намерения, обсуждая и решая с наиболее верными из своих подданных, что в случае брака его сына и наследника соображения о блеске дома, с которым он может породниться, должны брать верх над всем остальным и что различие религий не внесет никакого препятствия».

«Я приведу здесь один случай, бывший на том же сейме, дошедший до меня и который все подтвердят Вашему Величеству: когда разбирался вопрос об определении налога на подданных во время его брака, в акте,

составленном по этому поводу, стояло: *Во время брака наследного принца с принцессой лютеранского вероисповедания*. Епископы, читая проект этого акта, по собственному побуждению зачеркнули слова: *с принцессой лютеранского вероисповедания*».

«Соблаговолите, наконец, довериться опыту тридцатилетнего царствования, в течение которого я большею частью достигала успеха в моих предприятиях. Именно этот опыт в соединении с самой искренней дружбой осмеливается дать вам правдивый и прямой совет, без всякой другой цели, кроме желания видеть вас счастливым в будущем».

«Вот мое последнее слово:

Не подобает русской княжне менять религию».

«Дочь Императора Петра I вышла замуж за герцога Карла Фридриха Голштинского, сына старшей сестры Карла II. Для этого она не меняла религию».

«Права его сына на наследование престола королевства были, тем не менее, признаны сеймом, который отправил к нему торжественное посольство в Россию, чтобы предложить ему корону. Но Императрица Елизавета уже объявила сына своей сестры русским Великим Князем и своим предполагаемым наследником[103]. Условились тогда в предварительных статьях договора в Або[104], что дедушка Вашего Высочества будет избран наследником шведского трона, что и было исполнено. Таким образом, две русские государыни возвели на трон линию, потомком которой являетесь вы, Ваше Величество, и блестящие качества которой предвещают царствование, которое никогда не будет слишком благополучным и слишком прекрасным в моих глазах».

---

[103] Петр III, супруг Екатерины II.

[104] Договор между Россией и Швецией подписан 7(18) августа 1743 в Або.

«Пусть Ваше Величество позволит мне откровенно прибавить, что ему необходимо встать выше препятствия и сомнений, устраняемых всякого рода доводами, и которые могут только повредить его личному счастью и счастью его королевства».

«Я скажу больше: моя личная дружба к вам, со дня вашего рождения ничем не опровергнутая, позволит заметить Вашему Величеству, что время торопит, и, если вы не решитесь в эти дни, когда вы находитесь здесь, дело может совершенно не удаться благодаря тысячам препятствий, которые вновь представятся, как только вы уедете, и если, с другой стороны, несмотря на прочные и неопровержимые основания, которые были приведены как мною, так и людьми, наиболее заслуживающими доверия, все-таки религия оказывается непреодолимым препятствием для обязательств, которые, как казалось неделю тому назад, Ваше Величество желали заключить, то вы можете быть уверены, что с этого момента больше не будет подниматься вопроса о браке, как бы он дорог ни был для моих нежных чувств к вам и к моей внучке».

«Я приглашаю Ваше Величество внимательно подумать над всем мною сказанным, прося Бога, направляющего сердца королей, просветить вас и внушить вам решение, согласное с благом вашего народа и вашим личным счастьем».

№ 2. Проект. «Я торжественно обещаюсь предоставить Ее Императорскому Высочеству Великой Княгине Александре Павловне, моей будущей супруге и королеве Швеции, полную свободу совести и отправления религии, в которой она рождена и воспитывалась, и я прошу Ваше Императорское Величество смотреть на это обещание как на акт наиболее обязательный, какой я мог дать».

№ 3. «Дав уже свое честное слово Ее Императорскому Величеству, что Великая Княжна Александра никогда не будет стеснена в том, что касается религии, и, так как мне показалось, что Ее Величество осталась довольна, я уверен, что Ее Величество нисколько не сомневается, что я достаточно знаю священные законы, налагаемые на меня этим обязательством, так что всякая другая записка была бы совершенно излишней».

ПОДПИСАНО: *Густав-Адольф*.
Сего 11/22 сентября, 1796 г.

Граф Марков говорил мне, что Государыня была в такой степени огорчена поведением короля, что у нее после второй записки появились все признаки апоплексического удара.

На следующий день был праздник. Был устроен парадный бал в белой галерее. Шведский король появился печальный и смущенный. Государыня была очень сдержанна и говорила с ним со всем возможным благородством и непринужденностью. Великий Князь Павел был взбешен и бросал уничтожающие взгляды на короля, уехавшего несколько дней спустя.

Великий Князь Александр дал бал. Все приехали в трауре по португальской королеве. Государыня тоже присутствовала на празднестве; она была в черном, что я в первый раз видела. Она носила всегда полутраур, кроме совершенно исключительных случаев. Ее Величество села рядом со мной; она показалась мне бледной и опустившейся; мое сердце было наполнено чрезмерной тревогой.

— Не находите ли вы, — сказала она мне, — что этот бал похож не столько на праздник, как на немецкие похороны? Черные платья и белые перчатки производят на меня такое впечатление.

В бальном зале было два ряда окон, выходивших на набережную.

Мы сидели около; взошла луна. Государыня заметила это и сказала мне:

— Луна очень красива сегодня, и стоит на нее посмотреть в телескоп Гершеля. Я обещала шведскому королю показать ее, когда он вернется.

Ее Величество напомнила мне по этому случаю ответ Кулибина[105]. Это был крестьянин с бородой, самоучка, которого приняли в Академию за его выдающиеся способности и очень остроумные машины, изобретенные им. Когда английский король прислал Государыне телескоп Гершеля, она велела принести его из Академии в Царское Село Кулибину и одному немцу-профессору. Его поставили в салоне и стали смотреть на луну. Я стояла за креслом Ее Величества, когда она спросила профессора, открыл ли он что-нибудь новое с помощью этого телескопа.

— Нет никакого сомнения, — отвечал он, — что луна обитаема; там видны долины, леса и постройки.

Государыня слушала его с невозмутимой серьезностью, и, когда он отошел, она подозвала Кулибина и тихо спросила:

— Ну а ты, Кулибин, видел что-нибудь?

— Я, Ваше Величество, не настолько учен, как господин профессор, и ничего подобного не видал.

Государыня с удовольствием вспоминала этот ответ.

Подали ужин. Ее Величество никогда не ужинала и, прогуливаясь по апартаментам, встала за нашими стульями. Я сидела рядом с Толстой. Последняя, кончив есть, подала, не оборачиваясь, свою тарелку. Она была

---

[105] Кулибин Иван Петрович (1735–1818), механик-самоучка. Заведовал механической мастерской Петербургской академии наук.

очень удивлена, увидев, что тарелка была взята самой прекрасной в мире рукой с великолепным солитером. Она вскрикнула, узнав Государыню, сказавшую ей:

— Вы что же, боитесь меня?

— Нет, я очень сконфужена, Ваше Величество, — отвечала графиня, — что предоставила Вам взять тарелку.

— Я пришла посмотреть на вас, *mesdames*, — сказала Государыня. Потом она шутила с нами насчет пудры, падавшей с наших шиньонов на плечи, и рассказала нам, что граф Матушкин, очень смешная личность, пудрил себе спину по возвращении из Парижа, утверждая, что эта мода распространена среди самого элегантного общества Франции.

— Я вас покидаю, мои красавицы, — сказала Государыня, — я очень устала.

Она ушла, положив мне на плечо руку, которую я поцеловала в последний раз с непреодолимым чувством печали и тревоги. Я проводила ее глазами до двери, и, когда я перестала ее видеть, мое сердце так сильно забилось, как будто оно хотело вырваться из груди. Я вернулась домой и не могла спать. На другой день, рано утром я отправилась к матери и расплакалась, рассказывая все то, что я заметила относительно здоровья Государыни. Мать пыталась меня успокоить, но напрасно: я казалась присужденной к пытке и ожидала своего смертного приговора.

Царствование Павла I

Глава пятая. 1795–1797

I

Бывают в жизни предчувствия более сильные, чем рассудок. Все говорит нам, что их надо выбросить из головы, не думать об них, но мы все-таки тревожимся и оказываемся недостаточно сильными, чтобы победить их. В печалях и скорбях, посылаемых нам Богом в виде испытания, покорность является единственным прибежищем. Стремление получить его занимает душу и оправдывает ее скорбь. Но предчувствие, тревога — результат нашей слабости, раздражаемой внутренним движением, чуждым нам. Оно преследует нас, как тень, пугает и постоянно стоит перед глазами.

Прошло немного дней после этого. Я завтракала в десять часов утра у матери, как вошел придворный лакей, служивший у моего дяди, и попросил у матери позволения разбудить его. «Около часа тому назад с Государыней сделался удар», — сказал он нам. Я ужасно закричала и побежала к мужу, бывшему внизу в своем помещении. С большим трудом я сошла по лестнице, все дрожало во мне, и я едва могла идти.

Войдя к мужу, мне пришлось сделать над собою усилие, чтобы произнести эти страшные слова: *Государыня умирает!* Муж остолбенел. Он сейчас же спросил одеваться и отправился во дворец. Я не могла ни плакать, ни говорить и еще меньше — думать. Тарсуков, племянник первой камер-фрау Государыни, подошел ко мне и сказал по-русски:

— Все кончилось: и она, и наше счастье!

Приехали граф и графиня Толстые; жена осталась со мной, а граф вместе с мужем поехал во дворец. Мы

провели до трех часов утра самое тяжелое время в моей жизни. Через каждые два часа муж посылал мне небольшую записку. Одну минуту надежда оживила сердца, блеснув среди мрака; но это было недолго и сделало еще более тягостным уверенность в несчастии. Государыня пролежала без памяти тридцать шесть часов. Ее тело еще жило, но сознание умерло: в мозгу прервалась жила. Жизнь окончательно покинула ее шестого ноября.

Я приведу здесь подробности об ее последних днях и событиях, происходивших во дворце в первые минуты после ее смерти. Я получила их от той же особы, слова которой я цитировала раньше.

Горе, причиненное Государыне неудачей ее проекта брака со шведским королем, подействовало на нее очень заметно для всех окружавших ее. Она переменила свой образ жизни; появлялась только в воскресенье за церковной службой и обедом и очень редко приглашала лиц из своего общества в бриллиантовую комнату или в Эрмитаж. Почти все вечера проводила она в спальне, куда допускались лица, только пользовавшиеся ее особенной дружбой. Великий Князь Александр и его супруга, обыкновенно каждый вечер бывавшие у Императрицы, теперь видели ее только раз или два в неделю, кроме воскресений. Они часто получали распоряжение остаться у себя дома, или же она предлагала им поехать в городской театр послушать новую итальянскую оперу[106].

В воскресенье, второго ноября, Государыня в последний раз появилась на публике. Говорили, что она

---

[106] Тогда только что приехала превосходная певица Марджиолетти, и для нее поставили серьезную оперу *«Дидон»*, в несколько недель выдержавшую большое количество представлений. — *Примеч. авт.*

простилась со своими подданными. После того как печальное событие совершилось, все были поражены тем впечатлением, какое она произвела в тот день. Хотя обыкновенно по воскресеньям публика собиралась в зале кавалергардов, а двор — в дежурной комнате, Государыня редко проходила через ту залу. Чаще всего она направлялась из дежурной комнаты через столовую прямо в церковь, а туда посылала Великого Князя Павла или, когда последнего не было, Великого Князя Александра, обедню же стояла на антресолях во внутреннем помещении, откуда выходило окно в алтарь.

Второго ноября Государыня отправилась к обедне через зал кавалергардов. Она была в трауре по португальской королеве и выглядела так хорошо, как ее уже давно не видали. После обедни она долго оставалась в кругу приглашенных лиц; мадам Лебрен только что окончила портрет во весь рост Великой Княгини Елизаветы и представила его Государыне. Ее Величество приказала повесить его в тронном зале, часто останавливалась перед ним, осматривала и разбирала его с лицами, приглашенными к обеду, которых, как всегда по воскресеньям, было много. Великие Князья Александр и Константин обедали у нее в этот день со своими супругами. Это был не только последний обед, но и последний раз, когда она их видела. Они получили приказание не приезжать к ней вечером. В понедельник, третьего ноября, и во вторник, четвертого, Великий Князь Александр и Великая Княгиня Елизавета были в Опере. В среду, пятого, в одиннадцать часов утра, в то время как Великий Князь Александр был на прогулке с одним из князей Чарторижских, Великой Княгине Елизавете доложили, что граф Салтыков спрашивает Великого Князя и просит ее сказать, не знает ли она, когда он вернется. Она не знала. Немного спустя возвратился

Великий Князь Александр, очень взволнованный сообщением Салтыкова, который послал его разыскивать по всему Петербургу. Он уже знал, что с Государыней сделалось нехорошо и что послали графа Николая Зубова[107] в Гатчину.

Он остолбенел, так же как и Великая Княгиня, от сообщенной им новости. Весь день провели они в крайней тревоге. В пять часов вечера Великий Князь Александр, до того времени с трудом сдерживавшийся, чтобы не последовать первому движению души, получил разрешение от графа Салтыкова отправиться в апартаменты Государыни. Это ему не разрешили — сначала без всякого достаточного основания, но по мотивам, легко понятным для того, кто знал характер графа Салтыкова. Еще при жизни Императрицы распространился слух, что она лишит своего сына престолонаследия и назначит наследником Великого Князя Александра. Я уверена в том, что никогда у Государыни не было этой мысли, но для графа Салтыкова было достаточно одних толков, чтобы запретить Великому Князю Александру отправиться в комнаты бабушки раньше приезда его отца. Так как Великий Князь, отец, не мог замедлить, то Великий Князь Александр и Великая Княгиня Елизавета отправились к Государыне между пятью и шестью часами вечера. Во внешних апартаментах не было никого, кроме дежурных с мрачными лицами.

Уборная комната, находившаяся перед спальней, была наполнена лицами, представлявшими зрелище

---

[107] Зубов Николай Александрович (24.4.1763–9.8.1805), генерал-поручик (1796), обер-шталмейстер (1800). В 1796 первым известил Павла I в Гатчине о смерти императрицы Екатерины II. Активный участник заговора против императора Павла I. 11.3.1801; когда заговорщики ворвались в спальню Павла I, Зубов первым нанес ему удар золотой табакеркой в висок.

сильного отчаяния. Наконец они увидали Государыню, лежавшую на полу на матрасе за ширмами. Она находилась в спальне, тускло освещенной; у ног ее были фрейлина м-ль Протасова и камер-фрау м-ль Алексеева, рыдания которых смешивались со страшным хрипом Государыни. Это были единственные звуки, нарушавшие глубокую тишину.

Великий Князь Александр и его супруга недолго оставались там. Они были глубоко взволнованы. Они прошли через апартаменты Государыни, и доброе сердце Великого Князя направило его к князю Зубову, жившему рядом. Тот же коридор вел к Великому Князю Константину, и Великая Княгиня Елизавета прошла к своей невестке. Им нельзя было долго оставаться вместе, надо было приготовиться к приему Великого Князя-отца! Он приехал к семи часам вечера и, не проходя к себе, остался, так же как и Великая Княгиня, в апартаментах Государыни. Он виделся только с сыновьями, а его невестки получили распоряжение оставаться у себя.

Апартаменты Государыни тотчас наполнились преданными слугами Великого Князя-отца, большею частью извлеченными из неизвестности, которым ни их происхождение, ни способности не давали права надеяться на должности и милости, готовые свалиться на них. В передней толпа увеличивалась с минуты на минуту. Гатчинцы (так называли этих людей) суетились, толкали придворных, с удивлением спрашивавших себя, откуда взялись эти Остготы, по-видимому, одни пользовавшиеся правом входить во внутренние апартаменты, тогда как раньше их не видали и в передних.

Великий Князь Павел расположился в кабинете за спальней своей матери, так что все, кому он давал распоряжения, проходили мимо Государыни, еще не умершей, как будто ее уже не существовало. Эта

профанация Величества, это кощунство, недопустимое по отношению и к последнему из людей, шокировало всех и представляло в неблагоприятном свете разрешавшего это Великого Князя Павла. Так прошла ночь. Был момент, когда блеснула надежда; казалось, что подействовали лекарства, но эта надежда скоро была разрушена. Великая Княгиня провела всю ночь не раздеваясь, с минуты на минуту дожидаясь, что за ней пришлют. Графиня Шувалова приходила и уходила опять; каждую минуту получалось известие о состоянии здоровья Государыни. Великий Князь Александр с того момента, как приехал его отец, больше не возвращался к своей супруге. Он вошел к ней вместе со своим отцом около трех часов утра. Они были в форме батальонов Великого Князя-отца, которые во время царствования Павла послужили моделью дела переорганизации всей армии[108].

Иногда обстоятельства, незначительные сами по себе, производят большее впечатление, чем другие, более важные. Вид этого мундира вне Павловска и Гатчины, тогда как раньше Великий Князь Александр надевал его только потихоньку от Государыни, не любившей, чтобы ее внуки брали уроки прусской солдатчины, итак, вид этих мундиров, над которыми Великая Княгиня часто смеялась, в тот момент разрушил всякую иллюзию. Ее душа пришла в уныние, и она залилась слезами. Это были первые ее слезы. Ей казалось, что после жизни приятной, спокойной и уверенной она попала в смирительный дом. Посещение Великих Князей продолжалось недолго. Под утро был получен приказ надеть

[108] Гатчинские войска сформированы великим князем Павлом Петровичем в 1786–1795 в Гатчине и Павловске; обмундированием, снаряжением, приемами обучения копировали прусскую армию.

русские платья. Это означало, что Государыня скончалась. Однако весь день прошел в ожидании. Агония была долгой и мучительной, без одной минуты сознания. Шестого, в одиннадцать часов вечера, прислали за Великой Княгиней Елизаветой и ее золовкой, находившейся у нее. Императрицы Екатерины более не существовало. Великие Княгини прошли через толпу, почти не видя, кто их окружает. Великий Князь Александр подошел к ним и сказал, чтобы они встали на колени, целуя руку у нового Императора. Они нашли его, так же как и Императрицу Марию, у входа в спальню. Поздоровавшись с ним, они должны были пройти через спальню мимо останков Государыни, не останавливаясь, в прилегавший к этой комнате кабинет, где были Великие Княжны, все в слезах. В это время Императрица Мария с большой энергией и ловкостью распоряжалась одеванием покойной Государыни и устройством ее комнаты.

Покойная Государыня была положена на постель в утреннем платье. Императорский Дом присутствовал на панихиде, отслуженной в том же помещении, и после целования руки покойной отправились в церковь, где была принесена присяга Императору. Эти печальные церемонии продолжались до двух часов ночи.

II

Редко когда перемена царствования не производит больший или меньший переворот в положении приближенных; но то, что должно было произойти при восшествии на престол Императора Павла, внушало всем ужас ввиду характера этого Государя. Обладая всем, чтобы быть великим монархом и самым любезным человеком в своем государстве, он достиг только

того, что внушал страх и отвращение. В своей молодости путешествия, различные удовольствия и склонности, которые он удовлетворял, отвлекали его от неприятной роли, которую ему приходилось играть, благодаря его ничтожеству в политике. Но с возрастом это сильно давало себя чувствовать. У него была гордая душа и деятельный ум, и в конце концов его характер ожесточился, он стал подозрительным, нелюдимым и мелочно придирчивым.

Он почти всецело уединился, проводя только три месяца зимой при дворе своей матери, а остальное время в Павловске или в Гатчине, в своих загородных дворцах. Из матросов, находившихся под его начальством, он сформировал два батальона пехоты, по прусскому образцу. Он ввел везде у себя строжайшую дисциплину не только в войсках, но и при дворе. Опоздание на одну минуту часто наказывалось арестом; более или менее заботливо сделанная прическа у мужчин вызывала его насмешки или заставляла его прогонять их. Для представления Павлу приходилось надевать костюмы своих предков. Все, к кому хорошо относилась Государыня, не пользовались сближением Великого Князя. Все это приводило к тому, что его старались избегать, насколько позволял его ранг. Еще когда он был Великим Князем, боялись его выходок и придирок, когда же он стал Императором, все, у кого не было особенных причин рассчитывать на его милость, были готовы ко всему, потому что хотя он и не оскорблял никого, но часто против какого-либо определенного лица в его душе возникало предубеждение, и он при случае проявлял это, что нельзя было объяснить ничем другим, кроме каприза.

Несмотря на чувство неприязни, часто несправедливое, бывшее у него по отношению к матери, он проявил

глубокую чувствительность, когда увидал ее лежащей без движения. Но его дурной характер быстро взял верх. Первые должности при дворе были замещены другими лицами. Мановением жезла он разрушил все, что обеспечивало в продолжение тридцати четырех лет одно из наиболее славных царствований. Маршал двора, князь Барятинский, был изгнан как один из содействовавших смерти Петра III. Граф Алексей Орлов дрожал, как преступник. Он просто был отослан через некоторое время[109].

Среди различного рода перемен, высылок и повешений, бывших в это время, случались довольно забавные истории. Турчанинов[110] был секретарем Императрицы Екатерины, и ему также был поручен надзор за ее частными занятиями. Это был маленький человек, такой гибкий, что он казался от этого еще меньше. Когда Императрица Екатерина отдавала ему приказания, прогуливаясь в саду Царского Села, он так сгибался из уважения, что Ее Величество, не будучи высокого роста, принуждена была нагибаться, чтобы разговаривать с ним. Про него ходил слух, что он набивал свои карманы. Я не знаю, насколько это было правдой, только Император Павел проявил сильную ненависть к нему, чего никто не мог предвидеть, потому что слишком мало было между ними случаев соприкосновения. Он приказал ему уехать из Петербурга и никогда больше не показываться на глаза. Турчанинов так хорошо исполнил приказание, что никто не видал, как и когда он уехал. Его не видали ни у одной заставы. Никто не знал, куда он направился, и с этого момента о нем больше не слыхали в Петербурге.

---

[109] С 1775 А. Г. Орлов находился в отставке, жил в Москве.

[110] Петр Иванович Турчанинов (1746 – после 1823), генерал-поручик, в 1778 правитель канцелярии Г. А. Потемкина; в 1791–1793 статс-секретарь императрицы Екатерины II.

Вступая на престол, Император Павел совершил много справедливых и милостивых поступков. Казалось, что он не желал ничего другого, кроме счастья своего государства; он обещал, что рекрутский набор будет отложен на несколько лет, и старался уничтожить злоупотребления, допущенные в последние годы царствования Государыни. Он проявил благородные и великодушные чувства, но он разрушил все это, пытаясь повредить славной памяти Императрицы, своей матери. Он назначил заупокойную службу в Александро-Невском монастыре, близ могилы своего отца, присутствовал на ней со всей семьей и двором. Потом открыли гроб, там оказался только прах от костей, который он приказал целовать. Он распорядился приготовить великолепные похороны со всеми церковными и военными церемониями, перенес гроб во дворец, следовал за шествием пешком и приказал участвовать в церемонии Алексею Орлову. Это произошло через три недели после смерти Государыни. За две недели до этого возмутительного поступка я была назначена дежурной к телу Ее Величества. Собирались перенести его в тронный зал. Я вошла в дежурную комнату, находившуюся рядом. Мне невозможно передать различные чувства, волновавшие меня, и скорбь, наполнявшую мою душу. Я искала глазами лиц, выражение которых могло бы успокоить мое сердце. Императрица Мария ходила взад и вперед, распоряжаясь церемонией. Ее довольный вид мучил меня. В смерти есть что-то торжественное; это поражающая истина, которая должна угасить все страсти. Ее неумолимая коса подрезает наше существование; если это не случилось вчера, это может случиться сегодня или завтра, и иногда это завтра оказывается таким недалеким и неожиданным! Я вошла в тронный зал и села у стены, вбок от трона. Через три шага от меня

был камин, к которому прислонился камер-лакей Екатерины II. Его отчаяние и печаль вызвали слезы у меня, и мне стало от этого легче. Рядом с тронным залом находилась зала кавалергардов. Потолок, пол и стены были обтянуты черным, единственным освещением этой траурной комнаты был яркий огонь камина. Кавалергарды в своих красных куртках и серебряных касках расположились группами, одни опираясь на карабины, другие — лежа на стульях. Мрачное молчание царило в этом зале, прерываемое только вздохами и рыданиями. Я постояла несколько времени у двери, это зрелище было в согласии с моей душой. Противоречие ужасно во время скорби, оно раздражает ее и сдавливает. Горечь ее утоляется, только встречая подобие мучениям, испытываемым ею. Я вернулась на свое кресло. Через минуту обе половины двери раскрылись. Появились придворные в самом глубоком трауре и прошли через зал в спальню, где лежало тело Государыни. Я была извлечена из уныния, в которое повергло меня зрелище смерти, приближавшимся похоронным пением. В дверях показалось духовенство, священники, певчие и Императорская семья, а за нею несли тело на великолепных носилках, покрытых Императорской мантией, концы которой неслись первыми чинами двора. Едва я увидала мою Государыню, как все содрогнулось во мне, слезы высохли и рыдания перешли в невольные крики. Члены Императорской семьи поместились передо мной, и, несмотря на торжественность момента, Аракчеев[111],

---

[111] Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834), граф (1799), государственный и военный деятель, генерал от артиллерии (1807). С 1792 служил в Гатчинских войсках, был фаворитом императора. Павла I, с 1796 комендант Санкт-Петербурга, в 1797–1799 генерал-квартирмейстер всей армии, в 1799 и с 1803 инспектор артиллерии, провел её реорганизацию. В 1808–1810 военный министр, с 1810

личность, извлеченная Государем из ничтожества и ставшая фактотумом его чрезмерных строгостей, сильно толкнул меня, говоря мне замолчать. Моя скорбь была так велика, что всякое постороннее чувство не могло коснуться меня, и этот неприличный поступок не произвел на меня никакого впечатления. Бог по своей милости даровал мне приятную минуту: я встретилась глазами с Великой Княгиней Елизаветой и прочла в них утешение моей душе. Она тихо приблизилась ко мне и дала мне сзади свою руку, пожав мою.

Началась служба, она подняла мое мужество, смягчая сердце. Когда церемония кончилась, вся Императорская фамилия, один за другим, преклонялись перед телом и целовали руку покойной. Потом все разошлись. Остался один священник против трона, чтобы читать Евангелие. Шесть кавалергардов были поставлены вокруг гроба. После двадцати четырех часов дежурства я вернулась домой, измученная телом и душой.

Понадобилось немного дней, чтобы все почувствовали, как велика была потеря. Справедливая свобода каждого была порабощена особым терроризмом. Нельзя было дышать свободно от многочисленных правил этикета и ложных знаков почтения. Каждый раз, встречаясь с Государем на улице (а это случалось постоянно), приходилось не только останавливаться, но и выходить из экипажа, какая бы погода ни была. Одним словом, все до шляп включительно, носило печать стеснения. У четырех гвардейских полков, с самого основания их

председатель Департамента военных дел Государственного совета. В 1815–1825 доверенное лицо императора Александра I, фактически руководил Государственным советом, Комитетом министров, Собственной его императорского величества канцелярией, был единственным докладчиком императору по большинству ведомств. С 1819 главный начальник над военными поселениями.

Петром Великим, полковником был всегда Государь, в двух из них, пехотных, полковниками были назначены Великие Князья Александр и Константин. Конная гвардия была предоставлена Великому Князю Николаю еще с колыбели. Император оставил себе только Преображенский полк. С этого момента Великие Князья все время были заняты военной службой. Надо было реформировать полки по образцу Гатчинских батальонов, вошедших в состав гвардии, и работа была немаленькая.

Молодые люди первых родов начинали обыкновенно свою карьеру в гвардии, потому что служба там не была действительной; они почти не носили мундира и повышались из чина в чин, предаваясь удовольствиям в Петербурге. С того момента служба стала действительной и очень строгой: надо было хорошо носить эспонтон, быть застегнутым на все пуговицы, хорошо завитым, иначе угрожала ссылка и заключение в крепости. Можно себе представить, сколько нужно было труда, чтобы переделать каждого субъекта в полку на новый образец. С этой утомительной обязанностью Великий Князь Александр соединял должность военного губернатора Петербурга, так что в первое время после всех этих перемен у него едва оставалось для отдыха несколько часов ночью, потому что днем приходилось отдавать много времени на представления.

Государь послал Суворову приказ ввести во всей армии новый костюм. Он повиновался, все-таки заметив, что *букли не пушка и коса не штык*. Несмотря на это смешение строгости, мелочности и требовательности, у Императора Павла были великодушные и рыцарские идеи. Его голова была лабиринтом, где заблудился разум. Его душа была добродетельна и прекрасна, и, если бы она была более сильной, его поступки стали бы предметом уважения и восхищения. Надо ему отдать

справедливость, что он был единственным Государем, который искренно пожелал установить законность в наследовании трона, и он также был единственным, полагавшим, что без законности не может быть установлен порядок.

Неделю спустя после того, как я была дежурной в тронном зале, я была назначена на дежурство в большом зале, где обыкновенно давались балы. *Castrum doloris* был помещен посредине; он был сделан в форме ротонды с куполом наверху. Государыня была положена в открытый гроб, и на голове у ней была золотая корона. Императорская мантия закрывала ее почти до шеи. Вокруг было шесть подсвечников, и напротив священник читал Евангелие. За колоннами на ступенях печально стояли кавалергарды, опираясь на свои карабины. Все было величественно, красиво и религиозно, но гроб с прахом Петра III, стоявший рядом, приводил душу в возмущение. Это было оскорбление, которого и могила не может стереть; это кощунство сына над матерью терзало душу.

К счастью для меня, я дежурила вместе с Толстой; наши сердца гармонировали, и мы пили чувство горечи из одного кубка. Другие дежурные дамы менялись через два часа, мы попросили разрешения не покидать гроба Государыни, что нам было предоставлено без труда. Ночь еще более усилила это зрелище, и казалось, что истина является во всем своем блеске. Крышка гроба Государыни лежала на столе у стены, параллельно *castrum doloris*. Толстая, так же как и я, была в глубоком трауре; наши креповые вуали спускались до полу. Мы стояли, прислонясь к крышке этого последнего жилища, к которой я невольно прижималась. Я чувствовала желание умереть, как потребность в любви. Божественные слова Евангелия проникали мне в душу. Все каза-

лось мне ничтожным вокруг меня. Бог был в моей душе и смерть перед глазами.

Я долгое время была как бы без чувств, закрыв лицо руками. Подняв голову, я увидела Толстую, освещенную лунным светом, падавшим через окно наверху. Этот мягкий спокойный свет давал великолепный контраст с освещением, сосредоточенным в середине этой как бы часовни. Вся остальная часть этого обширного зала была погружена во мрак.

В восемь или девять часов вечера члены Императорской фамилии медленно вошли, чтобы поклониться телу, и ушли в том же порядке в глубочайшем молчании. Через час или два пришли камер-фрау покойной Императрицы. Они с жадностью целовали ее руку и лишь с трудом могли оторваться. Крики, рыдания, обмороки прерывали по временам торжественную тишину. Государыню обожали все, кто был около нее; молитвы за ее душу и чувствительная благодарность возносились к небесам. Я была огорчена, когда наступил день, и с печалью видела, что мое дежурство окончено. С трудом расстаются с останками тех, кто нам дорог.

Тело Государыни и гроб Петра III после заупокойной службы были перенесены в крепость и положены в склепе, где покоились их предшественники.

Когда похоронные церемонии окончились, был получен приказ явиться ко двору для представления. Собрались в траурном зале кавалергардов. *Трусы и трусихи* решили, что надо целовать руку Императора, падая ниц, что мне показалось очень странным. Император и Императрица появились, и курбеты начались так быстро, что Император не успевал поднять этих картонных паяцев. Я была возмущена этим. Когда дошла очередь до меня, я поклонилась, как всегда, и собиралась взять руку Императора, который быстро

отдернул ее. От этого быстрого движения он так звучно поцеловал меня в щеку, что рассмеялся. Он сильно уколол меня своим подбородком, который он, вероятно, не брил в тот день. Я была слишком огорчена тогда, чтобы почувствовать смешную сторону этой сцены. Старые дамы бранили меня, что я не последовала их примеру. Я отвечала им, что никогда не может быть уважения большего, чем мое к Императрице Екатерине, но что я никогда не валялась на земле перед ней и что я не могла и не должна была делать этого перед ее сыном. Я не знаю, быть может, они почувствовали справедливость моего убеждения, но только преклонения прекратились.

III

Несколько времени спустя после восшествия на престол Павла I мой муж просил позволения у Императора отправиться в путешествие, но Государь самым ласковым образом отказал и велел передать ему, что он хочет сохранить около своего сына людей таких же честных, как и он сам. Государь назначил мужа обер-гофмейстером двора Великого Князя Александра, а графа Толстого — маршалом. Я отправилась поблагодарить Императора на *Куртаге*. Там присутствовали двор и весь город. Прием должен был происходить в Георгиевском зале. По прибытии Их Величества прошли в зал, где находились все лица, желавшие их поблагодарить. Старая графиня Матюшкина[112] должна была представлять дам и называть их фамилии. Вместо

---

[112] Матюшкина Анна Алексеевна (1722–1804), графиня, урожденная Гагарина, дочь князя Алексея Матвеевича Гагарина. Фрейлина императрицы Елизаветы Петровны (с 1744), гоф-дама (с 1759), статс-дама (с 1762). Была замужем за камергером графом Дмитрием Михайловичем Матюшкиным (1725–1800).

того чтобы сказать мою, она назвала меня г-жой Косицкой. Я остановилась и сказала ей:

— Вы ошибаетесь, графиня, я — графиня Головина.

Это объяснение произошло прямо перед Императором и нарушило его строптивый вид. Когда я потом была на *Куртаге*, Императрица подошла ко мне и сказала:

— Хотя вас и неверно назвали, я вас тотчас же узнала.

— Я буду счастливой всегда, — отвечала я, — когда Ваше Величество соблаговолит узнать меня.

Она повернулась ко мне спиной и отошла. Г-жа Гурьева[113], бывшая близ меня, сказала мне:

— Боже мой, дорогая моя, как вы осмеливаетесь так отвечать?

— Потому что я не так боюсь, как вы.

На этом же *Куртаге* я слышала замечательный ответ Государя. Княгиня Долгорукая[114] просила Государя помиловать ее отца, князя Барятинского, но получила отказ. Она заинтересовала м-ль Нелидову[115], обещавшую ей свое содействие. Я находилась среди них, когда княгиня возобновила свои просьбы перед Нелидовой о ходатайстве за ее отца. Государь подошел к Нелидовой, которая стала ему говорить о княгине Долгорукой как о дочери, страдающей от несчастья, постигшего ее отца. Император ответил:

— У меня тоже был отец, сударыня!

---

113 Гурьева Прасковья Николаевна (1764–1830), урожденная Салтыкова, была замужем за камергером графом Дмитрием Александровичем Гурьевым (1751–1825), впоследствии графом и министром финансов при императоре Александре I.

114 Долгорукова (Долгорукая) Екатерина Федоровна (1769–1849), княжна, статс-дама, дочь князя Федора Сергеевича Барятинского и жена князя Василия Васильевича Долгорукова (1752–1812).

115 Нелидова Екатерина Ивановна (1758–1839), фаворитка Павла I.

Я не виделась больше с Великой Княгиней Елизаветой. Моя чувствительная привязанность к ней оставалась той же, но Великий Князь Александр воспользовался враждебным отношением ко мне Императрицы, чтобы лишить меня всякой возможности видеться с ней и поддерживать отношения. И даже при известном расположении это было бы делом трудным. Кроме увеличившихся занятий, которыми был завален Великий Князь, все привычки его и Великой Княгини в течение этой первой зимы были нарушены и изменены. Не было установленного порядка; проводили день наготове и в ожидании. Утром Великий Князь находился в передней Государя, и часто перед этим он проводил уже целый час в казармах своего полка. В парадах и учении проходило все утро. Он обедал с Великой Княгиней вдвоем, или были еще один или два человека. После обеда — или опять поездки по казармам, или осмотр постов, или исполнение поручений Государя. В семь часов надо было отправляться в гостиную его Величества и дожидаться там его, хотя часто Государь приходил только к ужину, который бывал в девять. После ужина Великий Князь докладывал Императору военный рапорт. Дожидаясь его, Великая Княгиня Елизавета присутствовала при ночном туалете Императрицы, удерживавшей ее при себе, пока Великий Князь приходил после доклада пожелать своей матери спокойной ночи и уводил Великую Княгиню домой. Устав за день, он был в восхищении от возможности лечь спать, и часто Великая Княгиня оставалась одна, печально сравнивая приятную свободу, непринужденность и удовольствие прошлого царствования с напряженностью и стеснением настоящего.

Общество Государя, кроме членов Императорской фамилии, состояло из нескольких членов двора и лиц,

которые были преданы ему, когда он был еще Великим Князем; к последним принадлежали: Плещеев[116], Кушелев[117] и Донауров[118]. Император также вызвал из Москвы некоего Измайлова[119], который остался одним из лиц, преданных Петру III. Он сделал его флигель-адъютантом и выделял особенным вниманием. Из дам были: м-ль Протасова, сохранившая свое придворное звание; м-ль Нелидова; г-жа Бенкендорф, призванная в Петербург после примирения между Императрицей и Нелидовой; обер-гофмейстерины Великих Княгинь и дежурные фрейлины. В постоянное общество Императора были допущены два иностранца: граф Дитрихштейн, посланный венским двором принести поздравления его Величеству по поводу восшествия на престол, и Клингспор, приехавший с той же целью от шведского двора[120].

---

[116] Плещеев Сергей Иванович (1751–1802), генерал-адъютант, вице-адмирал (1797). Автор одного из первых географических описаний России («Обозрение Российской империи в нынешнем её новоустроенном состоянии», 1787).

[117] Кушелев Григорий Григорьевич (1714–1833), вице-президент Адмиралтейств-коллегий; в 1799 возведен в графское достоинство.

[118] Донауров Михаил Иванович (1754–1817), секретарь, библиотекарь и начальник кабинета Павла I, впоследствии – сенатор.

[119] Измайлов Петр Иванович (1724–1807), капитан Преображенского полка; в 1762 встал на сторону Петра III и получил отставку с чином полковника. Возвращен на службу Павлом I.

[120] Говорили, что ему было поручено также возобновить переговоры относительно брака, но я знаю из верного источника, что, как только король стал совершеннолетним (а это исполнилось через несколько дней после смерти Императрицы Екатерины), он оставил всякую мысль об этом браке, находя, что он не согласуется с его долгом по отношению своей страны ввиду различия религий. Но Клингспор, как хитрый политик и слуга Герцога Зюдерманландского, стараясь во всем вредить своему племяннику, говорил во время своего пребывания при петербургском дворе о желании Шведского

Ужины часто прерывались заявлениями о пожаре. В начале своего царствования Император Павел не пропускал ни одного пожара в городе, в каком бы часу дня или ночи это ни случилось. Его сыновья и все, кто носил форму, сопровождали Государя, а дамы кончали ужин одни, вместе с остальным обществом.

Император очень любил представления всякого рода, и так как глубокий траур не разрешал ни балов, ни спектаклей, ни других удовольствий, кроме приемов, *baise-mains*, игр и ужинов, то двор часто посещал общежитие Института благородных девиц, ставшее очень интересным местом по причинам, о которых я расскажу. Это учреждение было основано Императрицей Елизаветой, дочерью Петра I. Говорили, что она намеревалась окончить дни в этом монастыре. Императрица Екатерина сделала из него Институт благородных девиц и в первые годы своего царствования очень занималась им, но впоследствии стала меньше обращать на него внимания, и Император Павел при восшествии на престол отдал управление Институтом в руки Императрицы, своей супруги.

Там и произошло в первые дни царствования знаменитое примирение. Когда Императрица Мария была Великой Княгиней, в числе ее фрейлин была м-ль Нелидова. Это была особа небольшого роста и совершенно некрасивая: смуглый цвет лица, маленькие подслеповатые глаза, рот до ушей, длинная талия и короткие, кривые, как у таксы, ноги — все это в общем составляло фигуру малопривлекательную. Но она была

двора возобновить переговоры, так что Императрица положительно рассчитывала, что брак состоится. В дальнейшем увидят, как отозвались на Великой Княгине Елизавете обманутые ожидания Государыни, когда Шведский король женился на принцессе Фредерике, ее сестре. – *Примеч. авт.*

очень остроумна, обладала талантами и, между прочим, хорошо играла на сцене. Великий Князь Павел часто смеялся над нею, но, увидя ее в роли Зины в *la Folle par amour*, увлекся ею. Это было еще в то время, когда он любил выезжать в свет и когда у него часто бывали любительские спектакли.

Но чтобы объяснить суть этой интриги, надо перейти к еще более раннему времени. В 1783 или в 1784 году Великий Князь Павел особенно полюбил камергера князя Николая Голицына[121], человека очень ловкого, который близко сошелся с м-ль Нелидовой и старался убедить Великого Князя, что пора ему стряхнуть гнет своей супруги, прибавляя, что он с болью видит, как она управляет им вместе со своей подругой г-жой Бенкендорф[122]. Он коварно преувеличил их маленькие интриги; Великий Князь поддался обману, и м-ль Нелидова стала предметом его предпочтения. Это чувство вскоре превратилось в страсть, причинившую очень сильное огорчение Великой Княгине Марии. Она очень явно высказала свою ревность, оказала сильное сопротивление во всем, что касалось м-ль Нелидовой, державшей себя не очень почтительно по отношению к ней.

Великая Княгиня решила пожаловаться Императрице, которая стала уговаривать своего сына, но напрасно, и пригрозила увольнением Нелидовой. Князь Голицын воспользовался этой угрозой, чтобы еще более вооружить Великого Князя против матери. Последний уехал в свой дворец в Гатчину и прожил там всю зиму, приезжая в город только на те празднества, где его присутствие было необходимо. Великая Княгиня своей

---

[121] Голицын Николай Алексеевич (1751–1809), тайный советник, шталмейстер, сенатор.

[122] Госпожа Бенкендорф приехала из Монбельяра вместе с Великой Княгиней Марией и была при ней с детства. – *Примеч. авт.*

жалобой достигла только удаления от себя лиц, больше всего ей преданных. Г-жа Бенкендорф была отослана, потому что Великий Князь справедливо предполагал, что жену научают подруги и что, оставшись одна, она скорее уступит его воле. Он не ошибся, и Великая Княгиня, лишенная поддержки, подчинилась самым оскорбительным унижениям.

Через несколько лет как-то произошла ссора между Великим Князем и Нелидовой. Вызвана она была ревностью. Великий Князь, казалось, занялся другой фрейлиной своей супруги, и Нелидова покинула двор и поселилась в общежитии Института, где она раньше воспитывалась.

Таково было положение дел, когда Император вступил на престол. При первом же своем посещении общежития он примирился с Нелидовой и обошелся с ней так хорошо, что предложил Императрице считать Нелидову его лучшим другом и обращаться с ней так же. С этого момента, казалось, самая тесная дружба установилась между Императрицей и Нелидовой, получившей звание фрейлины «с портретом» — титул, которым пользовалась до сих пор только одна Протасова. Императрица вместе с Нелидовой проявляли свою власть; они вмешивались во все дела и награды и поддерживали друг друга.

Этот союз вызвал бы удивление, если бы не заметили вскоре, что он основан на личном интересе. Императрица без Нелидовой совершенно не могла рассчитывать на доверие своего супруга, что последующие события и доказали вполне. Но без Императрицы и Нелидова, очень самолюбивая, не могла играть той роли при дворе, какую она играла там, и нуждалась в милостивом отношении Государыни для защиты своей репутации.

Поездки в общежитие участились. Императрица была в восхищении развлекать двор в таком месте, где

она командовала; Нелидовой нравилось доказывать публике, что Император был увлечен ею, и Император охотно ездил туда, потому что Нелидова оказывала предпочтение этому месту. Три заинтересованных лица находили поэтому эти вечера прелестными и часто проводили их почти целиком в разговорах. Но придворные, присутствовавшие там, потому что Император направлялся туда всегда с большой свитой, с Великими Князьями и Великими Княгинями, смертельно скучали. Иногда молодые воспитанницы исполняли концерты, иногда танцевали, но часто ничего не было, кроме закуски, а остальное время проходило без всякого занятия.

Можно себе представить приблизительно, сколько тяжелого было для Великой Княгини Елизаветы в этом новом образе существования. Она более чем когда-либо подвергалась обращению и выходкам, которых до сих пор не могла предположить и в мысли. Я приведу только два примера. Зная, что главным преступлением в глазах Государя является опоздание, обе Великие Княгини, одетые так, что немедленно могли сесть в карету, дожидались у Великой Княгини Елизаветы, чтобы за ними прислали. Они поспешили отправиться к Государю, как только явился посланный. Когда вошел Государь, он грозно посмотрел на Великих Княгинь и сказал Государыне, показывая на них:

— Вот неподобающие манеры! Это обычаи прошлого царствования, но не мои. Снимите ваши шубы, сударыни, и не думайте никогда надевать их, как только в передней.

Это было сказано сухим и оскорбительным тоном, свойственным Императору, когда он был в дурном настроении.

Второй случай подобного рода был в Москве в самый день коронации. Все были в парадных платьях. Это

был первый раз, когда появились придворные платья, заменившие русский костюм, бывший в употреблении в царствование Екатерины II. Великая Княгиня Елизавета, желая дополнить свой туалет, очень искусно прикрепила свежие розы к алмазному цветку, бывшему у нее на груди. Когда она вышла к Государыне, та осмотрела ее и, не говоря ни слова, вырвала розы из ее букета и бросила на пол.

— Это не подходит к парадному платью, — сказала она.

Это не подходит было обычными словами, когда что-нибудь не нравилось. Великая Княгиня остановилась в изумлении, более удивленная этими манерами, действительно не подходившими к коронованию и причастию, чем огорченная судьбой своего букета. Противоречие между постоянно спокойными манерами, достойными и величественными прошлого царствования, с мелочностью, взволнованностью и манерами, часто вульгарными, которые Великая Княгиня видела теперь, оскорбляло ее свыше всякой меры. Долг является справедливым законом, помогающим нам вести себя, это — узда, сдерживающая живость наших поступков и желаний, устанавливая порядок. Но долг, продиктованный и внушаемый высокомерным стремлением властвовать, неизбежно разрушает чувство. Душа Великой Княгини Елизаветы была слишком благородной, чтобы не возмущаться, а ее характер слишком справедливым, чтобы не чувствовать оскорбления. Ее существование превратилось в тяжелый долгий сон, который она боялась признать действительностью. Каждую минуту встречала она противоречие и чувствовала себя нравственно оскорбленной. От этого увеличилась ее гордость. Она старалась по возможности удалиться от порядка вещей, который ей не нравился. Она исполня-

ла все обязанности, сопряженные с ее рангом, но в возмещение она создала себе внутренний мир, где воображение имело больше власти, чем рассудок. Туда скрывалась она, освобождаясь от скуки и противоречий, испытываемых ею в действительной жизни. Это гибельное средство имело для нее печальные и продолжительные последствия.

Но возвратимся к приготовлениям к коронации и некоторым событиям, предшествовавшим ей.

IV

После того как Императрица получила некоторую власть над своим супругом, подружившись с Нелидовой, оба брата князья Куракины были назначены: старший — вице-канцлером, младший — генерал-прокурором[123]. Князь Безбородко остался первым членом Коллегии иностранных дел.

Несмотря на чувства Императора против графа Панина[124], он назначил его одним из первых членов Коллегии

---

[123] Куракин Александр Борисович (1751–1818), князь, министр иностранных дел при Павле I (в 1800) и посланник в Париже при Александре I (1808–1812).

Куракин Алексей Борисович (1759–1831), князь, генерал-прокурор (1796–1797), министр иностранных дел (1807–1810). С 1821 председатель Департамента государственной экономии Государственного совета, С 1826 канцлер Российских орденов. Оба брата принадлежали к кругу приближенных императрицы Марии Федоровны.

[124] Панин Никита Петрович (1771–1837), граф, сын Петра Ивановича Панина, воспитывался вместе с великим князем Павлом Петровичем. Действительный тайный советник, посланник в Гааге и Берлине, в 1799 был вице-канцлером. Уволен от службы и сослан в Московскую губернию. В 1801 вновь занял пост вице-канцлера, но через месяц оставил службу.

иностранных дел. Нелединский[125], двоюродный брат князя Куракина, тоже был приближен благодаря особому покровительству Императрицы, которой удалось таким образом окружить Императора своими людьми. Из людей, приближенных к Государю, им выбран был только Ростопчин, которого он сделал флигель-адъютантом и первым министром.

Февраль 1797 года был отмечен приездом польского короля. Одним из первых дел Императора по восшествии на престол было освобождение всех поляков, заключенных в Петербурге за защиту своего отечества. Несчастный Понятовский, живший почти пленником в Гродно, был приглашен Государем в Петербург и там великолепно им принят. Ему предложили сопровождать двор в Москву, чтобы присутствовать там на коронации.

Двор Государя отправился 1 марта 1797 года и на два дня остановился в Павловске; дворы Великих Князей поехали отдельно с промежутком двух дней. После пятидневного путешествия дворы один за другим прибыли в Москву и остановились в Петровском дворце. Этот дворец был построен Екатериной, чтобы служить временным помещением, потому что по обычаям государи делали каждый раз торжественный выезд, отправляясь в Москву[126].

Дворец был построен в то время, когда Государыня предпочитала готический стиль всем другим, но в общем Петровский дворец производит впечатление бес-

---

[125] Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1752–1829), тайный советник, государственный секретарь при Павле I, тайный советник при Александре I; писатель.

[126] Впоследствии в нем жил Бонапарт, и дворец был сожжен его спутниками. Это лучшее, что могло случиться, потому что он осквернил его своим присутствием. – *Примеч. авт.*

форменной массы. У него печальный вид, и он плохо расположен, примыкая одной стороной к лесу с плохими дорогами; из дворца видно большую дорогу, проходящую по довольно голой равнине. Хотя город находится в четверти часа езды, его совершенно не видно. Кроме Государя и Государыни, у всех были плохие помещения и оттого дурное настроение. Несмотря на это, необходимо было присутствовать на ежедневных приемах, так как московское общество приезжало на поклон к своему Государю.

Государыня получила извещение о смерти своей любимой подруги, г-жи Бенкендорф. Она оплакивала ее целые сутки и появилась на следующий день. Государь часто ездил в Москву, и, хотя эти поездки считались инкогнито, весь двор сопровождал его. Целью их было посещение больниц и других учреждений. Однажды вечером, когда возвращались ночью по дороге, ставшей невозможной от оттепели, карета, в которой сидели Государь, Государыня, оба Великих Князя и Великая Княгиня Елизавета, каждую минуту была готова опрокинуться. Государь забавлялся этим и спросил у Великого Князя Александра, *боится ли Великая Княгиня Елизавета*; Великий Князь, думая похвалить свою супругу, ответил, что *нет, она не трусиха и не боится ничего*.

— *Вот именно этого я и не люблю*, — сухо заметил Император.

Великий Князь спохватился и прибавил:

— Она боится только того, чего она должна бояться.

Но зло было уже сделано; Император был недоволен. Несмотря на великодушные стороны его души, у него была такая странность характера, что он готов был считать того врагом, в ком он не уверен был вызвать чувство страха. Из этого не следует, что в другие минуты он не показывал бы, что умеет ценить возвышенность

чувств и энергию; и эту мелочность надо приписать недоверию, которое ему сумели внушить.

В Петровском дворце наладилась свадьба, которую довольно торжественно отпраздновали при дворе через несколько месяцев.

Граф Дитрихштейн, чрезвычайный посол венского двора, упоминавшийся мною раньше, был очень хорошо принят Государем и последовал за двором в Москву. Он жил не во дворце и каждый день приезжал обедать к Государю, а время до ужина проводил у графини Шуваловой, младшая дочь которой самым сильным образом влюбилась в него. Граф Дитрихштейн совсем не отвечал на эту страсть, но в дело вмешалась графиня де Шуазель и так хорошо повела интригу, что через шесть недель граф уезжал из Москвы вместе с графиней Шуваловой в качестве ее будущего зятя.

Дипломатический характер графа Дитрихштейна и особая милость к нему Императора придали этому браку блеск, отразившийся и на графине Шуваловой, впрочем не пользовавшейся расположением Императора.

Глава шестая. 1797

I

В Вербную субботу, 27 марта, был торжественный въезд Государя в Москву. Шествие было огромно, и войска выстроены от Петровского дворца до дома Безбородко. Из Петербурга, как это принято, прибыли все гвардейские полки. Император и его сыновья ехали верхом. Государыня, Великая Княгиня Елизавета и одна из Великих Княжон были в большой карете, приготовленной для всех Великих Княгинь и Государыни, но участвовали только перечисленные лица, остальные были больны[127].

Шествие остановилось в Кремле, и Императорская Фамилия обошла соборы и поклонилась мощам. Оттуда оно двинулось дальше и к восьми часам вечера прибыло во дворец Безбородко, выйдя из Петровского около полудня. Дворец принадлежал князю Безбородко, первому министру; он отделал его для себя с особой роскошью и изысканностью, но предложил его Императору на время коронации, потому что дворцов, кроме Кремлевского, в Москве не было, и Императрица Екатерина также останавливалась в домах частных

---

[127] Великая Княгиня Анна поехала из Петербурга уже больная, но, так как Государь не любил этого, она старалась пересилить себя, пока у нее не сделалось воспаление легких. Ее перевезли из Петровского дворца в Москву, где ей сделали кровопускание. На другой день после Государь пришел к ней и сказал: «Теперь я вижу, что это серьезно, и мне очень досадно, что вы так больны; признаюсь, до сего времени я думал, что все это маленькие привычки (petitcs manieres), приобретенные во время прошлого царствования и которые я стараюсь искоренить. Неизвестно, что он хотел сказать этими маленькими привычками прошлого царствования, о которых он упоминал каждую минуту. – *Примеч. авт.*

владельцев в последние свои посещения Москвы. Императорский дворец уже давно сгорел. Вскоре после коронации Государь купил дворец Безбородко[128]. Он находился на окраине города в одном из самых красивых кварталов. Около него был маленький сад, отделенный бассейном от дворцового сада, прекрасного места общественного гулянья. Дворец не был стеснен строениями, и из него открывался обширный вид, что делало пребывание в нем более приятным, чем в Петровском. Великий Князь Александр, его супруга и Великие Княжны остались там, а Великий Князь Константин вместе со своим двором остановился напротив, в здании, называемом *Старым Сенатом*.

Двор провел во дворце Безбородко всего несколько дней и в страстную среду с большой пышностью переехал в Кремль, чтобы приготовиться к коронации.

Надо обладать талантом историка, чтобы вкратце рассказать все, что делает Кремль местом почитания, и пером поэта, чтобы описать впечатление, производимое этим древним и прекрасным памятником старины, описать его соборы и возвышающийся над всею Москвою дворец, которому готический стиль с террасами, сводами и оградой придает вид чего-то воображаемого. Сам по себе дворец недостаточно велик, чтобы вместить всю Императорскую Фамилию: Великого Князя Александра с супругой поместили в архиерейском доме, а Великого Князя Константина — в Арсенал. Великая Княгиня Елизавета говорила мне, что она никогда не забудет впечатления, произведенного на нее видом Кремля в вечер ее приезда.

Выйдя от Императрицы, она отправилась к Великой Княгине Анне и ушла от нее, только когда стало темно.

---

[128] Он почти целиком был разрушен во время пожара Москвы, когда этот город был занят врагом. – *Примеч. авт.*

Она была печальна, пребывание в Москве не имело для нее никакой прелести, но зато тысячи неприятностей. Все окружавшее далеко не восхищало ее воображения, скорее душило его и сжимало ей сердце. Но в тот вечер, выходя от Великой Княгини Анны и садясь в карету, она бросила взгляд на древнюю красоту Кремля, усеянную ярким светом луны, чудно отражавшимся в золотых крышах, и она испытала мгновение невольного энтузиазма, воспоминание о котором никогда не изгладилось из ее памяти.

II

Обряд коронования свершился 5 апреля, в день Святой Пасхи, в Успенском соборе. Посредине церкви, напротив алтаря, было устроено возвышение, где стоял трон Императора, возвышение для Императрицы было рядом на некотором расстоянии. Направо были трибуны для Императорской Фамилии и напротив — другие. Кругом собора были устроены места для публики.

Император короновался сам, потом он короновал Императрицу, беря свою корону и дотрагиваясь ею до головы супруги, на которую минуту спустя была надета маленькая корона. После обедни, причастия, коронования и *Te Deum* (благодарственный молебен) Император приказал прочесть громким голосом у подножия возвышения, где стоял его трон, *Акт о престолонаследии*, составленный по его приказанию. Этим актом он устанавливает порядок престолонаследия и исключает из него женщин, кроме случая отсутствия мужчин в прямой линии. Он предусматривает случай несовершеннолетия. Он определяет положение вдовствующих Императриц и Великих Княжон и условия, предоставляющие им полное право на это положение, ограничивая их в

наследовании. Этот *Акт* был положен на алтарь в Успенском соборе, где его и читали.

Их Величества обедали на тронах в Большом зале дворца. Он находится в первом этаже дворца, сделан со сводами и столбами. Со стороны входа находится возвышение, где Их Величества присутствовали на обеде. Небольшие окна находятся на некотором расстоянии в трех других стенах, покрытых, как и пол, красным сукном, что придавало залу совсем странный вид и делало неприятным балы, которые там давались впоследствии. Маленькая комната примыкает к возвышению, и в ней подали обед Императорской Фамилии и Польскому королю, присутствовавшему на всех церемониях коронования в королевской мантии. После обеда Великие Княгини отправились до вечерни к Великим Княжнам, которых одних поместили во дворце. Но у них было такое плохое помещение, что Великая Княгиня Елизавета все послеобеденное время провела сидя на сундуке, хотя и в парадном придворном платье.

Во время коронации были значительные награды и производства. Император высказал Великому Князю Александру, что ему нравится его дружба с князьями Чарторижскими, и спросил у него, что он мог бы сделать для них, чтобы это им было приятно. Великий Князь, зная любовь отца к военной службе и желая оградить своих друзей на будущее время от немилости Императора и поставить их на хороший счет в его мнении, сказал об их желании вступить в военную службу. Император действительно очень хорошо принял эту просьбу и назначил обоих братьев адъютантами: старшего — к Великому Князю Александру, младшего — к Великому Князю Константину, и в то же время очень милостиво предоставил им отпуск на три месяца, чтобы съездить в Галицию повидаться с отцом. Отпуска в это

время года были чрезвычайной милостью, потому что обыкновенно они разрешались только осенью.

Это назначение, в силу которого князь Адам Чарторижский должен был по обязанности находиться при Великом Князе Александре, что как бы разрушало тесную дружбу князя с его Императорским Высочеством, не понравилось многим и было причиной впоследствии многих событий.

Князь Безбородко был награжден огромными богатствами. У Государя был камердинер, цирюльник Кутайсов[129], турок по происхождению, в детстве он был привезен в Россию. Государь был его крестным отцом. В это время он назначил его гардеробмейстером — должность, специально для него созданная. Быстрое повышение Кутайсова привлекло к нему внимание всех, в особенности когда он в конце того же года получил орден Св. Анны на шею. Двор был за обедней в понедельник и вторник Пасхи в различных соборах Кремля, а начиная со среды Их Величества каждое утро в течение двух недель проводили на троне, принимая поздравления. Императору все казалось, что приходило слишком мало народу. Императрица постоянно повторяла, что она слышала от Императрицы Екатерины, будто во время коронации толпа, целовавшая руку, была так велика, что рука у нее распухла, и жаловалась, что у нее рука не распухает. Обер-церемониймейстер Валуев, чтобы доставить удовольствие Их Величествам, заставлял появляться одних и тех же лиц под различными названиями. Если случалось, что какое-нибудь лицо занимало не одну должность, то Валуев заставлял появляться его в один и тот же день то как сенатора, то как депутата от дворянства, то как члена суда.

---

[129] Кутайсов Иван Павлович (1759–1834), граф, впоследствии граф обер-шталмейстер и кавалер ордена Св. Андрея Первозванного.

Вся Императорская Фамилия и двор присутствовали при принесении поздравлений. Государь и Государыня сидели на тронах; Императорская Фамилия с двором находилась направо, и различные корпорации и московские дамы, которых тоже заставляли приходить по несколько раз, подходили к трону, кланялись, поднимались по ступеням трона, целовали руки у Их Величеств и уходили с другой стороны. Потрясение, происшедшее от замены самого мягкого царствования режимом террора, произвело совершенно неожиданное действие, которое было бы необъяснимым, если бы не было известно, что крайности соприкасаются. В большинстве случаев, когда не дрожали от страха, то впадали в безумную веселость. Никогда так не смеялись, никогда так удачно не подхватывали смешные стороны, преувеличивая их; но часто также саркастический смех превращался в гримасу ужаса.

Надо сознаться, что никогда раньше высшая власть не давала столько поводов к смешному, чего народная наблюдательность никогда не оставляет безнаказанным, где бы она это смешное ни находила. Император вкладывал в представительство и приемы всю свою склонность к преувеличению[130]. Казалось иногда, что он был просто знатным человеком, которому позволили сыграть роль монарха, и торопился насладиться удовольствием, которое у него скоро отнимут. Небольшое

---

[130] Я не могу не привести здесь одно замечание, а именно: эта преувеличенная склонность к приемам Императора Павла оказала печальные последствия в царствование его сына. Император Александр был шокирован, как и все, отсутствием меры в этом отношении и запомнил все насмешки и жалобы, вызванные этим. При своем восшествии на престол он бросился в противоположную крайность и вызвал недовольство общества, уничтожая, насколько возможно, всякие приемы и поздравления. – *Примеч. авт.*

количество спокойного достоинства, вкладываемое Императрицей в свою роль, ребяческая радость, которую ей доставляла эта роль и которую она не могла скрыть, — ничто не ускользало от внимания общества, и оно вознаграждало себя за состояние постоянного страха, в котором его держал характер Государя, шутками, иногда довольно острыми.

Этим занимались, главным образом, во время упоминаемого мною выше принесения поздравлений, и, сказать по правде, в этом чувствовалась необходимость, чтобы выносить скуку и утомление от этой церемонии. Кавалеры двора из свиты Великих Княгинь, в особенности мой муж и князь Голицын[131], делали злые замечания и смеялись над тем, что происходило, и над отдельными лицами, и, благодаря тому, что мы находились вдали от Их Императорских Величеств, можно было внести некоторое разнообразие в монотонность этих приемов.

III

Было много балов, ставших источником беспокойства для Государыни и м-ль Нелидовой. Среди большого числа московских дам, приезжавших ко двору, было много красивых особ и между ними княжны Щербатовы[132] и барышни Лопухины[133]. Последние особенно

---

[131] Голицын Александр Николаевич (1773–1844), действительный тайный советник, сенатор, министр народного просвещения. Сын князя Николая Михайловича Голицына. Один из близких друзей Александра I. Был председателем Библейского общества (1812).

[132] Анна и Мария, дочери князя Андрея Николаевича Щербатова (1771–1816). Анна впоследствии вышла замуж за графа Дмитрия Николаевича Блудова, министра внутренних дел и президента Ака-

привлекли внимание Императора. Он часто принимался говорить о них, и беспокойству Государыни и Нелидовой по этому поводу приписывают ускоренный отъезд двора из Москвы. Государь жил попеременно то в Кремле, то во дворце Безбородко, и так как каждый переезд совершался торжественно, то Государь устраивал их как возможно чаще. Двор делал много поездок в окрестности Москвы и в Троицкий и Воскресенский монастыри. Последний называется также Новым Иерусалимом[134]. Ездили в Коломенское, место рождения Петра Великого, в Царицыно, где находится Императорский дворец, лежащий в чудной местности, и в Архангельское, имение, принадлежавшее тогда князю Голицыну. Государь совершал эти поездки всегда в большой шести- или восьмиместной карете, и дорогой его секретари чередовались, докладывая текущие дела, военные донесения и прошения разного рода, адресованные ему. Великая Княгиня Елизавета, всегда находившаяся во время поездок в его карете, говорила мне, что она часто бывала поражена раздражительностью Государя, когда что-нибудь ему не нравилось в докладе, и холодной жестокостью, позволявшей ему делать предметом шутки просьбы, с которыми обращались к нему несчастные. Быть может, молодость и неопытность Великой Княгини Елизаветы вводили ее в обман отно-

---

демии наук. По словам современников, она была очень похожа на Императрицу Елизавету, супругу Александра I.

[133] Екатерина и Анна; дочери Петра Васильевича Лопухина (1741–1827) и его первой жены Анны Ивановны, урожденной Левшиной.

[134] Монастырь расположен в прелестной местности, а еще более интересен оттого, что его церковь построена по образцу Иерусалимского храма и в нем представлены все места, где происходили Страсти Христовы. – *Примеч. авт.*

сительно настоящих намерений Государя, но подобный род шуток приводил ее в возмущение.

Последние празднества коронации состояли: из итальянской оперы; дворянского бала, который Их Величества почтили своим присутствием; обеда у Польского короля; торжественной прогулки в дворцовом саду и прогулки 1 мая на общественном гулянье.

Я не присутствовала ни на одном из празднеств, дававшихся в это время в Петербурге. Я оставалась с Толстой. Мое сердце было облечено в вечный траур, и я избегала общественных увеселений. Но я была вынуждена отправиться на маскированный бал не по приглашению, а по приказу полиции. Тот, кто отказывался подчиниться ему, заносился на особый лист, и, таким образом, об этом доходило до сведения Государя. Я отправилась на этот печальный праздник, так же как и Толстая. Вначале было заиграли полонез, который я привыкла слышать в счастливые времена. Эта музыка произвела на меня ужасное впечатление, рыдания душили меня.

Шумная радость и празднества являются для печали чем-то вроде судорожной улыбки, устрашающей природу. Я бежала от света, казавшегося мне ужасным. Могила была у меня в сердце, и мои взоры, казалось, стремились к ней, ища в ней отдохновения. Мы вернулись с этого бала измученные и усталые, точно мы возвращались после тяжелого и опасного путешествия.

Во время коронации князь Репнин получил письмо от графа Михаила Румянцева[135], служившего тогда генерал-лейтенантом под начальством фельдмаршала Суворова. Граф Михаил Румянцев был светским

---

[135] Румянцев Михаил Петрович (1754–1826), граф, один из четырех сыновей фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского.

человеком, очень ограниченным, самолюбивым и сплетником худшего сорта, вроде старой бабы. Фельдмаршал обращался с ним, как он того заслуживал. Граф обиделся и решил отомстить. Он написал князю Репнину, что фельдмаршал овладел умами, и дал ему понять, что подготовляется восстание. Князь Репнин почувствовал, насколько лживо это известие, но не мог удержаться от удовольствия распространить его с целью повредить фельдмаршалу, заслугам которого он завидовал. Он отнес письмо графа Румянцева Ростопчину. Последний указал ему, как опасно возбуждать порывистую горячность Императора. Эти доводы нисколько не подействовали на князя Репнина. Он сам отнес письмо его Величеству, и фельдмаршал Суворов был удален.

Несчастный характер Императора был причиною стольких несправедливостей, совершенных им, что их едва можно согласовать с понятием прекрасной души.

Я позволю себе на минуту прервать рассказ и приведу малоизвестный анекдот, доказывающий природную доброту и великодушие, заложенные в глубине души этого Государя.

Граф Панин, сын графа Петра Панина, о котором я говорила выше, ни в чем не походил на своего отца. У него не было ни силы характера, ни умения себя держать, и он был способен только к интригам и возмущению. Император Павел, когда был еще Великим Князем, принимал в нем участие как в племяннике графа Никиты Панина, его воспитателя. Граф Панин воспользовался склонностью Великого Князя, удвоил усердие и старание и достиг того, что овладел его доверием. Заметив несогласие, царившее в отношениях между Государыней и ее сыном, он захотел нанести последний удар, чтобы потом осуществить свои честолю-

бивые и даже преступные проекты. Он возвратился в Гатчину после кратковременного пребывания в городе и попросил у Великого Князя особой аудиенции, чтобы сообщить ему дело первой важности.

Великий Князь назначил ему время, когда граф должен быль прийти к нему в кабинет. Граф вошел со скромным видом, очень ловко прикрыв скромностью, как маской, свое вероломство, и наконец сказал Великому Князю с притворным колебанием, что откроет ему самую ужасную для него вещь, что дело идет о заговоре, образованном против него Государыней, его матерью, и что она посягала на его жизнь.

Великий Князь спросил у него, знает ли он имена заговорщиков, и, услыхав утвердительный ответ, приказал написать их на листе. Граф Панин при помощи своей фантазии составил большой список. «Подпишите!» — прибавил Великий Князь. Панин подписал. Тогда Павел взял лист и сказал:

— Идите, предатель, и не показывайтесь никогда мне на глаза.

Он рассказал об этой ужасной клевете своей матери; Государыня была так же возмущена, как и он, а этот список остался у Великого Князя Павла в отдельном ящике, хранившемся у него всегда в спальне.

IV

Возвратимся к придворным происшествиям после коронации. Третьего мая Государь уехал из Москвы вместе с сыновьями, отправляясь в объезд вновь приобретенных в силу раздела Польши губерний и оттуда прямо в Петербург. Государыня уехала из Москвы одновременно с Государем, вместе с Великими Княгинями, своими невестками, и со своей дочерью, Великой

Княжной Александрой. Она объявила им всем трем, что они не будут расставаться с ней ни днем, ни ночью. И действительно, как в дороге, так и по приезде в Павловск, она оставляла их ночевать в своей комнате. У Великих Княгинь Елизаветы и Анны даже не было другого отдельного помещения, кроме ее апартаментов.

Здоровье Великой Княгини Елизаветы, выдержавшее всякого рода испытания предыдущей зимой, к утомительной церемонии коронации в конце концов пошатнулось. Великая Княгиня впала в состояние особой слабости, сопровождаемой страданиями, почему она с крайним нетерпением ждала приезда Императора, чтобы по крайней мере освободиться от зависимости, в которой она находилась. Наконец этот момент наступил в последних числах мая. Государыня, в сопровождении двора, выехала навстречу Государю в Гатчину, где провели только несколько дней, после чего все вернулись в Павловск.

Стремились во что бы то ни стало заставить позабыть прошлое царствование и, в виде одного из средств, переменили, насколько это было возможно, место всех резиденций двора. Императрица Мария питала отвращение к Царскому Селу, объяснимое только личными отношениями. Она ревновала его к созданному ею Павловску. Вследствие этого Императорский дворец в Царском Селе, жилище достойное Монарха и где всегда весь двор удобно размещался, был брошен, и все лучшее из имущества перевезено в Павловск, тоже красивое место, но нисколько не соответствовавшее размерами с двором и не подходившее для резиденции Монарха, влюбленного в пышность и приемы. Поспешно строили новые здания, но они были разительным противоречием с постройками прошлого царствования. Екатерина II построила для своего внука велико-

лепный дворец в Царском Селе. Императрица Мария, пока по ее распоряжению для наследника трона строили деревянный дом, поместила его в хижину. Да и дом Великого Князя Александра немногим был больше, но Великая Княгиня Елизавета чувствовала себя там счастливой в сравнении с теми тремя неделями, которые она провела во дворце.

Немного спустя после возвращения Государя, когда однажды вечером он прогуливался по саду в Павловске вместе с двором и лицами, составлявшими его постоянное общество, послышались звуки барабана. Все насторожились. Для вечерней зори было слишком поздно. Император остановился, заметно взволнованный. Били тревогу. «Это пожар!» — вскричал он, повернулся и быстро пошел к дворцу вместе с Великими Князьями и военными. Императрица с остальным обществом следовала за ним издали. Подойдя к дворцу, увидали, что одна из ведущих к нему дорог занята частью гвардейских полков. Остальные кавалеристы и пехотинцы поспешно бежали со всех сторон. Спрашивали друг у друга, куда надо идти, сталкивались, и на узкой дороге, наполненной войсками, военные, пожарные и различные повозки пролагали себе дорогу только с помощью страшного крика.

Императрица, опираясь на руку одного из придворных, пробиралась чрез толпу, разыскивая Государя, потерянного ею из виду. Наконец беспорядок настолько увеличился, что многим из дам, и именно Великим Княгиням, пришлось перелезть через барьер, чтобы избежать опасности быть раздавленными.

Немного спустя войскам был дан приказ разойтись. Возвратились во дворец. Император был взволнован и в плохом настроении. Много было движения, продолжавшегося до позднего вечера. После долгих розысков

открыли, что причиною суматохи был трубач, упражнявшийся в казармах конной гвардии. Войска в примыкающих казармах подумали, что это сигнал, и повторили его, таким образом тревога передалась от одного полка другому. В войсках думали, что это или пожар, или испытание на быстроту сбора; но толки в обществе и при дворе, которые с самого начала этого царствования приняли такое направление, что можно было предчувствовать конец его, постарались объяснить совершенно иначе это событие, и в особенности событие, случившееся на следующий день.

Ничто так не вызывает предательство, как постоянная боязнь его. Павел I не умел скрывать, до какой степени эта боязнь отравляла его жизнь. Она проявлялась во всех его поступках, и много жестокостей, которые он допустил совершить, были следствием этого чувства, постоянно присутствовавшего в его душе, и, наконец, оправдали его, вызывая общее раздражение.

На следующий день, почти в те же часы, когда двор был на прогулке в другой части сада, отделенной от большой дороги только небольшим барьером, послышался звук трубы и показалось несколько кавалеристов, скакавших во весь опор по тропинке, примыкающей к большой дороге. Император в бешенстве бросился к ним с поднятой тростью и заставил их повернуть обратно. Великая Княгиня и адъютанты бросились за ним, и все были довольно удивлены этой второй сценой. В особенности растерялась Государыня. Она кричала, обращаясь к придворным:

— Бегите, господа, спасайте вашего Государя!

Около нее оказался граф Феликс Потоцкий, добрый малый, но неуклюжий толстяк, вдобавок питавший смешное чувство страха перед Императором. Она схватила его за руку и толкала вперед. Едва ли видали фи-

гуру смешнее, чем ту, которую представлял из себя бедный граф Потоцкий, не понимавший, чего от него требуют, и более испуганный криком Государыни, чем опасностью, которой подвергался Государь.

На этот раз войскам помешали собраться, но никогда не дознались, как следует, что вызвало это волнение. Никто не хотел сказать или не знал его причины. Одни говорили, что войска были уверены, будто тревога, бывшая накануне, была устроена по приказу Государя, поэтому держались все время наготове и могли принять всякий шум за сигнал. Другие утверждали, что какой-нибудь шутник дурного тона, желая повторить суматоху, бывшую накануне, дал сигнал. История окончилась несколькими наказаниями и больше не повторялась.

Слабость Великой Княгини Елизаветы все продолжалась, увеличиваясь. Она получила позволение нигде не бывать и провести несколько недель в полнейшем уединении. Медики предложили ей употребить это время на лечение.

В то время когда она сидела дома, Великий Князь едва не погиб и чудом избежал опасности. Однажды утром он вместе с Государем присутствовал на учении. Он был верхом на лошади на краю пригорка, сзади его Величества. Быстрое движение войска, при котором на солнце заблестели ружья, испугало лошадь Великого Князя. Она встала на дыбы, задние ноги у ней поскользнулись, и она скатилась вниз вместе с всадником. Все боялись подойти, думая, что Великий Князь убит. Но он был только сильно помят, и у него была погнута ключица. Если бы он не был так молод, она сломалась бы.

Глава седьмая. 1797–1799

Я провела лето 1797 года вместе с Толстой в имении ее матери, княгини Барятинской, в пяти верстах от Императорского Петербургского дворца, куда в июле месяце переехал двор для празднования именин Государыни. Граф Толстой и мой муж делили свое время между нами и службою при дворе. Имение, где мы находились, было удачно расположено. Дом стоит на высоком холме, с которого открывается прелестный вид на залив, туда ведет красивая аллея; вокруг имения много чудных мест для гулянья; есть леса, сады, много цветов и фруктов. Из окна моего маленького кабинета направо был виден город, налево — море. Мы были, насколько возможно, счастливы. Дружеские отношения и занятия с детьми наполняли наши дни самым чувствительным и интересным образом.

Наши старшие дочери, моя и Толстой, приблизительно одного возраста, были постоянно вместе. Мы с интересом следили за возникающей между ними дружбой. Вторая дочь Толстой была умной девочкой, она была тогда четырех лет, на три года моложе своей сестры. Моей младшей дочери и сыну графини было приблизительно по два года. Не было ничего милее вида этих двух малюток, красивых, как ангелы, когда они собирали цветы или бежали навстречу нам, набрав цветов в подолы своих рубашек.

Я любила по вечерам сидеть на крыльце, любуясь закатом солнца. Воспоминания осаждали меня, и самым чувствительным из них было воспоминание о Великой Княгине Елизавете, которая всегда была и будет для меня самым священным лицом.

Тихий прекрасный вечер дает отдых душе, позволяющий нам видеть то, что ускользает от нас во время

волнения и беспокойства. Я мысленным взором окидывала прошедшее величие, все обстоятельства своей дружбы с Великой Княгиней. Я оплакивала ту, которая осыпала меня милостями, потому что ей я обязана тем, что я узнала и полюбила того, кого я всегда буду любить.

Чувство привязанности к горячо любимому монарху не сравнимо ни с каким другим; чтобы понимать, его надо испытать. От этого чувства до гордости бесконечное расстояние. Оно все — преданность. Гордость и тщеславие — низкие эгоистичные чувства, они не могут согласоваться с самоотвержением. Но никогда не хотят ни поверить этому чистому чувству, ни понять его; всегда считают его корыстным или основанным на каком-нибудь особом мотиве тщеславия или восторженности.

Высокое положение монарха не допускает никакой связи между ним и подданными, но я позволю себе заметить, что в этом суждении забывают про душу и сердце, которые уничтожают расстояние, сохраняя уважение. Сердце истинного верноподданного требует только справедливости, т. е. мнения, но мнения, высказанного открыто. С печалью переносишь слабость в государе; ей предпочитают строгость. Надо, чтобы было возможно опереться на то, что представляет нашу гарантию и силу.

Здесь следует упомянуть о приезде принцессы де Тарант, герцогини де ла Тремуй, во время пребывания двора в Петергофе. Она дочь герцога Шастильона, пэра Франции и последнего в роде. Она была статс-дамой несчастной королевы Франции и даже принесла себя в жертву привязанности и преданности своим государям. Император и его супруга познакомились с ней во время путешествия в Париж[136]. Они часто встречали ее у ее

---

[136] В 1781 г.

бабушки, герцогини де Лавальер. Мужество и выдающиеся чувства, проявленные принцессой де Тарант в несчастье, еще более увеличили уважение и участие, которые она вызвала у Их Императорских Высочеств. После того как она вышла из тюрьмы, ее принудили бежать в Лондон, чтобы избежать смерти. Король и королева были уже в Тампле, принцесса де Тарант, не видя возможности разделить их судьбу, согласилась покинуть на некоторое время Францию. Но когда она пожелала вернуться, декретом был воспрещен всем эмигрантам въезд во Францию. Она терпела бедность и несчастья. Смерть ее государей превысила меру ее горя. Она находилась в Лондоне уже пять лет, когда Император Павел и Императрица Мария, вступив на трон, пригласили ее, в самых ласковых выражениях, приехать в Россию, предлагая и обещая ей письменно пожаловать имение, где она могла бы спокойно жить со своим семейством.

Принцесса де Тарант собиралась было отклонить это предложение, как бы выгодно оно ни было. Она не хотела расстаться с черным платьем, так хорошо подходившим к вечному трауру ее души, и вполне удовлетворялась пенсией (около 2000 руб.), назначенной ей три года тому назад королевой Неаполитанской. Но польза, которую могли извлечь ее сестра и ее семья из предложения Государя, распространявшегося и на них, склонили ее к путешествию в Россию, и она отправилась, не имея другого обеспечения в руках, кроме записки Императрицы, и не прося ничего.

Ее семья была знакома Их Величествам, которые тайно помогали ей, когда Государь еще был Великим Князем. Принцесса де Тарант, жившая просто в Лондоне, вдали от света, решилась на новую жертву и приехала в Кронштадт после семнадцатидневного путешествия за несколько дней до Петергофского праздника.

Ее приезд заинтересовал меня. Дядя был хорошо знаком с ее бабушкой и часто говорил мне про нее. Я приготовилась встретить ее с особым чувством, а не с тем обыкновенным любопытством, которое возбуждает новое лицо.

Некоторые из придворных рассказали нам подробности ее приема, наделавшего большого шума. Она приехала в воскресенье в час дня, и после обеда ее провели в кабинет Их Величеств, принявших ее особенно милостиво. Императрица приколола ей маленькую кокарду ордена Св. Екатерины, недавно учрежденного и шефом которого она была. Весь понедельник и вторник за ней ухаживали, делали ей полезные подарки, очень деликатно предложенные. Принцесса де Тарант стала лицом, сосредоточившим на себе все взоры. В среду мы отправились на именины Государыни. Все дамы перед обедней собирались в особой комнате рядом с коридором, ведущим в церковь. Все ожидали двор с удвоенным нетерпением, чтобы увидеть принцессу де Тарант. Ее благородный и печальный вид поразил всех и тронул меня до глубины души. После обедни она была назначена фрейлиной и получила портрет.

На следующий день двор возвратился в город, в Таврический дворец. Император посадил ее за ужином рядом с собой, был очень внимателен к ней и говорил с ней о Франции с живым интересом. Это внимание и удовольствие, которое он, казалось, находил в разговоре с ней, возбудили беспокойство и подозрение в склонном к интригам и ограниченном уме князя Александра Куракина. Он вообразил, что Император может привязаться к ней и отослать м-ль Нелидову. Он поспешил передать последней свои услужливые и низкие наблюдения. Нелидова ухватилась за идею заняться новой интригой и поспешила сказать об этом Государыне,

ревность которой легко было возбудить. Они добились того, что предубедили Императора против принцессы. Последняя, ничего не подозревая, отправилась на следующий день в Таврический дворец, чтобы ехать вместе с двором в общежитие. Появились Их Величества. Государыня подошла и разговаривала с графиней Шуваловой, находившейся рядом с госпожой де Тарант, осмотрела ее с ног до головы и повернулась к ней спиной, когда та сочла себя обязанной обратиться к Государыне с несколькими словами. Император даже не взглянул на нее.

Эта внезапная перемена удивила и смутила госпожу де Тарант. Плещеев, в добром сердце которого она вызвала участие, подошел к ней немного погодя, когда все приехали в общежитие, и предупредил ее, что она находится в самой большой немилости и что ее не пригласят в Павловск, куда двор должен был возвратиться в этот же день. Он попросил ее, из уважения к Государю, не попадаться ему на дороге, когда он будет уходить.

Так окончилась милость, продолжавшаяся четыре дня. Результатом обещаний была пенсия от Государя в 3000 рублей и 1200 рублей от Государыни, назначенная на все время пребывания г-жи де Тарант в России.

II

Немного спустя после Петергофского праздника Император отплыл в Ревель. Императрица, хотя и была три месяца беременной, пожелала принять участие в путешествии. Нелидова и Протасова сопровождали ее. Великая Княгиня и многочисленная свита из мужчин последовали за их Величествами. Император и лица, наиболее приближенные к нему, поместились на фрегате «Эммануил», рассчитанном на большое общество,

и с такой роскошью, какую трудно было ожидать встретить на корабле. Этот фрегат входил в состав эскадры, где на других кораблях была размещена остальная свита.

Совершенный штиль задержал Императора четыре или пять дней на рейде против Ораниенбаума[137], где должны были жить Великие Княгини Елизавета и Анна во время отсутствия Императора. В эти дни Великие Княгини ездили обедать на фрегат и возвращались только вечером. Они приезжали из Ораниенбаума, но остальное общество получило приказание дожидаться в Петергофе возвращения Императора; он взял с собою на то время, пока фрегат стоял на рейде, только нескольких лиц.

В числе их был г-н де... Виртембергский посланник, он говорил по-французски невозможные вещи, чем разгонял скуку пассажиров. Однажды после обеда м-ль де Ренн, фрейлина Великой Княгини Анны, дожидаясь Великих Княгинь, растянулась на маленьком диване в гостиной фрегата. Г-н де... вошел туда, а м-ль де Ренн приняла более сдержанное положение, на что он сказал ей:

— О, очень жаль! Поза была превосходна.

Наконец подняли паруса, но на следующий же день, до выхода эскадры с рейда, поднялась такая буря, что пришлось бросить якорь, и некоторые из кораблей были повреждены. После того как Их Величеств покачало целые сутки на корабле, они получили отвращение к плаванию и возвратились как можно скорее в Петергоф, где собрался весь двор, и провели там еще с неделю.

Как доказательство странности Императора я приведу здесь один случай, бывший в то время. Княжна

---

[137] Император только что перед этим подарил это императорское имение Великому Князю Александру, а Стрельну – Великому Князю Константину. – *Примеч. авт.*

Шаховская, впоследствии в замужестве Голицына[138], фрейлина Великой Княгини Елизаветы, была дежурной все лето и сопровождала двор во всех этих путешествиях. Она была красива, и Император заметил ее. Однажды в Петергофе во время парада он распорядился напечатать в приказе *благодарность Великому Князю Александру за то, что при его дворце находится такая красивая фрейлина*. Говорят, что эта шутка была очень дурно принята Нелидовой и что с этого времени она возненавидела княжну Шаховскую.

Пробыв два дня в городе, в Таврическом дворце, двор вернулся в Павловск и оттуда в половине августа перебрался в Гатчину.

В последние дни пребывания в Павловске Великая Княгиня Елизавета получила от принцессы, своей матери, письмо, где та писала ей, что собирается поехать в Саксонию, чтобы повидаться со своей сестрой, герцогиней Веймарской, но симпатическими чернилами она прибавила несколько строк на белом листе бумаги:

Посудите о моем удивлении. Г-н де Тауб, находящийся здесь, попросил у меня от имени шведского короля руки одной из ваших младших сестер. Я так этим ошеломлена, что не знаю, что мне ответить.

Едва двор переехал в Гатчину и Великие Княгини вернулись в свои апартаменты, как Императрица распорядилась позвать к ней Великую Княгиню Елизавету. В тот момент, когда последняя вошла в комнату, Государыня сидела с газетами в руках, а сзади нее Нелидова, и резко обратилась к Великой Княгине:

— Что это такое? Шведский Король женится на вашей сестре?

[138] Наталия Федоровна, жена князя Александра Михайловича Голицына.

— Я в первый раз об этом слышу, — ответила Великая Княгиня.

— Но это сказано в газетах.

— Я не читала их.

— Этого не может быть; вы знали об этом; ваша мать назначает свидание королю в Саксонии и везет туда с собой ваших сестер.

—Я знала про путешествие, которое моя мать собиралась совершить в Саксонию, чтобы повидаться с моей теткой, но про другую цель этого путешествия мне не было известно.

— Это неправда; этого не может быть; вы поступаете недостойно по отношению меня; вы не доверяете мне и предоставляете мне узнать из газет про оскорбление, нанесенное моей бедной Александрине! И это как раз в тот момент, когда мы могли быть вполне уверенными, что ее брак состоится, и когда нас прельщали надеждой! Это ужасно! Это возмутительно!

— Но я в этом не виновата.

— Вы знали об этом и не предупредили меня. Вы проявили ко мне недостаток доверия, уважения...

— Я не знала об этом. Да наконец, мои письма читают на почте; будьте добры справиться там, о чем писала мне моя мать.

Это было последнее слово Великой Княгини, очень взволнованной и даже рассерженной той сценой, которую ей устроила Государыня. Выслушав после этого целый поток слов, очень мало сдержанных, она удалилась к себе. С этого времени Императрица не разговаривала с ней, заметно дулась на нее и даже отпускала на ее счет замечания, которые она хотела сделать оскорбительными, но они вызывали только сожаление.

Однажды вечером, когда Великие Княгини присоединились в саду к их Величествам, чтобы вместе идти

на прогулку, Великая Княгиня Елизавета подошла к Государыне, чтобы поцеловать у нее руку. Государыня с аффектацией протянула ей руку, Великая Княгиня вполне и искренно поцеловала ее. Государыня, вместо того чтобы поцеловать Великую Княгиню, резко заметила ей:

— Вы загордились и не хотите больше целовать у меня руку, потому что ваша сестра стала королевой.

Великая Княгиня только пожала плечами с видом сожаления, что до такой степени раздражило Императрицу, что она эти же слова повторила Великой Княгине Анне. Император далеко не разделял этого смешного поведения и нисколько не переменился по отношению к Великой Княгине. Он сказал ей как-то, шутя:

— Ваша сестра вступила в соперничество с моей дочерью.

— Я огорчена этим, — ответила Великая Княгиня Елизавета.

— В конце концов, какое значение имеет это для нас? Мы найдем, за кого выдать Александрину, — сказал Государь.

Немилость, в которой оказалась принцесса де Тарант, нисколько не удивила меня, но сильно огорчила. Я не могла ей выразить это. Она попала в общество, совершенно противоположное тому, где я вращалась, в общество супруги князя Алексея Куракина[139], и главным образом княгини Долгоруковой[140], где делали все, хотя она этого и не подозревала, чтобы помешать ей приехать ко мне. По возвращении моем в город она сделала визит моей матери, так же как и мне. Я возвратила его

[139] Наталья Ивановна (1768–1831), урожденная Головина.

[140] Екатерина Федоровна, бывшая фаворитка князя Потемкина.

без особой поспешности. Несколько дней спустя мой дядя дал для нее ужин, я принимала гостей. Мы были с принцессой де Тарант в полнейшем согласии. Ее уверили, что я была самой педантичной женщиной, неестественной и с большими претензиями.

Принцесса сказала мне, что она боялась меня как очень ученого человека. Я знала, что все это были интриги, пущенные с целью помешать ей познакомиться со мной, и сказала Толстой:

— Через несколько времени госпожа де Тарант будет ежедневно бывать у меня, мое сердце говорит мне это, и оно редко ошибается.

После двух или трех визитов, сделанных ею мне, я пригласила ее обедать; но накануне назначенного дня, вечером, моя младшая дочь и дочь графини Толстой заболели оспой. Я написала принцессе, выражая ей сожаление, что не могу принять ее. Моя дочь была в очень опасном положении, и, хотя дочь Толстой была не так сильно больна, она умерла в судорогах. Я видела, как она кончалась. Мать находилась в состоянии, достойном сожаления. Я увезла ее к себе, также и ее мужа, остававшегося две недели у нас. Я ухаживала за графиней около месяца.

Когда прошли шесть недель, принцесса де Тарант написала мне о своем желании меня видеть. Я приняла ее предложение. Когда она вошла в комнату, я сидела рядом с Толстой. Печальное выражение лица последней поразило госпожу де Тарант. Она подалась назад от удивления. Я встала навстречу ей и посадила ее между графиней и мной. У госпожи де Тарант не хватило храбрости посмотреть в ее сторону или заговорить с ней, как вдруг с Толстой сделался ужасный нервный припадок. Принцесса взяла ее на руки и отнесла ее вглубь моего кабинета. Она оказала ей самые усердные

заботы. У меня совершенно не было сил: положение Толстой лишило меня их. Когда ей стало лучше, госпожа де Тарант подошла ко мне и сказала:

— Вы несчастны и неспокойны; позвольте мне приехать завтра.

Действительно, она приезжала каждый день. Наша дружба возникла легко: она оплакивала любимую государыню, и я понимала ее лучше, чем кто-либо другой.

III

Двор возвратился в Гатчину в первых числах ноября. Вначале там были маневры гвардейских полков, всегда следовавших за Императором. Маневры производились каждый год в одно время, кроме 1799 года, когда был Италийский поход. Когда наступила зима, по вечерам давались спектакли. Большею частью это была итальянская опера, не потому что Государь не любил французской комедии, но во время траура по Государыне труппа рассеялась и другой еще не собрали.

Двор уехал из Гатчины 4 ноября и провел в Царском Селе 5 ноября годовщину апоплексического удара, предшествовавшего смерти Екатерины II. Лица, питавшие в глубине души искреннее сожаление о ней, могли найти удовольствие в молитве за нее в месте, где все напоминало ее и, казалось, было еще полно ею; осень придала этим прекрасным местам печальный вид, что так подходило к настроению дня.

Это был последний день траура. Возвратясь в город, двор принял совершенно иной образ жизни, чем в прошлом году. Апартаменты Их Величеств, как частные, так и предназначенные для приема, были переделаны. Театр Эрмитажа, куда при Екатерине II допускалось только избранное общество, был открыт

для всех, кто по своему чину был принят при дворе, а также для офицеров гвардии. Пышная свита сопровождала туда Императора и его семейство, тогда как Екатерина II старалась устранить это в Эрмитаже.

За месяц перед родами Государыня получила известие о смерти своего отца, владетельного герцога Виртембергского. Государыня провела в уединении эти последние четыре недели, но это не помешало Государю и остальным членам его семьи по-прежнему появляться в обществе.

Польский король умер в начале января 1798 года. Это не было несчастьем для него, потому что жизнь его была малоприятна. Хотя он никогда не осмеливался претендовать на трон, на который возвела его Екатерина II, все-таки он был королем и успел привыкнуть к этому сану. Роль, которую он играл в Петербурге, не могла не быть тягостной для человека его ума и чувствительности. Он получал содержание от двора, жил в императорских дворцах, зимою — в Мраморном, а летом — в Каменно-Островском. Ему приходилось часто появляться при дворе и потому часто подвергаться, как и остальным, проявлениям изменчивости настроения Государя, но в его положении было особенно тяжело выносить их. У него бывали большие приемы, и его смерть была большой потерей для петербургского общества. Он умер от апоплексического удара, совершенно так же, как Императрица Екатерина II, и был погребен в католической церкви в Петербурге со всеми почестями, должными его сану.

Двадцать восьмого января Императрица родила сына, названного, по желанию Императора, Михаилом. Не трудно было направить к мистицизму живое и горячее воображение Государя, и лица, близко стоявшие к нему, позаботились об этом. С самого начала царствования

Павла I рассказывали, что часовой в Летнем дворце видел Михаила Архангела и даже имел с ним разговор, точный смысл которого не был известен. Как бы то ни было, Летний дворец решено было сломать[141], и Государь по возвращении из Москвы положил первый камень в фундамент Михайловского дворца[142] на том же самом месте, где был Летний дворец.

Все время своего царствования он с особой заботой занимался постройкой этого здания. Он расстроил финансы из-за поспешности и роскоши, с которой он его обставил; и едва он вступил во владение им, как этот дворец стал его могилой, по какой причине он и был оставлен его наследниками. Со времени этого предполагаемого явления Государь возымел желание, если у него еще будет сын, дать ему имя Михаил.

Немного спустя после родов Императрицы приехал в Петербург герцог Энгиенский к своему дедушке, принцу де Конде, находившемуся там уже два месяца, и появился при дворе в первый раз на балу в Эрмитаже.

Летом 1797 года, после мира, заключенного между Австрией и Францией, Император Павел I предложил армии Конде, остававшейся в бездействии после этого мира, службу и помещение. Предложение было принято с горячей благодарностью. Князь Горчаков[143] отправился за армией на Дунай и привел ее в Волынию к концу того же года. Герцог Энгиенский находился при

---

[141] Старый деревянный дворец, служивший временной остановкой Екатерины II, когда она летом приезжала в Петербург для участия в какой-нибудь церемонии. – *Примеч. авт.*

[142] Раскапывая место для фундамента этого дворца, нашли камень, на котором было вырезано имя несчастного Ивана. – *Примеч. авт.*

[143] Горчаков Александр Иванович (1764–1817), племянник Суворова, впоследствии (1812) военный министр.

армии и приехал в Петербург только после того, как она была размещена в Дубно. Принц де Конде дожидался его там. Граф Шувалов был послан на границу навстречу принцу с шубами, подарком Государя. По приезде в Петербург его Высочество остановился в Таврическом дворце, так как дом Чернышева, который Государь купил для него, чтобы сделать ему подарок, и на котором уже стояла надпись: Отель де Конде, еще не был окончательно устроен. Принца предупредили, что для него приготовлен ужин и он может пригласить кого он сочтет нужным.

На другой день его Высочеству сделали визиты оба Великих Князя и другие должностные лица. Государь пожаловал ему орден Св. Андрея Первозванного и католическое приорство Мальтийского ордена. Никогда не узнали, что вызвало охлаждение его Величества к принцу через очень короткое время.

Принц де Конде и герцог Энгиенский уехали из Петербурга в Дубно в конце февраля или в начале марта 1798 года. В течение этого года многие местности были посещены маркизом де Монтессон[144] в поисках подходящего для колонии места, как это было обещано, но не пришли ни к какому окончательному решению по этому поводу. В 1799 году армия с честью участвовала в походе Суворова, но после этого похода намерения петербургского кабинета переменились, и принц Конде, получив извещение, что кабинет встал на сторону Бонапарта, повел переговоры с Англией, предлагая свою армию этой державе, которая и приняла это предложение. Павел I, узнав об этих переговорах и не

[144] Монтессон Жан-Луи де (1746–1802), командовал полком в армии принцев, потом перешел на русскую службу с чином генерал-майора.

желая, чтобы принц предупредил своим прошением об отставке, быстро послал приказ о расформировании армии. Армия находилась в это время в Австрии. Англия также не замедлила с подобным приказом, и эта благородная армия постепенно разорялась, причем большая часть солдат возвратилась во Францию.

У Государыни были трудные, но не опасные роды. Так как ее постоянный акушер умер, выписали другого из Берлина. Этот последний, без сомнения, подговоренный теми, кто желал разрушить влияние Императрицы и Нелидовой, именно Кутайсовым, объявил Государю, что он не ручается за жизнь Государыни, если она еще забеременеет. Это послужило источником всех интриг, имевших место в течение года.

Едва оправившись от родов, Государыня получила известие о смерти своей матери, как раз в то время, когда она ждала ее приезда в Россию. Она была удручена этим горем, и Государь относился к ней со всей внимательностью и предупредительностью нежного супруга. В половине апреля двор поехал в Павловск, а в начале мая Государь вместе с Великими Князьями Александром и Константином отправились в Москву, где был назначен общий сбор войскам и маневры. Оттуда Государь и Великие Князья должны были отправиться в Рязань. Император провел в Москве пять или шесть дней; публика усердно посещала маневры, тем более что стояла чудная погода; для приезда Государя давались балы и другие празднества.

М-ль Лопухина, обратившая на себя внимание Государя еще в прошлом году во время коронации, показалась ему в этот приезд еще прекраснее. Кутайсов изо всех сил старался увеличить впечатление, произведенное ею на Государя, и последний уехал из Москвы страстно влюбленный в нее, с твердым намерением привлечь в Петербург предмет своей страсти.

Я должна не забыть привести здесь одно интересное обстоятельство, случившееся около этого времени с г-жой де Тарант. Мой муж вызвал участие к тяжелому положению принцессы де Тарант в добром сердце Великого Князя Александра и Великой Княгини Елизаветы. Они были так добры, что пришли ей на помощь и подарили 12 000 рублей, под условием глубокой тайны относительно этого благодеяния, сделавшего ее так счастливой, как она могла быть в то время, и облегчая ей возможность помочь своей сестре и ее семье. Ее слезы благодарности наполнили меня радостью.

IV

Лето 1798 года я провела в деревне на Петергофской дороге вместе с Толстой и де Тарант. Чем дальше шло время, тем больше я привязывалась к последней. Ее прекрасная отзывчивая душа была способна оценить дружбу. И с каждым днем я видела, как увеличивалось мое расположение к ней. Ее гордый и твердый характер вызывал ощущение покоя той поддержкой, которую я находила в нем.

Лорд Уайтворт, посланник Англии, жил недалеко от нас. Мне необходимо упомянуть о нем в моих мемуарах, хотя воспоминание о нем принадлежит к одним из наиболее тяжелых. Вот уже долгое время, как он выказывал по отношению к Толстой мнимую страсть, т. е. просто желал погубить ее, но он скрывал свои проекты под самой обольстительной маской. Никогда он не сказал ни слова, которое могло бы оскорбить ее; он весь был проникнут уважением и вниманием к ней. Такое отношение продолжалось много лет. Наконец она заметила чувство, внушенное ею, но ее недоверие к себе и дружба, наполнявшая тогда ее сердце, помогали ей

избегать опасности без всякого усилия. Но все-таки это соседство мне не нравилось. Я никогда не могла выносить любви мужчины к замужней женщине. Я даже нахожу эти чувства преступными, в особенности в человеке, которому около пятидесяти лет[145]. В это время, хотя в поведении лорда Уайтворта не было еще ничего предосудительного, все-таки легко было заметить, что он начинал переходить известные границы. Я остерегалась обратить внимание Толстой: было бы ужасно смутить ее спокойствие. Но последующие события слишком оправдали мои опасения.

Император возвратился из поездки к концу июня. Государыня и Нелидова выехали навстречу ему в Тихвин. Они были крайне поражены переменою его отношения к ним. Их Величества вместе возвратились в Павловск, где Государыня приготовила праздник по случаю приезда Государя. На этом празднике впервые появилась мадам Шевалье, актриса, которая с этого времени заняла видное положение в Петербурге. В части сада, называвшегося *Соловей*, многие из аллей кончались круглой огороженной площадкой. На каждой из этих площадок были устроены различные сцены. На одной была сцена из комедии, на другой из балета, на третьей из оперы и т. д. Обойдя все аллеи, дошли до последней, в конце которой находилась хижина, существовавшая с основания Павловска и поэтому оставленная нетронутой.

У входа в последнюю аллею граф Вельегорский[146], переодетый пустынником, подошел к Императору и,

---

[145] Лорд Шарль Уайтворт родился в 1760 году, умер в 1825 году.

[146] Виельгорский Юрий Михайлович (1753–1807), польский дворянин. Генерал-поручик польских войск и нотарий Польской Республики. В 1794 перешел на русскую службу. В 1804 действительный тайный советник. Женился на Софье Дмитриевне Матюшкиной (1755–1796), фрейлине Екатерины II.

сказав ему несколько красивых комплиментов, попросил его войти к нему в хижину. Император последовал за ним и увидел сзади хижины оркестр, аккомпанировавший хору из всех Великих Княгинь и Княжон, исполнявших из *Люцилии «Нигде так не хорошо, как среди своей семьи»*. Все было очень хорошо, если не считать, что никогда Государь не возвращался к своей семье с чувствами, так мало приличествующими отцу семейства.

Ужином под музыку в маленьком саду Государыни закончился праздник. Стояла прекрасная погода, много способствовавшая тому, чтобы праздник казался прекрасным тем, кому возвращение Государя сулило счастье. Но тот, для кого он предназначался, едва сохранял внешне довольный вид, и Государыня предчувствовала уже все неприятности, ожидавшие ее.

Кончался июнь месяц, и Государь выказывал живейшее нетерпение поскорее отправиться в Петергоф. Сообразно тому, насколько Государь находил приятным пребывание в Павловске, придворные определяли степень влияния Государыни на своего супруга. К несчастью, Государыня схватила трёхдневную лихорадку почти в тот момент, когда двор должен был отправиться в Петергоф. Это препятствие страшно раздражило Государя, и он готов был думать, что Государыня притворилась больной, чтобы помешать ему. Он даже не постарался скрыть от нее свое недовольство, и с этого времени для нее начался целый ряд огорчений.

В ожидании Императора были все признаки страсти влюбленного двадцатилетнего юноши. Он сделал Великого Князя Александра поверенным своих чувств, только и говорил ему, что про Лопухину, описывая все, что в нем происходило: мечты, воображения, надежды, проекты и волнения.

— Вообразите, до чего доходит моя страсть; — сказал он однажды своему сыну, — я не могу смотреть на

маленького горбуна Лопухина, не испытывая сердцебиения, потому что он носит ту же фамилию, что и она.

Лопухин, о котором идет речь, был одним из придворных; он был горбат, малоинтересен и приходился дальним родственником м-ль Лопухиной.

Около этого времени в Петербург приехали братья Государыни, два принца Виртембергских. Они служили в Австрии, и эта держава, выступив против Франции, направила их к Государыне, предлагая ей склонить Государя соединиться с австрийским правительством. Императрица, в восхищении от возможности сыграть роль, усердно взялась за это поручение и заручилась содействием князя Безбородко. Последний из вежливости поддержал ее настояние перед Государем, но Его Величество ответил им, что он «хочет сначала обеспечить счастье своего государства, прежде чем вмешиваться в дела своих соседей». Этот благоразумный ответ не удовлетворил их. Князь Безбородко воспользовался пристрастием Государя ко всяким церемониям и предложил ему принять под свое покровительство Мальтийский орден и потом провозгласить себя гроссмейстером ордена. Государь с восторгом принял эту мысль и в силу этого необходимо должен был вступить в соглашение с Австрией. Блестящий поход в следующем году, в котором фельдмаршал Суворов вновь отвоевал Италию, был результатом этого союза, а также брак Великой Княжны Александры с палатином Венгрии.

Как только Императрица поправилась, двор поехал в Петергоф, и там произошли все перемены, удалившие от двора лиц, частью поддерживавших влияние Императрицы и частью поддерживаемых ею. Нелидова покинула двор и удалилась в общежитие. Военный губернатор Санкт-Петербурга Буксгевден[147], ее друг и

[147] Буксгевден Федор Федорович (1750–1811), граф, генерал от инфантерии. В 1783 был полковником, в 1787, в звании флигель-

протеже, потерял свое место. Вскоре после того он был выслан в свое имение в Ливонию, и Нелидова, очень дружная с его женой, уехала вместе с ними.

Граф Николай Румянцев[148], обер-гофмейстер, которого Государь считал также одним из верных слуг своей супруги, был также предназначен к высылке, но вмешательство Великого Князя Александра остановило приказ, правда, только на время, потому что несколько месяцев спустя он все-таки был выслан. Граф Николай Румянцев был раньше нашим министром во Франкфурте, и ему было поручено Императрицей Екатериной II вести переговоры относительно брака Великого Князя Александра с принцессой Луизой Баденской. В тот день, когда Государь уже отдал приказ о его высылке, Великий Князь Александр подошел к Великой Княжне Елизавете, когда она спускалась с лестницы для вечерней прогулки, и сказал ей быстро:

— Поблагодарите отца, когда будете рядом с ним; из внимания к нам он отменил приказ о высылке графа Румянцева; сейчас я не могу вам сказать больше.

Великая Княгиня не вмешивалась в придворные интриги и узнавала о них только впоследствии по

адъютанта императрицы, командовал кексгольмским пехотным полком. В войне с Польшей 1793–1794 командовал дивизией, был комендантом Варшавы. Павел I назначил его петербургским военным губернатором и возвел в графское достоинство. В1798 уволен от службы, уехал в Германию. Возвратился в Россию при Александре I; в 1809 назначен инспектором лифляндской инспекции и рижским военным губернатором.

[148] Румянцев Николай Петрович (1754–1826), граф, государственный деятель, дипломат, коллекционер и меценат. Сын П. А. Румянцева-Задунайского. В 1807–1814 министр иностранных дел, в 1810–1812 председатель Государственного совета. Глава т. н. Румянцевского кружка, объединявшего видных историков и археографов (финансировал его деятельность). На основе коллекций Румянцева в 1831 создан Румянцевский музей (с 1862 в Москве).

объявленным результатам, поэтому она была очень удивлена словами Великого Князя, но тем не менее исполнила порученное ей. Император очень хорошо принял ее благодарность и сказал ей много любезного по этому поводу. Остановились в Монплезире, и в то время, когда все гуляли на террасе, Государыня отвела в сторону Великую Княгиню и спросила у нее:

— Где граф Румянцев? Говорят, он выслан, что вы знаете об этом?

Великая Княгиня чистосердечно рассказала ей все, что ей было известно. В тот же момент Великий Князь Александр, желая скрыть от матери неприятную для нее новость, что Государь вооружен против графа Румянцева, подошел к ним. Услыхав, о чем они разговаривают, он горячо упрекал Великую Княгиню за то, что она рассказала эту историю Императрице. Ее Величество с живостью возразила:

— Когда все покидают меня, неужели вы сердитесь, что ваша жена не потеряла доверие ко мне?

Упреки были несправедливы, но эти слова Государыни глубоко тронули Великую Княгиню, и она желала бы утешить ее, тем более что с тех пор, как Государыня была несчастной, ее обращение с Великой Княгиней потеряло оттенок высокомерия.

В том году двор прожил в Петергофе до первых дней августа. Я отправилась туда на именины Государыни вместе с двумя моими подругами и м-ль Блом, племянницей барона Блома, датского посланника. Великая Княгиня Елизавета позволила мне повидаться с ней утром в Английском саду, куда она пришла вместе с Великой Княгиней Анной, а я — с моими подругами. Мы с ней разговаривали вдвоем, что мне напомнило счастливые времена. Это был последний наш разговор в таком роде.

Двор провел еще две недели в Павловске и оттуда переехал в Гатчину. Как ни любил Государь это имение, обыкновенно продолжая пребывание там до поздней осени, на этот раз он уехал, прожив там полтора месяца, потому что приближался приезд Лопухиной. Без сомнения, состояние экзальтации, в которой он находился, внушило ему мысль придать своему возвращению в город более торжественный вид. Он выехал из Гатчины во главе гвардии и других полков, собиравшихся обыкновенно осенью на маневры. Войска, так же как и двор, совершили путь от Гатчины до Петербурга в два дня. На ночь остановились в Красном Селе. Войска расположились лагерем, а двор поместился в старом деревянном дворце. Была хорошая погода, и дорога, избранная на этот раз, проходила по более красивым местностям, чем та, по которой двор обыкновенно ездил из Гатчины в Петербург. Все это придавало шествию торжественный вид.

Великая Княгиня Елизавета страдала от начинающейся беременности, тем более что плохая дорога внушала ей опасения, которые она принуждена была скрывать, не будучи вполне уверенной в своем положении. Был момент, когда она думала, что с ней будет плохо, но, к счастью, все обошлось, и по приезде в Петербург она в тот же вечер присутствовала на спектакле в Эрмитаже.

V

Через две недели по возвращении в город приехала семья Лопухиных. Отец сейчас же был назначен генерал-прокурором на место князя Алексея Куракина. Его жена получила портрет, а его дочь Анна Лопухина была назначена фрейлиной. Уже не удивлялись ничему,

иначе назначение г-жи Лопухиной придворной дамой «с портретом» вызвало бы вполне справедливый ропот. Она не только была невысокого происхождения и манеры ее обнаруживали полное отсутствие воспитания, но, кроме того, она была известна своим беспорядочным поведением. Она была мачехой Анны Лопухиной и ее двух младших сестер, потерявших родную мать в раннем возрасте. Одна из сестер была замужем за Демидовым и так же красива, как и Анна Лопухина. Она появилась при дворе, так же как и вся семья и даже друзья ее[149], и, по-видимому, почувствовала самую горячую страсть к Великому Князю Александру.

Государь был на ее стороне и способствовал всеми средствами этой интриге. Однажды он поехал к м-ль Лопухиной вместе с Великим Князем Александром и, как будто нечаянно, запер последнего в комнате вдвоем с г-жой Демидовой.

Со своей стороны она употребила все, что только допускало бесстыдство и развращенность, чтобы привлечь его. Но она не настолько нравилась ему, чтобы это чувство взяло верх над отвращением, которое внушало ему ее поведение, и заставило забыть о неприятностях, которые могли явиться следствием подобных отношений с семьей Лопухиных. Великий Князь удержался и стремился настолько же избегать ее, насколько она искала его.

Император придал своей страсти и всем ее проявлениям рыцарский характер, почти облагородивший ее, если бы к ней не примешивались крайности. Он принял

---

[149] Уваров, простой офицер кирасирского полка, любовник г-жи Лопухиной, был назначен адъютантом Государя и немного спустя командующим полком кавалергардов, личным конвоем Государя. – *Примеч. авт.*

на себя гроссмейстерство Мальтийского ордена. Он пожаловал этот орден всем Князьям и Княгиням Императорского Дома. Раздал все орденские степени, создал новые, увеличивал, насколько возможно, поводы для различных церемоний при дворе. М-ль Лопухина получила Мальтийский орден, это была единственная женщина, которой была предоставлена эта милость, кроме членов Императорского Дома и графини Скавронской[150], вышедшей замуж около этого времени за графа де Литта, бывшего много лет министром гроссмейстера Мальтийского ордена при русском Дворе; при его посредстве состоялось предложение гроссмейстерства Императору Павлу.

Имя Анна, в котором открыли мистический смысл *Божественной милости*, стало девизом Государя. Он поместил его на знамена своего первого гвардейского полка. Малиновый цвет, любимый Лопухиной, стал излюбленным цветом Государя, а следовательно, и двора. Его носили все, кроме лакеев. Государь подарил Лопухиной прекрасный дом на Дворцовой набережной. Он ездил к ней ежедневно два раза в карете, украшенной только Мальтийским крестом и запряженной парой лошадей в сопровождении лакея, одетого в малиновую ливрею. Он считался в этом экипаже инкогнито, но в действительности всем было известно, что это едет Государь, так же как если бы он был в своей обыкновенной карете.

Можно себе представить, какое впечатление производили на жителей Петербурга все эти комедии.

---

[150] Энгельгардт Екатерина Васильевна (1761–1829), племянница князя Потемкина. Первый муж Павел Мартынович Скавронский (1757–1793), внук брата Екатерины I. Второй муж – граф Юлий Помпеевич Литта (1763–1839), итальянец, состоявший на российской службе; обер-камергер (1826).

Население было шокировано тем, что Император более горд титулом гроссмейстера Мальтийского ордена, чем саном русского Государя. Присоединение Мальтийского креста к государственному гербу вызывало всеобщие насмешки, как и театральные сцены церемоний этого ордена. Нравственный беспорядок заменил при дворе место строгости, которой требовал Государь. Но несмотря на это, прежняя требовательность относительно всего, что касалось службы, была доведена до высшей степени, и не трудно было предвидеть последствия подобного порядка вещей.

Великая Княгиня Елизавета объявила о своей беременности в ноябре месяце. Император казался очень довольным этим известием, вызвавшим чрезвычайную радость в обществе. Дело относительно брака старших Великих Княжон, Александры и Елены, устраивалось. Ожидали приезда эрцгерцога Иосифа, палатина Венгрии, жениха первой, и наследного принца Мекленбург-Шверинского, жениха второй. Оба приехали, и это послужило поводом увеличить количество празднеств и балов как при дворе, так и в городе.

Балы и так давались часто, чтобы удовлетворить страсть к танцам м-ль Лопухиной. Она любила вальсировать, и этот невинный танец, запрещенный до сего времени как неприличный, был введен при дворе. Придворный костюм мешал танцевать Лопухиной, она находила его малоизящным, и появился приказ, чтобы дамы в выборе костюмов руководились только своим вкусом. Этот приказ, которому вся молодежь (не исключая и Великих Княгинь) подчинилась с самым большим удовольствием, был причиною огорчения Государыни. До сего времени она проявляла в этом отношении строгость, граничившую с преследованием,

что очень не нравилось молодым особам, они торжествовали теперь, видя, что и Государыня обязана подчиниться общему правилу. Но причина этой перемены была действительно из таких, что могла принести ей сильное страдание, и другие жалели ее.

Эрцгерцог не мог пробыть долго в Петербурге, и поэтому помолвка была отпразднована в январе 1799 года, после чего немного спустя он уехал.

В это же время подготовлялась война против революционной Франции. Государь послал 12 000 человек под начальством генерала Розенберга; но скупость и нерешительность Австрии довели его до того, что он отдал приказ войскам вернуться в Россию. Тогда к Государю послали принца Фердинанда Виртембергского добиться, чтобы он отменил этот приказ. Наконец все устроилось к удовольствию австрийского кабинета. Армия получила подкрепление в 24 000 человек, 30 000 были посланы под начальством Корсакова[151], двенадцать линейных кораблей и двадцать четыре фрегата отправлены в Голландию. Государь вызвал фельдмаршала Суворова и поручил ему общее командование над армией в 60 000 человек, приготовленной для этой цели еще Екатериной II.

Фельдмаршал Суворов, прежде чем направиться к армии, приехал в Петербург. Он был принят Государем

---

[151] Корсаков Александр Михайлович (1753–1840), генерал от инфантерии, член Государственного совета (1830). Участвовал в русско-турецкой войне. В 1793 состоял при графе д'Артуа, затем был волонтером в австрийской армии принца Кобургского, действовавшей против Франции; в 1796 участвовал в походе в Персию. В 1799 командовал русским отрядом в Швейцарии. При императоре Павле I уволен в отставку. В 1805 был назначен командиром корпуса, командовал резервной армией на западных границах, в 1806–1808 и 1812–1830 военный губернатор в Вильне, командир войск в западных губерниях.

со всем отличием, подобавшим его заслугам, и ему пришлось присутствовать на частных празднествах, которые устраивались в это время. Ничто не могло представить более резкого контраста, чем присутствие этого сурового солдата, одно имя которого внушало доверие армии и уважение Европе, среди безумств и слабостей, отличавших этот двор с таким определенным направлением. Странно было видеть среди сутолоки бала Суворова, покрытого седыми волосами, с исхудалым лицом, носившим следы строгой ссылки, которую он вытерпел, и Государя, делившего свое время между ним и молодой девушкой, простой с виду, личико которой едва ли было бы заметно, если бы оно не привлекло внимание Императора.

У Лопухиной была красивая головка, но незначительная фигура. Хотя она и не была совершенно мала, но плохо сложена, с вдавленной грудью и без всякой грации в манерах. У нее были красивые глаза, черные брови и такие же волосы. Ее наибольшей прелестью были прекрасные зубы и приятный рот. У нее был маленький вздернутый нос, но он не придавал пикантности ее лицу с добрым и ласковым выражением. Она действительно была добра и не способна пожелать или сделать кому-нибудь злое, но она была не очень умна и без всякого воспитания.

Ее влияние выражалось только в испрашиваемых ею милостях. У нее не было достаточно средств, чтобы распространить его на дела, хотя не было недостатка ни в подлости людской, ни в любви Императора, чтобы она могла во все вмешиваться. Часто она получала от Государя прощение невинных, с которыми он жестоко поступил в момент дурного настроения. Она плакала тогда или капризничала и получала таким образом, что она желала. Государыня, из угождения супругу, обхо-

дилась с ней очень хорошо; Великие Княжны ухаживали за ней так, что это неприятно было видеть. Только Великие Княгини Елизавета и Анна относились к ней с безразличной вежливостью. И то только после того, как Государь нашел дурным, что они не разговаривали с ней на первом балу. В общем, они старались по возможности избегать ее.

Примеры низости, окружавшие Великую Княгиню Елизавету, увеличили гордость ее души, и одна мысль, что может показаться, будто она ухаживает за фавориткой, бросала ее в обратную крайность, настолько это было для нее возмутительным. Иногда бывали случаи, что ее вполне справедливо обвиняли в сухости. Великая Княгиня Анна, безгранично доверявшая в это время своей золовке, держала себя так же и по тем же причинам.

В это время Великий Князь Константин к дурному обращению со своей супругой, которое она терпела с самого начала брака, присоединил еще неверность и вольное поведение. Освобожденный от боязни подвергнуться гневу своего отца, он завел связи, недостойные его ранга. Он часто давал в своих апартаментах маленькие ужины актерам и актрисам, и из этого последовало, что Великая Княгиня Анна, не знавшая его поведения, заразилась болезнью, от которой долго хворала, не зная ее причины. Медики объявили, что она радикально может вылечиться только с помощью Богемских вод, и было решено, что она отправится туда в марте месяце.

Великий Князь Константин около этого времени уехал в Вену, откуда он должен был направиться в Италию, в русскую армию. Надо отдать ему справедливость, что, когда он узнал о действии его поведения на здоровье жены, он испытал самое горячее сожаление и старался тысячью способов исправить сделанную им

несправедливость. Но Великая Княгиня Анна была полна негодования и, зная, как мало можно повлиять на характер своего мужа, решила разойтись с ним, пользуясь удобным случаем путешествия, чтобы привести в исполнение этот проект. Она собиралась увидеться с родными, думала, что без труда получит их согласие и легко уладит все с Великим Князем, пока он находится за границей, а потом объявит Государю и Государыне, что никакая сила в мире не заставит ее вернуться в Россию.

Этот план, вышедший из семнадцатилетней головы и построенный только на горячем желании осуществить его, был сообщен Великой Княгине Елизавете. Последняя, хотя и предвидела гораздо большие трудности, чем это предполагала ее подруга, все-таки старалась уверить ее в возможности осуществления этого проекта, потому что Великая Княгиня Анна, которую она любила с нежностью сестры, связывала с ним все счастье, возможное для нее.

Великий Князь Александр, питавший к ней те же чувства и страдавший от того, что она была осуждена на роль жертвы его брата, вошел в ее планы, советовал, помог ей, ободрил ее, и такое серьезное дело было легко разрешено двумя княгинями, из которых одной было семнадцать лет, а другой девятнадцать, и советником двадцати лет.

Великая Княгиня Анна уехала 15 марта в сопровождении обер-гофмейстерши ее двора г-жи де Ренн, гофмейстера Тутолмина и двух фрейлин — м-ль де Ренн и графини Екатерины Воронцовой[152], молодой девушки, крайне ветреной и непоследовательной.

Разлука была очень тягостной для Великих Княгинь, потому что, по их плану, она должна была быть неогра-

---

[152] Воронцова Екатерина Артемьевна (1780/81–1836), фрейлина.

ниченной, почти вечной; но свидетели, присутствовавшие при их прощании, знали, что Великой Княгине Анне было приказано вернуться осенью, и приписывали огорчение, испытываемое ими, опасениям, которые внушало положение Великой Княгини Елизаветы, так как беременность ее приближалась к концу и ей предстояли первые роды.

Пока до сих пор беременность Великой Княгини протекала, насколько возможно, счастливо. Я получала о ней известия через моего мужа, имевшего честь часто видеть ее. Я встретилась с ней однажды в Летнем саду, гуляя с Толстой и де Тарант. С Великой Княгиней была одна из ее фрейлин, княжна Волконская. Я осмелилась говорить ей о тяжелых предчувствиях, наполнявших мое сердце, и попросила ее возвратить мне все мои письма. Она сказала мне, что сожгла их, и приказала мне возвратить ее письма. Я взяла на себя смелость отказать ей в этом, говоря, что все ее письма без затруднений будут возвращены ей после моей смерти.

На почте Ростопчиным был отдан строжайший приказ: не пропускать ни одного письма Великих Княгинь друг к другу, не вскрыв его. Но незадолго до отъезда Великой Княгини Анны один чиновник, знакомый Великим Княгиням только по имени, нашел возможность предупредить их об этом, прибавляя, что он умоляет их не пользоваться ни симпатическими чернилами, ни какими-либо другими средствами, употребляемыми с целью ускользнуть от почтового осмотра, потому что все они известны. Великие Княгини, очень признательные за это предупреждение, так как они думали, что могут свободно переписываться при помощи одного средства, ограничились очень незначительной перепиской.

Великая Княгиня Елизавета очень огорчалась разлукой, не продолжавшейся более семи месяцев, но она с

большим основанием могла бы беспокоиться, если бы у нее был дар предвидения о неприятностях, которые должны были случиться с ней за этот короткий промежуток времени.

Князь Безбородко умер в апреле месяце, и граф Ростопчин занял его место в Коллегии иностранных дел. Имея уже в своих руках управление почтой, он соединил в своем лице самые важные должности и пользовался полным доверием Государя.

По воле судьбы с этого момента все лица, которым Великий Князь Александр выказывал доверие и дружбу, были удалены одно за другим. Я приписываю это судьбе, потому что впоследствии Ростопчин оправдался, но тогда приближенные Великого Князя старались уверить его, что граф или небрежно относится к нему, или старается ему повредить. Нельзя удивляться поэтому, что все эти обстоятельства убедили в конце концов Великого Князя, что он справедливо может обвинить Ростопчина в том огорчении, которое ему причиняло удаление всех его друзей.

Князь Александр Голицын был первым. Он был внезапно выслан из Петербурга с приказом отправиться в Москву. И губернатору этого города было запрещено выпускать его оттуда. Было также приказано держать под самым строгим надзором как князя, так и лиц, имевших сношения с ним.

Князь Голицын в царствование Екатерины был камер-пажем. Она всегда была очень милостива к нему, потому что, во-первых, у него был приятный характер, а во-вторых, привязанность его к ней граничила с культом. Вскоре по выходе его из пажей она назначила его камер-юнкером двора Великого Князя Александра. Его ум и умение быть приятным в обществе снискали ему особую милость и даже доверие Великого Князя. У него

был очень веселый характер и гибкий ум, но в нем не было ничего конспиративного, и он не больше мешался в дела, чем это делали остальные. Предлогом к такой строгости в отношении к нему считали интригу между Великим Князем и мадам Шевалье. Эта актриса, любовница Кутайсова, делала очень большие авансы Великому Князю, и последний, обольщенный ее красотой и грацией, был склонен отвечать на ее чувства. Утверждают, что князь Голицын играл роль посредника в этой интриге и Кутайсов, ревнуя, не будучи в состоянии отомстить самому Великому Князю, обратил свои чувства на посредника; как бы то ни было, Великий Князь был очень огорчен удалением Голицына и строгостью, с которой с ним обошлись.

Двор отправился в Павловск в первых числах мая, и помолвка Великой Княжны Елены была вскоре отпразднована там очень торжественно[153].

Восемнадцатого мая Великая Княгиня Елизавета родила дочь[154]. Государь был очень обрадован рождением внучки, которое ему было объявлено почти в тот же момент, когда курьер из армии привез ему вражеские знамена и известие о победе Суворова в Италии[155]. Государь любил выставлять на вид это обстоятельство и объявил себя покровителем новорожденной, к которой, как говорил он, могли плохо относиться потому, что это не был мальчик.

Рождение маленькой Великой Княжны сделало меня более чем счастливой. Я была в Павловске на крестинах. Утром того же дня Государь позволил Великому Князю просить каких он пожелает милостей для особ

[153] 5 мая 1799 г.

[154] Великая княжна Мария Александровна умерла 27.6.1800.

[155] А.В. Суворов одержал победу при Кассано 27 апреля 1799, после чего занял Милан.

его двора. Великий Князь попросил у него Александровскую ленту для графа Толстого, Св. Анны для Ададурова, камергера его двора, и большую Екатерининскую ленту для графини Шуваловой. Как только указы об этом были подписаны и стали известны графу Ростопчину, он пошел к Императору и сказал ему, что он поступит несправедливо, если не даст Александровской ленты моему мужу, стоявшему во главе двора его сына и служившего всегда честно Великому Князю.

Император согласился с этими замечаниями и сказал Ростопчину напомнить ему о ленте после церемонии крещения. Мы ничего не знали об этом. Я ночевала в Царском Селе и попала в Павловск как раз к тому времени, когда мне следовало вместе с придворными отправиться в церковь. Церемония эта очень растрогала меня, в особенности когда Государь сам поднес ребенка к причастию. Он сделал это с особым чувством, что было замечено всеми. Когда я вернулась в гостиную, чтобы подождать там обеда, муж подошел ко мне и сказал:

— Толстому дадут Александровскую ленту, Великий Князь пожелал этого. Если у вас спросят, получу ли я, отвечайте, что вы ничего не знаете.

Император, возвратясь в кабинет, позвал Кутайсова и сказал:

— Ростопчин говорил мне сегодня утром, что я что-то должен сделать, и я забыл... Ах, знаю! Позовите мне Головина и принесите мне Александровскую ленту.

Как только мой муж вошел в кабинет, Государь подошел к нему и сказал:

— Я совершил очень большую несправедливость и спешу исправить то, что сделано моим сыном без достаточного размышления. Вы более других достойны его внимания и расположения.

Государь послал Кутайсова сказать Великому Князю Александру, что он дал Александровскую ленту челове-

ку, наиболее достойному этого знака отличия. В ту же минуту в кабинет вошла Государыня. Государь сделал знак моему мужу не благодарить ее. Она была крайне удивлена тем, что мой муж был наедине с Государем, а также лентой, которую она видела на нем. Нас уверяли, что она противилась этому, и, когда она вышла из кабинета, Государь сказал мужу:

— Я вам сделал знак не благодарить ее — уверяю вас — не за что было.

Великий Князь принял мужа с замешательством. Последний сказал ему, что ему очень тяжело, что он не может считать ленту знаком внимания его Императорского Высочества, что Великий Князь должен достаточно знать его, для того чтобы верить, что мой муж ценит не ленту, а его мнение, и, увлеченный горячностью своего характера, он позволил сказать себе слишком много суровой истины, чего подданный никогда не должен говорить монарху, как бы ни были искренни его намерения. Он попросил у Великого Князя разрешения подать в отставку. Последний слабо сопротивлялся. От Великого Князя муж прошел к Великой Княгине, чтобы поблагодарить ее. Она ничего не знала и поручила передать мне, чтобы я пришла к ней.

Я застала ее лежащей на кушетке и около нее княжну Четвертинскую[156]. Мой визит продолжался не долго: присутствие княжны стесняло меня. Я простилась с Великой Княгиней и прошла в помещение графини Толстой. Муж пришел туда немного спустя и передал мне все, что я рассказала выше. Я была глубоко взволнована этим. Он признался мне, что ему очень трудно было

---

[156] Святополк-Четвертинская Марья Антоновна (1779–1854), была замужем за обер-егермейстером Дмитрием Львовичем Нарышкиным (1764–1838). Возлюбленная Александра I; дочь Софья (1808–1824), воспитывалась во Франции.

скрыть все, что в нем происходило, во время визита к Великой Княгине, которой он очень сочувствовал. Он сказал мне еще, что главной причиной, заставившей его покинуть двор, было все то, что подготовлялось в свите Великого Князя против Великой Княгини и чему он не мог противодействовать.

Он просился в чистую отставку. Но Государь позволил оставить двор, но не службу. Его Величество положительно потребовал, чтобы он взял какую-нибудь должность. Муж не мог ослушаться и попросил должность президента почты, где граф Ростопчин был начальником[157]. Государь согласился и назначил его также сенатором.

---

[157] С 31 мая 1799. Граф Головин был назначен президентом почты июня 1799.

Глава восьмая. 1799–1800

I

Эта внезапная перемена была невыразимо тяжела для меня. Она дала повод к различного рода сплетням, одна хуже другой. Наши враги с низкой радостью видели, что теперь возможно осуществить все их интриги и облечь клевету видимостью правды. Удаление моего мужа от двора Великого Князя было первым предметом их толкований. Вот как было это изображено Великой Княгиней. Эти подробности я узнала долгое время спустя.

На следующий день после крестин Великий Князь передал своей супруге, что Государь предоставил ему назначить, кому дать орден Св. Александра — моему мужу (гофмейстеру его двора) или графу Толстому (маршалу двора); и так как Толстой находился постоянно при нем и неутомимо исполнял все самые трудные обязанности, он думал, что было бы справедливее дать ленту Толстому, нежели моему мужу, стоявшему в стороне от него; но последний обиделся на это, сейчас же вышел в отставку и переменил должность при дворе Великого Князя на службу под начальством графа Ростопчина. Великий Князь тоже казался обиженным поведением моего мужа, и в особенности этим последним обстоятельством. Меняя двор Великого Князя на службу под начальством всемогущего в то время Ростопчина, мой муж, казалось, игнорировал Великого Князя и поступал по заранее задуманному плану.

Так понял эту историю Великий Князь и говорил:

— Мог ли я когда-нибудь подумать, что Головин, которого я считал так привязанным ко мне, бросит меня из-за ленты? Я вижу теперь, что его прельщали только милости. Он думает, что ему будет лучше под начальством Ростопчина, и он прав: это значит укрыться ото всех опасностей. Но я не ждал от него этого.

Великий Князь судил на основании фактов, переданных мною, в таком же виде представил все это дело Великой Княгине. Все, с кем говорили Их Императорские Высочества, подтверждали это, и Великая княгиня вполне разделяла недовольство Великого князя моим мужем. Она не обвиняла меня, уверенная в том, что я страдаю от всего происшедшего. Она жалела меня и верила в самую искреннюю привязанность с моей стороны. Но в то же время другие старались очернить меня в ее глазах, и несчастное стечение обстоятельств способствовало этому.

Вернемся немного назад, чтобы объяснить события, о которых мне придется говорить сейчас.

В начале предыдущей зимы Великий Князь Александр заставил князя Адама Чарторижского оставить военную службу. Должность адъютанта Великого Князя он переменил на должность гофмейстера двора Великой Княжны Елены. У князя Чарторижского не было ни намерения, ни склонности к рядовой военной службе, что было самым большим достоинством в глазах Государя. Его Величество несколько раз собирался поручить ему командование батальоном или полком, и Великий Князь боялся, что Государь откроет неспособность Чарторижского к военной службе, предвидел немилость, которой он подвергнется в этом случае, и получил для него должность, о которой я говорила.

Эта перемена была только внешнего характера. Великий Князь сохранил ту же привычку к Чарторижскому и дружеские чувства. Новая должность требовала его постоянного присутствия при дворе, он всюду следовал за ним, и, кроме того, Государь пожаловал ему...[158] Мальтийского ордена. Несмотря на это, у Великого Князя и у Чарторижского была тайная уверен-

[158] Пропуск в оригинале.

ность, что рано или поздно последний пострадает от немилости Императора. Чуждый по своему характеру всяких интриг, заискивания и низости придворных (он сумел внушить такое мнение о себе Их Императорским Высочествам), он держался только за Великого Князя и не думал искать другой поддержки. Но в бурное и причудливое царствование Императора Павла этого не было достаточно. Великий Князь так издалека предвидел катастрофу, которая разделит его с другом, что уже давно предложил Чарторижскому передать ему бумаги, которые князь находил опасным хранить у себя.

Немедленно после взятия молитвы Великой Княгиней Елизаветой двор отправился в Павловск. Я провела лето в имении против Каменного Острова[159], принадлежавшем раньше моей свекрови. Эта уважаемая женщина умерла уже больше года. Мы часто бывали в Петергофе на благодарственных молебнах по случаю славных побед наших войск. Суворов покрыл себя бессмертной славой. Его имя вызывало восторг и уважение. Император пожаловал ему титул генералиссимуса и пожелал, чтобы его поминали за обедней вместе с членами Императорского Дома.

В Петергофе произошло любопытное событие. Государь, находясь у м-ль Лопухиной, получил известие о победе Суворова[160], причем последний прибавлял, что пришлет в скором времени князя Гагарина[161], полковника[162] ... полка, со знаменами, взятыми у врага,

---

[159] Наше имение против Каменного Острова называлось Никольское. – *Примеч. авт.*

[160] Сражение на р. Требии между русскими войсками А. В. Суворова и корпусом генерала Макдональда.

[161] Гагарин Павел Гаврилович (1770–1850), князь, генерал-адъютант, при Александре I посланник при дворе короля Сардинского.

[162] В оригинале пропуск.

и подробностями относительно этого дела. Это известие вызвало у Лопухиной смущение, которое она напрасно пыталась скрыть от Государя. Не будучи в силах противиться его настояниям и, наконец, приказу, она бросилась к его ногам и призналась ему, что она была знакома с князем Гагариным в Москве, что он был влюблен в нее и был одним из всех мужчин, ухаживавших за ней, сумевшим возбудить в ней участие, что она не могла остаться равнодушной при известии о его приезде и что она полагается на великодушие Государя как за себя, так и за него.

Государь с волнением выслушал это признание и мгновенно решил устроить брак Лопухиной с князем Гагариным, который и приехал через несколько дней. Он был очень хорошо принят Государем, назначен в Первый гвардейский полк, а вскоре был объявлен брак его с Лопухиной и назначение его флигель-адъютантом Государя.

II

Я возвращусь ненадолго к тому, что происходило вокруг меня. Я не могу обойти молчанием некоторые из текущих событий, предшествовавших моему несчастью. Я была глубоко опечалена смертью графини Шенбург, случившейся около этого времени. Принцесса де Тарант, своей отзывчивостью на мои страдания, была для меня ангелом-хранителем в этом случае. Толстая часто покидала меня, отправляясь в Петергоф. Ее муж стал понемногу снимать маску. Он втерся в доверие Государя и Государыни и разыгрывал роль чувствительного ревнивца по отношению своей жены. Ухаживание лорда Уайтворта за последней все продолжалось. Граф Толстой готовился приписать мне такую постыдную роль,

какую я не только никогда не могла исполнять, но и подумать даже. Я с невыразимой печалью видела, что Толстая все больше и больше удаляется от меня. Я указала ей на опасное положение, в которое она собиралась броситься, но мой голос не трогал больше ее сердца. Оно стало слабым и больным. Она подружилась с м-ль де Блом, сопровождавшей ее повсюду. Это была очень хорошая девушка, но у нее был слабый характер, и она поддавалась непоследовательности, с которой надо было бороться.

Приближался петергофский праздник, и я думала, что мне надо было из приличия отправиться туда, хотя я вовсе не была особенно к этому расположена. Но ранее, чем решить окончательно, я написала Великой Княгине, спрашивая ее, не будет ли ей неприятно мое присутствие и могу ли я еще надеяться на ее милостивое отношение. Я писала ей, что все происшедшее очень огорчает меня, что я не играла никакой роли в отставке мужа, и умоляла ее ответить мне искренне. Это письмо я просила доставить графиню Толстую. Великая Княгиня прислала мне очень милостивый ответ, вполне успокоивший меня. Я поехала на бал; я с беспокойством искала взгляда Великой Княгини. Ее холодный ледяной вид причинил мне ужасную боль; я насилу сдержала слезы. Г-жа де Тарант была почти так же огорчена, как и я. Она постоянно была со мной и могла лучше, чем кто-либо, судить о моих чувствах. На следующий день я отправилась гулять в Монплезир, где я была уверена, что встречу Великую Княгиню Елизавету. Действительно, я встретила ее там. Я настойчиво умоляла ее сказать причину ее холодности. Я говорила ей, что если я могла бы предвидеть это, ничто в мире не могло бы заставить меня отправиться на этот праздник, что только ее письмо, такое же полное доброты, как она сама, побудило меня приехать. Она сделала все, чтобы избежать

объяснения, и я ясно видела, что ее ангельская душа страдает от того, что приходится огорчать меня. Я замолчала; мы расстались, и я поклялась в глубине своей души хранить молчание обо всем, выстрадать все и никогда не жаловаться.

Но горе, наполнявшее мою душу, подействовало мне на здоровье. Я была почти выброшена из сердца, которое было мне так дорого. Опасное и тяжелое чувство, занимавшее Толстую, увеличивало мое горе. Более чем когда-либо я оценила тогда дружбу г-жи де Тарант. Она стала для меня утешением, моей силой и поддержкой. Я жалею тех, кто не знает этого чувства, дарованного нам Провидением как источник чистой воды, утоляющий жажду души.

Несмотря на печаль, как казалось, вполне завладевшую моим существом, бывали минуты, когда я не могла удержаться, чтобы не разделять добродушной, милой веселости, возбуждаемой Шевалье д'Огардом[163]. У дочери Толстой была гувернантка, англичанка, страстно любившая купаться в реке. Мы для нее устроили купальню против нашей дачи. Она часто купалась там. Муж распорядился бросить туда пойманных в пруду пескарей, чтобы обмыть их.

М-ль Эмери, не подозревая ничего, доверчиво бросилась в воду и оказалась покрытой рыбой. Ее удивление было беспредельно, и это приключение послужило поводом к различного рода шуткам. Шевалье д'Огард написал пародию на Проклятие Камилла. Он вложил в уста м-ль Эмери целую речь, направленную против моего мужа.

---

[163] Почтенный старик, француз-эмигрант, друг Елизаветы, сестры Людовика XVI, и член христианского общества, боровшегося с новой философией. Императрица Екатерина II пригласила его по рекомендации Гримма приехать в Петербург, чтобы написать записки о России. – *Примеч. авт.*

Golovine sûr objet de mon juste dedain,
Toi qui detruis ma joie en salissant ton bain,
Golovine que je hais, parce que 1'on t'adore,
Toi que je veux blâmer, parce que 1'on t'honore
Puissent tous les voisins, ensemble conjurés,
Saper de Nikolsky les murs mal assures!
Et si ce n'est assez de toute ton Ingrie,
Que 1'ouest au midi comme au nord se rallie,
Que cent homme, venues de champs de Sabakine
Entraînent Stroganov, Zagriaysky, Narishkine;
Que ton château sur toi renverse ses murailles;
Que tes pois, tes melons deviennent des mitnulles;
Puisses–tu president, senateur des enfers,
Y rôtir sur un tas de fagots toujours verts!
Puissent tes vieux moulins te broyer sous leur meules,
Ton fumier t'etouffer et te paumer la queule!
Que tes ruisseaux puants, desséchés a ma voix,
Deviennent des etangs de bitume et d'empois!
Puissé– je de mes yeux, dans un champs toujours maigre
Voir croître des chardons et pleuvoir du vinaigre,
A mon dernier repas voir ton dernier saumon,
Le manger et mourir d'une indigestion[164].

---

[164] Головин, постоянный предмет моей справедливой ненависти, ты разрушаешь мою радость, загрязняя мое купание; Головин ненавидимый мной, потому что тебя обожают, предмет моего порицания, потому что тебя почитают, пусть все соседи твои сговорятся и подроют шаткие стены Никольского! И если их окажется мало, пусть соединятся запад, юг и север; пускай придет сто человек из Собакина и увлекут с собой Строганова, Загряжского и Нарышкина; пусть стены твоего дома обрушатся на тебя; пусть твой овощи обратятся в картечь! Пускай ты, президент и сенатор, сгоришь на костре из зеленого хвороста! Пусть жернова твоих старых мельниц сотрут тебя в порошок и навоз задушит тебя. Пусть зловонные ручьи в твоем имении высохнут, по моему желанию, и обратятся в озера из смолы и клейстера. Пусть увижу я, как в

III

В начале августа двор возвратился в Павловск. Я с трудом решаюсь приступить к описанию самой гнусной интриги, устроенной в это время. Князь Чарторижский, продолжая по-прежнему быть близким другом Великого Князя Александра, послужил поводом для клеветы, при помощи которой старались очернить честь и славу Великой Княгини Елизаветы. Ее свекровь, постоянно завидуя своей невестке, не упускала случая вредить ей. Граф Толстой, играя роль самого усердного и верного слуги около Их Императорских Высочеств, в то же время был первым поверенным Императрицы, ее шпионом и низким прислужником. До этого времени Государь очень хорошо обходился с Великой Княгиней Елизаветой. После родов он часто и подробно расспрашивал ее о маленькой Великой Княжне и побуждал ее иметь сына. В последнее пребывание двора в Павловске Государыня приказала Великой Княгине Елизавете прислать ей ребенка, хотя девочке было всего три месяца и от дома Великого Князя до дворца было довольно далеко. Пришлось повиноваться, и потом, когда девочку привезли обратно, Великая Княгиня узнала от дам, сопровождавших ребенка, что Государыня носила его к Государю. Великая Княгиня, нисколько не подозревавшая грозы, собиравшейся над ее головой, была благодарна Государыне, считая это просто желанием приучить государя к внучке. Она жестоко ошибалась и скоро убедилась в этом, но виновникам ее несчастья

вечно бесплодных полях произрастет чертополох и вместо дождя будет падать с неба уксус, увижу, как ты у меня за обедом съешь твоего последнего лосося и умрешь от несварения желудка!

удалось скрыть от нее часть истины и обратить ее возмущение против тех, кто наименее этого заслуживал.

Граф Ростопчин и Кушелев находились в соседней комнате с кабинетом Государя, когда вдруг в нее вошла Государыня с маленькой Великой Княжной на руках. Она сказала им:

— Не правда ли, какой прелестный ребенок?

Они согласились с ней, и она прошла в кабинет Государя, откуда она вышла через четверть часа довольно скорым шагом. Кутайсов от имени Государя позвал Ростопчина, говоря ему по-русски:

— Боже мой, зачем эта несчастная женщина пришла расстраивать его своими злыми словами!

Ростопчин вошел к Государю и застал его в состоянии полного бешенства.

— Идите, сударь, и напишите как можно скорее приказ о ссылке Чарторижского в Сибирский полк. Моя жена сейчас вызвала у меня сомнения относительно мнимого ребенка моего сына. Толстой знает это так же, как и она.

Ростопчин отказался повиноваться и возразил его Величеству, что переданное ему было ужасной клеветой и что ссылка князя Чарторижского опозорит Великую Княгиню, бывшую так же невинной, как и добродетельной. Но ему не удалось поколебать решения императора. Тогда Ростопчин, видя, что невозможно его разуверить, ограничился заявлением, что никогда он не согласится написать подобный несправедливый приказ, и ушел из кабинета. Государь написал ему записку, в которой сообщал все обстоятельства, оправдывавшие отданное им приказание. Ростопчин опять отказался повиноваться, и гнев Государя наконец успокоился. Графу удалось получить согласие его Величества на то, что Чарторижский будет удален без шума и его назначат посланником к королю Сардинии.

На другой же день утром Великий Князь Александр узнал от князя Чарторижского, что последний получил приказание в тот же день уехать из Павловска и вскоре отправиться в Италию в качестве посланника от России к королю Сардинии, которого революционная смута и война вынудили покинуть свое государство и блуждать по разным областям Италии, где еще было спокойно.

Великий Князь был крайне поражен. Это назначение слишком походило на ссылку, чтобы можно было ошибиться; и ни он, ни князь Чарторижский нисколько не сомневались по поводу этого. Великий Князь поспешил к своей супруге. Он сообщил ей о своем горе, и оба терялись в поисках причины, которая могла бы так внезапно вызвать это событие. Их Императорские Высочества простились с князем после обеда. До них дошли слухи, что некоторые лица пытались объяснить это удаление причиной, очень оскорбительной для Великой Княгини. Она была глубоко возмущена этим, и на ее лице были еще следы этого чувства, когда она вечером вошла к Государю.

Войдя в комнату, где обыкновенно дожидались его Великие Княгини, он, не говоря ни слова, взял за руку Великую Княгиню Елизавету, повернул ее так, что свет падал на ее лицо, и уставился на нее самым оскорбительным образом. Начиная с этого дня он не говорил с ней в течение трех месяцев.

В тот же вечер граф Толстой, который, казалось, искренне интересовался этим событием, убедился из намеков Государя, что его мнение относительно чистоты поведения Великой Княгини поколебалось. Тогда Толстой предложил раскрыть всю эту интригу, и вот как передавал он потом, что будто бы он узнал от Кутайсова.

В тот момент, когда Императрица принесла маленькую Великую Княжну к Императору, в кабинете были

он, Кутайсов и граф Ростопчин. Императрица обратила внимание Императора на ту странность, что Великая княжна была брюнеткой, тогда как Великий Князь Александр и Великая Княгиня Елизавета оба были блондины. Когда она вышла, Император остался вдвоем с графом Ростопчиным, и последний, выйдя из кабинета его Величества, распорядился, чтобы приготовили приказ о назначении и отъезде князя Чарторижского.

Таким образом, из этого следовало, что возбудил подозрение Государя против Великой Княгини граф Ростопчин. Но что могло его к этому побудить? Между ними никогда не было вражды, и князь Чарторижский до сего времени не мог пожаловаться на него. Он поступил так не иначе как по наущению моего мужа, который давно уже питал неприязненное чувство к Чарторижскому, а также мог желать отомстить Великому Князю. Вспомнили все, что мы сделали, чтобы помешать дружбе Великого Князя с Чарторижским. Никогда я не скрывала своих чувств относительно последнего. При всяком случае я доказывала ему, что предпочитаю свои убеждения милости двора; но предполагали, что другие мотивы руководили нами, и решили, что мой муж и я принесли в жертву репутацию Великой Княгини желанию удовлетворить чувство личной вражды и наслаждению мести.

Меня очень огорчали страдания Великой Княгини, и я была далека от мысли, что меня обвиняют в них. Она более не сомневалась, что я была причиной неприятностей, испытываемых ею. В первой молодости самое крайнее кажется наиболее вероятным. Верят в высшие добродетели, но когда обстоятельства принуждают увидеть дурную сторону души человеческой, скорей поверят в самое мрачное преступление, чем в артистически сплетенную интригу.

Это первое разочарование жизни распространялось на предметы, слишком соприкасающиеся и близкие сердцу Великой Княгини, чтобы не причинить ей сильного горя. Она думала, что ей повредила самым чувствительным образом особа, которую она нежно любила и привязанность которой она считала неизменной. Ее репутации угрожали. Поступок с нею Государя обвинял ее публично. Ничто не могло защитить ее, и всему этому причиною она считала меня. Ее сердце было изранено. Но скоро все-таки негодование придало ей силы; решение не показывать вида тем, кто огорчил ее (кто бы это ни был), что они достигли своей цели, возвратило ей самообладание в свете. В глубине своей души она старалась удалить мысль о моем муже и обо мне. С тех пор она стала смотреть на нас как на открытых врагов.

IV

За несколько дней перед отъездом двора из Павловска в Гатчину Государыня пожелала устроить праздник для Государя по случаю предстоящих свадеб Великих Княжон Александры и Елены, уезжавших из Павловска в последний раз. Государыня выразила Великой Княгине Елизавете пожелание, чтобы она приняла участие в прощальной кантате, которую Великие Княжны должны были спеть перед Государем. Великая Княгиня Елизавета была оскорблена подобным предложением при создавшемся положении, попросила у Государыни объяснения по этому поводу и почтительно сказала ей, что она не находит возможным обращаться к Государю со словами нежности и лести в то самое время, когда он так чувствительно огорчил Великого Князя, набросил тень на ее репутацию как поступками, так и словами,

обращаясь с ней с оскорбительной небрежностью. Государыня разыграла удивление, когда Великая Княгиня стала говорить ей о вреде, нанесенном ее репутации, и уверяла ее, что она не слыхала ничего подобного. Но все-таки она не могла ничего возразить, когда Великая Княгиня очень твердо заявила ей, что она не возьмет на себя никакой роли в подготовляемом празднике.

В то время как двор дожидался в Гатчине приезда эрцгерцога Иосифа ко времени, назначенному для свадьбы Великой Княжны Александры, а также и Елены, Великая Княгиня Елизавета получила уведомление от Великой Княгини Анны об ее скором приезде без всякого объяснения. Накануне свадьбы Великой Княжны Елены Государь сам привел Великую Княгиню Анну в ее апартаменты, смежные с апартаментами Великой Княгини Елизаветы. Они в присутствии Государя выразили живую радость от того, что им пришлось увидеться, и в эту минуту Государь, казалось, забыл свою строгость по отношению к Великой Княгине Елизавете, сказав ей несколько слов.

— Вот и она, — сказал Государь, подводя к ней Великую Княгиню Анну. — Все-таки она вернулась к нам и с довольно хорошим видом.

Но на следующий день он опять возобновил по отношению к Великой Княгине Елизавете свое упорное молчание, продолжавшееся еще шесть недель.

Как только они остались одни, Великая Княгиня Елизавета выразила удивление по поводу неожиданного приезда Великой Княгини Анны и спросила ее, что же сталось с проектом, на котором они остановились перед ее отъездом. Она узнала от Великой Княгини Анны, что Государь, должно быть, осведомился об их проекте, потому что раньше, чем она могла приступить к его исполнению, Ростопчин обратился к Тутолмину,

сопровождавшему ее, с письмами в самом угрожающем тоне на случай, если бы Великая Княгиня вздумала просить у Государя продолжить ее пребывание в Германии; письма эти повторялись, и наконец, в последнем было бесповоротно определено, что Великая Княгиня должна возвратиться в Россию к свадьбам Великих Княжон. Она же, напуганная этими угрозами и боясь, что весь гнев Государя обрушится на лиц, сопровождавших ее, решила покориться.

Свадьба Великой Княжны Елены с наследным принцем Мекленбург-Шверинским была отпразднована 8 октября, а свадьба Великой Княжны Александры с эрцгерцогом Иосифом — через восемь или десять дней. Государь пожелал, чтобы церемонияи представления и празднества, последовавшие за ними, были отпразднованы со всем приличествующим великолепием и пышностью; но дворец в Гатчине не годился для того, он был слишком мал, чтобы вместить приехавших из Петербурга, и лица, которые по своему положению или чину обязаны были присутствовать на церемониях, с трудом нашли себе помещение в очень маленьком городке Гатчине. Небольшое помещение дворца, где происходили приемы и поздравления, почти неприличные помещения первых особ двора и петербургского общества, грязь и туманное осеннее небо придавали этому торжеству печальный вид для всех оказавшихся в положении жертв и казались забавными для действующих лиц и зрителей, которым удалось лучше устроиться.

В положение жертв попытались поставить наследника трона и его супругу, если вспомнить, что для исполнения приказа Государя, желавшего, чтобы Великий Князь Александр дал у себя бал, пришлось занять помещение и маленькой Великой Княжны, не нашедшей себе другого убежища, кроме спальни своей матери.

Празднества продолжались до ноября месяца. Они беспрерывно возобновлялись и усилились по случаю известий из армии. Суворов получил титул князя Италийского; Великий Князь Константин за то, что был свидетелем побед Суворова, получил титул Цесаревича, принадлежавший до сего времени исключительно наследнику престола. Государь объявил, что он проведет всю зиму в Гатчине. Все чувствовали, что невозможно привести в исполнение это решение во время суровой погоды зимы в таком малоприспособленном месте для размещения многочисленного двора, но он не привык выслушивать возражения. Все молчали, и он думал, что препятствия устранены.

Великая Княжна Александра, став эрцгерцогиней, уехала в конце ноября. Государь расстался с ней с чрезвычайным волнением. Прощание было очень трогательным. Он постоянно повторял, что не увидит ее больше, что ее приносят в жертву, и объяснял некоторые эти мысли тем, что недовольный, вполне справедливо, поведением Австрии относительно него, он думал, что отдает свою дочь в руки врагов. Потом вспоминали это прощание и считали его предчувствием.

V

Я вела уединенную жизнь в ту зиму. Мое небольшое общество состояло из почтенного и уважаемого старика, датского посланника, барона Блома, его племянника и племянницы, из моих друзей, командора Мезоннев, человека очень хорошего общества, из превосходного кавалера д'Огарде, из князя Барятинского, брата графини Толстой, и графа Ростопчина, приходившего каждый день и державшего нас в курсе текущих событий. Я старалась развеяться, насколько это было возможно

для меня. Посещения лорда Уайтворта нарушали это однообразие, к которому я всегда стремилась.

В это время графиня Шувалова, которой Императрицей Екатериной было поручено привезти Великую Княгиню Елизавету и которая с тех пор постоянно находилась при ней в должности обер-гофмейстерины, была удалена от двора. На ее место была назначена г-жа Пален[165]. Эту перемену можно было только объяснить намерением удалить от Их Императорских Высочеств всех лиц, к которым они были привязаны по привычке или из чувства. Великий Князь Александр и его супруга никогда не выказывали ни доверия, ни дружбы по отношению графини Шуваловой, но она была заменена особой совершенно им чуждой и про которую вдобавок думали, что ей поручено следить и передавать, что происходит в их домашней жизни; наконец, она внушала недоверие уже потому, что была женою военного губернатора, пользовавшегося полным расположением Государя.

У г-жи Пален была холодная, строгая и не предупредительная внешность. Несмотря на ее новую должность, ей поручили сопровождать эрцгерцогиню в Вену, и она уехала вскоре после своего назначения, что избавило Великую Княгиню от неприятного чувства видеть около себя особу, не нравившуюся ей.

Начало зимы было очень холодным, и в декабре месяце как в Гатчине, так и в Петербурге появился грипп, болезнь воспалительного и эпидемического характера, часто опасная. Почти все придворные переболели ею. Наконец Государь также схватил ее, и только тогда он

---

[165] Пален Юлиана Ивановна, (1751–1814), урожденная баронесса Шеппинг статс-дама (с 1799). Муж Петр Алексеевич (Петер-Людвиг) Пален (1745–1826), граф, генерал, участник русско-турецких войн. С 1798 петербургский военный губернатор.

увидел, что в его апартаментах не было комнаты, где бы он мог укрыться от холода. Он был принужден лежать в постели, и ему пришлось приказать поставить ее в маленькой комнате без окон, единственной, где держалось тепло. Его недовольное настроение еще больше увеличилось от того, что никто, кроме него самого, не был виноват в неприятном положении, в котором он очутился. Тотчас же им было отдано приказание отправиться двору в Петербург, и он сам, как только выздоровел, уехал со всей семьей из Гатчины.

Около этого же времени наследный принц Мекленбург-Шверинский уехал из России вместе со своей супругой, а немного спустя Великий Князь Константин возвратился к армии.

Быстрый и победоносный поход наших войск, казалось, достиг своей цели и приготовил спасение Европы. Но венский кабинет сразу парализовал это славное шествие. Австрийская армия под командой эрцгерцога Карла не отправилась на соединение с армией генералиссимуса князя Суворова, как это было условлено. Император не мог вынести этой измены и приказал нашим войскам вернуться в Россию. Князь Суворов на обратном пути заболел, и Государь подверг его немилости, самой несправедливой — печальное следствие его характера. Суворова привезли в Петербург, и было приказано поместить его в самом отдаленном квартале вместо помещения, приготовленного для него при дворе. Гнев Императора увеличил его болезнь и подвинул его к могиле. Он умер весною 1800 года и был похоронен в Александро-Невской лавре с военными почестями. Шествие проходило мимо моего дома. Никогда я не видела зрелища более трогательного. У всех военных было выражение самой глубокой скорби. По обе сторона улицы было много народа различных классов, и многие

становились на колени. Государь следовал несколько минут за церемонией. Когда отпевание было окончено, следовало отнести гроб в часовню наверху, но лестница, которая вела туда, оказалась узкой. Старались обойти это неудобство, но гренадеры, служившие под начальством Суворова, взяли гроб, поставили его себе на головы и, воскликнув: «Суворов везде пройдет», отнесли его на назначенное место.

В январе месяце мой муж представил отчет по приходу почты[166]. Государь был очень доволен и пожаловал ему чин действительного тайного советника, равняющийся в военной службе генерал-аншефу. Этот чин открыл мне вход в Эрмитаж. Я посещала почти все спектакли с единственной целью — хотя бы издали увидеть Великую Княгиню Елизавету, но вид ее делал меня еще более несчастной. Такова слабость человеческая: сердце теряет мужество, когда ему нужно вырвать чувство, питавшее его, как бы это чувство отравлено ни было. Самолюбие и тщеславие, высокомерные страсти — одни могут угасить наше оскорбленное чувство, но они никогда мне не были знакомы. Я хотела прибегнуть к помощи разума, но он был пристрастен к моей любви. Оставалось только покориться и страдать.

Великий Князь Константин недолго оставался в Петербурге. Император разгневался на полк конногвардейцев, изгнал его в Царское Село и, чтобы довершить наказание, поручил Великому Князю Константину обучать их. Он отправился в Царское Село и поселился там со своей супругой, Великой Княгиней Анной, последовавшей за ним. Жизнь, которую он вел там и в которой

---

[166] При вступлении его в должность там было 700 000 рублей долгу. В течение двух лет он уплатил и погасил эти долги и представил Государю 300 000 рублей экономии. – *Примеч. авт.*

Великая Княгиня Анна должна была принимать участие, была совершенно лишена достоинства, приличествовавшего его рангу. Великая Княгиня Анна, чтобы доставить удовольствие своему супругу, во многом переменившемуся относительно нее, присутствовала в манеже на ученье. Великий Князь приводил в апартаменты своей супруги, безразлично во всякое время, офицеров вверенного ему полка. Танцевали под звуки клавесина, и в обществе Их Императорских Высочеств царила фамильярность, не подходившая даже и не к такому высокому рангу.

В марте месяце Великая Княгиня опасно захворала, и ее перевезли в Петербург, чтобы лучше можно было заботиться о ней, как этого требовала ее болезнь.

Зима прошла без всяких событий и даже без увеселений. Так все устали после празднеств, устраивавшихся по случаю свадеб Великих Княжон.

Государь, желая показать, что его любовь к Лопухиной не переходила границ чистого чувства, продолжал ухаживать за нею, хотя она и считалась невестой князя Гагарина, которого он осыпал своими милостями.

Государыня продолжала беспрестанно свою деятельность во всех отношениях, но или она вращалась в таком кругу мелочей, или с таким небольшим успехом, что в результате не получалось ничего, что можно было бы отметить.

Великий Князь Александр с добросовестной точностью исполнял свои тяжелые служебные обязанности, возложенные на него отцом, все более и более приобретая любовь общества. Он, и как командующий полком, и как генерал-губернатор Петербурга, часто спасал несчастных или по крайней мере добивался смягчения их участи. Доброта и снисходительность Великого Князя были слишком резким контрастом с характером

Государя, чтобы не привлечь к нему сердца всех, и, чем более увеличивалось число пострадавших в царствование Павла, тем более устремлялись надеждой к будущему, тайно желая приблизить его.

Узнав на приведенных мною примерах, а также из случая с графом Строгановым[167], которого Великий Князь отличал между придворными, а Государь подвергал различным унижениям, что его расположение не является рекомендацией в глазах Государя, Великий Князь решил принимать только по надобностям службы. Он не принимал даже своих придворных из боязни скомпрометировать, и это поведение, настоящая причина которого всем была известна, только увеличивало внушаемое им доверие. Только граф Толстой, хотя и находился постоянно около Великого Князя, выказывая привязанность к нему, удержался при дворе и пользовался расположением Государя.

Великая Княгиня Елизавета жила только для своей дочери. Огорчения, испытанные ею недавно, заставили ее считать преимуществом уединение, в котором она находилась. Она видела только лиц, которых оставили у Великого Князя, и некоторых фрейлин.

VI

Толстая все более и более отдавалась увлечению. Я прекратила гулять с ней по утрам, чтобы не присутствовать при встречах с Уайтвортом. Я сказала ей, что не могу поощрять ее слабость; она плакала, не отвечала ничего, и мои возражения не приводили ни к чему, кроме нервных припадков. В ее доме жила француженка

---

[167] Строганов Павел Александрович (1774–1817), граф. В 1802–1807 товарищ министра внутренних дел. В 1807 вступил в армию волонтером, позже генерал-адъютант.

ка, бывшая гувернанткой умершей дочери Толстой. Это была настоящая мегера, к которой Толстой питал совершенно особую нежность и уважение. Эта ужасная женщина постоянно устраивала сцены графине Толстой, часто жаловавшейся на нее мужу, но последний не обращал никакого внимания на слова жены. Наконец, доведенная до крайности, она объявила ему, что она решилась уехать из дому, если он не прогонит Терезу. Это происходило во время завтрака, и граф разгорячился до того, что взял нож, находившийся на столе, и бросился за женой. Дочь, которой было тогда десять лет, бросилась на колени и схватила отца за ноги. Графиня растерялась, позвонила, и таким образом сделала камердинера свидетелем этой сцены. Она убежала и направилась ко мне. Ее бледное расстроенное лицо меня страшно испугало. Она сказала мне, что решилась уехать к своей матери в Берлин, что ничто в свете не может заставить ее жить под одной кровлей с мужем. Я успокоила ее, насколько могла, и умоляла ее не торопиться, потому что все насильственные меры с ее стороны неизменно упадут на ее же голову. Я предлагала ей все перенести и, насколько возможно, скрыть, что происходило в ее сердце.

Она осталась у меня. Граф пришел к обеду. Он был мрачен и смущен. Я не подавала виду, что знаю про утреннюю сцену, и обходилась с ним, как всегда.

Я захворала. Толстая, Тарант и м-ль Блом находились около меня. Толстая предложила читать новый роман. Мы согласились. При первой же нежной сцене она расплакалась и ушла в соседнюю комнату. М-ль Блом последовала за ней. И так как они не возвращались, я пошла посмотреть, что с ними случилось. Я увидала, как м-ль Блом со сложенными руками умоляла Толстую сказать мне все. Она взяла меня за руку и сказала:

— Я приду завтра рано утром.

Я пожала ей руку от всего сердца.

Действительно, в десять часов утра на другой день она вошла ко мне в комнату; заперев дверь на ключ, она бросилась на колени передо мной и, проливая поток слез, призналась мне в тяжелом чувстве, с которым она не могла больше бороться, тем более что поведение ее мужа оправдывало ее.

— Вы осудите меня, я уверена в этом, — прибавила она, — я заслужила ваше порицание, потому что я проявила недоверие к вам и не послушалась ваших советов.

Я отвечала ей, обнимая ее от всего сердца, и заклинала ее вырвать из своего сердца причину многих неприятностей и раскаяния в будущем. Я указала ей на то, что, как бы возмутительно ни было поведение ее мужа, оно не должно оказывать влияния на уважение, которое у нее должно быть к самой себе.

Она успокоилась, и довольная улыбка появилась на ее красивом лице. Никогда я не забуду этой минуты победы над ее бедным сердцем. Мне казалось, что я не выдержу этой тихой и нежной радости.

Я просила ее позволить мне написать Уайтворту, сказав ему, что она призналась мне в своих чувствах, что я считаю его крайне виновным и не могу ни уважать его, ни принимать его у себя. Он прислал мне такой пошлый ответ, что даже Толстая не могла удержаться от смеха. Немного спустя граф Толстой перестал бывать у нас, потому что мой муж оставил придворную должность, но, чтобы замаскировать низость этого поступка, он выставил меня причиною этого разрыва, повсюду рассказывая, что я поощряла увлечение его жены и хотела похитить ее у него. Толстая получила ответ от матери на свою просьбу о разрешении приехать к ней, та одобряла ее проект. Она попросила меня обратиться к Ростопчину, чтобы он выхлопотал позволение Государя.

Я отказалась от поручения, совершенно не желая вмешиваться в подобного рода ссору. Она обратилась к своему брату и к племяннику барона Блома. Последний был особенно хорошо знаком с мадам Шевалье, любовницей Кутайсова, актрисой, о которой я упоминала выше. Барятинский получил от опекуна своей матери бриллиантовое кольцо стоимостью в 6000 рублей и подарил его Шевалье, чтобы заинтересовать ее в просьбе графини Толстой. Все устроилось по ее желанию, к моему очень большому сожалению.

Разрешение уехать было ей дано, и это доставило графу Толстому верный повод обвинять меня. Мне оставалось только хранить молчание. Слишком унизительно оправдываться, тем более когда ни в чем не можешь себя упрекнуть. Я не могла ничего сказать в свое оправдание, не выдав чувства графини Толстой. Это одно уже могло заставить меня молчать. Время ее отъезда приближалось, как вдруг лорд Уайтворт был отозван своим двором. Эта новость причинила мне сильное беспокойство. Я умоляла графиню отказаться от путешествия или, по крайней мере, отложить его на несколько месяцев, так как оно имело вид условленной встречи с лордом Уайтвортом. Но ничто не могло поколебать ее решения. Она, казалось, дорожила им больше жизни и уехала в апреле месяце. Г-жа де Тарант жила у меня. Она выписала из Англии графа де Круссоль, младшего сына ее сестры. Государь назначил молодого человека флигель-адъютантом и обходился с ним с добротой и мягкостью, необыкновенной в характере этого монарха. У графа де Круссоль, в то время как он находился в Гатчине при его Величестве, сделался нарыв в груди. Тетка перевезла его в город, чтобы лучше ухаживать за ним, и уступила ему свое помещение.

Великая Княгиня Елизавета иногда принимала поздно вечером графиню Шувалову, более из внимания

к ней, чем для своего удовольствия. Но скоро она имела случай узнать заслуживающий уважения характер госпожи Пален и ее преданность интересам Великой Княгини, на что последняя и не могла не ответить тем же. После того как она проводила эрцгерцогиню в Вену, она поспешила возвратиться в Петербург и занять при дворе Великой Княгини Елизаветы должность, с обязанностями которой она едва успела ознакомиться.

При приближении весны Великому Князю Михаилу, младшему сыну Государя, привили оспу; был установлен порядок в подобных случаях увозить из дворца детей Императорской семьи, у кого еще не была оспа, и было предписано Великой Княгине Елизавете расстаться с дочерью, которую собирались поместить на шесть недель в Мраморный дворец. Великая Княгиня находила невозможным подчиниться этому приказанию. Отнять у нее ребенка значило отнять у нее все ее счастье. Она поделилась своим горем с г-жой Пален, а та, сама мать и нежная мать многочисленного семейства, приняла в этом самое живейшее участие.

— А почему бы вам, — сказала она Великой Княгине, — не отправиться вместе с дочерью в Мраморный дворец? На вашем месте я заявила бы, что никто не может разлучить меня с моим ребенком, и попросила бы позволения у Государя поселиться на это время в Мраморном дворце.

Великая Княгиня, зная неумолимое отношение Государыни ко всему, что касалось этикета, и не рассчитывая особенно на ее снисходительность, не решалась обратиться с просьбой, не имевшей до сих пор примера в летописях двора. Но, поощряемая и поддерживаемая г-жой Пален, она попробовала сделать попытку, которую сочли экстравагантностью. Императрица, после долгого сопротивления, уступила настоятельным дово-

дам г-жи Пален, говорившей гораздо смелее Великой Княгини, и обещала передать об этом Государю, прибавляя, что он, наверно, откажет в такой неразумной просьбе. Напротив, Государь очень легко согласился. Г-жа Пален торжествовала и наслаждалась счастьем Великой Княгини, которая с этого времени привязалась к ней и сохранила неизгладимое воспоминание об оказанной ей услуге.

В течение шести недель, проведенных Великой Княгиней в Мраморном дворце, число лиц, которых она видела, ограничивалось г-жой Толстой, фрейлиной княжной Шаховской[168] и графом Толстым, который бывал и при дворе, и у Великой Княгини, выказывая безграничную привязанность и верность Ее Императорскому Высочеству. Он говорил ей о мнимом горе, которое причиняла ему жена, обвиняя меня в том, что я из ненависти и мести, желая разлучить его с графиней, устроила ее поездку в Берлин. Он описывал свое семейное несчастие так трогательно и правдоподобно для лица, настолько предубежденного против меня, как Великая Княгиня, что в конце концов она стала считать меня самой коварной и вероломной женщиной и жалела о дружеских чувствах и доверии, которое она питала ко мне долгое время.

Из особ двора Великая Княгиня Елизавета виделась только с Великим Князем Александром и Великой Княгиней Анной, и это были единственные лица, с которыми она и желала видеться. С этого времени началась ее дружба с княжной Шаховской. Эта молодая особа только что отказалась от брака, который должен был вскоре состояться, решив, что он не будет счастливым и что она слишком поспешно согласилась на него, поэтому она была очень рада на некоторое время удалиться от двора,

---

[168] Шаховская Наталья Федоровна (1779–1807).

чтобы избежать неблагоприятного освещения, которое бросает всегда на девушку подобное досадное событие, и попросила дозволения у Великой Княгини последовать за ней в Мраморный дворец. Она была очень хорошей музыкантшей; Великая Княгиня тоже любила музыку и занималась ею; досуг уединения навел Великую Княгиню на мысль воспользоваться талантом княжны Шаховской, она стала почти каждый день быть с ней, и таким образом завязалась дружба, продолжавшаяся до преждевременной смерти Шаховской, ставшей впоследствии княгиней Голицыной.

Каждый раз как я встречалась с Великой Княгиней, я уходила с новой уверенностью в ее перемене ко мне. Однажды весной я гуляла в дворцовом саду вместе с моей четырехлетней дочерью и графом Алексеем Разумовским[169]. Мы увидали Великую Княгиню и любовались ее походкой. Граф сказал мне:

— Боже! Какой у нее приятный вид!

Он подошел к ней, а я остановилась на почтительном расстоянии. Моя девочка привыкла слышать ее имя и побежала к ней со всем доверием ребенка. Великая Княгиня ласково отстранила ее и поспешно направилась к дожидавшейся ее карете. Это движение причинило мне чувствительную боль, мои глаза наполнились слезами, которые я сдержала, как и многие другие, вызванные ею.

Я провела это лето, как и предыдущее, на даче, около Каменного Острова. Мои соседи обращались со мною сообразно с барометром двора. Я должна только выключить из их числа г-жу Свечину[170], дружба которой ко мне была всегда одинаковой.

---

[169] Разумовский Алексей Кириллович (1748–1822), граф, государственный деятель. В 1810–1816 министр народного просвещения.

[170] Свечина Софья Петровна (1782–1857), урожденная Соймонова, жена генерала Николая Сергеевича Свечина (1750–1850).

Двор, по обыкновению, проводил конец весны, лето и начало осени в Петергофе и Павловске. Характер Императора Павла становился все более и более вспыльчивым, а поведение — произвольным и странным. Однажды весною (это случилось перед отъездом на дачу), после обеда, бывшего обыкновенно в час, он гулял по Эрмитажу и остановился на одном из балконов, выходивших на набережную. Он услыхал звон колокола, во всяком случае не церковного, и, справившись, узнал, что это был колокол баронессы Строгановой[171], созывавший к обеду. Император разгневался, что баронесса обедает так поздно, в три часа, и сейчас же послал к ней полицейского офицера с приказом впредь обедать в час. У нее были гости, когда ей доложили о приходе полицейского. Все были крайне изумлены этим посещением; но когда полицейский исполнил возложенное на него поручение, с большим смущением и усилием, чтобы не рассмеяться, то только общее изумление и страх, испытываемый хозяйкой дома, помешали присутствовавшему обществу отдаться взрыву веселости, вызванному этим приказом совершенно нового рода. Анекдот быстро распространился в городе; толки вокруг этого случая дали повод злонамеренным людям находить у Государя расстройство рассудка, и эта тирания, распространявшаяся даже на домашнюю жизнь, раздражала всех. Распорядившись отобрать во всех книжных лавках произведения Вольтера и Руссо, он запретил ввоз каких бы то ни было книг в Россию. Точность, с которой исполняли этот приказ, была поводом к очень неудобной сцене, происшедшей в Павловске.

---

[171] Строганова Анна Сергеевна (1765–1824 или 1821), урожденная Трубецкая, жена барона Григория Александровича Строганова (1770–1857).

Великие Князья, Великие Княгини и весь двор дожидались Их Величеств в маленьком особом саду Государыни, чтобы оттуда отправиться на прогулку верхом, что было очень принято при дворе в том году, как и в предыдущем. Все собрались у окон нижнего этажа апартаментов Их Величеств. Слышно было, как Император прошел от себя к Императрице, и вскоре потом послышался разговор в повышенном тоне. Государыня говорила с упреком и плача, Государь отвечал резко, и, хотя нельзя было разобрать все, великолепно были слышны все интонации.

Сцена продолжалась. Аудитория, собравшаяся в садике, хранила самое глубокое молчание; смотрели друг на друга со смущенным видом, не зная, что из всего этого выйдет. Государь появился в очень дурном настроении и сказал Великим Княгиням и остальному обществу:

— Отправляемся, сударыни; на лошадь!

Пришлось последовать за ним, не смея дожидаться Императрицы, появившейся минуту спустя с опухшими глазами и недовольным видом.

На следующий день узнали причину этой сцены: Государыня выписала из-за границы книги, но таможня, не получив приказа сделать для нее исключения из общего правила, задержала адресованные ей книги. Государыня узнала об этом и пожелала показаться оскорбленной. Она выбрала момент, когда Государь собирался выходить, и пожаловалась ему на недостаток уважения, который проявили к ней, как казалось, с его разрешения. Император, хотя и был раздражен и доведен до крайности, отдал приказ исправить ошибку. Все справедливо удивлялись, что Государь, при своем вспыльчивом характере, так долго выносил мелочность Императрицы и отсутствие у нее чувства такта и меры.

Конец июля и начало августа двор вместо Павловска провел в Царском Селе. Там у Великой Княгини Елизаветы умерла дочь[172]. Государь был огорчен этим и испугался того, как подействовало горе на Великую Княгиню: она почти не плакала, и Государь очень беспокоился об ней. Чувствительность, проявленная им по этому поводу, свидетельствовала, что он не верил всецело подозрению, возбужденному в нем и заставившему его так бесцеремонно поступать с Великой Княгиней в прошлом году.

Смерть маленькой Великой Княжны произвела на меня ужасное впечатление. У меня разрывалось сердце, и я еще более страдала от того, что приходилось молчать и скрывать свои чувства. Графиня Строганова[173] навестила меня и застала в ужасных рыданиях; она не могла прийти в себя от изумления, что я была так огорчена, тогда как Великая Княгиня Елизавета совершенно удалила меня из своего сердца.

Тело ребенка было набальзамировано, перевезено в Александро-Невскую лавру и поставлено там на несколько дней. Я предложила г-же де Тарант отправиться туда. Она согласилась. Приехав в монастырь, мы вошли в заупокойную комнату, всю обтянутую черным. Вокруг маленького ангелочка горели свечи. Я подошла к гробу, чтобы поцеловать у нее руку, но едва я прикоснулась к ней губами, рыдания стали душить меня. Моя душа была наполнена тяжелыми и нежными чувствами. Моя глубокая привязанность к Великой Княгине давала себя чувствовать с такою силою, что я не помнила себя.

---

172 27 июля 1800 года.

173 Строганова Софья Владимировна (1774–1845), урожденная Голицына, дочь князя Владимира Борисовича Строганова и Натальи Петровны, урожденной Чернышевой, знаменитой «усатой княгини», жена Павла Александровича Строганова (1774–1817).

То, что она забыла меня, бросила, несправедливо поступила со мной, все эти жестокие истины овладевали моим сердцем, как вдруг в моей душе возникло новое чувство, утешившее меня. Я говорила себе: она больше не любит тебя, но в эту минуту ее сердце участвует с тобой в общей скорби. Мои мысли прояснились; утешение скорби заступило место в моей душе тягостному смятению моих чувств и впечатлений. Граф Толстой, находившийся там, чтобы следить за траурным церемониалом, подошел с кропилом окропить святой водой тело ребенка и взглянул на меня с торжествующей улыбкой. Наверно, он наслаждался мыслью, что погубил меня в глазах моих молодых повелителей. Признаюсь, что его вид снова отравил мое сердце.

Глава девятая. 1800–1801

I

В октябре месяце шведский король вторично приехал в Петербург[174]. Целью его приезда было заключение союза с Государем против Англии. Дания также вступила в этот тройственный союз. Государь принял короля как родственника и союзника. Он забыл, по крайней мере так казалось, все, что произошло в последний приезд короля. Оба монарха договаривались непосредственно между собою, и политические дела устраивались наилучшим образом, как вдруг каприз Императора нарушил это доброе согласие.

Каждый вечер во время пребывания короля давался спектакль в Эрмитаже. Однажды давали *La Belle Arsen*[175], и на угольщиках, появляющихся в третьем акте, были надеты красные колпаки. Король, мнение которого о французской революции и обо всех, игравших там роль, было так же определенно, как и мнение Государя, позволил себе пошутить по этому поводу и сказал Государю:

— *Оказывается, что у вас есть якобинцы*.

Государь, вероятно, бывший в этот день в более дурном настроении, чем обыкновенно, не понял шутки и ответил сухо, что их нет у него при дворе и что он не потерпит их присутствие в государстве. С этого времени он так дурно и невежливо обращался с королем, что тот решил сократить свое пребывание в Петербурге.

---

[174] Король Густав IV Адольф в действительности приехал 29 ноября 1800.

[175] Четырехактная феерия в стихах, слова Фаворта, музыка Монсиньи; в первый раз была представлена артистами французского короля 6 ноября 1773 года в Фонтенбло.

Государь довел свое нерасположение до того, что послал приказ вернуться придворным и кухне, по обыкновению предшествовавшим королю до шведской границы. Густав IV, узнав об этом приказе, добродушно смотрел на это со смешной стороны и забавлялся тем, что ускорил свое путешествие, чтобы на несколько станций обогнать приказ, посланный ему вслед, о лишении его пищи.

— Ну, поспешим, — говорил он своей свите на станциях, где останавливались, чтобы переменить лошадей. — Быть может, мы еще сегодня пообедаем.

Масленица в эту зиму была очень оживленной. Император приказал Великому Князю Александру давать у себя балы, а в Эрмитаже были маскарады, вход на которые был предоставлен по билетам очень немногочисленным лицам, почему и общество, присутствовавшее там, было более избранным, чем это бывало на подобных собраниях.

Именно на этих *bals masqués* Великий Князь Александр стал отличать своим вниманием красивую Нарышкину[176]. Он только начинал интригу и считал свои дела очень хорошими, когда князь Зубов, очень привязанный к Великому Князю, шутя однажды над его ухаживанием за Нарышкиной и получив от Великого Князя признание относительно надежд, возбуждаемых в нем, в свою очередь признался, что он очень доволен тем, как она с ним обращается. Эти взаимные признания повели к соглашению в совершенно новом роде. Великий Князь и Зубов обещали точно сообщать друг другу об успехе своего ухаживания и дали честное слово, что наименее счастливый из них уступит место другому, доставившему доказательства большего успеха.

---

[176] Нарышкина Марья Антоновна, урожденная княжна Святополк-Четвертинская.

Соперники с добросовестной точностью держались условий договора, и через несколько дней князь Зубов показал Великому Князю записки, полученные им во время танцев. Великий Князь, у которого дело не пошло еще дальше слов, без сожаления уступил. Он даже с презрением отозвался об этой женщине и обо всех, кто способен на подобный образ действия.

II

Михайловский дворец достраивался с большой поспешностью. Легко себе представить состояние, в котором он должен был находиться, если вспомнить, что первый камень этого здания был положен в 1797 году, а Император собирался туда переехать со двором и семьей в феврале 1801 года. Казалось, он предчувствовал, что недолго будет пользоваться этим дворцом и спешил воспользоваться немногими днями власти, остававшимися ему.

Первого февраля Император и Императрица и лица, наиболее приближенные к ним, переехали в Михайловский дворец. Великие Князья Александр и Константин, апартаменты которых еще не были окончены, поместились вместе в одной из передних комнат. Супруги их должны были остаться в Зимнем дворце[177]. Каждый боялся последствий вредного воздуха для себя или для своих близких, но все были далеки от мысли, что дворец этот станет могилой только одного и именно того, кто и был в восхищении от него.

Император был так доволен тем, что удалось преодолеть почти непреодолимые препятствия для

---

[177] Как только апартаменты были закончены, Великие Княгини и дети Императора тоже переехали в Михайловский дворец, и в момент смерти Павла I вся его семья находилась там. – *Примеч. авт.*

удовлетворения его фантазии, что поспешил воспользоваться последними днями Масленицы, чтобы дать бал в этом новом здании. Перед балом и после, в другие дни, давались спектакли.

Постройка и обмеблирование дворца много способствовали тому расстроенному положению финансов, которое нашел Император Александр при восшествии на престол. Дворец был обставлен с большим великолепием. Император Павел прожил там шесть недель, и событие, бывшее причиною его смерти, сделало этот дворец настолько противным его наследнику, что большая часть украшений была сорвана и даже уничтожена.

В течение последнего года царствования Павла I очень старались разрушить фавор Ростопчина и добиться его опалы. Он уже почти не ходил сам с бумагами в кабинет Государя, а поручал это Энгелю[178], первому члену его департамента. Граф Пален и Нарышкин[179] употребили все свое влияние, чтобы поссорить его с Кутайсовым.

Рибас[180], вице-адмирал, принял участие в заговоре, образованном графом Паниным. Он получил позволе-

---

[178] Энгель Федор Петрович (Иванович?) (1766 или 1769–1837). В 1819–1820 градоначальник Феодосии. В 1828–1831 председатель Медицинского совета МВД. Действительный тайный советник (1830). В 1831 председатель Временного правления Царства Польского

[179] Нарышкин Александр Львович (1760–1826), обер-гофмаршал (1798), обер-камергер (1801), начал службу в гвардии, затем при дворе, в 1799–1819 главный директор Императорских театров.

[180] Дерибас (Де Рибас) Иосиф Михайлович (1750–1800), адмирал (1799). Из испанских дворян. С 1772 на российской службе. Участник русско-турецкой войны 1787–1791, штурма Измаила. Руководил строительством порта и города Одесса. В 1776 женился на воспитаннице И. И. Бецкого Анастасии Ивановне Соколовой, которая получила большую часть состояния Бецкого.

ние путешествовать и доехал до Неаполя в поисках волшебного стилета, чтобы вонзить его в грудь своего монарха. Когда он возвратился, адмирал Кушелев[181] заболел, и Рибас должен был идти вместо него с бумагами к Государю.

Заговорщики решили, что они воспользуются одним из тех моментов, когда Рибас будет вдвоем с Императором, чтобы совершить преступление, но в тот же день Рибас захворал и умер несколько дней спустя. В предсмертном бреду он только и говорил об этих ужасных проектах и об угрызениях совести.

Милость Императора к Кутайсову все возрастала: он был назначен обер-шталмейстером, получил титул графа и ленту Св. Андрея Первозванного.

Пален коварно подготовлял гибель несчастного Императора. Не надеясь удалить Ростопчина, представлявшего серьезное препятствие для жестокого преступления, задуманного им, он решился сам сделать последнюю попытку, чтобы вооружить Императора против Ростопчина. Он попросил у его Величества особой аудиенции и получил ее.

— Ваше Величество, — сказал он Государю, — я буду говорить Вам, рискуя вызвать Ваше неудовольствие, о человеке, далеко не заслуживающем ни Вашего доверия, ни Ваших милостей и который стремится удалить от Вашей священной особы наиболее преданных Вам лиц. Граф Панин самым несправедливым образом оклеветан в глазах Вашего Величества; граф Ростопчин его смертельный враг...

— Вы все сказали? — спросил Император.

---

[181] Кушелев Григорий Григорьевич (1754–1833), граф, один из фаворитов Павла I. В 1798 произведен в адмиралы и назначен вице-президентом Адмиралтейств-коллегий.

— Да, Ваше Величество.

— Идите, и чтобы я вас больше не видал, вы будете арестованы по моему приказанию.

Действительно, распоряжение об аресте графа Палена было отдано тотчас же. Государь послал за Ростопчиным, передал ему разговор и приказал арестовать Палена и отвести его в крепость. Ростопчин умолял и заклинал его Величество отменить этот строгий приговор. Он мог добиться только смягчения кары, и Пален был выслан в свое имение.

Несколько дней спустя Пален появился вновь. Кутайсов из ненависти к Ростопчину добился прощения Палена. И последний, с помощью Кутайсова, вновь принялся за свою деятельность, чтобы окончить начатое им дело. Он опять добился аудиенции у Государя, принес повинную относительно Ростопчина, притворился, что согласен с тем, что Панин был подозрителен и принимал у себя иностранных посланников для тайных совещаний. Он также обвинил виконта де Карамана, агента Людовика XVIII. Караман был выслан из Петербурга, а Людовик XVIII — из Митавы. Пален торжествовал. Для его ярости было необходимо восстановить всех против Императора. Таким путем он скорее думал достигнуть цели.

Граф Ростопчин сам облегчил свою отставку. В Петербурге был один итальянец из Пьемонта, которого вполне основательно заподозрили в дурных намерениях против Императора; об нем донесли Ростопчину, который старался выслать его из пределов России, но господин и госпожа Шевалье, пользуясь покровительством Кутайсова, предупредили его. Обвиняемый имел неосторожность признаться, что эта супружеская чета была вполне осведомлена об его намерениях. Боязнь скомпрометировать себя заставила тогда этих низких

интриганов представить его настоящим преступником. Они добились, что он был наказан кнутом, заклеймен и сослан в цепях в Сибирь. Он умер в дороге. Это ужасное происшествие возмутило Ростопчина. Он пошел к Кутайсову и упрекал его в недостойной слабости и в том, что он забыл благодеяния Государя. Ростопчин сказал ему также, что из угождения любовнице он омрачает славу своего повелителя. Кутайсов был взбешен, и с этого момента он еще с большей злобой стал помогать Палену в его махинациях против Ростопчина.

Наконец, они достигли цели; но, давая свое согласие, Император страдал от того, что теряет человека, которого он действительно любил. Он написал ему записку с объяснением и давал ему возможность оправдаться. Ростопчин отвечал как верноподданный, не чувствующий за собою вины; но его ответ не был передан Императору, которому сказали, что Ростопчин так рассердился, что не хочет отвечать.

Ростопчин, не зная ничего про эту последнюю клевету и думая, что на основании письма Императора он имеет право пойти проститься с ним, велел сказать обер-камергеру Нарышкину, чтобы его записали на лист представляющихся Государю. Нарышкин, достойный сообщник Палена, не записал его. Ростопчин, придя во дворец, не мог видеть Императора и думал, что на то была его воля, а Император, обманутый уже уничтоженным письмом, полагал, что Ростопчин поступает так из злобы.

III

В течение нескольких месяцев Пален преследовал и мучил Великого Князя Александра, чтобы добиться от него согласия на низложение его отца. Наконец он стал

угрожать Великому Князю революцией и резней, уверяя, что только отречение от престола Павла I может спасти государство и его. Он добился от Великого Князя согласия навести справки, каким образом подобные отречения производились в других странах. Тогда у графа Панина начались собрания посланников. Графу Толстому поручено было опросить их. Пален, удалив Ростопчина, единственного человека, стоявшего на дороге его преступных замыслов, начал приводить их в осуществление. Заговор быстро развивался. Заговорщики собирались у князя Зубова; но, несмотря на всю таинственность, которой они облекли это дело, Император узнал, что злоумышляют против него. Он призвал Палена и спросил, почему он не доложил ему об этом. Тот дерзко поклялся, что не было ничего серьезного, что несколько молодых безумцев позволили себе вольные речи и что он образумил их, подвергнув аресту у генерал-прокурора. Он прибавил, что Его Величество может положиться на его верность, что он предупредит Императора о малейшей опасности и разрушит зло в самом его корне.

Через три дня он решил нанести решительный удар. Он пришел к двери кабинета Императора и попросил позволения говорить с ним. Он вошел в кабинет с видом, полным отчаяния, и, упав на колени, сказал:

— Я прихожу с повинной головой, Ваше Величество; Вы были правы: я только что раскрыл заговор, направленный против Вас. Я приказал арестовать виновных[182]; они находятся у генерал-прокурора. Но как открыть мне Вам величайшее несчастье? Ваше чувствительное

[182] Он действительно арестовал всех офицеров, которые должны были участвовать в ночь 11 марта, чтобы быть уверенным, что они не будут высланы. – *Примеч. авт.*

сердце отца вынесет ли удар, который я принужден нанести ему? Ваши оба сына стоят во главе этого преступного заговора; у меня все доказательства в руках.

Император был смертельно поражен, его сердце разрывалось: он поверил всему. Его несчастный характер не дал ему подумать. У него были все проявления отчаяния и бешенства. Пален старался тогда успокоить его, уверял, что очень легко разрушить заговор, что он принял все необходимые меры и, чтобы устрашить виновных, достаточно его Величеству подписать бумагу, которую он принес с собой.

Несчастный Император согласился на все. Смерть была уже в его сердце. Он любил своих детей. Обвинение их было для него более тяжелым, чем муки, которые ему готовили заговорщики. Злодей Пален торжествовал. Он пошел к Великому Князю Александру и показал ему бумагу, подписанную Императором, в которой был приказ об аресте Великих Князей Александра и Константина и заключении их в крепость. Великий Князь задрожал, возмутился и опустил голову; было решено, что акт отречения будет предложен.

В вечер перед этой ужасной ночью Великий Князь ужинал у своего отца. Он сидел за столом рядом с ним. Можно себе представить их невозможное положение. Император думал, что его сын покушается на его жизнь; Великий Князь считал себя приговоренным к заключению своим отцом. Мне передавали, что во время этого зловещего ужина Великий Князь чихнул. Император повернулся к нему и с печальным и строгим видом сказал:

— Я желаю, Ваше Высочество (Monseigneur), чтобы желания Ваши исполнились.

Через два часа его не было в живых.

IV

Прежде чем перейти к подробностям этого ужасного события, я приведу несколько обстоятельств, относившихся к нам. Генерал Беннигсен[183], наш хороший знакомый, участвовавший вместе с мужем в Турецкой войне, часто посещал нас. Мы с интересом слушали его рассказы о Персидском походе, предпринятом в царствование Екатерины II, об ее планах завоевания Константинополя и много других подробностей, свидетельствовавших о мудрости и величии этой государыни. Шестого марта Беннигсен пришел утром к моему мужу, чтобы переговорить с ним о важном деле. Но он застал мужа в постели настолько больным, что не нашел возможным говорить с ним о деле, по которому пришел, выразил сожаление по поводу этого очень горячо и даже с некоторым раздражением. Если бы не это препятствие, более чем вероятно, что Беннигсен открыл бы моему мужу заговор и последний выслушал бы его как честный человек и верный подданный. Это признание имело бы непредвиденные последствия.

Вечером 11 марта он опять пришел к нам сказать, что он уезжает в ту же ночь, что его дела окончены и он спешит уехать из города. Николай Зубов[184] считался

---

[183] Беннигсен Леонтий Леонтьевич (1745–1826), граф (1814), генерал от кавалерии (1802). Участник убийства императора Павла I. Участник русско-французских войн.

[184] Зубов Николай Александрович (1763–1805), генерал-поручик (1796), обер-шталмейстер (1800). Службу начал в 1782 в лейб-гвардии Конном полку, в 1783 произведен в корнеты. Обладал большой физической силой, в обращении отличался грубостью, высокомерием. Осенью 1794 женился на дочери А.В. Суворова – Наталье («Суворочке»). В 1796 первым известил Павла I в Гатчине о смерти императрицы Екатерины II. Затем вместе с братьями подвергся опале. В ноябре 1800 возвращен ко двору.

уехавшим по делу. Мы ничего не подозревали. Мой муж, хотя и чувствовал себя лучше, находился внизу, в своих комнатах. Г-жа де Тарант спала в комнате рядом с моей. Рано утром на следующий день я услыхала мужские шаги у себя в спальне. Я открыла занавески у кровати и увидала мужа. Я спросила, что ему нужно.

— Сперва, — ответил он, — я хочу говорить с г-жой де Тарант.

Я посмотрела на часы и увидала, что было только шесть часов утра. Беспокойство овладело мною. Я думала, что случилось какое-нибудь несчастье, касающееся г-жи де Тарант, вроде приказа о выезде, в особенности когда я услыхала, как она вскрикнула от испуга. Но муж вернулся в спальню и сказал, что Император умер накануне в одиннадцать часов вечера от апоплексического удара.

Признаюсь, что эта апоплексия показалась мне удивительной и неподходящей к телосложению Императора. Я поспешила одеться. Г-жа де Тарант отправлялась ко двору для принесения присяги. Муж, хотя чувствовал себя слабым, отправился также туда.

В то время как г-жа де Тарант собиралась ко двору, приехали моя belle-soeur Нелединская и одна из моих кузин Колычева. Мы терялись в догадках относительно этой апоплексии, когда в комнату вошел граф де Круссоль, племянник г-жи де Тарант и адъютант Императора Павла. Его бледное и печальное лицо поразило нас до известной степени. Император очень хорошо обходился с этим молодым человеком, и потому было естественно, что граф жалел о нем.

Тетка спросила у него о подробностях смерти Императора. Граф смутился, и глаза его наполнились слезами. Г-жа де Тарант сказала ему:

— Говорите же! Здесь никого нет лишнего.

Тогда он упавшим голосом сказал:

— Императора убили сегодня ночью.

Эти слова произвели на нас ужасное впечатление. Мы все разрыдались, и наше небольшое общество представляло картину, полную раздирающей сердце скорби. Муж возвратился в отчаянии и возмущенный тем, что он услыхал.

Утром 11 марта, когда Кутайсов дожидался Императора около дворца, чтобы сопровождать его верхом, к нему подошел крестьянин, или человек, одетый в крестьянское платье, и умолял его принять от него бумагу, в которой заключается дело очень большой важности и которое в тот же день необходимо довести до сведения Императора. Кутайсов правой рукой держал за повод лошадь его Величества, левой он взял бумагу и положил ее в карман. После прогулки он переменил платье, чтобы идти к Императору, вынул по своей привычке все, что у него было в правом кармане, и забыл про прошение крестьянина, вспомнив о нем только на следующий день, но было уже поздно: Павел более не существовал, а в бумаге был разоблачен весь заговор.

В ночь с 11 на 12 марта привели один или два батальона Преображенского полка, разместив на дворе и вокруг дворца. Во главе гвардейцев был Талызин[185]. Солдатам сказали, что жизнь Императора в опасности и они идут спасать его. Пален остался с ними. Беннигсен, Зубовы, Казаринов, Скарятин[186], три гвардейских

---

[185] Талызин Петр Александрович (1767–1801), генерал-лейтенант, масон. В 1799 назначен командиром Преображенского полка. Один из активных участников заговора против императора Павла I.

[186] Казаринов (вероятно ошибка – Татаринов), полковник артиллерийского полка, незадолго перед этим уволенный от службы. Скарятин – офицер Измайловского полка.

офицера, Уваров[187] и граф Волконский[188] поднялись в апартаменты Императора, спавшего в тот момент, когда они хотели войти. Один из гусаров несчастного Императора остановил их. Уваров и Волконский ударили его[189]. Уваров ударил его саблей по голове и заставил дать дорогу. Гусар закричал:

— Спасайтесь, Ваше Величество.

Убийцы вошли. Император, разбуженный криком гусара, вскочил с кровати и спрятался за экран. Они испугались, думая, что он убежал. Но скоро они нашли его, и Беннигсен заговорил первый, объявив ему, что они пришли прочесть ему акт об отрешении его от престола. Император, увидев князя Зубова, сказал:

— И вы также здесь, князь?

Николай Зубов, пьяный и нахальный, сказал:

— Чего тут церемониться? Лучше прямо идти к делу.

Он бросился на Императора, который хотел бежать в дверь, ведущую в апартаменты Императрицы, но, к несчастью, она оказалась запертой[190]. Он не мог уйти.

Николай Зубов толкнул его; он упал, ударившись виском об угол стола, и лишился чувств. Убийцы овладели им. Скарятин снял шарф и задушил его. Потом положили его на постель. Беннигсен с некоторыми другими остались стеречь его, а другие предупредили Палена, что все кончено.

Последний послал известить Великого Князя Александра, что он объявлен Императором и ему надо

---

[187] Уваров Федор Петрович (1769–1824), командир конногвардейского полка.

[188] Волконский Петр Михайлович (1776–1852).

[189] Государь сравнительно незадолго перед этим осыпал его милостями, и в особенности накануне. – *Примеч. авт*.

[190] У Императора была привычка каждый вечер заставлять дверь, выходившую в апартаменты Императрицы, из боязни, что она к нему неожиданно войдет. – *Примеч. авт.*

показаться войскам. Приказали солдатам кричать ура их новому Государю. Они все спросили, где их отец. Им опять приказали кричать ура; они повиновались с отчаянием, что их обманули.

Императрица Мария проснулась и узнала про эту ужасную катастрофу. Она побежала в апартаменты своего супруга; Беннигсен не пустил ее.

— Как вы смеете меня останавливать? — говорила она. — Вы забыли, что я коронована и что это я должна царствовать?

— Ваш сын, Ваше Величество, объявлен Императором, и по его приказу я действую; пройдите в помещение рядом; я извещу Вас, когда будет нужно.

Императрица была заперта в комнате вместе с г-жой Ливен Беннигсеном, где и находилась более часа. В это время раскрашивали лицо несчастного Императора, чтобы скрыть нанесенные ему раны.

Великого Князя Александра разбудили между двенадцатью и часом ночи. Великая Княгиня Елизавета, которая и легла всего за полчаса перед этим, встала вскоре после него. Она накинула на себя капот, подошла к окну и подняла штору. Апартаменты находились в нижнем этаже и выходили окнами на площадку, отделенную от сада каналом, которым был окружен дворец. На этой площадке при слабом свете луны, закрытой облаками, она различала ряды солдат, выстроенные вокруг дворца. Вскоре она услыхала многократно повторяемые крики ура, наполнившие ее душу непонятным для нее ужасом.

Она не представляла себе ясно, что происходило, и, упав на колени, она обратилась к Богу с молитвой, чтоб *что бы ни случилось, это было бы направлено к счастью России*.

Великий Князь возвратился с самыми сильными проявлениями отчаяния и передал своей супруге изве-

стие об ужасной кончине Императора, но не был в состоянии рассказать подробно.

— Я не чувствую ни себя, ни что я делаю, — сказал он. — Я не могу собраться с мыслями; мне надо уйти из этого дворца. Пойдите к матери и пригласите ее как можно скорее приехать в Зимний дворец.

Когда Император Александр вышел, Императрица Елизавета, охваченная невыразимым ужасом, упала на колени перед стулом. Я думаю, что она долго оставалась в таком положении без всякой определенной мысли, и, как она говорила мне, эта минута принадлежала к числу самых ужасных в ее жизни.

Императрица была выведена из забытья своей камер-фрау, которая, вероятно, испугалась, увидав ее в таком состоянии, и спросила, не нужно ли ей чего-нибудь. Она поспешно оделась и в сопровождении этой камер-фрау направилась к Императрице Марии, но у входа в ее апартаменты она увидала пикет, и офицер сказал ей, что не может пропустить ее. После долгих переговоров он, наконец, смягчился; но придя к Императрице-матери, она не застала ее, и ей сказали, что Ее Величество только что спустилась вниз. Императрица Елизавета сошла по другой лестнице и застала Императрицу Марию в передней апартаментов нового Императора, окруженную офицерами вместе с Беннигсеном.

Она была в ужасном волнении и хотела видеть *Императора*. Ей отвечали:

— Император Александр в Зимнем дворце и желает, чтобы Вы тоже туда приехали.

— Я не знаю никакого Императора Александра, — отвечала она с ужасным криком. — Я хочу видеть моего Императора.

Она поместилась перед дверью, выходившей на лестницу, и объявила, что она не сойдет с этого места,

пока ей не обещают показать Императора Павла. Казалось, она думала, что он жив. Императрица Елизавета, Великая Княгиня Анна, г-жа Ливен, Беннигсен и все окружавшие ее умоляли ее уйти отсюда, по крайней мере возвратиться во внутренние апартаменты. Передняя беспрестанно наполнялась всяким людом, среди которого было неприятно устраивать зрелище; но ее удавалось отстранить от этой роковой двери только на несколько мгновений...

Каждую минуту прибывали посланные, настоящие и ложные, от Императора Александра, приглашавшие Императрицу Марию отправиться в Зимний дворец, но она отвечала, что не уедет из Михайловского дворца, пока не увидит Императора Павла.

В эту ночь был такой беспорядок, что когда Императрица Елизавета взяла за талию свою свекровь, чтобы поддержать ее, она почувствовала, что кто-то сжал ей руку и крепко поцеловал ее, говоря по-русски:

— Вы — наша мать и государыня!

Она обернулась и увидала, что это был незнакомый ей офицер, слегка пьяный.

Под утро Императрица Мария пожелала видеть своих детей, и ее провели к ним. Все время сопровождаемая и поддерживаемая Императрицей Елизаветой, она вернулась в свои апартаменты и пожелала говорить с г-жой Пален. Во время этого разговора она заперла Императрицу Елизавету в маленьком кабинете, смежном с комнатой, где только что совершилось преступление. Мертвое молчание, царившее в кабинете, побудило Императрицу Елизавету отдаться своим мыслям, которые никогда не дадут ей забыть этих минут. Она говорила мне, что ей казалось, что самый воздух этого дворца насыщен преступлениями, и она ждала с невыразимым нетерпением возможности уйти из него;

но она могла это сделать только после того, как проводила Императрицу Марию к телу ее супруга и поддерживала её в эту тяжелую минуту.

Императрица вместе со всеми детьми со страшным воплем вошла в комнату, где он лежал на своей походной кровати, в своем обыкновенном мундире и в шляпе. Наконец в седьмом часу Императрица Елизавета, вместе со своей первой камер-фрау г-жой Геслер, могла покинуть это место ужаса и отправиться в Зимний дворец. Придя в свои апартаменты, она нашла Императора у себя на диване, бледного, измученного, охваченного припадком скорби.

Граф Пален, находившийся там, вместо того чтобы выйти из комнаты, как это предписывало уважение, отошел к амбразуре окна. Император сказал Императрице Елизавете:

— Я не могу исполнять обязанностей, которые на меня возлагают. У меня не хватит силы царствовать с постоянным воспоминанием, что мой отец был убит. Я не могу. Я отдаю мою власть кому угодно. Пусть те, кто совершил преступление, будут ответственны за то, что может произойти.

Императрица, хотя и была тронута состоянием, в котором находился ее супруг, представила ему ужасные последствия подобного решения и смятение, которое должно произойти от этого в государстве. Она умоляла его не падать духом, посвятить себя счастью своего народа и смотреть на отправление власти как на искупление. Она хотела бы сказать ему больше, но назойливое присутствие Палена стесняло ее откровенность.

V

Между тем в больших апартаментах собирались для принесения присяги, что и было совершено без присутствия Императора и Императрицы. Императрица-мать

приехала в Зимний дворец несколько часов спустя после своих детей.

Через восемь или десять дней после смерти Императора Павла было получено извещение о смерти эрцгерцогини (Великой Княгини Александры) во время родов. Казалось, что такие несчастья так должны были подействовать на Императрицу, что она забудет обо всем, кроме своей скорби. Но Император Павел еще не был погребен, а она уже заботилась обо всем необходимом в подобных случаях, о чем ее сын не говорил с ней из деликатности. Она объявила, что не желает, чтобы для нее составляли особый двор, и получила от Императора согласие, чтобы чины его двора служили также и его матери.

Немного спустя после восшествия на престол Император назначил фрейлиной княжну Варвару Волконскую, первую в его царствование. По обычаю, она получила шифр Императрицы, и все фрейлины Великой Княгини Елизаветы тоже получили шифр Императрицы Елизаветы. В тот же день Императрица Мария, узнав об этом простом и обыкновенном в таких случаях назначении, потребовала от Императора, чтобы впредь все фрейлины и придворные дамы носили портреты и шифр обеих Императриц. Этот случай не имел примера в прошлом, но в то время Императрица могла получить все от своего сына.

Едва прошли шесть недель траура, она стала появляться на публике и делала из этого большую заслугу, постоянно повторяя Императору, что ей многого стоит видеть, хотя бы издали, лиц, про которых она знает, что они принимали участие в заговоре против ее супруга, но что она приносит это чувство в жертву своей любви к сыну.

Она заставила написать с себя портрет в глубоком трауре и раздавала копии всем.

В мае месяце она отправилась в Павловск, оставленный ей, как и Гатчина, по завещанию покойного Императора. Там она вела рассеянный образ жизни, более блестящий, чем в царствование Павла I. Она делала большие приемы, устраивала прогулки верхом. Она разбивала сады, строила и вмешивалась, насколько возможно, в государственные дела.

Эти подробности необходимо привести, чтобы дать понятие о том положении, какое заняла вдовствующая Императрица после смерти своего супруга. Возвратимся к телу несчастного Императора.

Оно было выставлено в Михайловском дворце. Он был раскрашен, как кукла, и на него надели шляпу, чтобы скрыть раны и синяки на голове. Через две недели его похоронили в крепости, и Павел I был положен вместе со своими предками. Весь двор следовал за шествием пешком, также вся Императорская фамилия, за исключением двух Императриц. Императрица Елизавета была больна. Императорские регалии несли на подушках. Обер-гофмейстеру, графу Румянцеву, было поручено нести скипетр. Он уронил его и заметил это, пройдя двадцать шагов. Этот случай дал повод многим суеверным предположениям.

Царствование Александра I

Глава десятая. 1801–1802

I

Энтузиазм, внушаемый Императором Александром, достиг своего апогея. Все его друзья возвратились в Петербург или по собственному почину, или вызванные им. В столицу съезжались, тогда как в конце царствования Павла I она почти опустела от большого количества высланных, а также от боязни этого, приводившей к тому, что многие уезжали добровольно. Анархия заступила место самого строгого правления. Появились вновь всякого рода костюмы, кареты мчались во весь опор. Я сама видела гусарского офицера, скакавшего верхом по набережной тротуара с криком: «Теперь можно делать все, что угодно».

Эта внезапная перемена пугала, но она была основана только на крайнем доверии, внушаемом добротою нового Императора. Съезжались со всех сторон государства, чтобы поглядеть на молодого Государя, любимого внука Екатерины II, воспоминание о которой жило во всех сердцах. Достаточно было одного этого наименования, чтобы привлечь к нему любовь всех подданных. Но все в нем способствовало доведению этой любви до восторженности и вызывало самые сладкие надежды. Восхваляли его добродетели, оправдывали то, что могло в нем не нравиться. Никогда начало царствования не было более блестящим.

Война с Англией, готовая разразиться в конце царствования Павла I, окончилась с момента вступления на престол Императора Александра. Известие об этой перемене не успело предупредить большое морское сра-

жение у входа в Зунд между английским флотом под начальством Нельсона и датским флотом. Датчане, как верные союзники, с большим мужеством защищали вход в Балтийское море. Адмирал Чичагов[191] был послан в Копенгаген, чтобы вести переговоры о примирении, чего легко было достигнуть.

Беклешов был назначен генерал-прокурором вместо Обольянинова, получившего отставку. Князь Александр Куракин остался вице-канцлером. Пален был выслан в свое имение. Князь Зубов, участвовавший в преступлении из низких целей, захотел играть роль, но это ему не удалось, и он удалился в свои богатые владения. Его оба брата остались, как и остальные участники 11 марта.

Кутайсов покинул двор и отправился в Москву. Его низкое поведение во время последних лет царствования Павла заслужило ему общее презрение. Войско было оставлено на том же положении, только переменили форму: уничтожили косы и букли.

Весной в том же году наследная принцесса Баденская, мать Императрицы Елизаветы, приехала в Петербург вместе с двумя своими дочерьми: принцессой Амелией и принцессой Марией. Последняя впоследствии вышла замуж за герцога Брауншвейгского и умерла через несколько лет. Двор жил в Каменно-Островском дворце, а я на даче напротив дворца. Все представлялись принцессе Баденской, но я не имела этой чести. Я полагала, что всякая моя попытка, наименее подозрительная, может обратиться в таковую и что было лучше хранить молчание и оставаться в совершенном уединении.

---

[191] Чичагов Павел Васильевич (27.6.1767–10.9.1849), адмирал (1807), в 1802–1811 – министр морских сил, генерал-губернатор Молдавии и Валахии.

В это время всякое отношение между мною и Императрицей было порвано, и я была в абсолютном неведении относительно всего, что ее касалось. То, что говорили в свете, не внушало мне никакого доверия, и я решилась ждать более счастливого момента, чтобы узнать то, что было для меня дороже моего счастья. Отныне я буду говорить о событиях, свидетельницей которых я была до того момента, когда, приближенная к Императрице, я вновь нашла в ее доверии воспоминание о многих счастливых минутах и забвение многих горестей. Тогда я расскажу то, что она пожелала мне передать о событиях, происшедших за этот долгий период.

II

Дом графини Строгановой стал одним из наиболее близких графу Толстому, который близко подружился в это время с князем Чарторижским и Новосильцевым[192]. Их называли: Триумвират. Император особенно покровительствовал Строгановым и часто посещал их. Граф Толстой рассказывал там про меня самые оскорбительные и дурные вещи: я отняла у него жену, я старалась омрачить репутацию Императрицы Елизаветы... Все слушали его, одни по легковерию, другие из низости.

---

[192] Новосильцев Николай Николаевич (1761–1838), незаконный сын сестры графа А. С. Строганова, в доме которого он воспитывался. Служил в армии, потом в Коллегии иностранных дел. Во время войны в Польше и Литве (1792–1795) принимал участие в переговорах. В 1796 вышел в отставку, уехал в Лондон. Выполнял дипломатические поручения Александра I. В 1813 он был назначен вице-президентом временного совета, учрежденного для управления Варшавским герцогством. В 1831 был назначен членом Государственного совета, затем председателем его и комитета министров. В 1835 Новосильцеву пожалован титул графа.

Признаюсь, что часто мое терпение готово было истощиться, но принцесса ободряла меня, смягчая горечь моих страданий и разделяя их.

Торжество графа Толстого достигло своей вершины, когда Императрица Елизавета написала его жене, чтобы она вернулась к ней. Графиня отправилась по приказанию Ее Величества и известила меня о своем возвращении, сообщая мне, что было его причиной и что она ответила. Она приехала незадолго до отъезда принцессы Тарант, покинувшей Петербург в августе месяце. Я написала Толстой, чтобы она приезжала ко мне, только после того как она побывает при дворе, на случай, если там у нее что-нибудь вырвется по поводу меня, никто не мог бы подумать, что это продиктовано мною.

С крыльца моего дома был виден дворец и окна апартаментов Императрицы. Я знала, что там находится Толстая, и смотрела туда со смешанными чувствами, которые я не сумею объяснить.

Наконец, графиня приехала ко мне, но счастье видеть ее было отравлено тем, что она рассказала мне про Императрицу.

Когда Толстая попросила позволения оставить ее, чтобы поехать ко мне, Ее Величество удивилась, что Толстой пришла в голову эта мысль.

— Как, — сказала она, — вы отправляетесь к графине Головиной?

— Да, Ваше Величество; она осталась моей подругой; никогда я не забуду того, что она для меня сделала и сколько вытерпела из-за меня. Признаюсь, я очень удивлена переменою Вашего Величества к ней.

— Ну вот, — возразила Императрица, — разве вы забыли историю с Ростопчиным?

Эта история была для меня тогда загадкой, объяснившейся много лет спустя. Нет ничего проще не знать о том, чего никогда и не думал совершать.

Графиня Толстая употребила все средства, чтобы ее муж опять стал бывать у нас, но это ей не удалось. Он отвечал ей, что Императрица Елизавета ему особенно запретила это.

Однажды вечером, в девятом часу, я была одна у себя в большой гостиной, дверь которой была открыта на перрон. Я видела между колонн перрона, как спокойно текла река. Вокруг меня царило молчание, но мое сердце страдало и находило мрачный оттенок в этом покое, слишком противоречившем моим чувствам. Мой муж и г-жа де Тарант гуляли; дети собирались спать; я была в глубоком одиночестве. Вдруг я услыхала топот лошадей. Я вышла на перрон и увидала Императрицу, ехавшую верхом, в сопровождении нескольких всадников. Она, заметив меня, пустила лошадь галопом и отвернула голову. У меня упало сердце. Я прислонилась к колонне и следила за ней взором, пока она не скрылась из виду. «Тебя презирают, обвиняют, быть может, ненавидят, — говорила я себе, — и все-таки ты любишь попрежнему, как если бы ты была любима». Я смотрела на небо, прося Бога сжалиться надо мной. Слезы текли у меня из глаз и облегчали подавленное состояние моего сердца.

Двор отправился для коронации в Москву; Толстая последовала за ним. Согласно желанию своей матери, г-жа де Тарант обратилась за разрешением съездить в Париж, чтобы повидаться с матерью, и получила его.

Расставаясь с г-жой де Тарант, я живее, чем обыкновенно, чувствовала всю величину моих страданий. Она уехала 5 сентября, взяв с моего мужа торжественное обещание, что он привезет меня во Францию. Он согласился без труда. Его здоровье требовало особенного лечения, и воды ему были необходимы. Я тоже страдала от особых болей, постоянно возобновляющихся. Нерв-

ные припадки моей бедной матери окончательно расстроили мое здоровье. Это путешествие было необходимо. Но мысль расстаться с матерью была слишком тяжелой для меня и не позволяла мне думать об отъезде. Муж, к которому она питала материнскую любовь и который заслужил это своей заботой о ней и преданностью, преодолел все эти препятствия, убедил ее поехать вместе с нами. Она согласилась, и было решено, что в начале лета 1802 года мы уедем из России. Уверенность в этом возвратила мне мужество. Я чувствовала необходимость покинуть места моих страданий.

Я вернулась в город. Отсутствие г-жи де Тарант вызывало у меня чувство ужасной пустоты. Двор возвратился, и также Толстая. Однажды вечером она явилась ко мне как снег на голову; я была очень удивлена и в то же время довольна видеть ее. Поведение ее мужа нарушило наши обычные отношения. Она уже не бывала у меня каждый день. Он пожелал, чтобы она делала приемы и устраивала балы. Он предложил ей пригласить меня, но Толстая, зная меня хорошо, ответила, что я не соглашусь.

Она на некоторое время отдалась светской жизни. Но такое положение вещей не могло продолжаться долго, ее прекрасная душа чувствовала потребность в занятии, более достойном ее. Однажды вечером она пришла ко мне и сказала, что хочет поговорить со мной и желает быть уверенной, что нам не помешают. Мы условились, что на следующий день после обеда я закрою свою дверь для всех. Она пришла. Мы уединились в моем кабинете; и там она сделала мне самое искреннее признание о состоянии своего сердца, об его муках и минувших ошибках. Она прибавила:

— Вы знаете, что ваша нежная заботливость обо мне и искренняя дружба не могли развязать цепей,

которыми опутала меня страсть. Но Бог сжалился надо мной. Когда я достигла вершины ослепления, тот, кто был его предметом, сам разрушил его. Известие об его браке открыло передо мною пропасть, в которую я собиралась бросаться. Я была в отчаянии и обратилась за помощью к духовному отцу: он очистил мое сердце, и я испытывала только любовь и благодарность к нему за то, что он для меня сделал. Я прошу у вас прощения, что обманула вас. Я сказала, расставаясь с вами, что я излечилась от своей страсти, на самом же деле я только и думала, чтобы удалиться от вас и последовать за тем, кого я не имела права любить. Пусть это признание возвратит мне ваше доверие, и наша дружба будет основана только на религии; она будет чистой и вечной, и Бог сам благословит ее.

Легко понять, что я была глубоко тронута. Торжество добродетели дает испытывать истинное успокоение счастья. Восторженность и мечтание могут создать только химерическое положение. Одно является образом нетленной истины, другое же представляет собой тревожный сон, смущающий наш покой. Победа над собою есть самая прекрасная изо всех побед; она уничтожает в нашей душе лживые стремления, которые мы стремимся осуществить, заполняя прошлое опасными воспоминаниями, опьяняющими нас и заглушающими рассудок. Мы должны их вызывать в себе только с целью упрека, вместо того чтобы лелеять их. Нельзя считать себя вылеченным, пока воспоминание об ошибке не доставляет муки. Мысли, как растения, посаженные в различные времена года: с постоянной заботой надо следить за их ростом и удалять сорные травы.

Мой муж, рассчитывая уехать на семь лет, просил Государя купить наше имение против Каменного Острова. Государь очень милостиво согласился на это, и

имение было продано. Если бы у меня был решающий голос в семейных делах, мы не продали бы его. Но муж был так несчастен, так возмущен всем происшедшим, что он готов был развязаться со всем своим имуществом.

Я аккуратно получала известия от г-жи де Тарант. Она писала ежедневно, в то время как меняли лошадей, и не переставала заниматься мной. С тех пор, как Толстая призналась мне во всем, я чувствовала себя легче с нею, и она возвратила мне свою прежнюю любовь. Я была также счастлива от мысли, что вновь нашла свою старинную подругу.

III

Наконец наступил май месяц. Мы должны были уехать в начале июня. За две недели перед нашим отъездом у португальского посланника был бал. Там должен был присутствовать двор. Муж сказал Толстой, тоже приглашенной туда, чтобы, если представится благоприятный случай, она попросила для него у Государя особой аудиенции, чтобы проститься с ним и поблагодарить его за все милости.

Толстая с готовностью взялась за это поручение. Танцуя полонез с Государем, она сказала ему:

— Ваше Величество, я обращаюсь к вам с просьбой о милости: граф Головин желал бы представиться Вам в особой аудиенции, чтобы поблагодарить Вас и проститься с Вами. Разрешит ли это Ваше Величество?

— Пусть приходит, — отвечал Государь, — с удовольствием; пусть приходит завтра в двенадцать часов дня ко мне в кабинет.

Толстая с радостью сообщила нам этот ответ. Муж отправился к Государю в назначенное время. У них было

объяснение так же интересное, как и трогательное. Муж просил прощения у него, что так резко покинул двор, просил судить о нем не по словам его, а по поступкам, и особенно не считать дурными причины его действий в различных случаях. Государь обвинял себя в том, что он тоже был не прав. И все кончилось между ними наилучшим образом.

Выйдя из кабинета Государя, муж встретился с Толстым, который ничего не знал о происшедшем и был крайне удивлен. Он спросил у Государя, по какому случаю был у него граф Головин. Государь, не желая вовлечь графиню Толстую в какую-нибудь историю, ответил, что он встретил мужа на прогулке и предложил ему зайти. В тот же вечер Государь рассказал об этом Толстой, но она ответила, что предосторожность его Величества была бесполезной, что она не скрывает от мужа чувств, которые она сохранила к своим друзьям, и что если граф Толстой был неблагодарен и несправедлив, то это не причина, чтобы и она была такой же.

Я поручила тоже Толстой заявить о моем прощальном представлении ко двору. Императрица Елизавета выразила желание принять меня вместе со всеми, но графиня Толстая сказала ей, что было бы справедливым принять меня в особой аудиенции. Ее Величество согласилась под условием, что Толстая также приедет со мной.

Я отправилась в кабинет Ее Величества в семь часов вечера. Я была взволнована до глубины души. Нет ничего ужасней, как носить маску, когда совсем не заслужил этого. Рядом с Государыней была ее сестра принцесса Амелия, которую принцесса-мать оставила в Петербурге. Разговор был незначительным и носил оттенок стеснения. Эта сцена, очень тяжелая для меня, продолжалась около получаса. Я сказала Толстой, что довольно

было злоупотреблять позволением Императрицы и что мне пора уходить. Ее Величество сказала мне несколько слов относительно моих проектов путешествия. Я простилась с ней и ушла, чувствуя себя более несчастной, чем когда я пришла. Если бы она могла прочесть в моей душе, она пожалела бы о совершенной ею несправедливости.

Но оставим это тяжелое время, которое я должна вспоминать с благодарностью. Оно показало мне всю величину моей привязанности к Императрице, и я узнала, как много может вынести преданное сердце. Было бы трудно мне перемениться. Я слишком хорошо узнала Императрицу, чтобы разлюбить ее. Я лучше согласилась бы вдвойне страдать, чем потерять чувство, которое я к ней питала. Оно было необходимо моему сердцу. Ее обманули, все обстоятельства, казалось, содействовали тому, чтобы приписать мне самую ужасную вину. Государыню окружили мои враги, и мое добровольное и одновременно вынужденное молчание предоставляло свободное поле действий моим недоброжелателям.

Надо было отправиться в Павловск, чтобы проститься с Императрицей-матерью. Я обедала там, как это было принято. Во время приема Императрица Елизавета подошла ко мне с холодным видом и сказала мне:

— Мне кажется, что графиня чувствует себя хорошо сегодня.

Ее вид оскорбил меня.

— Действительно, — отвечала я, — я чувствую себя гораздо лучше с того момента, как у меня явилась уверенность в том, что я уеду отсюда.

Так мы простились.

Накануне моего отъезда графиня Строганова заехала проститься со мной.

Я проводила ее после визита, и мы остановились у окна. Улица была наполнена всякого рода экипажами. Направлялись в театр, находившийся против моего дома. В то же время следовало похоронное шествие, среди четырех рядов карет, спешивших и старавшихся разъехаться. Это была поразительная картина: нетерпеливое стремление наслаждаться и неизбежный конец.

В то время как мы наблюдали этот контраст, до нас долетели звуки священных песнопений из домовой церкви моей матери, где служили напутственный молебен.

Все это могло навести на размышления и расположило графиню Строганову сообщить мне свои мысли и горячо уверять меня в том, что она жалеет о моем отъезде и будет вспоминать меня.

— Я буду говорить с вами, — ответила я, — с откровенностью умирающей. Разлука во многом походит на смерть. Можно ли знать наперед, удастся ли увидаться? У себя в доме вы позволяли моим врагам рассказывать несправедливые вещи про меня. Вы не можете этого отрицать.

— Но я ничего не говорила про вас.

— Вы терпели эти оскорбительные для меня речи и никогда не защищали меня, тогда как вы вполне уверены, что я их не заслуживаю. Я не питала к вам злого чувства за это и не платила тем же. Визиты Государя к вам доставили повод многим разговорам. Я защищала вас и заставляла молчать всех, кто мне говорил об этом.

IV

Мы уехали из Петербурга восьмого июня 1802 года после обедни. Все наши люди плакали. Я старалась, насколько возможно, скрыть это от матери. Толстая

провожала нас до Ропши, Императорского имения, где мы провели целые сутки. На следующий день, рано, мы отправились в путь, нежно простившись с Толстой. Я ехала в карете вместе с матерью, с моей младшей дочерью шести лет и сестрой, ее гувернанткой Генриеттой, которую моя мать очень любила. В другой карете был мой муж со старшей дочерью, гувернанткой и хирургом. Потом ехали две горничных и двое слуг.

Я не буду говорить об Эстонии, ни об ее диких жителях, говорящих на непонятном языке и не имеющих облика человеческого. Мы провели тридцать шесть часов в Нарве, чтобы дать отдохнуть моей матери. Все мои заботы были отданы ей, и я очень боялась, как бы ее нервные припадки не повторились в дороге. Иногда мы продолжали наше путешествие и ночью, останавливаясь только в больших городах. Я вспоминаю, что, проезжая через маленький городок в Ливонии, я услыхала похоронный звон. Я увидала готическую церковь в виде башни, вырисовывавшуюся в туманном небе. Ветер громоздил облака; все в природе говорило о смерти. Немного далее я увидала печальную процессию, медленно шествовавшую с гробом к кладбищу, чтобы положить покойника в его последнее жилище. Я старалась скрыть это печальное зрелище от моей матери и успокоилась только тогда, когда мы выехали на большую дорогу.

Мы остались на два дня в Риге, погода была великолепной, и я осматривала город вместе с г-жой Больвилье, дочерью г-жи Убриль, старой знакомой моей матери, которая с удовольствием увиделась с ней. Г-жа Убриль занимала мать во время моего отсутствия. Я выстояла обедню для матери, потом срисовала великолепный вид с моста, и, увидев на обратном пути в гостиницу католическую церковь, я спросила у моей спутницы, можно ли туда войти сейчас.

— Всегда, — ответила она, — её никогда не запирают.

Я была поражена бедной простотой этой церкви. Священник стоял на коленях, погруженный в умственную молитву. Невольно я тоже опустилась на колени, устремив взор на большой крест, стоявший на алтаре. Тишина и спокойствие, окружавшие меня, наполнили мою душу небесным чувством. С сожалением я встала, чтобы уходить. Священник также встал. Я спросила у него, нельзя ли получить маленьких образков. Он принес мне их. Я предложила ему деньги, от которых он отказался, и я опустила их в церковную кружку. Я возвратилась домой с внутренним спокойствием, которого я давно не испытывала.

Я никогда не забуду этой церкви.

В Кенигсберге мы остановились в гостинице Золотого Орла. Я увидала слуг, одетых в траур, и узнала, что португальский посланник де Низа, уехавший из Петербурга на несколько дней раньше нас, остановившись в этой гостинице, заболел оспой и умер. Возвращались с его похорон. Мы ночевали в комнате, находящейся рядом с помещением, которое он занимал. К счастью, никто из нас не боялся ни оспы, ни привидений.

Я спала в кабинете вместе с младшей дочерью, рядом с комнатой моей матери. На стенах нашей комнаты было два больших портрета во весь рост и в натуральную величину: Фридриха II и его отца. Моя крошка не могла заснуть, беспрестанно повторяя:

— Мама, я не могу закрыть глаз: у этих двух королей такие большие глаза, и они все смотрят на меня.

Железная доска, в которую в Кенигсберге ударяют для обозначения часов, совершенно лишила меня сна; но моя мать спала, и этого было достаточно для меня, чтобы быть покойной. На следующий день мы уехали после обеда, и среди великолепной ночи мы проезжали

через прекрасные леса Пруссии. Луна чудно светила, и на этот раз мне не так докучала медленность прусских почтарей. Прислонясь к окну кареты, я дышала чистым воздухом и смотрела на длинные тени деревьев и любовалась мягким светом луны, отражавшимся в чаще дубов. Дорога была песчаной и почтари шли пешком; по временам они трубили в рог и звуки вызывали далекое протяжное эхо; вокруг меня все спало и я бодрствовала наедине с моим сердцем.

Как ни чувствуешь себя несчастным в своей стране, нельзя равнодушно покинуть ее. Оттуда вырываешь себя, а не уезжаешь, и всегда чего-то не хватает счастью, которым наслаждаешься вне ее: родных могил, родины и отечества, так близкого сердцу.

За два дня до приезда в Берлин моя старшая дочь захворала. Прибыв туда, мы ее уложили в постель. Горячка проявлялась в тоске: все предвещало тяжелую болезнь. Пригласили доктора Гуффеланда; его лечение и наши заботы помогли больной, и она, казалось, стала поправляться. Но все-таки невозможно было оставаться в гостинице, где постоянный шум табльдота, приезжавших и уезжавших, а также пение, продолжавшееся до поздней ночи, совершенно не давали нам покоя. Мы искали помещения и нашли его в частном доме, на Липовой Аллее. Мою дочь пришлось перенести туда на носилках, и так как она чувствовала себя лучше, то эта переправа очень забавляла ее. Но через два или три дня она захворала еще сильнее. У нее открылась нервная горячка самого острого характера. Мое беспокойство достигло крайней степени, муж был в отчаянии, и я старалась, насколько возможно, скрыть опасность, которую я так ясно видела. Понимая в пульсе, я отдавала точный отчет Гуффеланду в переменах болезни. Пульс стал перемежающимся; беспокойный бред возобновлялся

каждый вечер. Я проводила ночи около дочери, и душа моя страдала больше, чем мое бедное тело. Нравственная боль заглушает физическую, но что меня особенно утомляло, это дыхание моей дочери. Я дышала так же, как она, не будучи в состоянии воспрепятствовать этому.

Я просила доктора признаться мне, насколько велика опасность. Он сказал, что она была очень сильно больна и что он видит только одно средство: ванну. Если она вынесет ее без конвульсий, то есть надежда, но при малейших нервных судорогах все будет кончено.

Я скрыла это печальное и тягостное опасение от матери и мужа, и мы условились с Гуффеландом, что ванна будет приготовлена без промедления.

— Я отправляюсь сейчас к королеве, — сказал он, — от нее я приеду прямо к вам.

Я предложила матери прогуляться с моей младшей дочерью и Генриеттой. Я села у письменного стола перед постелью моей дочери, в то время как гувернантка и обе горничные готовили ванну. Я подперла лицо руками, не имея мужества повернуть голову в сторону дочери. Мой взгляд упал на «*День Христианина*», книгу, которую учитель моих детей, аббат Шанкло, подарил мне на память при отъезде. Я открыла ее и увидала следующие строки:

«Боже, я хочу того, что Вы хотите, потому что Вы этого хотите и так же, как Вы этого хотите».

Эти слова были для меня Божественным светом и приказанием покорности. Я повторяла эту молитву несколько раз со все возрастающей горячностью и достигла такой силы в принесении Богу этой внутренней жертвы, что упала на колени. Холодный пот выступил у меня на лбу.

Когда принесли ванну, я встала и бросилась в другую комнату: рыдания душили меня. Дрожа, я закрыла

дверь и приложила глаз к замочной скважине. Я видела, как опускали мою дочь в ванну: ее спутанные волосы и открытый рот еще более увеличивали ее худобу. Внутри меня все упало.

Едва она села в воду, как я услыхала ее слова:

— Боже, как хорошо я себя чувствую. Можно мне остаться в воде?

Эти слова произвели на меня невыразимое действие. Я была вне себя и выбежала навстречу подходившему Гуффеланду. У него вырвалось радостное восклицание, когда он услыхал меня.

— Это чудо! — сказал он.

В это тяжелое для меня время я каждый вечер садилась у окна, чтобы дышать тихим и чистым воздухом ночи. В темноте я слышала шаги гуляющих и звуки шарманки, сопровождаемые чистым звучным голосом. Скорбь сердца так безусловна, что все не относящееся к ней делает ее еще более острой и мучительной.

Наконец моя дочь совершенно выздоровела, и радость заступила на место самой жестокой тоски.

V

Я отправилась на чай к баронессе Крюденер[193], жене нашего поверенного в делах, доброй и превосходной

---

[193] Крюденер Варвара-Юлиана (1764–1824), урожденная Фитингоф. Дочь лифляндского губернатора, внучка фельдмаршала Миниха. Была замужем за бароном Бурхардоме-Алексеем-Константином Крюденером (ок. 1744–1802), бывшим последовательно посланником в Венеции (1784), Копенгагене (1786), в Мадриде (1796) и Берлине, где он и умер в 1802. Овдовев, баронесса странствовала по Европе, жила в Швейцарии, Италии, Дании, Германии, занялась литературным творчеством. Написала роман, рассказы, стихи, записки, проповеди и дневники(1796–1821).

женщине, засвидетельствовавшей мне трогательное участие. При втором моем визите к ней я застала у нее гостей: пожилую особу, добрую и любезную баронессу Лефорт, мать г-жи де Серторис, камер-фрау княгини Луизы Радзивилл[194], графиню де Неаль с дочерью, первая была дама свиты принцессы Прусской, супруги Фердинанда Прусского, вторая — дама свиты княгини Луизы. Они все были очень предупредительны со мной. Баронесса Крюденер была подругой княгини Барятинской, матери графини Толстой. Она подошла ко мне и много говорила со мной о семействе моей подруги, об ее истории с мужем и о письме, которое ей написала Императрица, приглашая вернуться в Россию. Она пыталась заставить меня разговориться, стараясь узнать, действительно ли я была причиной разлада семейства Толстых и в полной ли я немилости у Императрицы. Я не удовлетворила ее любопытства ни в чем. Я слушала ее, но с таким видом, чтобы дать понять ей, что я не дарю своего доверия первому встречному в городах, через которые я проезжаю.

Графиня де Неаль заехала ко мне пригласить меня прогуляться в Бельвю, имение и замок, в котором жила принцесса Прусская с дочерью и двором. Я приняла это предложение и поехала туда к ней. Мы гуляли в довольно красивом саду, но в котором нет ничего замечательного, кроме цветов, которые разводит сама принцесса. Когда проходили мимо дворца, на балконе я увидала принцессу, она сошла вниз и очень любезно пригласила меня зайти к ней. Я познакомилась с княгиней Луизой, милой, умной женщиной, полной прелести. Я видела также ее брата принца Луи. Принцесса

[194] Луиза, дочь принца Фердинанда Прусского, младшего брата короля Фридриха II. Вышла замуж за князя Антона Радзивилла.

провела меня в апартаменты ее сына, он с замечательным талантом играл на клавесине. Через некоторое время я простилась с Их Высочествами. Я ничего не говорю про самого принца Фердинанда, чтобы избежать смешных и глупых подробностей. У его младшего сына довольно красивое лицо, но он неприятен и пошл.

Княгиня Луиза сама зашла ко мне на другой день, чтобы спросить меня про здоровье дочери и пригласить к себе на вечер следующего дня. Когда я пришла к ней, она сидела одна в очень маленьком кабинете и вышивала на пяльцах. Мы много и очень приятно разговаривали. Разговор, не основанный ни на доверии, ни на особом интересе, должен носить отпечаток естественности и известной непринужденности. Княгиня Луиза располагает этими качествами. Она ведет разговор с деликатностью и тактом, придающими ему приятность и прелесть: милые пустяки, составляющие достояние хорошего общества.

Во время нашего разговора я заметила, что княгиня иногда тревожно прислушивалась к какому-то шуму, который был слышен по временам. Я узнала потом, что ее мать постоянно находилась на стороже. Эта принцесса была очень требовательна и ревновала к знакам уважения, которое оказывали ее дочери. Княгиня Луиза боялась, чтобы она не пришла нас прервать. Ее дети прелестны, в особенности маленькая девочка по имени Пулу, впоследствии умершая.

Выздоровление моей дочери шло долго. Мы пробыли около двух месяцев в Берлине. Я часто виделась с княгиней Луизой за это время, а у ее матери была только перед отъездом, чтобы проститься. Я не хотела представляться ко двору, не чувствуя склонности к туалету и к стеснениям.

VI

Сезон вод уже прошел, и мы решили прямо отправиться в Париж. Мы провели три дня в Лейпциге во время ярмарки. У нас было прелестное помещение, где моя мать чувствовала себя хорошо. К моей дочери заметно возвращались силы. Я осматривала гулянья и лавки вместе с мужем и младшей дочерью, приберегая на следующее утро прогулку, особенно интересную для меня. На другой день я встала рано утром, взяла с собой альбом для эскизов и отправилась вместе с Генриеттой и слугой, бывшим при квартире, на розыски дома, где умерла г-жа де Шенбург. Накануне своей смерти она приказала отнести себя на террасу, покрытую цветами, которые она велела собрать для своей матери.

Я видела эту террасу и цветы: это были уже другие, но, быть может, они расцвели на тех же стеблях. Они привлекли мое особое внимание, и я не могла оторвать от них глаз. Я чувствовала, что моя душа совершенно переполнена. Смерть может похитить у нас кого мы любим, но выражение чувства угаснет только вместе с нами.

Я с трудом оторвалась от этой террасы и пошла срисовать вид с моста, перекинутого через ров, которым окружен город. Зубчатая стена была великолепна освещена. Облокотясь на перила, я пыталась срисовать ее, когда незнакомый голос, обращаясь ко мне, сказал:

— Сударыня знает по-французски?

Я обернулась и увидела человека, повторившего тот же вопрос. Я ответила утвердительно.

— Позвольте вас предупредить, — продолжал он, — что часовой и солдат, которые стоят там, принимают вас за французского шпиона и постараются ознакомиться с планом, который вы снимаете.

Я поблагодарила незнакомца, уверяя его, что я ничего не боюсь. Я спокойно продолжала свою работу, из предосторожности только подошла к часовому, чтобы он мог удостовериться, что мне нечего было скрывать. Действительно, по моему спокойному виду он убедился, что я не делаю ничего подозрительного, и меня больше не беспокоили.

Мы проезжали по Верхней Саксонии в прекрасную погоду. Эта страна великолепна. Пройдя целую ночь, почтари остановились около красивого домика, помещавшегося на краю большого леса. Мы вошли в этот дом, состоявший из трех или четырех комнат и владельцем которого был один крестьянин. Гостиная была украшена несколькими портретами, так странно нарисованными, что они вызывали удивление. Каждое лицо было изображено только с одним глазом, господин смотрел в зрительную трубу, дама держала перед собою попугая так, что он заслонял ей глаз, у другой то же самое производила ветка розы, наконец, третья закрывала глаз лимоном. Это была семья кривых.

Мебель была обита ковровой материей, на которой был изображен брак Товия. Наружная стена дома была покрыта шпалерами персиков и винограда. Я пошла прогуляться в лес с мужем и младшей дочерью; желая пройти часть пути пешком, мы приказали, чтобы экипажи нагнали нас, когда они будут готовы. Едва мы прошли сто шагов, нам попался огромный дуб с необычайно толстым стволом. Вокруг него была устроена скамья, предназначенная, вероятно, для отдыха путешественников. Над скамьей кора дуба была покрыта надписями на всех европейских языках. Сколько имен и различных мыслей начертано там; какие различные намерения внушили здесь оставить воспоминание лицам, которые никогда не видели друг друга и, вероятно,

никогда не увидятся. Этот лес привел меня в восхищение. Я видела, как солнце поднималось из-за гор и его блестящие лучи обливали их всеми цветами опала.

Красоты природы имеют огромную власть над нами; надо быть лишенным их, чтобы оценить, какое он для нас имеет значение. Восхищаясь чудесами творения, трудно забыть о Творце, и все, что может привести нас к Нему, есть главное из благ.

Тюрингия — красивая страна, хорошо обработанная. Проехав через нее, мы отправились во Франкфурт, куда и приехали вечером. Мы остановились в большом павильоне, окруженном садами. Ярмарка только что началась и нас предупредили, что мы не получим лошадей ранее, как через три дня, ввиду большого стечения народа, наполнявшего в это время город. Старый граф Нессельроде[195] тотчас же сделал нам визит, рассказал нам массу новостей, предложил мне свои услуги и вызвался сводить меня на ярмарку. Мы все отправились туда на следующий день.

Лавки устроены внизу квадратной площади, окруженной многоэтажными домами. Туда входят через особую калитку. Магазины прекрасны и в изобилии снабжены парижскими товарами. Я купила книг и альбом оригинальных рисунков в магазине Артария. Я не буду подробно говорить ни о Дармштадте, ни о прекрасном местоположении Гейдельберга, ни о других городах, которые я лучше видела на обратном пути, и между ними Раштадт. Уезжая из последнего, я с живейшим интересом посмотрела на дорогу, ведущую в Карлсруэ, постоянную резиденцию вдовствующей

---

[195] Нессельроде Вильгельм-Карл (1724–1810), служил в Австрии, Голландии, Франции, Пруссии и, наконец, в России; был русским посланником в Лиссабоне. Отец канцлера графа Карла Нессельроде.

принцессы Баденской. Я избегала ее из чистой скромности, боясь, что, если я буду представлена ей, это повлечет за собой различные предположения. Я также не хотела, чтобы Императрица Елизавета могла подумать, что я желала объясниться с ее матерью.

Также вечером мы приехали в Страсбург. Въехав во двор отеля Духа, где мы должны были остановиться, я увидела, как какая-то дама поспешно подошла к моей карете и открыла дверцу. Каково же было мое удивление, когда я узнала г-жу Кушелеву[196], интересную особу, которую я нежно любила. Я стремительно бросилась в ее объятия в восхищении, что вижу ее. Всегда испытываешь удовольствие, встречая соотечественников за границей.

Мы провели вместе четыре дня. Наши помещения были разделены только запертой дверью, и мы открыли ее с общего согласия. Вместе с г-жой Кушелевой был ее сын. Тогда он был прекрасным молодым человеком. Он служил мне как чичероне и показал мне город, собор, памятник маршалу Саксонскому и рыцаря вместе с его дамой в гробах, наполненных винным спиртом. К несчастью, с тех пор молодой Кушелев очень переменился. Он ускорил смерть своей матери бесчисленными огорчениями.

Рядом с нашим помещением, с другой стороны, жила герцогиня д'Эсклиньяк, побочная дочь принца Ксавье и сестра шевалье де Сакса, убитого на дуэли князем Щербатовым. Я слышала, как она спорила со своей горничной тоном маркизы из комедии, а та отвечала ей, как настоящая субретка:

---

[196] Кушелев Григорий Григорьевич (1754–1833), граф, один из фаворитов Павла I. В 1798 произведен в адмиралы и назначен вице-президентом Адмиралтейств-коллегий.

— Mademoiselle, вы не правы!

— Герцогиня ошибается, и т. д...

Я рассталась с г-жой Кушелевой, надеясь с ней увидеться в Париже. Мы в течение часа поднимались на прекрасную Савернскую гору, очень разнообразную в отношении природы. Вид, открывающейся с ее вершины, очень богат.

VII

Как только я въехала во Францию, желание видеть г-жу де Тарант стало чувствоваться живее. Мы ехали теперь гораздо скорее. Езда на почтовых во Франции превосходна, почтари услужливы и аккуратны. Я находила гостиницы превосходными: хорошие обеды, хорошие вина, проворные слуги, добрые и веселые люди. Только в Нанси или в Мо я заметила проявление революционного духа. Прогуливаясь в одном из этих городов, пока меняли лошадей, я встретила двух или трех молодых людей, которые закричали мне:

— Ай, ай, теперь больше не носят шлейфов, потому что больше не существует пажей, чтобы носить их!

— Вы ошибаетесь, господа, я не француженка, я — русская; мы не проливали кровь своих монархов.

Они замолчали и поспешили удалиться.

Мы подъехали к заставе Парижа в два часа ночи. В то время как осматривали наш паспорт, я услыхала прелестную музыку: на лужайке танцевали контрданс. Я попросила у моей матери позволения пересесть в карету мужа, а на мое место посадить старшую дочь. Мою душу осаждала толпа различных чувств. Сердце радостно билось при мысли, что я увижу г-жу де Тарант, и от волнения перед этим великим городом.

Проехав ворота Сен-Мартен, много мыслей и воспоминаний возникло в моей душе. Я вспомнила все то, что

слышала от моего дяди, который провел столько лет в этом огромном городе. Идея революции, шум, крики, грохот телег, бубенчики лошадей, бродячие музыканты, эта масса народа, который не идет, а бежит, стремится, крики разносчиков и совокупность тысячи вещей, очень незначительных в отдельности, произвели на меня совершенно особенное впечатление.

Только там действительно видишь суету и волнение мира. Мы проехали через мост Рояль в Сен-Жерменское предместье, особый квартал, где находятся старинные дома дворянских семейств. Въехали на улицу дю Бак, не зная, куда направиться. Какая-то добрая женщина указала нам дом Кассини на улице де Бабилон. Мы постучались в большие ворота под домом, они открылись, и мы увидали красивый квадратный двор, украшенный шпалерами винограда. Мы увидели освещенное помещение. Камердинер и два лакея вышли нам навстречу с фонарями. Муж с детьми и с моей матерью направились в дом. Я осталась на дворе, ожидая г-жу де Тарант, находившуюся в двух шагах у г-жи де Люксембург. Ее пошли известить.

Это было 3 октября. Была темная и теплая ночь. Ворота открылись, г-жа де Тарант поспешно вошла, и мы бросились в объятия друг друга.

— Что вы делаете здесь? — спросила она.

— Дожидаюсь вас, — отвечала я, — чтобы вы сами показали мне, как позаботилась о нас ваша дружба. Я буду наслаждаться вдвойне.

Ужин был сервирован с изящной простотой. Помещение матери было в нижнем этаже, и она казалась довольной. Мое помещение, а также мужа и детей было на антресолях, очень красиво устроенное. Мы были очень довольны, что всем обязаны нашему превосходному другу. Только она одна не находила все достаточно удобным.

Глава одиннадцатая. 1802

I

На другой день я увидала наш красивый маленький сад. Потом г-жа де Тарант поспешила познакомить меня со своими родными. Герцогиня д'Юзес, ее сестра, была в Париже вместе со своим мужем, которого я видела еще в Петербурге, когда он приезжал туда, провожая г-жу де Тарант из Лондона. Герцогиня де Шатильон находилась в замке Видевиль в восьми лье от Парижа. Она приехала через день вместе со своей внучкой, м-ль д'Юзес. Я поехала ей навстречу до Версаля. Она дружески приняла меня и подарила мне букет цветов из ее сада.

Через два дня граф де Караман, друг моего дяди, сделал нам визит и привел с собой трех дочерей: виконтессу де Сурш, виконтессу де Водрейль, графиню де Барши и свою внучку м-ль де ла Фарра. Мы быстро познакомились, и через час мы чувствовали себя так же легко, как если бы мы были знакомы всю жизнь. Г-жа де Сурш обратила на это мое внимание.

— Очень просто, — отвечала я, — мне недоставало только соприкосновения с вами.

Г-жа де Тарант привела меня в отель де Шаро. В это время там жили только графиня де Сент-Альдегонд и графиня де Беарн. Маркиза де Турцель, их мать и их сестра, герцогиня де Шаро находились в деревне. Г-жа де Сент-Альдегонд приняла меня с простотой и естественностью, быстро разрушающей чувство неловкости при первом знакомстве. Но г-жа де Беарн во все время визита сохранила холодную вежливость с оттенком наблюдательности. Я редко встречала лиц, более интересных и добродетельных.

Г-жа де Шатильон и г-жа де Тарант отвезли меня к г-же де Клермон, к принцессе де Тэнгри и к графине де Люксембург, жившей в одном доме со своей сестрой, графиней де Монморанси-Танкарвиль. Мы были также у герцогини де Жевр, последней из рода Дюгесклен, у герцогини де Бетюн, тетки по отцу г-жи де Тарант, там жила ее внучка Евгения де Монморанси.

Герцогиня де Бетюн приняла меня в своей малиновой спальне. Она сидела в большом кресле. Рядом с ней была шифоньерка, а на коленях у нее мопс.

Я познакомилась также с графиней де Шуазель и с графиней де Серан, ее сестрой. Число моих знакомых с каждым днем увеличивалось. Везде с интересом принимали подругу г-жи де Тарант. Г-жа де Турцель возвратилась из имения с остальным семейством. Герцогиня де Шаро тотчас же приехала ко мне и очень предупредительно пригласила меня к ней в пятницу, день, в который принимала ее мать.

Эта интересная и почтенная семья собралась в одном доме. Я была там с г-жой де Тарант и видела много дам прошлого режима, между прочими герцогиню де Дюрас, принцессу де Шиме, ее подругу в течение сорока лет, и принцессу де Леон, belle-soeur г-жи де Танкарвиль.

В это время Бонапарт был первым консулом, и у него был двор в Тюэльри. Общество, в котором я вращалась, было ярким контрастом с тем, которое можно было встретить за мостами. Это была квинтэссенция старинного дворянства, сохранившего свои убеждения и пострадавшего от революции. Душа и сердце отдыхали среди этого редкого общества; ум наслаждался тем, что его окружало; тон, прелесть и, в особенности, принципы привлекали, очаровывали и заставляли испытывать наслаждение верности вместе с самой естественной любезностью.

Со мной обращались, как с сестрой, в отеле де Шаро и у де Караман. Друзья той и другой семьи осыпали меня любезностями. Мое самолюбие могло бы быть польщено, если бы у меня было время об этом подумать. Но моя душа была слишком глубоко тронута, чтобы я могла думать о себе.

Граф Марков[197], наш посланник в Париже, заявился ко мне, чтобы спросить, какого *шестнадцатого*[198] я желаю представиться первому консулу.

— Вы меня удивляете, — отвечала я. — Неужели вы думаете, что я отправлюсь ко двору этого короля Пето? Я приехала сюда вовсе не для того, чтобы унижаться.

— Да, но если вы не будете представлены, это будет очень заметно. Все ваши соотечественники были представлены; англичане, поляки, немцы — все представляются при приезде.

— Хотя бы и китайцы были в их числе, я все равно не буду представляться.

— Вы нанесете вред г-же де Тарант; подумают, что это она советует вам так поступать, и у вас будет столько неприятностей, что вам придется уехать из Парижа.

— Я уеду с удовольствием, если это понадобится для того, чтобы доказать мои убеждения; что же касается г-жи де Тарант, то с ней ничего не может случиться, кроме того, что, может быть, придется уехать из Франции, что она и сделает без большого огорчения.

Граф Марков, видя, что он не добьется ничего, смолк, беспокоясь, что его будут спрашивать обо мне и, быть может, выйдут неприятности.

---

[197] Марков Аркадий Иванович (1747–1827), граф, дипломат, член Коллегии иностранных дел с 1786. В 1801–1803 был русским послом в Париже.

[198] Бонапарт принимал желающих представиться ему 16-го каждого месяца. *Примеч. авт.*

II

Мой экипаж был закончен. Это была красивая двуместная карета, с английской упряжью. Ливрея моих лакеев была трех цветов: голубого, красного и черного, ушитая галунами; шляпы были переделаны по-французски, с плюмажем цвета моего герба. Случилось, что эта ливрея оказалась похожа на ливрею лакеев французского короля. Она производила впечатление на людей, оставшихся верными королю. Тогда кареты редко попадались на улицах; ливрей совершенно не существовало; боялись сенсации, какую они могли произвести на улицах. Но я решилась всем бравировать.

Я села в карету и в сопровождении двух высоких лакеев отправилась делать визиты моим соотечественникам. Проезжая через улицу дю-Бак, я видела проявление радостных чувств народа; женщины взбирались на первое попавшееся около дома возвышение, крестились и кричали:

— Вот хорошее время возвращается!

Я проехала через мост Рояль, пересекла площадь Людовика XV и остановилась на Елисейских Полях у двери г-жи Дивовой[199].

Она видела, как я подъехала, и была изумлена, что у меня хватило мужества в приличном выезде показаться на улицах Парижа.

— Боже мой! Неужели вас никто не оскорбил? — спросила она.

— Наоборот, я вызывала восторг.

— Андрюша, мой друг, — сказала она мужу, — закажи завтра ливреи для выезда.

---

[199] Дивова Елизавета Петровна (1762–1813), урожденная Бутурлина, была замужем за Андрианом Ивановичем Дивовым (1747–1814), корнетам конной гвардии, впоследствии тайным советником.

Марков тоже последовал моему примеру. Я принимала много визитов у моей матери, к которой относились с крайним вниманием и любезностью. Ее помещение ей очень нравилось. Ей достаточно было открыть дверь, чтобы очутиться в саду. Терраса была покрыта розами. Здоровье матери бесконечно улучшилось. Нервные припадки совершенно покинули ее со времени нашего путешествия.

Я почти каждое утро ездила к моим новым друзьям и, в особенности, в отель Шаро вместе с г-жой де Тарант. Обыкновенно я завтракала там. Полина де Беарн, наконец, нарушила свою холодность; можно сказать, что ее сердце сдерживалось только для того, чтобы сильнее броситься навстречу моему. Я любила ее больше, чем ее сестер, хотя они все были превосходны и очень любезны. Но трогательный, ласковый вид Полины, ее такт, все, что с ней случилось во время революции, увеличивали очарование, внушаемое ею. У нее было трое детей: две прелестных девочки, из которых старшая умерла после моего отъезда из Франции, и младшая — моя любимица. Дети г-жи де Сент-Альдегонд были гораздо старше и подружились с моими детьми.

Я сделала прогулку по магазинам, представляющим в своем роде единственное разнообразие и богатство. Достаточно только пожелать и открыть кошелек, чтобы найти все, что только можно потребовать. Г-жа де Шатильон предложила мне однажды отправиться к некоему Закку, державшему постоянно английские товары. Почти следом за нами туда вошла высокая дама с красивой фигурой. Я спросила ее имя и узнала, что это была г-жа де Медави. Тотчас же я переменилась в лице и почувствовала себя взволнованной. Я вспомнила, что Императрица Елизавета говорила мне про г-жу де Ме-

дави, которую она часто видела у принцессы, своей матери, вместе с другими эмигрантами. Императрица Елизавета с особой прелестью, свойственной только ей, часто забавлялась, подражая реверансам г-жи де Медави. Было вполне естественно, что вид этой особы произвел на меня впечатление и возвратил меня к прошлому. Магазин, товары, все исчезло в моих глазах. Я видела только Великую Княгиню Елизавету. Как немного нужно, чтобы воскресить тяжелые воспоминания.

Я проводила прелестные вечера с моими новыми знакомыми. Я виделась с ними ежедневно, и это стало для меня необходимой привычкой. Воскресенье было для меня особенно священным. Утром я отправлялась в Сен-Сюльпис, одну из лучших церквей Парижа. Многочисленное духовенство служило там мессу, при пении прекрасных голосов и под аккомпанемент органа. Аккорды и фуга обладают особой гармонией, и кажется, что она воспевает Славу Божию. Я не могла наслушаться и налюбоваться на молитвенное настроение, царившее вокруг меня.

Однажды, когда я была там как обыкновенно, я увидала двух дам, закрытых вуалями и стоявших на коленях. У них были самые красивые фигуры в мире, но их лица были закрыты и они были погружены в молитву. Они обе причастились, потом вернулись на свое место, и я так и не могла их разглядеть. После мессы я остановилась на церковном крыльце, около моей знакомой старой женщины, торговавшей книгами, и седого старика, продававшего распятие из слоновой кости. Почти каждый раз я забирала у них часть их товаров, и они с радостью видели меня. Закупив и на этот раз, я собиралась садиться в карету, как вдруг я почувствовала, что меня кто-то останавливает сзади: это были те дамы, и наконец я узнала г-жу де Водрейль и де Барши, ее сестру. Я завезла их домой и отправилась на мой воскресный

завтрак к г-же де Люксембург, у которой собиралось ее семейство и семья де Турцель.

Я была представлена герцогине де Дюрас и принцессе де Шиме. Обе были придворными дамами королевы. Душа г-жи де Дюрас соединяет все, что сила и благородство характера, поддерживаемые религией, могут представить наиболее поучительного и достойного уважения. Она обладает всей непринужденностью женщины хорошего тона; она высокого роста, и у нее величественный вид. На г-же де Шиме лежит отпечаток ангельской доброты и покорности. Она худа и слаба. Контраст этих двух характеров делает еще более прочной дружбу между ними. Это как бы два вяза, выросшие из одного корня; вершины их поднимаются к небу, а ветви переплетаются между собой.

Они обращались со мной с особой добротой, и я получила от них трогательные проявления участия, которое мое сердце никогда не забудет. Г-жа де Дюрас шутила над худобой своей подруги:

— Когда я ее обнимаю, — говорила она мне, — она всегда боится, как бы я ее не переломила.

Г-жа де Дюрас была дочерью маршала де Муши, погибшего на эшафоте вместе со своей женой, проявив столько мужества. Когда он шел на смерть, он сказал своим плачущим друзьям:

— Не огорчайтесь, семнадцати лет я шел в атаку за короля; шестидесяти восьми лет я иду на эшафот за Господа Бога.

Когда его арестовали, жена его явилась сама, чтобы быть заключенной вместе с ним. Г-же де Муши отвечали, что относительно ее не было получено никакого приказания.

— Я жена маршала де Муши, — снова сказала она и, повторяя одни и те же слова, добилась того, что ее осудили.

III

Я отправилась в Большую Оперу вместе с моими друзьями и была поражена как разнообразием и элегантностью общества, так и великолепием спектакля и ансамблем оркестра. В комедии я была в ложе г-жи де Шаро и г-жи де Люксембург. Это была ложа, закрытая решеткой, находившаяся против ложи Бонапарта. Он усиленно лорнировал меня в антрактах; я оказывала ему ту же честь, и, если бы мои глаза были кинжалами, мир давно освободился бы от этого чудовища. В Опере у него в ложе было устроено вращающееся зеркало, поворачивая которое он мог видеть все, что происходило в партере.

Подъезжая к Опере, можно было заранее знать, будет ли он присутствовать на спектакле: ряд солдат находился у входа, где он должен был пройти, и маленькие окошечки, открывающиеся из лож в коридоры, все были закрыты. Он остерегался всего, только не боялся совершать преступления.

После оперы я отправлялась ужинать в отель де Шаро. Трудно быть более любезной и прелестной, чем г-жа Огюстин де Турцель, с ее солидным характером. У нее природный ум. Он ничего не заимствует и похож на ручей, увлекающий в своем течении цветы, представляя много приятного.

Два лакея приносили круглый стол, ставили вокруг четыре servantes[200] и уходили. Небольшой изысканный ужин без прислуги увеличивал веселое настроение нашего общества. На этих ужинах царила самая милая болтовня. Там не было этих нескромных свидетелей,

---

[200] Нечто вроде маленьких буфетов с приборами и тарелками. – *Примеч. авт.*

которые, уставясь на нас, казалось, завидуют каждому куску, отправляемому нами в рот.

Непринужденность необходима для приятности общества; доверие придает ему невыразимую прелесть, слова, встречаясь, соединяются, но не сталкиваются. Это красивый аккорд, приятно варьируемый.

Иногда вместе с г-жой де Тарант я ужинала в отеле Караман. Я проводила там прелестные вечера. У г-жи де Сурш очень оригинальный ум. Изысканный разговор г-жи де Водрейль отличается прелестью и добротой. Г-жа де Барши думает только о небе. Однажды она просила своего отца нарисовать рай, как он его себе представляет. Он нарисовал веселое поле, населенное пастушками с посохами и пастухами, играющими на свирелях, с барашками, с ручейками, с бутонами роз, а на облаке г-жу де Барши в парадном платье с треном, играющей на гитаре.

Не зная правил рисования, г-н де Караман обладал искусством изображать все, что он хотел выразить. В его жизни странным образом соединились счастье и несчастье. Я никогда не видала старика более веселого и заслуживающего уважения. До восьмидесяти четырех лет он сохранил все свои способности. Брак его младшего сына свел его в могилу. Он не мог примириться, что тот женился на г-же Тальен[201], женщине известной красоты и позорной репутации.

Г-жа Кушелева, приехав в Париж, сняла помещение в доме Карамана, с которым познакомилась еще в свое первое путешествие во Францию. Она предложила мне сделать визит г-же де Монтессон, принимавшей два раза в неделю. Мы отправились к ней в среду. Г-жа де

---

[201] Тереза Тальен (Кабаррус), принцесса Караман де Шимэ. Известна легкомысленным поведением.

Монтессон[202] принимала в овальной гостиной, обставленной с замечательным вкусом и полной народа. Она сидела за партией реверси. Против нее сидела княгиня Долгорукова, вся в бриллиантах, а также г-жа Замойская[203], молодая и красивая женщина, сестра князя Чарторижского. Обе только что приехали с обеда в Сен-Клу.

Они тотчас же встали, чтобы уходить. Г-жа де Монтессон хотела их проводить, но я остановила ее.

— Позвольте мне, — сказала я, — оказать честь моим соотечественницам и избавить вас от беспокойства.

Г-жа де Монтессон воскликнула;

— Княгиня! Княгиня! Вот графиня Головина не желает, чтобы я вас провожала. Сердитесь за это на нее.

У княгини был смущенный вид, а я кусала себе губы, чтобы не рассмеяться: со времени моего путешествия в Бессарабию княгиня не разговаривала и не кланялась со мной.

Когда мы собирались уходить, г-жа де Клермон оттолкнула игорный столик и подбежала к нам.

— Не правда ли, графиня, что вы не забудете мою пятницу; я считаю большой честью принять вас. Но Боже мой! Этот день княгиня Долгорукова назначила для своего бала. Вы, наверно, там будете...

— Я с удовольствием пожертвую им для вас, и, пожалуйста, не благодарите меня, я вас умоляю.

Г-жа де Клермон рассыпалась в комплиментах, я протестовала. Эта комическая сцена очень забавляла г-жу Кушелеву.

---

202 Монтессон Шарлотта-Жанна Беро де Лагэ де Риу, маркиза де (1737–1806), с 1773 морганатическая супруга герцога Луи-Филиппа Орлеанского (1725–1785).

203 Софья Чарторижская (1778–1837), замужем за Станиславом Андреевичем Замойским (Коста-Франциск-Салезий-Регинальд).

Г-жа де Монтессон состояла в тайном браке с герцогом Орлеанским, отцом *Эгалите*, без согласия на это короля. У нее было состояние, оставленное ей герцогом. Бонапарт предложил ей делать приемы и приглашать на них прежнюю аристократию и новую; но ей долго не удавалось соединить их. Она умерла после моего отъезда

IV

Госпожа де Сурш сказала мне однажды утром, когда я была у нее, что она только что приехала от г-жи Монтагю и что последняя очень занята устройством заупокойной мессы на кладбище Пикпус, где похоронены многие из ее родственников[204]. Я спросила у г-жи де Сурш, не будет ли нескромностью с моей стороны просить о разрешении присутствовать на мессе. Она взяла на себя поговорить об этом, и на другой же день я получила трогательное и любезное приглашение от г-жи де Монтагю.

Я отправилась туда с младшей из Турцелей и г-жой де Жевр. Первая ехала молиться о своем отце, вторая — о муже. Мы проехали через весь Париж и остановились у ворот ограды Пикпуса. На лице г-жи де Турцель был отпечаток скорби. Войдя в церковь, я была так глубоко

---

[204] Кладбище Пикпус находится у Тронной заставы. Двенадцать тысяч жертв там были лишены жизни. Когда эпоха террора прошла, принцесса де Сальм, потерявшая своего брата (принц Сальм-Кирбург, обезглавлен в 1794 году), пожелала купить землю под кладбищем и устроила сбор между лицами, заинтересованными, так же как и она, в том, чтобы сохранить кладбище неприкосновенным. Оскверненная церковь была снова освящена, и каждый год там служили торжественную заупокойную мессу по жертвам революции, каждый жертвовал что мог для продолжения этого религиозного обычая. – *Примеч. авт.*

взволнована, что, казалось, не вынесу этого. Все мои обыкновенные мысли были подавлены. Я видела только смерть и утешающую религию. Мои глаза с жадностью вглядывались в эти лица с выражением самой нежной покорности. Обедня началась, встали на колени; передо мною стояла герцогиня де Дюрас, потерявшая во время террора отца, мать, невестку и племянницу. Иногда рыдания прерывали по временам печальную заупокойную службу.

Посреди церкви стоял катафалк. К концу службы г-жа де Монтагю пошла со сбором. Она была бледной и слабой, слезы покрывали ее лицо, не изменяя ангельского выражения. Ее черные, живые глаза казались потухшими. Один из ее кузенов вел ее под руку. Я с трудом удержалась, чтобы не встать перед ней на колени, когда она подошла ко мне. Я положила бывшие со мной луидоры с волнением и дрожью в ее кошелек.

Как могущественно зрелище добродетели. И как я жалею тех, кто не способен к состраданию. Это единственное оправдание счастливых. Разве можно наслаждаться или оставаться равнодушным, видя страдание других?

На следующий день г-жа де Монтагю приехала поблагодарить меня. Это обстоятельство привело нас к дружбе. Я просила г-жу де Сурш отправиться вместе со мной к г-же де Монтагю. Мы поехали в предместье Сент-Оноре, на площадь Бово. Г-жа де Монтагю велела передать мне, что она сейчас окружена дельцами и не смеет просить меня подняться к ней, но что она сойдет ко мне в карету, чтобы повидаться со мной. Она сказала мне, что находится сейчас в очень большом затруднении: не хватает трех тысяч франков для уплаты за землю Пикпус, и что не видит, каким образом можно достать эту сумму, потому что все заинтересованные лица уже пожертвовали, что могли. Я сказала ей:

— Завтра один из молодых людей при посольстве едет в Петербург. Хотите, чтобы я написала своей подруге об устройстве сбора для этой цели? Можно заинтересовать Императрицу Елизавету, доброта которой неисчерпаема. Вы будете молиться за нее, и мое сердце будет переполнено радостью.

Г-жа де Монтагю обняла меня, плача.

— Как только я увидела вас, — сказала она мне, — я сейчас же почувствовала, что вы будете нашим ангелом-утешителем.

Я попросила ее написать графине Толстой и присоединить к письму описание Пикпуса де Лалли-Толландалем. Все было исполнено в точности. Срок платежа истекал в октябре, а эта история была в мае, следовательно, оставалось довольно времени. Толстая с участием отнеслась к этому поручению, и требуемая сумма была прислана к назначенному сроку. Земля была куплена, и сердце г-жи де Монтагю было переполнено радостью; установили молитву за Императрицу: это была самая приятная минута в моей жизни. Я благодарила Бога, что находилась в Париже в это время. Без помощи, которой я имела честь способствовать, земля осталась бы за правительством, церковь была бы покинута и кладбище уничтожено. Теперь же оно орошается слезами благочестивой нежности. Молитвы, полные покорной чувствительности, возносятся к Милосердому Отцу. Молятся за погибших жертв и за гонителей. Какое торжество религии! Какой верный залог для души, которая приходит положить свои чувства к подножию креста!

С этого времени г-жа де Монтагю приезжала ко мне два раза в неделю и проводила вечер со мною и г-жой де Тарант. В эти дни дверь моего дома была закрыта для всех. Вот эпизод, который она мне рассказала по поводу кладбища Пикпус.

Между жертвами, похороненными там, был некто по имени Парис, служивший у герцога де Кастри. Он оставил в нищете жену и дочь. Как только заботы и благоговейная память достигли того, что эта долина слез была освящена, м-ль Парис, в какую бы то ни было погоду, аккуратно являлась два раза в неделю на кладбище Пикпус, несмотря на то, что она жила в двух лье от этого окровавленного места, которое она орошала своими слезами. Ее проникновенный и несчастный вид обратил внимание сторожа; он сказал о ней г-же де Монтагю, та тотчас же отправилась на розыски м-ль Парис и после долгих бесплодных попыток нашла ее вместе с матерью на пятом этаже, где они занимались починкой старых кружев — их единственное средство к существованию. М-ль Парис, отказывая себе в самом необходимом, скопила пятьдесят франков на покупку земли под кладбищем. Разговор, бывший у нее с г-жой Монтагю, вполне оправдал то участие, которое м-ль Парис вызвала у нее.

Я обедала постоянно дома в комнатах матери. Обыкновенно бывали гости. Из мужчин чаще всего посещали нас гг. де Монморанси, де Турцель (муж Огюстины де Беарн), муж Полины, Оливье де Верак, де Конфлан и де Круа. Шевалье де Монморанси обладал недурным талантом к музыке. Родственники г-жи де Тарант, герцогини де Дюрас и де Жевр, принцессы де Шиме и де Тэнгри также приезжали к нам обедать. Принцесса де Тэнгри была свекровью г-жи де Люксембург.

Я уезжала из дома на несколько часов утром и поздно вечером. Остальное время я посвящала матери и моим занятиям. В мое отсутствие у матери был лекарь, живший у нас только для нее. Дети все свободное от занятий время проводили у нее, и ее компаньонка

г-жа де Мерси никогда не покидала ее. Я не могла бы ничем наслаждаться, не будучи уверена в том, что ей хорошо.

Г-жа Дивова заявилась ко мне в один прекрасный день звать меня к себе обедать вместе с Кушелевой, уверяя меня, что мы будем почти одни и никого из общества новой Франции у нее не будет. Я не хотела давать ответа раньше согласия Кушелевой, и мы отправились вместе на обед. Первой неожиданностью была герцогиня Санта-Кроче, которую мы застали там, старая кокетка шестидесяти лет, итальянка из Рима, в рыжем парике и с античной прической. Эта древняя фигура привела меня в изумление. Дивова потащила меня знакомить с ней, говоря, что я племянница Шувалова и что герцогиня де Санта-Кроче была знакома с ним в бытность его в Риме.

Едва было произнесено имя моего дяди, как эта ужасная особа бросилась меня обнимать с криками дикой радости, повторяя:

— О! Как я была счастлива с ним!

Никогда я не видала сцены более необычайной. Я вырвалась из ее объятий и убежала к Кушелевой, которая едва могла сдерживать смех. Мы обе много смеялись. Но наше удивление увеличилось, когда мы увидали, что в комнату вошла г-жа Висконти, удивительная красавица шестидесяти лет, сохранившая лицо не поблекшим и без морщин, любовница Бертье. Итальянка открыла ей свои объятия, и та бросилась в них со всем забвением нежного чувства.

Мы уселись, моя подруга и я, чтобы любоваться этим зрелищем. Они поместились в углу, напротив нас. Шептались и жестикулировали. Г-жа Висконти принимала то нежный вид, то веселый. Все обещало нам развязку, достойную этих чувствительных приготовлений.

Вошел Бертье; г-жа Висконти приняла вид жертвы; хозяйка дома и герцогиня, обе говорили ему что-то на ухо с бесподобной горячностью. Бертье постепенно приближался. Его красавица смотрела на него с томным видом. Мы сидели в первых местах, любуясь этим забавным спектаклем.

Устраивали примирение, которое было очень нетрудно произвести.

Мы с нетерпением ждали обеда в надежде, что он сильно внесет какое-нибудь разнообразие в эти любовные упражнения, но нам предстояло ничего не упустить.

За обедом мы были вместе, я и Кушелева, а наши мужья против нас, и мы упорно смотрели друг на друга. Мы красноречиво молчали; примирившиеся пожимали друг другу руки, так сильно, что на лице дамы по временам проскальзывала гримаса. Герцогиня и г-жа Дивова были преисполнены радости, что удалось произвести это трогательное единение.

После обеда поставили кофе на маленький столик. Бертье взялся разливать его. Но я не пила кофе и выскользнула в дверь. Г-жа Кушелева поспешила за мной. Мы вместе сели в мою карету.

— Поедемте, — сказала она мне, — к вам или ко мне. Я задыхаюсь! Где мы были?

— В зараженном месте, — отвечала я. — Нам нужно будет надушиться, когда мы вернемся.

Мы дали себе обещание не принимать больше приглашения на такой обед.

V

Нигде я не видала такой бедности, как в Париже. Ничто не может сравниться с нищетой этих несчастных. Г-жа де Барши, однажды, пообедав у меня, предложила

мне навестить больную женщину, жившую на пятом этаже в доме недалеко от меня. Я с удовольствием согласилась. Мы поднялись очень высоко, подошли к двери в конце длинного коридора и, открыв ее, мы увидели бедную м-ль Легран, когда-то знаменитую белошвейку, а теперь шестидесятилетнюю старуху, у которой с одной стороны рука и нога чрезмерно распухли, другая же сторона вся высохла. Она сидела перед большим холодным камином, смотрела на пустой горшок и громко молилась Богу.

Мы остановились, чтобы послушать ее. Она не видела нас и продолжала:

— Боже, долгое ли время я останусь без помощи? Нет, Господи, это невозможно. Моя нищета и смирение известны Тебе. Ты не дашь мне погибнуть и спасешь меня от голода и жажды, которые меня мучат.

Я подошла к ней и положила несколько луидоров ей на колени.

— Вот награда за веру и смирение, — сказала я.

Она смотрела на меня, не будучи в состоянии говорить. Ее потухшие глаза наполнились слезами. Она пожала мою руку, собрав небольшие силы, оставшиеся у нее.

Вид нищеты пробуждает душу. Он научает познавать муки действительных лишений. Испытывая преходящую неприятность, нездоровье, я вспоминаю м-ль Легран и многих других, единственный кров которых — небо, а жилище — жалкие обломки. Я никогда не забуду этих женщин, покрытых лохмотьями, с полумертвым ребенком в руках; в их пристальных взглядах, казалось, мелькало опасение, что больше не блеснет для них луч надежды. Я часто останавливалась на улице, подавая им милостыню. У меня были две причины: первая — утолить страдание, и вторая состояла в словах, которыми я сопровождала милостыню: «Молитесь

за Елизавету». Я чувствовала необходимость присоединять эту мысль ко всему, что я испытывала в области чистого и теплого религиозного чувства. Это было единственной местью преданного сердца.

Отправившись за г-жой де Тарант, находившейся у г-жи де Бомон, я дожидалась ее в карете у ворот. Какая-то женщина, с видом самой ужасной нищеты, подошла ко мне и сказала умирающим голосом:

— Подайте мне, добрая госпожа, ради Бога и Св. Девы! — И она показала мне свои изуродованные руки.

Я вынула шесть франков и дала ей. Она вскрикнула и лишилась чувств. Мои слуги принесли ей воды и привели ее в сознание. Я спросила у нее, что было причиной ее обморока.

— Много лет я не видала в своих руках столько денег, — отвечала она. — Я не ела два дня. Я побегу к матери, которая умирает с голоду.

Однажды после обеда мне доложили о приходе графа де Сегюр, о котором я упоминала выше. Я приняла его довольно холодно. Он старался не растеряться и говорил мне о своем житье в Петербурге как о самом счастливом времени его жизни.

— Произошло много тяжелых событий с тех пор, как я вас не видал. Я очень страдал, но у вас также была своя эпоха террора.

— О какой эпохе террора говорите вы? — спросила я.

— Царствование Павла...

— Ваше сравнение так же неуместно, как и неприлично. Можно ли сравнивать законного монарха, благородного и великодушного, с преступным деспотом Робеспьером, атаманом разбойников?

— Но после такого славного счастливого царствования, каким было царствование Екатерины II, вы должны были страдать из простого сравнения.

— Мне не надо защищать свои чувства благодарности и восхищения к покойной Императрице, но я должна отдать справедливость доблести ее сына и не могу сравнивать его со злодеями, которым повинуются некоторые из французов. Мне очень приятно видеть, что вы отдаете должное памяти покойной Императрицы. Вы были бы тем больше неблагодарны и виновны, если бы вы забыли милости, оказанные ею вам.

Де Сегюр изменился в лице. Он был послан Директорией в Вену и там написал памфлет против Императрицы. Он мог предполагать, что я знакома с этим произведением, по крайней мере по слухам. Последние слова сократили его визит, и он долгое время не пытался возобновить свои посещения. Он боялся также встретиться с г-жой де Тарант, как преступление страшится совести. У меня было доказательство. Я поехала однажды утром с г-жой де Тарант к одной ее знакомой англичанке. Она просила меня подождать в карете. Сегюр, проходя мимо, узнал меня и подошел поговорить. Через минуту он спросил меня, кого я дожидаюсь.

— Г-жу де Тарант, — отвечала я. — Она сейчас выйдет.

— Прощайте, графиня!

И он побежал дальше.

Г-жа де Тарант познакомила меня с герцогиней де Леон, делавшей приемы, отличавшиеся избранным обществом, посещавшим их, несмотря на то, что муж ее был сенатором и эта должность вводила его в круг лиц новой знати. В их прекрасных салонах собиралось только старинное дворянство. Но Талейран бывал там. Он играл с банкирами в «красное и черное».

Я с удовольствием рассматривала его, и мы долгое время смотрели друг на друга, как фарфоровые собачки. Его взгляд, подозрительный и хитрый, отличается плутовским и испытывающим выражением; его синева-

тые трясущиеся руки внушают отвращение; в общем, у него преступный вид. Я вспоминаю, как великолепно ответила ему г-жа де Режкур, о чем мне рассказала г-жа де Рур в отеле Караман.

Г-жа де Режкур была в свите Елизаветы, сестры Людовика XVI, и получила от этой принцессы состояние и положение. По одному важному делу ей надо было обратиться к Талейрану, который назначил ей день и час аудиенции.

Она немного опоздала.

— Я недоволен, что вы опоздали, — сказал ей Талейран, — я не могу долго разговаривать с вами. Но где же вы были?

— У обедни.

— Сегодня? У обедни?

Был будничный день. Г-жа де Режкур с почтительным видом поклонилась и сказала:

— Да, монсеньор.

Не надо забывать, что Талейран раньше был епископом. Он понял тонкий намек и поторопился покончить дело, чтобы не выслушать еще чего-нибудь подобного.

Г-жа де Режкур обладала большим остроумием. Принцесса Елизавета подарила ей однажды кольцо из своих волос со своими инициалами: *H. P. E.*

— Вы знаете, что это означает? — спросила она.

— Да, принцесса: *Heureuse par edle* (Счастлива ею).

В характере принцессы Елизаветы с самой ранней юности были задатки всех добродетелей. К самой трогательной доброте у нее присоединялась энергия, которая должна была со временем окрепнуть. Король, ее брат, всегда на Новый год дарил ей разные драгоценности. Она поручила г-же де Полиньяк попросить его Величество вместо драгоценностей дарить ей их

стоимость деньгами. Сама она не могла решиться обратиться с этой просьбой, находя этот вопрос слишком щекотливым. Король согласился на ее желание. Принцесса скопила порядочную сумму и употребила ее на устройство г-жи де Режкур.

В другом случае г-жа д'Омаль, также из свиты принцессы, попала в немилость и была отослана от двора. Принцесса Елизавета, такая робкая, когда дело касалось ее самой, на этот раз отправилась к Королю и просила его позволить ей по-прежнему видеться с г-жой д'Омаль, утверждая, что она не знает за ней вины и что, несмотря на уважение, с которым она должна относиться к приказам Его Величества, она не находит справедливым лишать своего доверия и милости особу, от которой она ничего не видела, кроме знаков преданности. Король нашел ее доводы вполне правильными и разрешил ей поступать, как она хочет. Принцессе Елизавете было тогда только пятнадцать лет.

Тело этой принцессы, с таким ангельским характером, погребено в саду Муссо (Монсо), принадлежавшем во время моего пребывания в Париже Камбасересу.

VI

Однажды в отеле Шаро я встретила графа Кобенцль, австрийского посланника. Он приехал приглашать на большой бал в посольстве — я также была приглашена — и предупредил нас, что там будет присутствовать как новая, так и старинная аристократия. Мы согласились, но потом, когда он ухал, мы рассчитали, что бал будет как раз двадцатого января, в годовщину смерти Людовика XVI. Это стало известным всему Сен-Жерменскому предместью, и посланник получил извинительные письма, объяснявшие причину

отказа. Граф Кобенцль был так тронут этим единодушным движением, что отложил бал на четыре дня, хотя приглашения всему начальству уже были разосланы. Этот поступок заставил нас принять его приглашение.

Я отправилась на бал вместе со своими друзьями. Выйдя из кареты, мы были встречены всеми чинами посольства. Каждый из этих господ предложил одной из нас руку, и процессией провели нас в гостиную посольства. Там кавалеры оставили нас, сделав глубокий поклон, на что мы отвечали тем же. Посланник завладел нами и ввел нас в бальный зал. Посредине стояла скамья, оставляя свободный проход вокруг нее. Довольно много места было для танцев, и музыка была расположена амфитеатром у одной из стен зала. Знаменитый скрипач, негр Жюльен, управлял оркестром. Тамбурин и флейта аккомпанировали ему. На некотором расстоянии человек отбивал такт и кричал фигуры кадрили.

Мы сели на скамью, и бал начался. Г-жа Моро, красивая, скромная и грациозная вызывала всеобщее одобрение. Ее муж, одетый простым гражданином, пожирал ее глазами. Ансамбль и точность танца доведены в Париже до смешного совершенства. Зрелище меня очень забавляло, в особенности оттого, что я находилась в кругу своих друзей.

Разговаривая с Жюстиной де Турцель, я вдруг почувствовала, что ко мне прислонилось что-то очень мягкое. Я обернулась и увидала женщину в летах, причесанную и одетую с претензией на моду. На ней было черное бархатное платье и большое количество бриллиантов. Она толкала меня своим животом, точно стул, и кричала:

— Ах, г-жа президентша! Г-жа сенаторша там в углу! Как она прекрасна! Вчера я была у нее. Как она благовоспитанна! Ну, поглядите же, как она на меня приятно смотрит!

И она кланялась, сложив губы сердечком и выпучив глаза. Я спросила у одного знакомого этих дам, господина, который знал всех присутствующих, кто была эта странная особа.

— Это г-жа Николь, — ответил он. — Два года тому назад она держала гостиницу, а теперь ее муж назначен президентом.

— А эта молодая женщина, которая довольно недурно танцует?

— Это г-жа Мишель, ее муж был знаменитым убийцей во время террора. Теперь он стал сенатором по протекции Камбасереса.

Между необычайными лицами особенно выделялась г-жа Люкчезина, жена прусского посланника. Она была высокого роста, брюнетка, с простым видом. У нее грубые черты лица и манеры пошлые и резкие. Ее ресницы накрашены черным, жилки на висках подведены голубой краской, на щеки положен румянец, и все лицо наштукатурено, как у статуи. Хотя г-жа Люкчезина была в возрасте, она танцевала без удержу. По мере того как ей становилось жарко, краски на ее лице расплывались, и к концу вечера она была похожа на размазанную палитру. Она обожала семью Бонапарта, и слезы, которые текли из ее глаз, когда она смотрела на кого-нибудь из них, растворяли черную краску ее ресниц и придавали взгляду испуганное выражение, а расплывшиеся от жара брови накладывали на ее лицо отпечаток мрачной скорби.

Я успела вдосталь налюбоваться на нее после ужина. Она танцевала гопсер с Ланским, моим соотечественником, который для потехи постарался растрясти ее как следует. Она дышала, как лошадь после крутого подъема, и сдерживала дыхание из непостижимого уважения к г-же Мюрат, сестре первого консула. По той же

причине она сидела не иначе как на краешке стула. Это стеснение во всей ее фигуре придавало ей шутовской вид принцессы из пародии. Холодное выражение свежего лица г-жи Мюрат еще более усиливало впечатление от этой странной маски.

Приглашать к ужину явились расшитые золотом метрдотели, каждый с длинной палкой, на конце которой был транспарант с номером. Было столько транспарантов, сколько сервировано столов. На каждом транспаранте стояло крупными буквами: *Ужин подан*. Мы были приглашены к столу номер один, предназначенному для аристократии прежней Франции. Зал был очень обширен; наш стол находился посредине, окруженный другими, и мы как бы царили над остальным обществом. Генералы, сенаторы, все власти прохаживались вокруг нас.

Я оставалась на балу до семи часов утра. Я не могла вдоволь налюбоваться на яркую демаркационную линию между прошлым и новым обществом, а также на то, как дамы нового правительства старались подражать манерам старинной аристократии, тогда как последняя, казалось, совсем не замечала их существования.

Глава двенадцатая. 1802–1803

I

Немного спустя после этого бала я захворала. Болезнь, подготовлявшаяся во мне в течение многих лет, проявилась от перемены климата. Семьи Турцелей и Караманов не покидали меня. Они разделили между собою время, чтобы ухаживать за мной, одни — утром, другие — вечером. Г-жа де Турцель-мать заставила меня послать за Порталем[205] и дать ему себя выслушать. Он нашел у меня засорение печени и желез. У меня очень болела голова, пульс был перемежающимся и дыхание стеснено. Мне прописали искусственные воды Виши и, как доктора, назначили Галлея, очень любезного господина и не без способностей. В течение последних дней я чувствовала себя очень плохо. Первая моя мысль была о Боге, вторая — об Императрице Елизавете. Я написала ей и запечатала письмо, предполагая отдать его г-же де Тарант, чтобы она послала ей после моей смерти. Но лекарства оказали свое действие: к концу месяца мне стало легче и я перешла к своему обыкновенному образу жизни.

Одна из религиозных церемоний, которой я наиболее была поражена в Париже, это поклонение Кресту в Великую пятницу. Г-жа де Тарант свела меня в несколько церквей. Служба происходит в подземных приделах. Освещен только крест. Священник читает тихим голосом. Все присутствующие погружены в самую глубокую

---

[205] Имение Вороново сожжено во время Отечественной войны 1812. Порталь Антуан (1742–1832), барон, французский врач, лейб-медик графа Прованского (будущего короля Людовика XVIII), в эпоху Реставрации пожизненный почетный председатель Королевской медицинской академии.

мысленную молитву. Религиозная тишина сильно трогает душу. И крест, такой таинственный, единственный предмет поклонения, страх одних и утешение других, символ спасения и надежды, возвышающий скорбь среди унижений, разрушающий кумиров сердца и рассеивающий мрак, заключает в себе совокупность истин, которые дают почувствовать нам тщету жизни.

Я люблю все, что возвышает и пробуждает душу. Париж может многое предложить для удовлетворения этой склонности, и ум не чувствует там недостатка в пище. Достаточно прогуляться по улицам, чтобы проследить целый курс морали: церкви обращены в театры; старинные родовые особняки — в магазины моды; почтенные люди, потомки знаменитых родов принуждены идти пешком по грязи; масса несуразностей, результат всеобщего переворота, поражают без конца. Переходишь от удивления к удивлению, и мысль не поспевает следить за всем, что встречается на пути.

Г-жа де Матиньон, дочь барона де Бретейль, бывшего посланника в России в царствование Екатерины II, шла однажды пешком. Это была просто ее фантазия, потому что у нее есть карета. Между улицей дю Бак и улицей де ла Планш стояли торговка овощами и торговец табаком. Случилось, что пошел проливной дождь, когда г-жа де Матиньон проходила мимо них, а в это время там проезжал в карете герцог де Прален. Увидев г-жу де Матиньон, он приказал остановиться и предложил ей занять место в его экипаже. Но говоря с ней, он не был настолько вежлив, чтобы снять шляпу. Торговка овощами была возмущена этим и закричала своему соседу:

— Посмотрите-ка, кум, это, верно, из новых, вишь, важничает. Взгляните на него: можно подумать, что шляпа у него гвоздями приколочена к голове. Это не

из тех прежних господ, которые были так вежливы и любезны с дамами.

Эта уличная сцена доказывает, насколько даже народ был поражен манерами нового режима. Герцог де Прален очень дурно вел себя во время революции и приобрел дурные привычки.

Я встретила однажды г-жу де Турцель-мать, идущую пешком в ужасную погоду. Она спокойно шла с зонтиком. Мне стало стыдно за свое удобство и что я могу обрызгать ее грязью, проезжая мимо. Я дернула за шнурок и попросила ее войти в карету.

— Я принимаю ваше любезное предложение, — сказала она, — только из-за удовольствия быть с вами. Вы думаете, мне тяжело идти по грязи? Нет, уверяю вас. Я могла бы избавить себя от этого, но, признаюсь вам, я нахожу наслаждение в лишениях, когда подумаю, что наш несчастный король живет милостынею равных ему государей.

Я отвезла ее домой и осталась в этой семье, которую я с каждым днем видела все с большим удовольствием.

II

Я много занималась живописью. Легкость доставить себе все, что имеет отношение к искусству, возбуждает и поощряет склонность. Каждый четверг Робер[206] обедал у меня и оставлял мне всегда эскиз, начатый в два часа, а в четыре уже висевший на стене моей гостиной. Частью моих познаний я обязана Роберу. Нельзя лучше научиться, как наблюдая за работой большого худож-

---

[206] Робер Юбер (1733–1808), французский живописец. Писал преимущественно античные руины, виды парков, сценки парижской жизни.

ника. Он рассказал мне свое приключение в катакомбах, так удачно помещенное аббатом Делилем в свою поэму «*Imagination*». С большим интересом слушаешь героя истории: каждый по-своему воспринимает впечатления и судит о них сообразно своему характеру и страстям.

Нет ничего прелестнее весны в Париже. С февраля месяца начинаешь наслаждаться ее постепенным наступлением. Воздух насыщен ароматами, кусты покрываются цветами. Мой дом был окружен с четырех сторон садами: сад иностранной миссии, сад Верака, сад Монако и сад г-жи де Шатильон. Первые три сада окружали мой дом и были отделены от него только каменной стеной; чтобы попасть в четвертый, мне надо было пройти через двор и пересечь улицу де Бабилон, очень узкую. Там я бывала окружена сиренью и жасмином, любовалась на цветники из роз и лилий, а в конце этого прекрасного сада я видела дом, где жила г-жа де Тарант со своей матерью.

Я любила присутствовать при туалете г-жи де Шатильон, кабинет которой носил характер доброго старинного устройства настоящей Франции. Он был наполнен маленькими картинами и сувенирами всякого рода. Я рассматривала их в то время, как Леонора, горничная, причесывала ее. Все было чисто и изящно, все отзывалось хорошим обществом, и в мелких вещах я узнавала отпечаток склонностей и характера той, кому они принадлежали.

Вечера во Франции почти всегда теплее дня. Часто я оставалась до позднего часа в беседке моей матери при лунном свете или в полнейшей темноте. Я внимала различному шуму этого огромного города. Ничто не располагает так к мечте, как далёкий смутный гул, который то увеличивается, то уменьшается, и слух невольно следит за ним.

Однажды вечером я увидала в сумерках двух женщин. Они вошли через калитку, соединявшую мой сад с садом Верака, и подходили ко мне. Я напрасно напрягала зрение, чтобы разглядеть их. Спустя минуту я услыхала голос г-жи де Лакост и пошла навстречу ей.

— Вот я вам привожу г-жу де Дамас, — сказала она. — Она давно желает быть представленной вам.

Мы сказали друг другу все, что полагается в подобных случаях. Г-жа де Дамас выразила мне самым любезным образом, насколько она благодарна мне за участие, которое я приняла в ее сыне. У нее приятный голос, а также приятная манера говорить. Я думала: «Вот прелестная молодая женщина, но я не знаю, какое у нее лицо». Эта манера знакомиться показалась мне довольно остроумной, и я умышленно замедлила ввести г-жу де Дамас в дом.

Но наконец пришлось это сделать, и, войдя в мою круглую гостиную, освещенную лампами, мы с г-жой де Дамас так усердно вглядывались друг в друга, что обе рассмеялись. Лицо г-жи де Дамас мне показалось красивым. Г-жа де Лакост настолько же некрасива, насколько умна и несчастна. У нее необычайная болезнь: она иногда впадает в летаргическое оцепенение, продолжающееся больше десяти дней. Ее кладут тогда на постель, и она остается там без движения, не принимая пищи и без питья. Ее можно бы было счесть мертвой, если бы не бился пульс. Ее брат Оливье де Верак рассказывал, что однажды, когда летаргия продолжалась долее, чем обыкновенно, он упал на колени, говоря:

— Боже, неужели это состояние будет продолжаться?

Вдруг, не открывая глаз, она сделала ему знак подойти и движением показала, что она хочет писать. Он дал ей бумагу и карандаш, и она, с закрытыми же глазами, написала: «Будьте покойны, это скоро окончится.

Пришлите ко мне завтра (она написала имя), и пусть никто другой не приходит».

Сделали так, как она хотела. Г-жа де Конфлан, очень дружная с г-жой де Лакост, пожелала находиться во время таинственного разговора в комнате рядом с той, где лежала больная. На следующий день, когда брат вошел к больной, она опять сделала знак, что хочет писать, и спросила в записке, почему впустили г-жу де Конфлан в ее комнату, несмотря на запрещение, данное ею. На третий же день она встала, ничего не помня из того, что происходило.

Принцесса де Тальмонт, невестка г-жи де Тарант, видела г-жу де Лакост во время этих припадков и говорила мне, что ничем нельзя объяснить этих случаев сомнамбулизма и никто из докторов не мог понять их. Ее неслыханные несчастия, быть может, были причиною ее болезни; муж ее был отъявленным революционером; он отнял у нее единственного сына и воспитал его дикарем, разрушив в нем религиозные принципы и чувство любви к матери. Он женился на танцовщице, от которой у него было шесть человек детей. Г-жа де Лакост осталась бы совершенно без всяких средств к жизни, если бы не ее брат Оливье, трогательно заботившийся о ней.

Терраса в моем саду возвышалась над садом иностранных миссий, и я видела от себя процессию тела Господня. Алтари были поставлены в различных местах сада. Многочисленное духовенство в богатых одеждах окружало священника, который шел под балдахином со Св. Дарами. Диаконы предшествовали с кадильницами, и дети, одетые в белое с голубыми поясами, несли корзины цветов, разбрасывая цветы по дороге. По временам останавливались и слышались звуки серпента, сопровождавшие пение. Народ падал ниц,

и торжественность этого зрелища еще более выигрывала от прекрасной погоды.

Молитвы на открытом воздухе кажутся более величественными и религиозными. Выражение благочестия не может найти пространства, слишком обширного для своего распространения.

III

Однажды утром я была с г-жой де Тарант у принцессы де Шиме, которая попросила ее приехать к ней на следующий день, желая ей передать нечто очень интересное. На следующий день вечером г-жа де Тарант приехала ко мне. Она была так бледна и взволнованна, что я испугалась. Когда мы остались одни, я спросила у нее:

— Скажите мне, что с вами: ваш вид вызывает у меня беспокойство.

Г-жа де Тарант ответила:

— Вчера, при вас, г-жа де Шиме назначила мне свидание. Я приехала к ней. Она мне сказала, что знает особу, благочестие которой и любовь к ближнему открыли ей двери всех тюрем, где страдали жертвы Робеспьера, обреченные им на эшафот. Когда этот тигр, превысив меру своих злодеяний, извлек королеву из Тампля и заключил ее в Консьержери, эта тюрьма стала предметом забот м-ль Х... У нее хватило ловкости, мужества и силы проникнуть в ужасную камеру, где была заключена королева Франции. Она презирала опасности, сопровождавшие это трогательное дело милосердия, и старалась приблизиться не к королеве, а к страдающему существу и облегчить его положение.

— Надо, — продолжала принцесса де Шиме, — чтобы вы повидались с м-ль Х..., она знает о вашем существовании, но боится, что ее имя станет известным,

и потому отказывалась вас видеть. Но так как может случиться, что вы увидите герцогиню Ангулемскую в Митаве[207], то, может быть, вы возьметесь передать герцогине некоторые вещи покойной королевы. Я сказала ей, что приведу с собой одну из моих подруг, которая увидит дочь короля, и она согласилась. Хотите вы поехать со мной?

Слова принцессы глубоко взволновали меня и вызвали во мне сильнейшее желание видеть и слышать человека, облегчавшего нечеловеческие страдания и скорбь. Мы поднялись по жалкой лестнице на третий этаж и вошли в жилище добродетели. Я увидала старую женщину, невысокого роста, полную, с ногами такими же толстыми, как туловище, с трудом передвигавшуюся для себя, но деятельную и проворную для блага других. Г-жа де Шиме сказала ей, показывая на меня:

— Вот моя подруга, о которой я говорила.

Она хорошо приняла меня из вежливости к принцессе, которая старалась навести разговор на воспоминания, наполнявшие мое сердце. Она отказывалась, говоря:

— Вы знаете, я не могу говорить о королеве...

И слезы покрывали ее лицо.

Принцесса настаивала.

— Вы знаете, принцесса, что, когда я говорю о королеве, я делаюсь совершенно больна: я лишаюсь аппетита и сна; мне нельзя этого: человек, которому я вполне доверяю, запретил мне это[208].

---

[207] В это время г-жа де Тарант собиралась со мной возвратиться в Россию. – *Прим. автора.*

[208] Этот человек был священник, которому удалось избежать преследования. Он был на свободе в Париже во время террора. Он сам бы напутствовал королеву в Консьержери, если бы не лежал в

Уступая настояниям принцессы, м-ль Х... передала нам ужасные подробности о печальном положении, в котором она видела королеву в тюрьме, об ее неслыханных страданиях и еще более удивительном терпении. Королева была лишена всякой помощи, и ее положение требовало больших забот. Ее одежда была из грубого холста; у нее не хватало белья, и чулки были совершенно в дырах. Вместо постели у нее был настоящий одр, и пища была так груба и дурна, что воткнутая вилка оставалась стоять.

В тюрьме было сыро. Два человека из стражи, запертые день и ночь с ней, были отделены только рваными ширмами. Некоторые из стражи, менее жестокие, чем другие, выказывали ей участие и, казалось, сожалели, что принуждены стеснять ее, и тем еще больше увеличивали ее муки. М-ль Х... проникла в эту ужасную темницу. Королева долгое время отталкивала ее, не веря, что сострадание и жалость могут встретиться в этом ужасном месте, и принимая ее за одну из тех отвратительных женщин, которые дружатся с заключенными, чтобы предать их. М-ль Х... не отступила перед этим; она продолжала свои посещения и наконец внушила доверие королеве и могла оказать ей помощь.

Она стала опорою той, кто, находясь на троне, сделал столько добра, отплаченного неблагодарностью. В течение многих недель королева была предметом ее забот. У м-ль Х... не было недостатка в деньгах, они открыли перед нею дверь тюрьмы, и Бог вознаградит тех,

---

это время при смерти. Но он сказал г-же де Тарант, что он оказал эту важную услугу принцессе Елизавете в те двадцать четыре часа, которые она провела в Консьержери. Он помог ей принести в жертву свою жизнь, посвященную на всем ее коротком протяжении любви к Богу, который и вознаградит ее в вечности. Этого священника звали г-ном Шарлем. – *Примеч. авт.*

кто имел счастье доставить ей их. Много раз м-ль Х... удавалось провести к королеве священника, переодетого в костюм национальной гвардии, и она присутствовала при том, как королева со слезами исповедовалась в четырех шагах от нее. Удалось даже отслужить мессу в камере королевы, и ничто не помешало ее совершению.

М-ль Х... сказала мне еще:

— Королева часто говорила мне про одну из своих дам, которую она особенно любила и судьба которой беспокоила ее. Она часто в разговоре упоминала эту даму, говоря, что она любила ее и была любима ею и что эта дама должна быть очень огорчена...

М-ль Х... сначала не могла вспомнить имя, которое королева часто упоминала; она произносила Та... и потом останавливалась. Но я угадала. Я была в высшей степени взволнована; сердце говорило мне, что это воспоминание, сохраненное среди ужасных несчастий, было воспоминанием обо мне. Не раздумывая, я бросилась на шею м-ль Х... и смешала свои слезы с ее слезами.

Этот порыв выдал меня м-ль Х... и она сказала:

— Это вы, без сомнения, та дама, о которой говорила королева. Я вижу это по вашим чувствам. Это вы г-жа де Та....

Я сказала ей мое имя, и она тотчас же вспомнила его, сожалея, что раньше не исполнила желания г-жи де Монтагю повидаться со мною.

Г-жа де Тарант рассказала мне все это с горячностью, связанной у нее с воспоминанием о королеве, которую она нежно любила и к которой ее сердце сохранило такую верную привязанность. Потом она неоднократно виделась с м-ль Х... Она удостоверилась при помощи некоторых преднамеренных вопросов в доверии, которым м-ль Х... пользовалась у королевы, и в правдивости тех необычайных сношений, которые у нее были с

королевой в тюрьме. М-ль Х... рассказала ей обо всех придворных дамах, пользовавшихся особыми милостями королевы. Она знала, что в каждой из них были причиной этой любви обстоятельства, словом, все...

— Королева выразила желание в тюрьме раздать двадцать пять луидоров бедным, — сказала м-ль Х... — Она не могла осуществить этого, и я — тоже. Бог предоставляет вам это утешение.

Герцогиня Ангулемская пожелала исполнить это обязательство через посредство г-жи де Тарант.

М-ль Х... рассказывала также, что у королевы не было чашки, и она принесла ей чашку, которой Ее Величество пользовалась до последней минуты, и поручила м-ль Х... передать эту чашку ее дочери, герцогине Ангулемской, если будет возможно. Г-жа де Тарант исполнила это поручение, проезжая через Митаву. Герцогиня удостоверила получение этой вещи запиской.

М-ль Х... подарила г-же де Тарант картину, которую она заказала по просьбе королевы. Это были анютины глазки, в средине цветка находился череп. Четыре желтых лепестка изображали контурами профили короля, дофина, принцессы Елизаветы и королевы. Стебель выходил из сердца. Внизу была подпись: *Цветок смерти (Мысль о смерти)*.

М-ль Х... отдала бы все, что у нее было, г-же де Тарант, так согласно были настроены их сердца. Г-жа де Тарант взяла меня с собой в одно из своих посещений и я могла собственными глазами убедиться в том, что она мне рассказывала про это интересное единение благочестия и любви к ближнему. Мы отправились туда пешком под проливным дождем. Мне приятно было дать себе урок терпения, покорности и самозабвения.

М-ль Х... приняла меня со вниманием, которым я была обязана вмешательству г-жи де Монтагю. Я пред-

ложила ей несколько луидоров для раздачи бедным; она попросила меня отдать их г-ну Шарлю. Я осталась с этим достойным священником, чтобы предоставить ей свободно поговорить с г-жою де Тарант.

Лицо г-на Шарля вполне гармонирует с его речью. Я глубоко была растрогана тем, что он мне сказал, и сохраняю воспоминание о его словах, часто пробуждающееся в моей душе.

Многие спорили с г-жою де Тарант относительно достоверности фактов, рассказанных ей м-ль Х.., и также относительно мессы в тюрьме. Но как не поверить словам добродетельного человека, который не ищет одобрения света, презирает богатство и почести и имеет только в виду религию и благо ближнего, скрывая свои благодеяния со всею строгостью человеколюбия. К тому же священник подтвердил все эти обстоятельства в тот момент, когда он направлялся к алтарю. Способны ли на подобное клятвопреступление и в такую минуту уста, предназначение которых — утешать несчастных?

Мы знаем положительно: королева причащалась в тюрьме и ее стража вместе с нею.

Г-жа де Тарант простилась с м-ль Х... накануне своего отъезда, отстояв в ее молельне обедню, отслуженную г. Шарлем. Она сохранила самое приятное воспоминание о пяти или шести визитах, сделанных в это освященное место. М-ль Х... была известна Робеспьеру, с которым она однажды говорила удивительно свободно. Он знал, какому занятию посвящает она свои дни, и никогда не препятствовал ей.

IV

Мне рассказали про одну очень трогательную смерть, случившуюся незадолго до моего приезда в Париж. Она

очень замечательна, и я приведу ее здесь. У герцогини де Дудовиль, так же красивой, как и добродетельной, были сын и дочь, которых она очень любила. Она выдала дочь замуж за г-на де Растиньяка. Эта молодая женщина была счастлива и с наслаждением отдалась тихим удовольствиям. Она с детства была дружна с г-жой д'Эстурнель, которая умерла вследствие одного ужасного случая. Она была беременна вторым ребенком и, находясь однажды утром в постели, позвала своего двухлетнего сына, чтобы он играл около нее. Тот, желая достать звонок, находившийся в глубине кровати, упал на живот матери и вдавил его. Несчастная молодая женщина вскрикнула, лишилась чувств и вскоре после этого умерла. На ребенка, бывшего невольной причиной несчастья, смерть матери произвела впечатление, и он вскоре последовал за нею в могилу. Г-жа де Растиньяк была глубоко огорчена смертью своей подруги. Она пошла к скульптору, снимавшему маску с лица покойной, долго смотрела на нее и сказала художнику уходя:

— Скоро вы будете снимать маску с меня.

Немного спустя ее здоровье заметно изменилось. Болезнь быстро прогрессировала. Ее отец, все ее родственники были в крайнем беспокойстве. Любовь, которую больная питала к своей матери, становилась более горячей, по мере того как уходили ее физические силы. Она не хотела терять ее ни на одну минуту из виду, и, как только г-жи де Дудовиль не было с нею, она говорила:

— Позовите мне моего ангела, мне надо научиться у нее покорности.

Созвали консультацию из первых медиков. В это время г-жа де Дудовиль находилась с дочерью и ее муж должен был передать ей, на что можно было надеяться. Г-жа де Дудовиль ожидала его возвращения с крайней тревогой. Видя, что он не идет, она пошла в церковь,

находившуюся рядом с их домом, чтобы обратиться к Богу за помощью. Первое, что она там увидала, это был г. де Дудовиль. Он сидел на ступеньках алтаря, закрыв лицо руками.

Его поза и молчание слишком ясно сказали ей жестокую истину. Она села рядом с ним и оба погрузились в печальное размышление. Потом они вышли из церкви, не разговаривая. Мать испытала болезненное волнение, увидя вновь свою дочь, но она скрыла горькое чувство, пожиравшее ее.

На следующий день г-жа де Растиньяк попросила послать за духовником (аббат Левис, уважаемый священник, которого я очень хорошо знаю); она долго исповедовалась и аббат Левис ушел, проливая слезы, и обещал ей вернуться после мессы, которую он направлялся служить за ее выздоровление. Он, действительно, вернулся и сказал:

— Бог приказывает сказать вам, что Он вас ожидает.

Молодая женщина сложила руки.

— Думаю, что я готова, — ответила она, — причастите меня.

Он причастил ее и, так как она была слишком слаба, чтобы принять целую гостию, ее отец и мать получили то, что осталось. Это трогательное соединение свершилось с полным благочестием. Г-жа де Растиньяк попросила позвать аббата, наставника ее брата, ему она продиктовала свои последние мысли и свою волю. Он едва мог записывать ее слова, настолько он был взволнован. Аббата Левиса опять призвали к больной. Началась самая тихая, ангельская агония. Мать упала на колени у постели умирающей и, устремив на нее взор, как бы впитывала ее последние движения. Священник вложил крест в руки г-жи де Растиньяк; таинство смерти свершилось, а г-жа де Дудовиль оставалась в прежнем положении и, казалось, не дышала.

Тогда аббат Левис, видя, что слезы не могут найти выхода и прервать отчаяние скорби, взял крест из рук умершей и; вложив его в руки матери, сказал:

— Во имя Бога страдающих, выйдете отсюда. Он приказывает вам это.

Она поднялась и вышла с совершенно покорным видом, который не покидал ее с тех пор.

Аббат, писавший под диктовку г-жи де Растиньяк, составил описание ее болезни и смерти. Там же приложен портрет г-жи де Дудовиль и ее дочери. Г-жа де Монтагю получила для меня позволение прочесть эту трогательную рукопись, из которой я привожу здесь несколько отрывков:

«Провидение приготовило ей венец, чтобы избавить ее от борьбы...»

«У нее было желание нравиться, которое распространяет вокруг себя столько прелести, когда оно не является ни следствием, ни пособником тщеславия...»

«У нее всегда был такой вид, точно она угадывает или вспоминает, а не узнает. Можно сказать, что она не думала о добрых делах, совершаемых ею, это, вероятно, потому, что она знала, что она не может ни поступать иначе, ни измениться».

«Как описать это доверие, которое сделало ее мать поверенной всех ее мыслей, всех ее чувств? Слишком мало сказать, что она открыла ей свое сердце: нет, казалось, что с первого момента, как она себя почувствовала, она отдала ей его навсегда».

«Ее счастье не было счастьем души, безразличной ко всему. Вовсе не так религия делает человека счастливым. Это счастье покорности. Видя смирение жертвы, ощущают в себе силу подчиниться ей и заранее испытывают счастье победы».

«Последние слова г-жи де Растиньяк были: "Боже, я отдаю в Твои руки дух мой и мою жизнь. Я всецело

жертвую Твоей любви всеми моими желаниями. Делай со мною все, что Ты хочешь. Ты мой Бог и Отец. Я соединяю свои страдания и смерть со страданием и смертью Иисуса Христа и на него Единого надеюсь". Без сомнения, само небо одобрит это геройское мужество, с любовью жертвующее всеми привязанностями Богу, который разрывает их, и этому умиляющему благочестию, которое успокаивается у подножия креста, на лоне Провидения».

V

Бонапарт поссорился с Англией. Чтобы успокоить нацию, недовольную войной, он старался развлечь ее зрелищем приготовления к высадке. Он ходил от одной верфи к другой и следил за работами. Зеваки сбегались туда, но никто не был одурачен, и стены покрывались плакатами.

Мегэ, якобинец, преданный Бонапарту, жил в Лондоне уже несколько лет и нашел средство проникнуть в кружок верноподданных короля Людовика XVIII. Он уверил их, что недовольство французов достигло апогея и что скоро наступит благоприятный момент, когда может восторжествовать правое дело. Он сообщил первому консулу обо всех своих поступках, и тот, в свою очередь, работал над успехом интриги, последствия которой вскоре будут видны.

Чтобы придать законную внешность своим честолюбивым проектам, Бонапарт предложил Людовику XVIII отказаться от короны своих предков. Известен ответ короля Франции на это оскорбительное предложение. Бонапарт был взбешен и под угрозою смерти запретил распространение этого письма. Опасались тогда, чтобы народ не совершил бы какого-нибудь насильственного

акта. Боялись даже за иностранцев. Я никогда не разделяла этого опасения и слышала от многих лиц из низшего класса, что они бросятся все к домам, занятым русскими, чтобы спасать их, что они считают себя слишком много обязанными русским, чтобы не предохранить их от всякой опасности. Англичане были подвергнуты строгому аресту и отведены в Верден.

Эти события случились весной (1803 года). А лето в этом году мы провели на даче в Пасси, в пятнадцати минутах езды от Парижа. Дача была прелестно расположена. Сад террасами спускался прямо к берегу Сены. От одной террасы к другой вели каменные лестницы с железными перилами, увитыми виноградом. Верхняя терраса, очень тенистая, служила нам гостиной. На других было много фруктовых деревьев. Мать занимала бельэтаж, мои комнаты были наверху. Из моих окон налево был виден как на ладони Париж, направо — долина Гренель. Дальше возвышались дворцы и дачи и между ними Медон, принадлежавший тетке Людовика XVI.

Мать часто оставалась за полночь на террасе, чтобы посмотреть фейерверки, пускаемые в разных местах: в Шантильи, в Енисейских Полях, в Тиволи, у Фраскати. Мне было трудно уходить с террасы. Я оставалась одна по целым часам. Луна освещала красивый пейзаж, простиравшийся перед моими глазами; теплая, спокойная ночь заставляла меня ценить всю прелесть прекрасного климата. Париж, такой шумный даже вдали, давал резкий контраст с чистым и ясным небом. Противоречия наводят нас на невольные размышления; они проясняют наши чувства и вызывают удивление, а все, что трогает душу, возвышает ее.

Наш дом находился на Нижней улице, и дорога поднималась прямо к Булонскому лесу. Я часто ходила

туда по воскресеньям с моими друзьями, семейством Караман. Мы там гуляли, ели мороженое на чистом воздухе, иногда заходили в павильон, чтобы посмотреть на бал. Там бывало много народа в красивых костюмах, с приятными манерами. Отсутствие церемонии и этикета придает более свободы удовольствию. Там не подчиняются никаким обязанностям; приходят и уходят когда вздумается, и никто не чувствует себя обязанным никому каким-нибудь особенным отношением.

Я совершила с г-жой де Тарант одну прогулку, доставившую мне слишком много удовольствия, чтобы я могла забыть ее. Мы возвращались из Парижа около одиннадцати часов вечера и пересекали Елисейские Поля. Направо я увидала освещенный сад, и г-жа де Тарант сказала мне, что здесь, в Шантильи, дается два раза в неделю бал с платой за вход по тридцати су. Она предложила мне пойти туда, и я охотно согласилась. Мы заплатили у входа, получили билеты и вошли в сад. Деревня Шантильи принадлежала раньше принцу де Конде. Я увидала прелестный сад, красиво освещенный фейерверк, а во дворце был очень оживленный бал.

В разных углах сада были устроены игры. За наши тридцать су нам дали еще по маленькому стаканчику мороженого. Мы не были разодеты, и на нас не обращали внимания; мы могли свободно наслаждаться забавным зрелищем и возвратились в Пасси в восхищении от полученного удовольствия.

У меня было в Пасси трое довольно замечательных соседей. Г-жа де Жанлис, которую я никогда не хотела ни видеть, ни встречать и предпочитала лучше читать ее произведения, чем слушать ее; аббат Жерар, автор трех почтенных трудов: *«Les leçons de 1'histoire»*, *«La Théorie du bonheur»* и *«Le Comte de Valmont»*[209],

[209] «Уроки истории», «Теория счастья» и «Граф де Вальмонт»

и г-жа д'Арблей[210], урожденная мисс Верней, известная своими прелестными романами.

Бывают странные случаи, оставляющие нечто вроде воспоминания о лицах совершенно безразличных. Гуляя однажды вечером, я увидала красивую собаку, которая стала ласкаться ко мне и давала мне понять, что хочет войти в дом, мимо которого я шла. Я открыла ей дверь, и она бросилась туда. Спросив, кому принадлежит эта собака, я узнала, что хозяйкой ее была г-жа д'Арблей. Я никогда не думала, читая ее произведения, что когда-нибудь ее собака будет ласкаться ко мне и я впущу ее в дом.

Гуляя однажды поздно вечером с Генриеттой по Верхней улице, я увидела около двери одного дома добродушную старую поселянку в чепце, а рядом ее старика мужа в бумажном колпаке с кисточкой. Они были окружены молодыми девушками и парнями. Старуха что-то говорила, жестикулировала, а слушатели были поглощены рассказом. Я тоже остановилась, она заметила меня и сказала:

— Вы тоже хотите слушать, добрая госпожа?

— С удовольствием, — отвечала я.

Один из молодых людей предложил мне скамейку, но я отказалась, предпочитая стоять. Женщина продолжала прерванный рассказ. В нем было все: и привидения, и звуки цепей. Молодые девушки прижимались в страхе друг к другу. В ту же минуту из большого дома напротив я услыхала звуки концерта Моцарта, исполняемого на скрипке с большой точностью и тонким вкусом. Я осталась неподвижной на своем месте и не видела больше деревенской картины, бывшей передо

[210] Франциска Берней, английская писательница, замужем за французским офицером, жила в Париже с 1802 по 1812.

мной. Воспоминания толпою вставали в моем сердце. Мой взор был устремлен в глубь моей души и видел вещи, не имевшие никакого отношения к деревенскому вечеру.

Внезапно невольная мысль пришла мне в голову. Я нахожусь на улице в Пасси; сейчас десять часов вечера, и все, что находится передо мною, я, вероятно, никогда больше не увижу; но музыка погружает меня в прошлое и чувство заставляет меня видеть то, чего нет передо мною. Что же такое сердце? Какая его сила?

Я молчаливо вернулась домой, слишком поглощенная своими мыслями, чтобы говорить.

Г-жа де Тарант проводила время между мной и своей матерью. Я воспользовалась пребыванием в Пасси, чтобы делать с ней прогулки пешком; приятно гулять с подругой или совсем одной; когда рядом идет человек совершенно безразличный, вся прелесть прогулки пропадает; ни о чем не думаешь, ничем не наслаждаешься, и только общение располагает к наслаждению.

Однажды вечером мы прошлись в Отейль. Стояла хорошая погода, заставившая нас позабыть про время. Мы шли все вперед, пока надвигавшиеся сумерки не напомнили нам о возвращении домой. Думая сократить дорогу, мы пересекли поля, находившиеся на опушке Булонского леса, но сбились с дороги и темнота застала нас около этого леса, бывшего далеко не безопасным. Но мое крайнее доверие к г-же де Тарант успокаивало меня. Часто забываешь об опасности, находясь с человеком, на которого привык полагаться, и спокойствие сердца гонит мысли.

Но темнота все увеличивалась, мы шли с трудом по сжатому полю, коловшему нам ноги, и положение наше становилось неприятным. Наконец сквозь сумрак неба я увидала фигуру женщины, шедшей на недалеком

расстоянии. Мы ускорили шаг и, наконец, догнали. Это была старая женщина с корзиной на спине, что не позволяло ей скоро идти. Я попросила ее провести нас в Пасси. Она охотно согласилась и сказала:

— Идите за мной. Мы сейчас выйдем к стене, огибающей Верхнюю улицу.

Действительно, мы скоро оказались близ дома. Я хотела поблагодарить добрую женщину и заплатить за услугу, которую она нам оказала. Но мне с трудом удалось уговорить ее взять монету в шесть франков. Французский народ услужлив бескорыстно. Я много раз могла убедиться в этом.

VI

Г-жа де Тарант предложила мне отправиться подробнее осмотреть Версаль. Я видела его только мельком, когда выезжала встречать г-жу де Шатильон. Все в этом интересном месте носит отпечаток величия. Кажется, что вновь видишь век благородной красоты, воспоминание о котором будет всегда вызывать чувство любви к Франции. Жестокая революция коснулась и Версальского дворца; барельефы с лилиями разрушены, но видны еще некоторые остатки их, и они утешают сердца верных.

Я была в Трианоне, проходила по залам Людовика XVI и думала: *Все кончается*, это истина, резюмирующая наши размышления. Прекрасные дела эхом отдаются по временам по всему пространству вселенной. Величие стирается, блеск исчезает, только добродетель остается, и коса времени не может ее уничтожить; она чувствуется всегда, ею наслаждаются и восхищаются. Она дает утешение и пищу прекрасной душе. Я жадно вглядывалась в величественный парк

Трианона. Сидя на перроне колоннады, соединяющей два крыла здания, я оглядывалась назад на мраморный паркет, где ходил Великий король, окруженный такими редкими людьми, в которых природа, казалось, соединила столько заслуг, оставив миру только сожаление и доказательство их исчезновения. У меня не хватало мыслей, чтобы отвечать на полученные впечатления. Вдвойне бываешь поражен, когда видишь места, описание которых много раз читал.

Мой муж отправился на два дня с г-жой де Тарант в замок Ронси, к герцогине де Шаро. Я осталась с матерью до его возвращения. Потом я совершила ту же поездку с г-жой де Тарант и графиней де Люксембург, приглашенной мною, чтобы сделать приятный сюрприз герцогине, с которой она особенно была дружна. Мы отправились за ней в Париж и оттуда в полночь выехали по Реймской дороге, чтобы на следующее утро достигнуть цели нашего путешествия. Мы проезжали через Вильер-Котере, знаменитое имение герцога Орлеанского. К замку примыкает огромный лес удивительной красоты, пересекаемый почтовой дорогой. По временам на известном расстоянии видны площадки, где сходится много аллей. Проезжая, я вспомнила массу особенностей, которые я слышала про этот лес, и с восхищением любовалась его прекрасной растительностью.

Мы приехали в Ронси к полудню. Замок с четырьмя башенками по углам построен на пригорке. Перед ним находится красивый мощеный двор. Гг. де Шаро, де Беарн, де Турцель и дети выбежали навстречу. Радость их увеличилась при виде г-жи Люксембург. В гостиной мы увидали г-жу де Турцель-мать, принявшую нас с открытыми объятиями. Гостиная занимала большую квадратную комнату, с широким окном на каждой

стене. У одного окна находился письменный стол и вблизи клавесин с нотами. На камине лежали газеты и брошюры, вокруг стояла удобная мебель. Посредине гостиной стоял большой стол, предназначенный для работы, и еще стол для других надобностей. У маленьких детей был свой угол для игрушек.

Вставали все в восемь часов и после туалета делали друг другу визиты. Я отправилась к Полине, помещавшейся около меня и общество которой я особенно любила. В гостиной собирались к завтраку, весело завтракали и отправлялись на сбор винограда, что представляет одно из самых приятных удовольствий. У каждого есть ножницы и бумага. Снимают прекрасные кисти, народ поет, и дети в восхищении.

Возвратившись на некоторое время в свои комнаты для туалета и других занятий, все собираются опять в гостиной, каждый занимаясь, чем ему угодно. Приятная свобода царила в нашем обществе. Тихий разговор прерывал по временам работу. Не было ничего искусственного, все проистекало из удобства и удовольствия общества. Обед был великолепен, и после маленького отдыха, следовавшего за ним, отправлялись на прогулку.

Вечер, казалось, еще более усиливал взаимное доверие. Г-жа де Турцель была близко дружна по склонности и по убеждениям с г-жой де Тарант; они часто разговаривали отдельно. Г-жа де Турцель очень рассеянна. Однажды, когда г-жа де Тарант сидела около ее ног на скамейке, она сказала ей:

— Зажгите свечу и посветите, мне надо пройти в свою комнату.

Г-жа де Тарант поспешно повиновалась. Когда она вернулась в гостиную, г-жа де Шаро и г-жа де Беарн бросились перед ней, говоря:

— Вы обесцениваете себя, дорогая Тарант, наша мать злоупотребляет вами!

Г-жа де Турцель вернулась во время этой сцены и была крайне удивлена своей рассеянностью, заставившей ее дочерей извиняться. Г-жа Огюстина де Турцель в высшей степени умеет соединять приятное с полезным. Я вошла однажды в ее комнату перед завтраком. Ее маленькая полуторалетняя Леония сидела у нее на коленях. Старшая дочь, четырех или пяти лет, рядом с ней учила катехизис. Г-жа де Турцель давала ей объяснение время от времени, а в промежутках учила роль маркизы, которую она должна была играть в замке д'Отевиль.

— Я удивляюсь на вас, — сказала я ей. — Как это вы можете делать столько дел сразу?

— My dear, — отвечала она, — все зависит от желания; я думаю об одном и слежу за другим.

Пребывание в Ронси дало мне настоящее понятие о жизни в замке. Я нашла ее гораздо приятнее, чем все, что я читала и слышала про нее. Через три дня я рассталась с моими друзьями, чтобы вернуться к матери и своим детям. Я проезжала ночью через лес Вильер-Котере, и он представился мне совершенно в другом виде. Громадные костры сверкали в разных местах. Их зажгли крестьяне, черные фигуры которых вырисовывались на фоне пламени. Деревья были освещены луной и огнем и представляли зловещую и величественную картину. Я вспомнила, как герцог Орлеанский вызывал в этом лесу духов, утверждая, что он имеет власть над ними, что он и доказал при дворе. Я дала волю воображению и волшебному очарованию мечты, но не увидала ни привидение, ни духов. Я видела только богатую и пышную природу и жалела несчастного герцога, который не умел ею наслаждаться.

Глава тринадцатая. 1803–1804

I

Мы возвратились в Париж к концу октября. Я с удовольствием увидалась с моими хорошими знакомыми. Около того же времени граф Марков возвратился с минеральных вод. Бонапарт пригласил его к обеду и напал на него по поводу одного эмигранта, которого он считал подозрительным, а Россия приняла его. Эта выходка была только предлогом для разрыва с нами. Война была необходима для его проектов. Граф Марков отвечал с благородством и с достоинством поддержал этот повод к ссоре. Он известил об этом наш двор, и Император вместо ответа прислал ему ленту Андрея Первозванного.

Марков, недовольный первым консулом, старался сблизиться с роялистами. Наконец, он одобрил мое поведение в Париже. Я с сожалением видела, что мне придется уехать из Франции гораздо скорее, чем я это думала сделать, и мне было тягостно отказаться от существования счастливого и отвечающего моим убеждениям. Мои наслаждения были действительны, и в них не было ничего призрачного. После всех мучительных огорчений, изранивших мое сердце, спокойствие, которое я вновь обрела, было мне еще дороже.

Я часто получала известия от графини Толстой, которая иногда сообщала мне об Императрице Елизавете. Вдали сильнее чувствуешь любовь к родине. Я с жадностью узнавала, что происходило у нас. Министерство переменилось в Петербурге. Должность генерал-прокурора, соединявшая в себе все части управления гражданского и внутреннего, была разделена между многими департаментами, наподобие Франции. Каждый департамент имел отдельного министра. Граф

Александр Воронцов был назначен канцлером, князь Адам Чарторижский — первым членом Коллегии иностранных дел.

Эти новшества огорчили хороших русских людей. Они были опасны. Надо сохранять неприкосновенным характер правления, когда он упрочен опытом и привычкой.

В мое отсутствие у г-жи Толстой родился сын, и здоровье ее очень расстроилось.

Вторая зима, проведенная мною в Париже, была еще приятнее, чем первая. Мои избранные знакомства превратились в настоящие дружеские связи. Мои убеждения и образ жизни приобрели мне доверие тех, кого я наиболее уважала. Я по правде могу сказать, что в Париже была обеспокоена только двумя сильными ураганами, которые снесли много труб и причинили несколько несчастных случаев.

На следующий день после одного из этих ураганов ко мне приехали провести вечер г-жа де Люксембург, а также три сестры Караман и их старший брат. Говорили, что небо прогневалось и что, может быть, это было предвестником конца света. Г-жа де Люксембург с живостью воскликнула:

— Надеюсь, что нет; мои вещи еще не уложены!

Караман ответил:

— Ну, наши недолго уложить; наше семейство — походная труппа.

Мы много смеялись над его признанием; ураганы были забыты, и вечер прошел самым веселым образом.

Я была в Сент-Рош, чтобы послушать проповедь аббата де Булонь. Он говорил об истине. Внимая ему, мне казалось, что я слушаю энергичное красноречие Боссюэта. Ораторское искусство аббата де Булонь достигает большой степени совершенства. Он умеет внушать

страх и в то же время растрогать. У него прекрасный голос, звучный и густой, верная интонация и благородное лицо. Внимание аудитории было замечательным, а церковь была полна народа. Несколько франтиков, явившихся в церковь с нахальством фрондеров, в течение проповеди оставались неподвижными на своих местах и ушли по окончании со смущенным видом. Выходя из церкви, я встретила троих из них.

— Надо сознаться, — сказал один, — что урок силен, но хорош. Надо будет прийти послушать еще.

Я слышала также два похвальных слова, произнесенных аббатом де Булонь. Первое — святому Августину — очень красиво, но я была более растрогана вторым — святому Винценту де Полю, учредителю ордена сестер милосердия. Я отправилась слушать его в Аббей-о-Буа вместе с семьей Турцель. Мы поместились на хорах, так что особенно хорошо могли видеть оратора. Все сестры сидели против кафедры. Их однообразный костюм, черное платье, косынка и белый чепец выделяли их изо всех слушателей. Их головы были опущены, слезы признательности и чувствительности текли по их лицу. Слушатели были в сильном умилении.

Нельзя противиться очевидности. Эти уважаемые монахини, преданные человечеству, с совершенным самозабвением подтверждали правдивые слова красноречивой проповеди оратора. Это зрелище должно было устранить сомнения в самом извращенном уме. Как прекрасен этот институт милосердия! Революция только на некоторое время рассеяла его членов. Когда я уезжала из Парижа, около десяти тысяч сестер уже собрались опять. Религии мы обязаны этими чудесами. Достаточно верить в истину, чтобы забыть самого себя.

Второй сын г-жи де Караман устроил небольшой приют для бедных детей. Он предложил мне пойти

осмотреть его. Я увидала дом из четырех комнат. В одной комнате маленькие мальчики учились читать, писать и катехизису, и уроками руководила пожилая монахиня. В другой комнате маленькие девочки учились тому же, их учила молодая, восемнадцатилетняя монахиня, прекрасная, как ангел. Ее лицо и молодость поразили нас.

— Как могли вы с таким мужеством пожертвовать собою в таких молодых летах? — спросила я. — Быть может, какое-нибудь горе или непредвиденные обстоятельства подвинули вас на эту жертву?

— Простите, сударыня, — отвечала она. — Я решилась на это только по своему желанию. Я принадлежу к богатой семье из Лангедока и всегда стремилась посвятить себя служению людям. Нас четыре сестры; мать не нуждается в моих заботах, она согласилась на мою просьбу, и я не раскаиваюсь в этом.

Она сказала нам эти слова с трогательным видом, и в ее прекрасных глазах появилось ласковое выражение, когда она заметила, с каким участием мы слушали ее. Ее красивые черные волосы едва были видны из-под головного убора, белизна которого не уступила бы никакому блеску. Ее щеки разрумянились во время разговора, и добродетель, казалось, еще более увеличивала ее красоту. Время разрушит свежесть молодости, но чистота души по-прежнему будет отражаться в чертах лица, оживлять выражение и делать его привлекательнее, чем красота.

II

Весной мои прогулки возобновились. Я отправилась в Сен-Жермен с семьей Турцель. Г-н де Беарн озаботился устройством обеда и распорядился поставить стол на

прелестной лужайке. До обеда мы гуляли в знаменитом лесу. Мы видели дворец и площадь, возвышающуюся над Парижем и его окрестностями. Я вспоминала Людовика XIII, такого слабого и прекрасного, и его слишком известного министра. В лесу я была удивлена, увидев на многих деревьях вырезанную надпись: «*Да здравствует король!*» Это проявление верности, написанное крупными буквами, глубоко нас заинтересовало. Ураганы пощадили эти простые документы много лучше, чем тщеславные изъявления гордости. Надписи вырезаны на буках очень высоко. Чтобы сделать их, надо было карабкаться, очень рискуя. Когда поступками руководит глубокое чувство души, они приобретают сверхчеловеческую силу, опасность теряется из виду. Потребность выразить свое чувство так же необходима, как дыхание.

Мы остались до вечера в Сен-Жермене и вернулись по прелестной дороге Сен-Клу. Я предпочитаю лес всем садам и паркам. На его нетронутости лежит печать природы и отсутствие руки человеческой. Таинственное спокойствие леса является прибежищем мысли.

Свободнее мечтается в его густой тени, и тропинки, намеченные необходимостью, напоминают нам о тернистом пути нашей жизни.

На некотором расстоянии от Парижа мы остановились в деревне, чтобы выпить сидра. Мы возвратились в Париж через Елисейские Поля. Приближение к этому огромному городу всегда производит впечатление. Достаточно покинуть его на мгновение, чтобы вновь быть пораженным его шумом и волнением.

Графиня Протасова приехала в Париж в надежде удивить жителей и доказать им, что у себя на родине она занимает выдающееся положение. Я сделала ей визит; она великолепно приняла меня, и ее расположение

ко мне еще более увеличилось, когда она узнала мой образ жизни и общество, в котором я вращаюсь. Она приехала к нам и встретила некоторых моих знакомых дам и между ними г-жу Огюстину де Турцель, которая поразила ее своей прелестью и любезностью. На следующий день я отправилась с г-жой де Шаро за покупками. Выходя от Верпюи, торговца материями на улице де Ришелье, мы увидели на некотором расстоянии в карете г-жу Протасову. Герцогиня де Шаро попросила распорядиться подъехать к ее карете, чтобы посмотреть на нее, пока я буду разговаривать. Я сделала, как она хотела, и Протасова заметила, что кто-то сидит рядом со мной. Она спросила у меня по-русски, кто это такая. Высунув голову в окошко кареты, я шепотом назвала ей герцогиню де Шаро.

— Представьте меня, — сказала графиня.

Я повернулась к моей спутнице и сказала ей как можно серьезнее:

— Разрешите, герцогиня, представить вам графиню Протасову, статс-даму Их Императорских Величеств.

Графиня рассыпалась в комплиментах. Г-жа де Шаро отвечала с крайней предупредительностью и сделала ей несколько вопросов относительно приезда графини в Париж, что привело Протасову в восхищение и вызвало поток вежливостей и слов, который долго бы продолжался, если бы я не оборвала их, попросив позволения ехать.

— Надо сознаться, — сказала потом г-жа де Шаро, — что очень забавно представляться статс-даме посредине улицы.

Г-жа де Беарн предложила мне посетить гору Голгофу. Мы были там вместе с ее мужем и г-жой де Тарант. Это место было особенно почитаемым до революции. Благочестивые люди часто совершали

паломничество в монастырь, расположенный на верху горы. По дороге встречались алтари и большие кресты, напоминающие о страдании Господа. Все было разрушено каннибалами. Было гонение на монахов, и те из них, кто не мог скрыться, были замучены. Несмотря на это, пять монахов, переодетых крестьянами, при помощи мужества и почти чудесной настойчивости сумели остаться в своем святом убежище.

Когда террор прошел, один из начальников-кровопивцев купил это место. Тогда пять отшельников получили от него позволение развести огород на склоне горы, обещая платить ему за это шестьсот франков в год. Жадность заставила его быть снисходительным к этим монахам, которые при помощи усердного труда уплачивали ему условленную сумму и, таким образом, посвящали себя своему назидательному призванию, сохраняя надежду умереть в этом месте, которое они дали клятву не покидать.

Монастырь окружен красивым лесом, пересекаемым тропинками, которые ведут к церквям. Отец Гиацинт провел меня в монастырь. Мы прошли по длинному коридору, обе стены которого покрыты фресками, изображающими страдания Иисуса Христа. Тусклый свет, падавший из окна в конце коридора, освещал нам путь. Однообразный звук шагов монаха отдавался под сводом и нарушал глубокую тишину монастыря.

Направо, внутри здания, я увидала квадратный двор, стены которого были покрыты надписями.

— Это могилы наших братьев, — сказал мне отец Гиацинт. — Под средним камнем покоятся священные останки святого — основателя монастыря.

Он рассказал мне потом, с глубоким волнением, жизнь этого основателя и дал мне его гравированный портрет.

Я видела церковь простую и тщательно убранную. Монахи проводят время в молитве и в работе на огородах. Стояла теплая пасмурная погода, без всякого ветра. С интересом я любовалась разнообразием вида, расстилавшегося у моих ног. Спокойствие монастыря и его верных обитателей навело меня на глубокие мысли о ничтожестве мира с его бесполезной суетой. Гора способствует возвышенным мыслям, как нам доказала это древность: на горе предавались размышлениям, там искали религиозных мыслей и там молились святые. На горе же свершилось чудо искупления. Человек чувствует потребность подняться над землею. Это стремление означает не гордость, движущую мир, но благородство души, которое так часто теснится и борется в нас.

Надвинулась туча, и разразилась гроза, теплый дождь лил потоком. Несмотря на это, мы спокойно спускались с горы. Воздух был так чист и напоен ароматами растений, что не хотелось уходить. Я несколько раз оборачивалась, чтобы взглянуть на гору, которая точно вырастала по мере того, как мы удалялись. Во время самого сильного ливня мы вошли в хижину и потом направились к карете, дожидавшейся нас у подножия горы.

Робер рассказал мне про кладбище де-ла-Маделен, где погребено тело Людовика XVI, а десять месяцев спустя, после него, тело королевы. Один горожанин, живший в доме, из которого видно было кладбище, видел, как положили тела и закидали их известью. Когда эпоха Террора прошла, он купил эту землю, оградил ее стеной, заботясь о людях, убеждения которых ему были известны. Кровопийцы, чтобы довершить свою жестокость, положили головы мучеников у них между ног. Случайно оказалось, что все лица, погибшие во время свадьбы Людовика XVI, погребены у него в ногах, так же

как и телохранители, убитые в Версале. В противоположном углу, где бросают нечистоты, покоится тело герцога Орлеанского (Эгалите).

Робер был знаком с собственником земли. Он предложил мне спросить у него разрешение осмотреть кладбище. Он согласился, и мы были там с г-жой де Тарант и Полиной де Беарн. Мы вошли на небольшой двор перед домом; дочь этого верноподданного вышла встретить нас, так как ее отца не было дома. Она провела нас к ограде и отперла дверь ключом, бывшим при ней. Посредине находится виноградник, в тщательно убранном углу устроен довольно обширный газон в форме гроба, окруженный плакучими ивами, кипарисами, лилиями и розами. Г-жа де Тарант и Полина стояли, прижавшись друг к другу; бледность и выражение их лиц отражали чувство более сильное, чем скорбь. Я встала на колени на этот священный газон и собирала цветы, выросшие сами по себе. Казалось, что эти цветы говорили; мои глаза как бы стремились проникнуть в глубь земли, мои колени прижимались к ней.

Бывают трудно определимые чувства, вызываемые обстоятельствами. Но то, что тогда представлялось мне, было способно тронуть мою душу. Я видела королеву, полную прелестей и добродетелей, оклеветанную, изгнанную и замученную. Быстрота мысли соединяет в одной точке все течение жизни; воображение осматривает его и представляет душе; душа волнуется и глубоко проникается им. Я успокоилась на мысли о мученическом венце.

Я наполнила свой носовой платок анютиными глазками и иммортелями; мои спутницы были как бы пригвождены к своим местам. Я послала купить несколько маленьких медальонов, чтобы положить туда цветы, и дала один г-же де Тарант, другой Полине и один оставила себе.

III

Бонапарт замышлял новое преступление. Он отправился в совет (в марте 1804 года), чтобы предложить арест герцога Энгиенского и представил его подозрительным. Совет отклонил это предложение. Бонапарт замолчал, вышел и послал тотчас же подлого Коленкура в Эттенгейм (в великом герцогстве Баденском, на правом берегу Рейна, где находился герцог, с согласия первого консула), чтобы привезти его в Париж. Несмотря на насилие этого требования, герцог не подумал, что его везут на смерть. Его продержали в Париже только несколько часов и отвезли в замок де Винцен, принадлежавший его отцу. Быстрота путешествия утомила его, он бросился на кровать в приготовленной ему комнате и крепко заснул.

В полночь его разбудили.

— Что вам нужно? — спросил он.

— Вам надо явиться для допроса.

— Об чем?

Ему не отвечали. Он спокойно последовал за посланными. Когда он пришел к своим судьям, или, вернее, палачам, они спросили его имя, титул, фамилию и присудили к смерти. Он попросил священника. Ему было отказано.

— Нужно только несколько мгновений искренней молитвы, чтобы получить милосердие Бога, — сказал он.

Потом он упал на колени и горячо молился несколько минут. Окончив, он встал, говоря:

— Пусть скорее это кончается!

Его провели к одному из рвов замка. Ночь была темная. Герцогу привязали фонарь на грудь, около сердца, чтобы не промахнуться, и хотели завязать глаза.

— Это лишнее, — сказал он, — Бурбоны умеют умирать.

— Встаньте на колени, — приказали ему.

— Я становлюсь на колени только перед Богом.

Девять ружей выстрелили сразу, он упал в ров, и его засыпали землей.

Я узнала о его приезде в тот же вечер. Зная, что первый консул старается арестовать всех оставшихся верными королю, которых предательство Мегея собрало в Париже, мы испытывали справедливое беспокойство. Пишегрю был открыт одним из первых. Он находился в Париже около трех месяцев. Его заключили в тюрьму и задушили там, причем хотели уверить, что он кончил самоубийством.

На следующий день после приезда герцога Энгиенского и его убийства г-жа де Тарант пришла ко мне бледная и едва державшаяся на ногах. Она сказала тоном, полным отчаяния:

— Герцога Энгиенского убили сегодня ночью. Дюрас только что сообщил мне это.

Я остолбенела и была глубоко возмущена этим известием. Это жестокое злодеяние возмутило общество и народ. Даже кровожадный Тюрио[211] сказал, что это было сделано из простого желания выпить стакан человеческой крови[212]. Стены покрылись пасквилями; полиция срывала их; они появлялись вновь на следующий день. Имена Коленкура и Савари произносились с ужасом. Первый привел жертву, второй руководил казнью.

Полиция повсюду искала братьев Полиньяк[213] и добродетельного Жоржа. Все добрые люди беспокоились за них и старались их спасти.

---

[211] Тюрио де ла-Розьер Жан-Алексис (1753–1829), адвокат, депутат Законодательного собрания, потом Конвента.

[212] Фуше сказал: «Это хуже, чем преступление; это ошибка», жестокие, но характерные слова. – *Примеч. авт.*

[213] Арман и Жюль, сыновья герцога Жюля Франсуа Армана де Полиньяка (1745–1817) и Габриеллы Иоланды де Поластрон (1749–1793), гувернантки королевских детей и фаворитки Марии-Антуанетты.

Совершив все эти преступления, Бонапарт объявил себя Императором. Сделали всенародный опрос, чтобы подписать этот новый акт гордости, но не собрали подписей и на одну страницу.

Из города нельзя было уехать без билета. Г-же де Шаро он был нужен, чтобы отправиться в свой замок, и для этого ей самой пришлось ехать в префектуру. Она видела, как с улицы насильно сгоняли туда народ для подписи. Старый угольщик, бывший там вместе с другими, спросил:

— Вы хотите, чтобы я подписал? А если я не подпишу, мне можно будет по-прежнему продавать уголь?

Ему ответили утвердительно.

— Ну так я не подпишу.

Г-жа де Шаро едва удержалась от смеха.

Г-жа Идали де Полиньяк, жена старшего брата, не знавшая, что ее муж был в Париже, предложила мне заняться у меня вечером музыкой под условием, что я никого не приму и что будет только Ривьер для аккомпанемента, а г-жа де Тарант как слушательница. Ривьер пришел в десять часов, но Идали еще не приехала. Мы терялись в предположениях; она так и не приехала. На следующий день я с прискорбным удивлением узнала, что гг. де Полиньяк и де Водрейль-Караман были арестованы.

Я отправилась к г-же де Сурш, но она не принимала; мое беспокойство еще более усилилось. Я поехала навести справки о двух новых жертвах и, возвратясь домой, нашла записку от г-жи де Сурш, в которой она писала, что не приняла меня только из осторожности, что меня подозревают и что на допросе, которому подверглась ее сестра, было упомянуто мое имя. Ей сказали, что наша дружба с ней была известна и что, наверно, она старалась получить пенсию от России.

Г-жа де Водрейль отвечала, что действительно она была дружна со мною, что я сделала для нее все, на что способно великодушие дружбы, что она убедилась в том, что я всегда иду навстречу страдающим, и что ее привязанность и благодарность ко мне будут вечными, но что ей и в голову никогда не приходило просить через меня пенсию от России.

— Мы вскоре познакомимся с этой иностранной подругой, — сказали эти господа. — Мы навестим ее, чтобы посмотреть, как она нас примет.

Эта угроза была причиной того, что г-жа де Сурш не приняла меня, боясь мне повредить, но в то же время это удвоило мое желание повидаться с нею.

Я опять поехала к г-же де Сурш и насильно проникла к ней. Она была очень тронута и удивлена моим приездом.

— Не бойтесь ничего, — сказала я ей. — Я горжусь тем, что замешана в процесс г-на де Водрейль, и спокойно дожидаюсь этих господ. Пусть они только придут! Я прикажу их выбросить в окно.

Они действительно пришли на следующий день, но вид нашего помещения показался им слишком внушительным, чтобы осмелиться оскорбить меня, и они ушли с позором, не посмев вызвать меня.

Г-жа де Полиньяк была заключена в Консьержери, и состояние здоровья внушало ужасное беспокойство ее мужу и деверю. Г-жа де Бранкас, ее кузина, тотчас же обратилась за разрешением быть заключенной вместе с нею; потом г-жа де Бранкас при помощи настойчивых представлений и поддержанная лекарем, подтвердившим опасное положение г-жи де Полиньяк, добилась того, что ей разрешили перевезти больную к себе под условием, что она будет находиться у г-жи де Бранкас как бы под арестом и что никто не будет видеться с нею.

Г-жа де Бранкас описала мне все эти подробности и послала мне их с горничной своей кузины, женщиной умной и преданной. Я решилась навестить их на следующий же день. Я прошла своим садом, потом через сад Верака и через нижний этаж его дома вышла на улицу де Варенн. Первый раз в своей жизни я была одна вечером на улице. Я пробиралась по стене, чтобы не быть раздавленной. Проходя мимо ворот под домом герцогини де Ж.., я увидела женщину, сидевшую с корзиной увядших цветов. Она попросила меня купить их.

— Они ужасны, добрая женщина, — сказала я ей.

Она подошла ко мне и печально сказала:

— Я бедная нищенка, переодетая цветочницей. С тех пор как у нас Император, бедных арестовывают на улицах и отправляют в Сальпетриер, где с ними обращаются, как с собаками. Он хочет, чтобы думали, что нет больше нищеты, тогда как она повсюду.

Я дала ей шесть франков и быстро направилась дальше. На улице дю-Бак, через которую мне надо было перейти, чтобы попасть на улицу де ла Планш, я остановилась перед ручьем посредине улицы; было очень грязно, и я боялась неудачно прыгнуть. Я переминалась с ноги на ногу, стоя на краю этого неприятного ручья, немного испуганная движением экипажей, телег и криками разносчиков, проходивших мимо меня, как вдруг два любезных незнакомца предложили мне с самым почтительным видом помочь мне в моем затруднении. Я воспользовалась их предупредительностью, очень поблагодарила их и вышла в улицу де ла Планш, где находился особняк Бранкас.

Довольно долго я стучалась у ворот, оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, что меня никто не видит: я боялась скомпрометировать Идали и в то же время хотела доказать ей мое участие. Добрый поступок придает

мужества и решимость придает силы. Наконец привратник открыл мне, и я проскользнула на двор и поспешила к двери флигеля, где находилась бедная Идали.

Я застала ее в ужасном нервном состоянии, что меня сильно взволновало. Г-жа де Бранкас приняла меня с распростертыми объятиями, и я долго разговаривала с ней об огорчениях и несчастиях, угрожающих ее кузине. Я ушла от них, когда стемнело. Дойдя до ручья, я набралась смелости ввиду надвигавшейся ночи — сделала великолепный прыжок и вернулась домой с сердцем, полным тревоги и муки.

Жорж[214] проезжал по улице в кабриолете в тот момент, когда его арестовали. Он находился в Париже уже шесть месяцев. Два брата Полиньяк, маркиз де Ривьер, Костер Сент-Виктор, паж Людовика XVI, и много других верных подданных были заключены в Тампль. Подготовляли их процесс. Был заподозрен Моро и присоединен к ним. Общественное негодование достигло апогея. Изверг дрожал, не спал подряд двух ночей на одном и том же месте и проводил большую часть дня на бельведере в Сен-Клу с зрительной трубой, смотря на дорогу в Париж и каждую минуту ожидая курьера с известием о восстании.

Г-жа де Ларошфуко, которую я часто встречала у Огюстины де Турцель, рассказывала ей, что ей часто

---

[214] Жорж Кадудаль (1771–1804), один из руководителей контрреволюционных роялистских восстаний периода Великой французской революции. Участвовал в 1793 в контрреволюционном мятеже в Вандее, после подавления которого возглавил движение шуанов (контрреволюционное движение в северо-западной Франции). В декабре 1800 и августе 1803 организовывал покушения на Наполеона Бонапарта. 9 марта 1804 был арестован в Париже и после судебного процесса казнен.

приходилось оставаться втроем с первым консулом и его женой, что Бонапарт не говорил ни слова и забавлялся тем, что резал мебель перочинным ножом, который всегда был с ним, и что о бешенстве, которое владело им, можно было судить только по движению руки. Какое счастливое положение! Яд был в его сердце, а демон гордости вселился в его большую голову.

IV

Г-жа Дюгазон, старинная и знаменитая актриса комической оперы, собиралась покинуть сцену. Ей дали прощальный бенефис. Актеры французской комедии единодушно выбрали для этого спектакля трагедию *Серториус,* из-за сцены, в которой Помпея сжигает лист заговорщиков, не читая его. Они хотели воспользоваться этим, чтобы высказать свое мнение извергу. Он приехал в театр, и во время сцены, о которой я говорила, он побледнел и, казалось, что его рот сводит судорога. Я сказала трем сестрам Турцель, сидевшим около меня: «Он задохнется от бешенства!» Но он шумно встал и уехал из театра. Этот отъезд доставил зрелище замешательством в партере. Бонапарт в бешенстве вернулся к себе.

Бонапарт занялся возвышением своих родственников и дал им титулы. Его сестры и его невестки обратились в принцесс крови. Глашатаи провозгласили это на улицах. Некоторые из рыночных торговок, услыхав это, тоже объявляли себя принцессами: *принцессой Спаржа, принцессой Шпинат* и т. п. Их отвели в полицию, но они сказали тем, кто арестовал их:

— Вы можете делать, что хотите, мы все равно останемся принцессами.

Когда принцессы крови в первый раз появились в театре, послышались крики:

— Вот принцессы крови!

Несколько голосов выделились в партере, и все услыхали: *в крови герцога Энгиенского*. Составили стихи на конец Республики:

L'indivisible citoyenne
Qui ne devait jamais périr
N'a pu supporter sans mourir
L'opération césarienne.
Grands parents de la République
Grands raisonneurs en politique,
Dont je partage la douleur
Venez assister en famille
Au grand convoi de votre fille
Morte en couches d'un Empereur[215].

Я с большой радостью узнала, что по герцогу Энгиенскому носили траур при русском дворе. Это произвело большое впечатление на благомыслящих людей в Париже. Марков собирался уезжать. Я с огорчением видела, что мне необходимо расстаться со страной, где я обрела душевный мир и счастье.

Г-жа де Шатильон попросила меня однажды зайти к ней утром и после некоторого колебания сказала:

— Я вас прошу, увезите мою дочь с собой.

Эти слова произвели на меня невыразимое впечатление. У меня не хватило мужества предаться радости за счет нежной скорби матери. Я не сказала ни слова и

---

[215] Неделимая гражданка,
Которая никогда не должна была погибнуть,
Не вынесла операции кесарева сечения.
Основатели Республики,
Любители поговорить о политике,
Скорбь которых я разделяю,
Собирайтесь на похороны вашей дочери,
Которая умерла, родив Императора.

только наклонила голову в знак согласия; но, видя, что она на меня внимательно смотрит, как бы ожидая ответа, я сказала:

— Я уеду, самое раннее, через шесть недель.

Потом я переменила разговор.

Мое затруднение было велико. Я не знала, как достать паспорт г-же де Тарант. Она не захотела вычеркнуть себя из числа эмигрантов, и я боялась привлечь на нее внимание, тем более что стали преследовать и женщин. Все, с кем я говорила об этом, не могли мне дать никакого совета. В то время как я находилась в этом затруднении, ко мне заявился камердинер г-на де Шуазель-Гуфье и передал мне записку и огромный министерский портфель, запертый на ключ. Де Шуазель просил меня, заклинал и умолял извинить его поступок, который был следствием, по его словам, его глубокого уважения ко мне и доверия.

Его подозревали в сношениях с Моро и могли с минуты на минуту арестовать. Он просил меня сохранить бумаги, которые могли быть слишком ярким доказательством его убеждений. Письмо заканчивалось массою комплиментов моему поведению. Я сделала вид, что поверила всему, что он мне сообщил, но я отлично поняла, что его поступок был просто молчаливым предложением мне сообщить о чистоте его убеждений в России. Но трудно было не заподозрить их. Его дружба с Тапейраном и все, что он получил по его милости, говорило против него: большая часть имений де Шуазеля были ему возвращены и также все античные древности, которые он собрал во время своих путешествий; его двор был полон капителями и сломанными колоннами удивительной красоты. Задаром не получают милости от Бонапарта.

Герцогиня де Жевр попросила позволения привезти ко мне г-жу де Шуазель-Гуфье, почтенную и интересную

женщину, качества которой гораздо выше достоинств ее мужа. Я приняла ее с горячим интересом и через два дня отдала ей визит. Де Шуазель с беспокойством смотрел на меня. Он не видал меня с тех пор, как послал портфель, и боялся, чтобы я не заговорила про это при его жене. Ему было стыдно признаться ей в этой комедии. Я не помянула об этом ни одним словом, хотя испытывала большое искушение сыграть над ним шутку. Я сказала ему о своем отъезде и о том затруднении, в котором я нахожусь с паспортом г-жи де Тарант. Мы условились насчет часа, когда он мне пошлет своего необычайного человека. Я попросила принцессу де Тарант прийти помочь мне, потому что я ничего не знала про то, как это делается во Франции. Она была у меня, когда мне доложили о приходе таинственной личности.

Одно его появление способно было вызвать удивление. Представьте себе пожилого человека, длинного, худого, с безобразным лицом оливкового цвета, с черными, пронизывающими глазами, с длинным, заостренным носом, с синеватыми, тонкими губами, ртом до ушей и огромными зубами; вся его фигура производила впечатление скелета. На нем был надет светло-серый фрак, длинная полосатая жилетка, панталоны, серые чулки и башмаки с маленькими круглыми пряжками. Волосы были причесаны по старинной моде, с буклей над ухом и косой на прусский образец, спускавшейся до половины спины.

Никогда я не видала такой мрачной фигуры. Я молчала несколько минут; этот страшный человек не внушал мне никакого доверия. Наконец я спросила у него, может ли он достать паспорт для особы, занесенной в список эмигрантов, но паспорт совершенно правильный, чтобы ехать на воды в Германию. Он ответил мне замогильным голосом:

— Отчего же нет?

— Но что же нужно для этого сделать?

— Я приду сообщить вам это завтра вечером. Тогда вы мне откроете имя особы, хотя мне это уже известно.

— Кто же это такая? — спросила я.

— Принцесса де Тарант.

Я дала ему в этот первый его приход луидор; он поклонился мне с такой преувеличенной улыбкой, что я не могла удержаться от гримасы отвращения. На следующий день он принес мне необходимые бумаги и сказал мне, что г-жа де Тарант должна будет пойти с ним к нескольким ремесленникам в ее квартал, чтобы пригласить их свидетелями. У нее была свобода выбора. Пришлось подчиниться этой формальности, и я дала ему в этот второй визит два луидора.

Через несколько дней он принес мне паспорт и попросил г-жу де Тарант отправиться с ним в префектуру. Хотя все это было законно, мы не могли не испытывать некоторого страха. Г-жа де Беарн предложила мне пойти подождать г-жу де Тарант на набережной перед префектурой. Мы стояли там около часу, чувствуя настоящую тревогу. Наконец она появилась, к нашему большому удовольствию, и паспорт был выдан по всем правилам, с подписями властей и между ними подпись Талейрана. Я щедро оплатила эту важную услугу.

V

Братья Полиньяк были арестованы. Идали была освобождена и получила разрешение посещать каждый день в тюрьме своего мужа. Ее кузина, г-жа де Бранкас, провожала ее. Двор в Тампле бывал полон народу, выказывавшего самое горячее участие жертвам. Их перевели в Консьержери; у ворот тюрьмы стало еще более собираться публики. Идали и ее кузина передавали

мне, что каждый раз, как они приезжали, народ бросался к ним с расспросами, нет ли какой надежды, и выражал им самое трогательное участие.

За несколько дней до суда заключенных собирали в течение дня в одной камере; стража была с ними и стояла у двери. Однажды вечером г-жа де Полиньяк, ее кузина и г-жа Моро были у заключенных; младший из братьев, Жюль де Полиньяк, ходил по камере и вдруг сказал, показывая на стражу:

— Эти господа плохо обращались с нами, когда мы были в Тампле; с тех пор же как они лучше нас узнали, они смягчились; я держу пари, что если бы они остались с нами два или три месяца, я мог бы приказывать им.

При этих словах чины стражи сняли шляпы.

Жюлю[216] тогда было двадцать два года, и он обладал самым красивым лицом в мире.

Начался процесс. Заседания суда продолжались с семи часов утра до четырех или четырех с половиной вечера. Ответы заключенных были великолепны. Они высказывали свою верность законному монарху с тем благородным мужеством, которое заставляет дрожать преступление и лишает его всякого оружия. И судьи потеряли голову. Зала была наполнена стражей, чтобы поддерживать порядок. Аудитория была сильно тронута мужественною верностью жертв и возмущена коварными и вероломными вопросами судей, которые,

---

[216] Полиньяк Огюст Жуль Арман де (1771–1847), граф, затем герцог. В первые дни революции вся семья Полиньяк эмигрировала. В 1804 тайно возвратился в Париж, участвовал в заговоре против Наполеона. Арестован вместе со своим братом Жулем, приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением; в 1813 бежал. Во время реставрации Бурбонов (1814–1830) занимал видные посты. После свержения Бурбонов Полиньяк был приговорен к пожизненному тюремному заключению. В 1836 помилован.

несмотря на все свои ухищрения, всегда были побиваемы. Сочувствие стражи было так живо, что ее пришлось переменить три или четыре раза в течение процесса. Жорж, в особенности, вызывал трудно скрываемое восхищение. Мой муж, присутствовавший на всех заседаниях, часто возвращался домой в слезах. Он сказал мне однажды, что, когда допрашивали Жоржа, его спокойный вид и простые, прекрасные слова настолько привлекли мужа, что, сидя наверху, в ложе, он не мог отвести глаз от Жоржа. Жорж заметил его, пробегая взором по аудитории, и растроганное лицо мужа настолько поразило обвиняемого, что он слегка поклонился ему. Муж очень гордился этим знаком внимания и не мог хладнокровно говорить об этом случае.

Все задрожали от негодования, когда услыхали на последнем заседании смертный приговор Жоржу, Костеру Сент-Виктору, Пико, слуге Жоржа, маркизу де Ривьеру, Арману де Полиньяк и двадцати другим. Пико подвергали различным пыткам: прикладывали раскаленное железо к подошвам, ломали пальцы на руках, чтобы заставить открыть его, где живет его хозяин. Он не предал его. Мешки золота, которые ему предлагали, он отверг с презрением. Он разделил тюремное заключение с Жоржем, также был судим и рассказал судьям, в присутствии публики, обо всех жестокостях, которые были произведены над ним.

Жюль де Полиньяк был приговорен к десяти годам тюрьмы, но когда он услыхал, к чему присудили его брата, он пожелал умереть за него или, по крайней мере, умереть вместе с ним. Арман противился этому проявлению братской преданности. Между ними произошел такой трогательный спор, что вся аудитория плакала. Они стояли, сжимая друг друга в объятиях. Жюль решил умереть, но неумолимые судьи ничего не изменили в своем приговоре.

Бедная Идали была ошеломлена. Мой муж вернулся с последнего заседания полный отчаяния. Он вошел в гостиную с таким печальным выражением лица, что нас поразило это, и сквозь слезы он рассказал нам про зрелище, на котором он только что присутствовал. У меня была семья Турцелей. Г-жа де Сент-Альдегонде, обладающая очень открытым характером, бросилась к нему на шею, говоря:

— Какой вы достойный человек!

Г-жа де Полиньяк была вынуждена обратиться к г-же Бонапарт. Она просила ее доставить ей возможность обратиться к первому консулу с просьбой о правосудии для ее мужа. Она рано утром поехала в Сен-Клу. Войдя к г-же Бонапарт, она лишилась чувств. Та отнеслась к ней со всей добротой. Она поместила ее в зал, где должен был проходить первый консул, предложила ей и даже умоляла ее упасть на колени перед ним и обратиться к нему с титулом, которым он облек себя.

Идали согласилась на все, чтобы спасти два дорогих для нее существа. Когда показался первый консул, она упала перед ним на колени и сказала с выражением глубочайшей печали:

— Государь, я прошу правосудия для моего мужа.

Он посмотрел на нее с удивлением и, не поднимая ее, ответил:

— Как можете вы просить помилования: он принадлежит к числу тех, кого послали убить меня.

При этих словах она с силой поднялась.

— Вы не знаете наших принцев, — воскликнула она, — они не могут замышлять убийство.

Этот смелый ответ смутил Бонапарта.

— Кто мне поручится за вашего мужа? — спросил он.

— Семь лет брака и семь лет счастья.

— Я возвращаю вам ваше счастье, сударыня.

Приговор был кассирован, и оба брата приговорены к четырем годам тюремного заключения. С тех пор прошло уже девять лет, и вместо обещанной свободы их перевели в тюрьму еще более ужасную, чем первоначальное место их заключения[217].

Маркиз де Ривьер был спасен от смерти просьбами сестры. Он провел четыре года вместе с Полиньяками в замке де Гам, потом его перевели в менее строгую тюрьму в Страсбурге. Теперь он считается заключенным «на слово» в этом городе и пользуется довольно большой свободой.

Г-жа де Полиньяк отдалась надежде. Она поспешила известить своего мужа и деверя и послала ко мне горничную сказать мне, что они спасены. Мы выходили из-за стола. Все, кто присутствовал у меня, были крайне рады. Я отправилась к Идали, чтобы поздравить ее. Ее маленькая комната была полна народу. Я бросилась к ней на шею. Г-жа де Бранкас нежно обняла меня и бросила потом меня в объятия ее старой свекрови и ее мужа. Потом все закричали:

— Поцелуйте этого достойного человека.

И толкали меня к человеку в очках.

— Это адвокат, который так хорошо защищал наше дело.

Я была так оглушена всеми этими излияниями, что у меня голова пошла кругом и я стала смеяться, как ребенок.

VI

Я с сожалением видела, что момент моего отъезда приближается. Я не могла хладнокровно порвать

---

[217] Они были освобождены только в 1814 году во время падения Бонапарта и реставрации Бурбонов. – *Примеч. авт.*

дружеские связи, закрепленные действительным и нежным чувством. Я пользовалась остававшимся у меня временем для поездок по окрестностям Парижа. Их разнообразие было для меня постоянно новым. Я отправилась с г-жой де Тарант, г-жой де Беарн и принцессой де Тальмон в Пре Сен-Жерве. Этот луг занимает довольно обширное пространство земли, покрытое исключительно сиренью. Зрение и обоняние приятно поражены. Сладкий запах сирени приятен и напоминает свежесть юности.

Мы отправились потом в лес Ромэнвилье, принадлежащий г-же де Монтессон. Мы сели на скамью напротив группы крестьянок. Упрямая старуха бранила молодую девушку, печальный и смущенный вид которой забавлял мальчика, сидевшего рядом с хитрым выражением лица. Другой ребенок, стоя на коленях, ел фрукты из корзинки. Все это вместе составляло деревенскую картину, которую я и зарисовала в памятную книгу.

Четыре штриха с натуры более ценны и производят большее впечатление, чем заботливо сделанный рисунок, извлеченный из воображения. Совершенно справедливо говорят: «Только правдивое прекрасно и приятно». Св. Тереза говорила, что «воображение — это безумная в семье наших чувств». Это совершенно верно, если предоставить ему свободу блуждать без узды, но, если им руководит истина, оно становится полезным и без утомления переносит нас в прошлое и грядущее. Оно помогает мысли, прикрашивает ее и придает выразительность картинам. Бог дал нам все возможности действовать морально и физически; надо только внести порядок в эти драгоценные дары и, собирая механизм наших действий, точно и верно расположить все, что его составляет.

Участие, которое я принимала в Идали, глубоко растрогало ее, и она старалась дать мне все доказательства ее чувствительности.

Момент моего отъезда приближался. Мои хорошие друзья насколько возможно не расставались со мной. Марков уехал. У меня оставалось до отъезда две или три недели. Когда я однажды утром гуляла с Полиной де Беарн, она сказала мне:

— Дорогой друг, с тех пор как я уверена в вашем отъезде, мое сердце страдает невыразимо и бесконечная разлука с вами наполняет меня беспокойством, которое я не могу подавить; мне кажется, что вы приехали, чтобы по крайней мере приблизить нас к счастью и что с вашим отъездом несчастья одолеют нас.

Увы! Это предчувствие оказалось слишком правдивым. У нее было тяжелое горе, подробности которого слишком долго рассказывать и которое продолжалось всю ее жизнь. *Прелесть, добродетели и несчастье* — вот ее девиз.

Жертвы были отведены на эшафот на Гревской площади. Жорж, Костер Сент-Виктор, Пико и семнадцать других умерли с возгласом: «Да здравствует король!» Стража окружала эшафот, чтобы помешать народу слышать их и действовать.

Моро, боясь смерти, написал Наполеону письмо в тоне извинения. Это проявление слабости будет неизгладимым пятном в истории его жизни. Они пришли к соглашению, и результатом его было удаление Моро в Америку. Бонапарт для своего спокойствия чувствовал необходимость, чтобы единственный человек, который мог заместить его в Париже, был удален.

Глава четырнадцатая. 1804–1805

I

Я уехала из Парижа 26 июня, на следующий день после казни жертв, в четыре часа пополудни. Мои подруги приехали проститься со мной. Мое сердце было переполнено страданием от разлуки с ними, которые так сильно меня любили, и от печали, которую испытывала г-жа де Тарант, расставаясь со своей матерью.

Здоровье моей матери начинало изменяться. На следующий день после отъезда с ней случился ее обычный припадок нервного паралича. Мое беспокойство достигло апогея. Было ужасно видеть ее в таком положении в гостинице, где не было никакой возможности доставить ей покой. Наконец Бог сжалился надо мной: она почувствовала себя лучше и мы перенесли ее в карету. Движение и воздух окончательно поправили ее.

Мы приехали в Мец и заночевали там, чтобы отдохнуть. На следующее утро я осматривала город с г-жой де Тарант и моими детьми. Мы вошли в очень красивую церковь и я села у подножия одной из колонн, чтобы зарисовать ее внутренний вид. Едва я начала рисовать, как бедная женщина, вся в лохмотьях, подошла к алтарю в нижнем приделе церкви и стала горячо молиться, проливая потоки слез. Мы смотрели на нее с теплым состраданием и с уважением к ее трогательной молитве. Когда она кончила, мои дети побежали к ней дать ей милостыню. Она вскрикнула и упала на колени, чтобы горячо возблагодарить Бога. Вера, горячий порыв, доверие этой женщины и ее благодарность к Божественному милосердию, пришедшему ей на помощь, подтверждают истину, которая постоянно должна бы занимать наши мысли: *Верьте, молитесь, и вы получите просимое*.

Проезжая через Эльзас, я с удовольствием опять увидела красивую цепь Савернских гор. В Гейдельберге я отправилась посмотреть готический замок. Я поднялась вместе с г-жой де Тарант и моим мужем по извилистой тропинке, ведущей к нему. Я с интересом осмотрела большой двор, окруженный аркадами, стены которых покрыты только щитами. Эти украшения рыцарски благородны.

В Раштадте мы пошли на кладбище, где погребены убитые французские комиссары[218]. Недалеко оттуда находится аллея, ведущая в Карлсруэ. Я шла по ней несколько времени; моя мысль тяжело внимала чувствам, наполнявшим мое сердце. Бывают в жизни минуты, когда хотелось бы не иметь ни воспоминаний, ни любви. Хотелось бы стать немой, как могила, чтобы возродиться потом.

Мы остались на два дня во Франкфурте. Я встретила там г-жу Тутолмину, которую была очень рада видеть. Я осматривала город, хотя частью он был мне уже известен. Меня поразила печальная музыка, исполнявшаяся студентами перед каким-то домом. Музыка сопровождалась похоронным звоном на приходской колокольне. Я с любопытством спросила, что это означало, и узнала, что это был особый странный обычай сопровождать агонию умирающего.

В Марбурге, в соборе, находится мавзолей, воздвигнутый в честь Елизаветы, принцессы Венгерской, бывшей замужем за ландграфом Людовиком Тюрингским. В церкви много различных барельефов, представляющих сцены из жизни этой принцессы. Мавзолей в виде

---

[218] Робержо, Жан де Бри и Х... (Бонье) в 1798 г., в тот момент, когда они уезжали с Раштадтского конгресса. Это преступление было совершено убийцами в гусарских костюмах, но никто не сомневался, что это были посланные французской Директории. – *Примеч. авт.*

саркофага замечателен своею работою и украшающими его драгоценностями. В особенности обращает внимание редкой величины бриллиант желтой воды. Ночью он светится, как свечка. Тело этой принцессы погребено в этой церкви, но неизвестно, в каком месте. Эта тайна существует по желанию ландграфа[219]. Он доверил ее духовенству, унесшему с собою ее в могилу. Этот памятник воздвигнут в 1235 году.

Я осматривала Кассельский музей. Там есть довольно редкие камни, плохие статуи и много картин фламандской школы, великолепно исполненных. Там есть произведения Рембрандта, Берггема и Поля Потера — того самого, который находится теперь в галерее Эрмитажа после приобретения Императором Александром собрания картин Мальмезона, — он особенно привлек мое внимание. Мы видели потом фигуры из воска всех курфюрстов. Они сделаны в натуральную величину и в парадном костюме. Потом нам показали католическую капеллу выдающейся архитектуры. Она построена ландграфом Карлом.

В Готе покойный герцог, согласно выраженной им воле, погребен в саду, без гроба, в рубашке. Его могила окружена газоном, и он лежит под обручами, чтобы помешать земле прикасаться к нему. Его гроб находится в церкви недалеко от могилы. Странность сердца, крайнее безумие оригинальности, тщеславие, порицающее истину, создают представление о фокуснике, которому

---

[219] Св. Елизавета Тюрингская пережила на несколько лет своего супруга, умершего в 1227 или 1228 году в Палестине. Она умерла 19 ноября 1231 г. и была канонизована папой Григорием IX 27 мая 1235т. Неизвестно место ее погребения, потому что ее останки многократно, по разным причинам, переносились, и последний раз после Реформации. Памятник считают поставленным позднее эпохи ее канонизации. – *Примеч. авт.*

не удался трюк его ложной магии: предмет, который он хотел скрыть, открывается глазам публики. Мне досадно за герцога: несмотря на это, он все-таки умер и съеден червями; вечность все-таки существует для него; его небрежный костюм не помешает ему войти в вечную жизнь. Я с удовольствием купила альманах в месте его зарождения.

Веймарский сад прелестен. Великой Княгини Марии не было в Веймаре в то время, когда я проезжала через этот город[220].

Кафедральный собор в Каумбурге, из католического превращенный в лютеранский, принадлежит к самым красивым зданиям. Эта перемена доказывает, что первая религия древнее второй.

Я с удовольствием опять увидела красивые места Лейпцига. С самым нежным чувством смотрела на террасу с цветами, о которой упоминала выше.

В Мейсене я поднималась на башню, откуда виден Дрезден. Я приехала в этот город со сжатым сердцем от воспоминания о г-же де Шенбург. Я в первый раз должна была увидать ее мать княгиню Путятину. Столько волнений и беспокойства за здоровье моей матери отразились очень плохо на мне. К несчастью, я попала в руки медика, который завалил меня лекарствами.

Я старалась владеть собою, насколько возможно, чтобы скрыть мою тревогу от матери. Я осмотрела все места, которые мне г-жа де Шенбург столько раз описывала в письмах. Я часто виделась с княгиней Путятиной, интерес которой ко мне, казалось, смешивался с ее сожалением о дочери.

---

[220] Она еще не приезжала туда тогда, потому что как раз в это время, в июле 1804 года, был совершен ее брак в Санкт-Петербурге. – *Примеч. авт.*

Однажды она попросила меня прийти одну после обеда. Я отправилась на ее приглашение. Она провела меня в свою спальню, где находился очень похожий портрет во весь рост г-жи Шенбург. Вид его очень взволновал меня. Княгиня просила меня подождать минуту и сказала, что она кое-что мне сейчас принесет. Я осталась перед портретом, смотря на него с тяжелым и сладким чувством.

Вдруг княгиня возвратилась и закрыла мне лицо платьем, которое было на ее дочери в день нашей разлуки. Мне казалось, что я вижу и чувствую ее. Воротник платья еще сохранил запах ее шиньона, надушенного туберозой. Этот запах, образ ее фигуры, так хорошо намечаемой платьем, произвели на меня сильное впечатление. Мне казалось, что я вижу г-жу Шенбург и слышу ее раздирающие сердце рыдания, когда она прощалась со мной навсегда. Все содрогнулось во мне; я молчала; все, что было передо мною и во мне, исчезло для меня.

Пробуждение было ужасным. Я нашла только мысль о смерти и о могиле вечной дружбы. Я слишком страдала и была слишком огорчена, чтобы подумать о представлении ко двору курфюрста. Я осматривала эту так прославленную галерею, где я нашла несколько шедевров, испорченных вследствие отсутствия присмотра. «*Успение Св. Девы*» Рафаэля выше всякой похвалы. «*Ночь*» Корреджио мне не понравилась; я была оскорблена этим сплетением ног и рук ангелов. Чрезмерные похвалы всегда наносят ущерб достоинству; преувеличения экзальтируют и располагают к восхищению, прежде чем увидишь хвалимый предмет. Тогда чувством сравнения и критики, вполне естественным, разрушается волшебство идеала. Ложные репутации и ложные представления исчезают, как мчащиеся облака, где видишь всякого рода фигуры.

II

Медик прописал мне больше движения. Муж предложил мне проехаться в Саксонскую Швейцарию. Я поехала с ним, с г-жой де Тарант и некоторыми другими лицами. Мы начали с *Liebe-Thal*, прелестное место, где мы ели сливки на превосходной мельнице, в веселой местности с разнообразными видами. Когда мы отправились далее, перед нашими глазами предстала самая дикая и строгая природа. Огромные скалы, узкие долины, сжатые между высокими горами, покрытыми лесом; отроги, громоздившиеся перекрещиваясь; крутые каменистые тропинки, проложенные по необходимости, источники, низвергавшиеся в глубокие долины, — все это представляло суровый пейзаж, от которого я была в восхищении.

Погода была чудесной и спокойной; мы ходили в течение семи часов с проводником впереди. Мы вскарабкались на коленях на две утесистых горы (Большой и Малый Виртемберг); мы цеплялись за корни и ветви, чтобы не упасть; моя одышка почти совершенно лишала меня сил. Г-жа де Тарант протащила меня до вершины одной из гор, где находится нечто вроде павильона. Мы остановились там, чтобы отдохнуть и полюбоваться видом, простиравшимся вдоль Эльбы. Потом мы спустились с горы через густой и дикий лес по тропинке, покрытой камнями и терниями. В дороге нас застала ночь. В природе было все тихо. Сквозь верхушки старых дерев виднелись серебряные лучи луны, бросавшие смутный свет. Удары топором дровосека повторялись эхом. Я испытывала необычайное наслаждение, которое может быть вызвано только красотами природы. Это действительное здоровье, которое никогда не истощится; оно существовало во все века и во все времена.

Опираясь на руку г-жи де Тарант, я отдавалась всем воспринимаемым мною впечатлениям, пока мы не дошли до конца леса. Мы увидали у наших ног кровли селения, расположенного на берегу Эльбы. Этот новый пейзаж был облит светом еще более ярким оттого, что он был оттенен с двух сторон темным лесом. Мы казались висевшими в воздухе, тогда как прошли почти три четверти спуска. Совершенно внизу мы нашли лодку, которая перевезла нас в Пирну, где провели ночь, прежде чем возвратиться в Дрезден.

Долина Тарандт очень живописна. Развалины замка представляют хороший наблюдательный пункт, возвышаясь над частью гор и над долинами, усеянными деревнями.

Наши поездки иногда прерывались из-за тревоги, испытываемой мной. Бледность лица моей матери наполняла меня холодом, и, хотя по временам я надеялась привезти ее на родину, я мало успокаивалась и еще более страдала потом.

Я с удовольствием увидалась с принцессой Луизой Прусской; она часто заезжала ко мне и обедала у меня со своим братом принцем Луи, который погиб несколько лет спустя на войне с Францией. Он почти всегда был жертвою обстоятельств и если совершил некоторые проступки, то только потому, что был не на своем месте. У этого принца была возвышенная душа, но, будучи стеснен в своих действиях, он сбился с дороги, и живость характера увлекла его. Горячность и желание отличиться были причиной его смерти.

III

Я приближаюсь к печальной эпохе моей жизни, к ужасному моменту, когда я потеряла мать.

Мне более нездоровилось, чем обыкновенно. Довольно сильная лихорадка не позволяла мне выходить из комнаты. Мать провела почти весь день около меня. Она была удивительно бледна и по временам впадала в глубокую задумчивость. Я не могла оторвать своих мыслей от нее, и мое сердце содрогалось. Она оставила меня, только чтобы пойти пообедать, и вернулась вечером. Когда пробило половина одиннадцатого, она встала, чтобы проститься со мною, как всегда нежно поцеловала меня, благословила и удалилась. В одиннадцать часов я послала горничную, обыкновенно укладывавшую ее спать и услуги которой нравились ей. Я с нетерпением ждала горничную, чтобы узнать, успокоилась ли мать. Дети все спали; г-жа де Тарант молилась перед сном в соседней комнате. Я совсем уже легла.

Вдруг прибегает горничная с расстроенным видом и говорит мне изменившимся голосом:

— Барыня, ваша мать просит вас прийти к ней как можно скорее.

При этих словах я задрожала. Я подумала: «Мать умирает и зовет меня». Я соскочила с кровати, накинула на себя ватный шлафрок и побежала к ней. Какая картина представилась тогда моим глазам! Мать со всеми ужасными признаками паралича сидела на постели. У нее были голые ноги, седая голова была открыта, и глаза изменились. Хотя и умирающая, она протянула ко мне руки; я обняла ее, и голова упала ко мне на грудь; она благословила меня очень трогательно, нежно и торжественно. Бог дал ей на это силы, несмотря на апоплексический удар.

Я не берусь передать, что происходило во мне. Я чувствовала, что силы меня покидают, и мы падали, обнимая друг друга, когда меня вырвали из ее объятий. Муж отвел меня в мою комнату. Я упала на колени

перед крестом и долго молилась вслух. Г-жа де Тарант говорила мне потом, как она была тронута словами молитвы, естественно проистекавшими у меня из души. Мой муж был так растроган, что стал на колени рядом со мной.

О смерть! Сколько чувств возбуждаешь ты в нас, какие истины открываешь ты нам! Ты конец и начало, ты разрушаешь для того, чтобы возродить. Каждая капля крови во мне была проникнута ее ледяным дыханием.

Мать умерла через полчаса после того, как я ушла от нее. Немного раньше она потеряла способность говорить, но у нее осталось еще силы взять руку моего мужа и поднести к своим холодеющим губам. Он принял ее последний вздох. Это право принадлежало ему, как самому верному другу, любящему сыну и опоре ее старости.

Мать часто выражала желание, чтобы ее похоронили в одном из ее имений Калужской губернии, где она родилась. То же самое желание было выражено в найденной после ее смерти записке, написанной ее рукой и адресованной моему мужу. Муж обратился с просьбой к Императору о разрешении исполнить последнюю волю моей матери. Государь очень милостиво согласился и приказал, чтобы заупокойные службы были совершены во всех церквях, мимо которых будет проходить тело покойной.

Устройство всего этого заняло много времени. Пока же гроб с телом покойной поставили в часовню, предназначенную для этого, около католической церкви и кладбища иностранцев. Позаботились, чтобы я не знала, когда эти дорогие для меня останки будут увезены.

Муж был в этом случае для меня, как и во многих других, ангелом-хранителем. Он взял на себя все расходы, хотя они должны были лечь на моего брата, получавшего после матери наследство и жившего недалеко

во Франкфурте-на-Майне. Но муж считал для себя действительным удовольствием позаботиться о моей матери после ее смерти, как он заботился об ней при ее жизни.

Г-жа де Тарант не покидала меня ни днем, ни ночью; ее нежная заботливость обо мне была торжеством дружбы. Печаль лишила меня сна. Каждый вечер в одиннадцать часов я испытывала волнение и страдания, которые могут быть поняты только сыновней любовью. Это продолжалось около двух месяцев. Г-жа де Тарант садилась с книгой около моей кровати и уходила от меня только в четыре часа утра, когда я, совершенно истощенная, впадала в отупение. Она рано вставала, чтобы отправиться молиться за мою мать; такая чувствительная и настоящая заботливость смягчала горечь моего сердца.

В это время случилось одно событие, которого я никогда не забуду. Я сидела одна утром у себя на диване, погруженная в печальную задумчивость. Муж вошел в комнату и сел рядом со мною. Мы некоторое время молчали; его глаза наполнились слезами, и он, рыдая, бросился ко мне, говоря: «Мы оба осиротели, будем же утешать друг друга».

Зима печально прошла для меня; настоящая законная скорбь никогда не истощается. Религия смягчает ее остроту, но не уничтожает ее совершенно, и она прекращается только со смертью. С соизволения Божьего время только укрепляет нас, чтобы мы могли переносить ее в течение дальнейшей жизни.

IV

В апреле месяце г-жа де Тарант отправилась на несколько недель в Вену, и мы условились выехать ей

навстречу в Прагу. Я спускалась с прекрасной горы Гейерсберг пешком или в кресле, которое несли крестьяне. Эти носильщики живут на вершине и привыкли совершать это путешествие, требующее много силы. По временам они отдыхали; я пользовалась этим временем, чтобы собирать ползучие растения, которые произрастали в тени прекрасных дерев. Я думала о действии времени, при помощи которого нежным растениям удается укорениться в самой твердой скале. Я видела также борозды, промытые дождем в скалах, и мне приходила в голову масса сравнений между миром физическим и духовным. Образы и цвета привлекали мой взор, побуждая меня взяться за палитру. Но где я возьму кисть, чтобы передать природу! Самое удачное подражание все-таки только мечта, которая поражает нас вначале, но потом, когда вглядишься, иллюзия пропадает.

Я провела два дня в Теплице. Я отправилась гулять вечером с детьми. Подходя к одному из питейных домов, я услыхала звуки прелестной музыки, раздавшейся по долине. Я остановилась, чтобы послушать. Играли совершенно незнакомые мне вальсы, но они пробудили во мне воспоминания. Таково действие музыки; всегда она гармонирует с чувствительностью, подобно туго натянутой струне, звучащей при малейшей вибрации. В природе все звуки; достаточно ударить, чтобы убедиться в этом; но ничто не сравнимо с голосом: он вводит слова к нам в сердце и, если в отсутствие дорогого лица голос напомнит его, все исчезает перед глазами и мы переносимся на крыльях мысли к нему, заставляющему все исчезать, оставляя нам только счастье чувствовать его.

На следующий день после нашего приезда в Прагу к нам присоединилась г-жа де Тарант. Прага — живопис-

ный город с отпечатком старины. Я люблю старинные города, они внушают уважение. Время, в которое мы находились в Праге, было самым интересным в году. Праздновали день Св. Иоанна Непомуцена, покровителя города, где он родился и претерпел мученичество. Праздник продолжался неделю. Много народа съезжается из окрестностей; в кафедральном соборе, где находится массивная серебряная рака с телом святого, была пышная служба. Мы слушали мессу с хоров; говорили проповедь на чешском языке, очень похожем на русский. Мне было невыразимо приятно, что я поняла всю проповедь. Мы осмотрели весь город. На красивом мосту через Молдаву была поставлена закрытая часовня, посвященная Св. Иоанну, и перед ней постоянно стоял на коленях народ. Прохожие с уважением снимали шляпы. В общем, чехи набожны и добродушны.

Мы провели в Праге два дня, в течение которых осмотрели много монастырей. В первый раз в жизни была я в католическом монастыре. Те, которые я видела в Париже, были уничтожены. Там были только собрания. Г-жа де Турцель показала мне одно из них, собрание монахинь-кармелиток. Они жили в здании бывшего монастыря кармелитов. Большое число монахов было убито там 2 и 3 сентября 1792 года. Коридоры окрашены кровью. После эпохи Террора г-жа Жокур, бывшая воспитанница кармелитского монастыря, купила это здание и созвала сестер, поспешивших отправиться туда. Но правительство косо смотрело на них, и они не имели права носить монашеского платья. Они выбрали для себя однообразный костюм цвета…[221] с головными уборами и косынками из белого полотна. Я была за вечерней в этой общине, и так как я была очень нездорова,

---

[221] неразборчиво. – *Примеч. пер.*

то были так внимательны, попросили помолиться за меня почтенного старика, духовника монахинь.

Но я возвращаюсь к Праге. Секретарь местного архиепископа взялся быть нашим чичероне. Проходя по улице вместе с ним, мы встретили его знакомого старого кармелита; последний был саксонским офицером-лютеранином и стал католическим монахом. Он был духовником в монастыре кармелитов. Наш спутник попросил его провести нас в церковь этого монастыря и показать нам сквозь решетчатое окно одну из монахинь-кармелиток, умершую сто тридцать лет тому назад. Он согласился. Когда мы были в церкви, он подошел к окну, сделанному на высоте груди, и сказал шепотом несколько слов. Сию же минуту изнутри отдернулась зеленая занавеска, и мы увидали в маленькой квадратной комнате мертвую монахиню, сидевшую в кресле. На ее лице не было никаких следов разложения, кроме нескольких пятен. Глаза были спокойно закрыты, нос и рот великолепно сохранились. Руки были худые, но не похожи на руки трупа. Монахини по очереди дежурят около нее.

Монахиня, отдернувшая занавеску, держала ее еще. Мне виден был ее профиль, она была закрыта черным крепом, спускавшимся до колен. Она взяла руки покойницы и подняла их без усилия, они сохранили всю свою гибкость. Потом монахиня встала опять на свое место, и я сказала бывшей со мной дочери:

— Та, которая держит занавеску, так же умерла для мира, как и другая.

Едва я сказала эти слова, как я услыхала шуршание платья. Монахиня, обреченная на молчание, исчезла, как тень. Этот орден — один из самых строгих. Они говорят только раз в день и не должны слышать посторонних голосов.

Покидая Прагу, мы отправились водою по Эльбе до Раудница, а оттуда в Дрезден. Это была одна из самых красивых поездок, совершенных мною. У нас было три судна: одно для экипажей, другое — кухня и третье для нас, с прелестными каютами. Берега Эльбы восхитительны. Там попадаются виды, любуясь которыми сожалеешь о том, что скоро удаляешься от них. У меня была маленькая комната вместе с г-жой де Тарант. Мы вместе наслаждались очарованием красивой природы и нового образа жизни. В час обеда судно с кухней приближалось к нам.

Я испытала тяжелое чувство, приехав в Дрезден, вновь поднимавший во мне такое жестокое воспоминание, и по той же причине я чувствовала сожаление, когда через месяц пришлось расстаться навсегда с этим городом. Я возвращалась на родину без всякого удовольствия: я не привезу туда мать. Мое сердце было полно печали.

V

Доехав до Митавы по той же дороге, по которой мы уже ехали туда, мы остановились там в довольно плохой гостинице, но другой не было. Мы застали там лекаря герцогини Ангулемской, дожидавшегося г-жу де Тарант, чтобы сказать ей от имени Ее Королевского Высочества, что она должна сейчас же отправиться к ней. Он сказал нам, что герцогиня сейчас на прогулке и что мы увидим скоро, как она поедет обратно.

Г-жа де Тарант села со мной рядом на подъезде, чтобы подождать ее. Мы видели, как она искала взглядом по окнам г-жу де Тарант и как она откинула назад свою черную вуаль, увидя нас (она была в трауре по графине д'Артуа). В поклоне, которым она ответила г-же де Тарант, было что-то особенное. Ее лицо приняло самое нежное

выражение. У г-жи де Тарант подгибались колени; она опиралась на мою руку, возвращаясь к себе в комнату, и, придя туда, упала на постель; казалось, что ее душили рыдания.

Вскоре за этим герцогиня послала за ней, и вот что она рассказала мне по своем возвращении. Как только она приехала во дворец, ее провели в кабинет герцогини. Дверь открылась, и г-жа де Тарант увидела герцогиню, которая стояла посреди комнаты и протягивала к ней руки. Г-жа де Тарант упала на колени, прежде чем герцогиня успела ей помешать. Обе плакали, не имея сил говорить. Но что значат слова для выражения того, что испытываешь в подобные моменты. В душе встают воспоминания, соединяя прошлое с настоящим.

Между ними произошло объяснение, сильно растрогавшее г-жу де Тарант. Дело было в том, что г-жа де Тарант написала герцогине письмо, когда ее королевское высочество была в Вене, и получила холодный ответ. Герцогиня сказала ей, что она была вынуждена отвечать в таком тоне, что она не могла тогда распорядиться своими поступками и что если г-жа де Тарант была огорчена этим письмом, то и ее это также огорчало.

Король, королева и герцогиня Ангулемская очень тепло приняли г-жу де Тарант. Их Величества пожелали, чтобы я обедала у них на следующий день вместе с моим мужем. Вечером у нас были с визитом лица свиты короля и принцессы: герцог д'Аврэ, почтенный старик, брат г-жи де Турцель; аббат Эджвортс, одного имени которого достаточно, чтобы внушить самое глубокое уважение. Никогда лицо не отражало так красоту души, как у аббата. Он был высокого роста и имел благородный вид; милосердие и апостольское достоинство отражались во всей его фигуре. Я смотрела на него и слушала с умилением. Когда все уехали, я осталась одна с г-жой де Тарант поговорить обо всем, что она испыта-

ла. Никогда не чувствуешь лучше цену дружбы, как в те минуты, когда с сердцем, полным глубокого волнения, обращаешься к человеку, вполне разделяющему его, умиляешься и отдыхаешь.

На следующий день я явилась к королю во дворец, где двор уже собрался. Герцог д'Аврэ ввел меня. Его Величество поспешно подошел ко мне и милостиво выразил мне, как он был тронут моей дружбой с г-жой де Тарант. Король представил меня потом королеве и герцогине Ангулемской, которые приняли меня очень хорошо. Разговор шел до обеда. Король первый направился к столу, а за ним следовала его семья. Он сел между королевой и герцогиней. Последняя с большим достоинством и очень вежливо посадила меня рядом с собой. Мы говорили о Франции и о лицах, интересовавших герцогиню. После обеда король завладел мною. Мы много шутили. Он замечательно любезен и говорит действительно, как король.

На королеве был надет забавный костюм без всякого вкуса, и у нее неприятное лицо, но она очаровывала своим умом.

На следующий день я была с поздравлением у герцогини по случаю дня рождения герцога. Я взяла туда своих детей. Герцог Ангулемский принял нас и попросил подождать герцогиню, которая была за туалетом.

Он приятно разговаривал с нами. Г-жа де Тарант сказала ему с волнением:

— Как я Вам благодарна, Ваше Высочество, что Вы сделали герцогиню такою счастливою!

— Скажите лучше, принцесса, — ответил он, — что я сделал, что заслужил такое сокровище.

Потом появилась герцогиня; она была очень весела и любезна.

Два дня спустя я уехала со своим семейством в Петербург. Г-жа де Тарант осталась еще на месяц в Митаве.

Глава пятнадцатая. 1805–1811

I

Возвратясь в Петербург, я с печальным чувством вошла в свой дом, ставший таким обширным для меня после смерти матери. Мое помещение было совершенно испорчено. Во время нашего отсутствия оно было снято принцем Людовиком Виртембергским. Моя спальня, в особенности, носила следы неряшливости принца. Император осматривал помещение за несколько дней до нашего приезда. Он был поражен, хотел взять на себя расходы по отделке и крайне удивился, когда управляющий не захотел принять более двух тысяч рублей. Обои в гостиной были обрызганы мыльной водой. Казалось, что принцу было угодно умываться во всех комнатах.

Наступил момент моего представления ко двору, находившемуся тогда в Таврическом дворце. Я была взволнована различными чувствами и воспоминаниями, но старалась, насколько возможно, владеть собой. Графиня Протасова вошла со мной в гостиную Императрицы. Через четверть часа появилась Ее Величество. Я была еще в трауре по матери; мой костюм гармонировал с настроением моей души. Императрица подошла ко мне со смущением. Поцеловав меня, она сказала:

— Вы были очень счастливы во Франции?

— Да, Ваше Величество, я нашла там утешение, возможное для огорченного сердца.

— Я очень сочувствовала вам в вашем горе, которое вы испытали в Дрездене.

Я молча поклонилась. Наш разговор на этом и остановился. Толстой, прислонясь к стене, слушал нас и, может быть, надеялся что-нибудь подметить.

Я не видела Государя: женщины ему никогда не представляются. Я сделала несколько визитов друзьям и посторонним. Первые приняли меня хорошо, вторые видели во мне особу, бывшую на плохом счету при дворе, но поведение которой во Франции внушало уважение. Я нашла много перемен в обществе и в администрации. Департамент генерал-прокурора, существовавший долгое время, был разделен между многими министерствами. Это подражание режиму Бонапарта огорчило старинных слуг, потому что оно неизбежно повело за собою новые злоупотребления и грабеж. В царствование Екатерины II у генерал-прокурора были помощниками четыре секретаря; теперь у каждого министра их было много, и все эти люди, получая небольшие оклады, спекулировали на своих должностях.

Возвращаясь в Петербург, мы встретили русские войска, выступавшие против Бонапарта. Гордый, воинственный вид солдат и прекрасная выправка внушали доверие и надежду. Но время отличиться, как это было впоследствии, еще не пришло. Всем известны события, случившиеся в этом году и в следующих: битва при Аустерлице, битва при Эйлау и Фридланде и Тильзитский мир после встречи на Немане. Я буду говорить об этом дальше, но пока надо возвратиться к нашей внутренней жизни.

Г-жа де Тарант приехала к нам через месяц. Мое счастье было невыразимо, и вся семья разделяла его. Мы возвратились к нашему спокойному и однообразному образу жизни; дни тихо следовали один за другим; суета этого мира не трогала и не смущала нас. В мае месяце мы все поехали в имение моего мужа в Нижегородской губернии. Мы остановились на две недели в Москве, и я с действительным удовольствием

увидалась с моей belle-soeur княгиней Голицыной. Впрочем, Москва была моей родиной, и я должна была относиться к ней с интересом.

Из Москвы мы заехали на несколько дней в имение графа Ростопчина. Он жил там во дворце, прославившемся впоследствии[222].

Я с нетерпением дожидалась момента, когда я приеду в свое имение в Калужской губернии. Я хотела увидать место, где прошло мое детство и где погребены останки моей дорогой матери. Подходя к старому саду, я увидала между деревьев церковь и памятник из белых камней. Он помещался напротив алтаря и был окружен вишневыми деревьями. Я побежала туда с детьми; мы упали на колени, и то, что я испытала, невыразимо. Бог был в моей душе, и мои чувства все были проникнуты мыслью о матери; представление об этом часто встает в моем воспоминании. Сыновняя любовь соединяет много чувств.

Мы проехали потом через Владимирскую губернию: прелестная и плодородная местность. Оттуда до Нижнего Новгорода дорога великолепна. Я осматривала этот город с г-жой де Тарант, жадно стремившейся все узнать, и я думала о странностях судьбы, заставившей статс-даму французского двора путешествовать по берегам Волги. Наконец мы приехали в имение моего мужа[223].

II

Мы ехали по дороге, проходившей через хлебные поля; все дышало довольством, и отражение золотистых

---

[222] Имение Вороново сожжено во время Отечественной войны 1812.

[223] Имение Воротынец Васильевского уезда Нижегородской губернии.

снопов представляло веселую картину. Крестьяне при нашем появлении выражали трогательную радость. Они были богаты и счастливы. Г-жа де Тарант радовалась за хозяина при виде счастья его слуг. Мы в течение нескольких месяцев вели тихую и спокойную жизнь. Г-жа де Тарант проходила полный курс земледелия, осматривала вместе с мужем имение и писала обо всем матери. Мы ездили на знаменитую Макарьевскую ярмарку, бывавшую каждый год в семи верстах от одной из наших деревень.

Мы ночевали в деревне, расположенной на берегу Волги, в местности, покрытой лесом и очень живописной. Мы остановились в красивом доме одного из наших крестьян, и вечером я видела на реке много барок. Некоторые из них, особенной длины, принадлежали сибирякам. Они бросили якорь под нашими окнами, и я была свидетельницей сцены, совершенно новой для меня. На барках находились и христиане, и магометане; их разделяла белая занавеска. На одном конце каждой барки был флаг с изображением креста, а на другом — флаг с изображением полумесяца. Христиане молились молча; магометане кричали «Аллах» и кривлялись.

Мы отплыли на следующий день на нашей лодке; гребцами были двенадцать из наших крестьян. На них были красные рубашки, что придавало нам праздничный вид. Ярмарка расположилась на правом берегу Волги в песчаной равнине. Это место можно было принять за морской порт: вся река была покрыта кораблями, украшенными флагами. Впоследствии там многое переменилось, но тогда все лавки помещались в палатках, разделенных на много отделений, и все было украшено зеленью. Одна из палаток, более просторная, чем другие, представляла салон, убранный зеркалами. Это были магазины мод, торговавшие товарами,

забракованными в больших городах. Провинциальные дамы просто жили там, примеряя платья и шляпы на глазах у прохожих.

Большое число торговцев, приехавших из различных губерний, каждый в местном костюме, были разбросаны там и здесь; их правильные черты лица напоминали древнюю Грецию, представляя прекрасную модель для художника. Особенно много было азиатов с богатыми товарами, выставленными в изобилии; шали, драгоценные камни, жемчуг придавали пышный вид их странным палаткам. Палатки, выстроенные параллельно, были покрыты сверху цветным холстом, так что получались длинные коридоры.

На следующий день после нашего приезда в Макарьев к нам присоединилась г-жа Свечина. Она добра и умна, и мы считали ее своим другом. Она приехала со своим мужем и его сестрой; она поместилась в том же доме, где и мы, и мы прожили там десять дней. Потом мы вернулись в свое имение, и г-жа Свечина очень приятно провела там три недели. Она совершила небольшое путешествие в Казань вместе с г-жой де Тарант, бывшей от нее в восхищении. Дорогой они проезжали через дубовый лес, тянувшийся на сорок верст.

Возвращаясь в Петербург, мы опять сделали остановку в Москве. Наше путешествие кончилось в октябре месяце. Наш дом был совершенно исправлен; несмотря на всю быстроту, с которой это было сделано, его не могли меблировать раньше нашего возвращения. Пока же мы поместились в первом этаже, и у меня было общее помещение с г-жой де Тарант.

III

Я приближаюсь к интересной эпохе в моей жизни. Императрица Елизавета была на последнем месяце бе-

ременности. Я молилась Богу за ее счастливое разрешение от бремени, не позволяя себе желать ничего большего; но публика ждала с нетерпением родов и желала наследника. Второго ноября мы крепко спали, когда нас разбудил пушечный выстрел. У нас вырвались радостные восклицания, и г-жа де Тарант прибежала ко мне, чтобы обнять меня и смешать свои слезы с моими.

Несмотря на наше волнение, мы считали количество выстрелов и думали, что Императрица родила сына, но мы ошиблись. Все-таки я была рада: у нее был ребенок. В первый раз я пожалела, что мой муж не был при дворе и не мог ничего узнать про нее.

Мы провели с г-жой де Тарант остальную часть утра в разговорах об этом счастливом событии. Она так полно разделяла мои чувства, что я вдвойне чувствовала их цену.

Дочь[224] Императрицы стала предметом ее страстной любви и постоянным занятием. Ее уединенная жизнь стала счастьем для нее. Как только она вставала, она шла к своему ребенку и почти не расставалась с ним по целым дням. Если ей случалось не быть дома вечером, никогда она не забывала, возвращаясь, зайти поцеловать ребенка. Но счастье продолжалось только восемнадцать месяцев. У княжны очень трудно резались зубы. Франк, доктор его Величества, не умел лечить ее. Он стал давать ей укрепляющие средства, что только увеличивало раздражение. С ней сделались судороги. Был созван весь факультет, но никакие средства не могли ее спасти.

Несчастная мать не отходила от кровати, вздрагивая при малейшем движении. Минута успокоения возвратила ей надежду. Императорская семья собралась в той

---

[224] Великая княжна Елизавета Александровна (3.11.1806–30.4.1808).

же комнате. Стоя на коленях перед кроватью и видя, что ее ребенок успокоился, Императрица взяла его на руки. Глубокое молчание царило в комнате. Императрица дотронулась своим лицом до личика ребенка и почувствовала холод смерти.

Она попросила Государя оставить ее одну с телом дочери. Государь, зная ее мужество, не поколебался предоставить ее скорби матери. Мне передавали, что, пробыв долгое время одна у постели умершей девочки, она удалилась к принцессе Амелии. Последняя вместе с Императрицей ухаживала за ребенком и разделяла ее скорбь; но столько волнений расстроили здоровье Государыни, и доктора прописали немедленное кровопускание. Она согласилась на все, чтобы не расставаться со своей сестрой.

Утром этого печального дня (30 апреля 1808 года) было получено известие о смерти младшей сестры Императрицы, принцессы Брауншвейгской.

Император справедливо рассуждал, что лучше было сейчас же передать это известие супруге и что это новое несчастье, как бы чувствительно оно ни было, немногим увеличит ее острое горе матери.

Принцесса Амелия[225] рассказывала мне, что в первое время она хотела проводить ночи около Императрицы, но, заметив, что Ее Величество сдерживает из-за нее рыдания, она решила оставить ее одну.

Ужасно подавлять излияния скорби, когда отчаяние и ропот не сопровождают их.

Императрица оставила у себя тело ребенка в течение четырех дней, ухаживая за ним, как всегда. Потом его перенесли в Александро-Невскую лавру и выстави-

---

[225] Сестра Императрицы. Она жила в России в 1801–1814; была в связи с Петром Львовичем Давыдовым; замуж не вышла.

ли на катафалк. По обычаю, все могли входить и целовать руку у маленькой княжны. Командор де Мезоннев, бывший тогда церемониймейстером, передавал мне, что каждый день бывало от девяти до десяти тысяч народа, что все были огорчены и что большая часть посетителей падала ниц, заливаясь слезами и говоря, что это был ангел.

Шествие прошло мимо моих окон; гроб везли в карете, где находилась статс-дама графиня Литта и гофмейстер двора Тарсуков. Народ плакал, проявляя все признаки печали. Я не могу передать, что происходило во мне и как это горе раздирало мне сердце. Г-жа де Тарант была тогда в Митаве, и я заметно чувствовала отсутствие ее утешения.

IV

Битва при Аустерлице привела Россию к приостановке военных действий. Австрия одна в январе 1806 года заключила позорный Пресбургский мир. Россия поддерживала свои предложения вооруженной силой; Пруссия присоединилась к нам, и в октябре несчастная битва при Иене и Ауэрштадте, уничтожив прусскую монархию, отбросила остатки ее армии на границу России. Император благородно поддерживал своего союзника, но успех не содействовал его планам; Фридландское сражение (в июне 1807 года) открывало Россию нашествию Бонапарта в такой момент, когда страна далеко не была подготовлена вести войну на своей территории. Государь почел за должное избежать этой опасности, он согласился на свидание с Бонапартом на Немане и подписал Тильзитский мир.

Эпоха этого мира замечательна как с точки зрения политики, изъяснить которую возьмут на себя историки,

так и ввиду новых отношений и положений, вызванных этим событием при Петербургском дворе. Узурпация Бонапарта становилась день ото дня более деспотической; казалось, что она парализовала власть законных монархов. Бонапарт потребовал, чтобы все государи собрались в Эрфурте. Граф Румянцев, бывший в то время всесильным канцлером, держался того мнения, что союз с Бонапартом необходим для поддержания трона и мира. Он повлиял на Государя, которого целый ряд быстрых и неожиданных событий привел к неуверенности и некоторому упадку духа. Было решено, что Его Величество также отправится в Эрфурт.

Это путешествие вызвало всеобщее горе. Императрицы сделали все возможное, чтобы отклонить государя от этого. Нарышкина, пользовавшаяся тогда очень большим влиянием, ничего не могла добиться. Он уехал, и эта минута посеяла смущение во всех умах, но Император среди напастей и трудностей видел новую дорогу, предначертанную ему, и последующее показало, как небо вознаградило его осторожность, доставив ему славу, которую и потомство признает с восхищением.

Я оставляю историкам подробности стольких интересных событий. Во время отсутствия Императора Императрица Елизавета занимала апартаменты Эрмитажа[226], и, когда Императрица-мать уехала в Гатчину, она осталась одна в этом обширном дворце.

Это новое помещение ей нравилось; она была среди шедевров искусства и прекрасной библиотеки. Хотя Императрица Елизавета была очень сведущей во всем, что касалось истории России, она опять приступила к изучению ее по коллекции монет и медалей.

---

[226] Меняли всю обстановку в апартаментах Государя и Государыни, и так как погода не позволяла долее оставаться на даче, то Государыня на время отсутствия Государя переехала в Эрмитаж. – *Примеч. авт.*

Она часто гуляла в маленьком саду, находившемся в центре Эрмитажа. Вследствие недостатка внимательности там оставили два небольших могильных памятника, которые, казалось, были там для того, чтобы напоминать Императрице о ее детях. В день праздника Св. Елизаветы, бывший днем именин Императрицы и ее умершей дочери, Ее Величество, по своему обыкновению, отправилась в Александро-Невскую лавру. Графиня Толстая пожелала навестить ее после этой печальной поездки. Она увидела, как Императрица медленно шла одна по саду, погруженная в тяжелые думы. Проходя мимо одного из памятников, о которых я говорила выше, Императрица увидала пучок анютиных глазок, росших рядом. Она нагнулась, сорвала один цветок, положила на памятник и молча пошла дальше. Этот поступок был выразительнее всяких слов.

За этот период со мной не случилось ничего замечательного. Моя однообразная и спокойная жизнь могла быть нарушена только участием, которое я принимала в горе других, и особенно несчастиями той, кому было так предано мое сердце.

Я не должна забыть упомянуть о моем знакомстве с графиней де Мервельдт, женой австрийского посланника. Г-жа де Тарант подружила нас и, когда она уехала в Митаву, г-жа де Мервельдт ухаживала за мной, как сестра. Эта превосходная и милая особа была особенно привязана к Императрице Елизавете и искренно оплакивала со мной смерть ее ребенка.

Моей старшей дочери было около тринадцати лет в это время, и она начала выезжать в свет. Она была принята с доброжелательностью, которую может внушить молодая девушка, спокойная и рассудительная. Ее нежная и чувствительная привязанность ко мне предохраняла ее от увлечений, так свойственных молодости.

У нее нет никакой внешности; она не красива, не миловидна и не может внушить никаких опасных чувств. Твердые убеждения предохранили ее от всего, что могло ей повредить. Поэтому я была совершенно спокойна и не находила нужным предостерегать ее, что почти всегда является необходимым для юности.

У моей belle-soeur, княгини Голицыной, было много детей и мало состояния. Она хотела, чтобы ее старшая дочь получила шифр, потому что с этим отличием связывалось приданое в двенадцать тысяч рублей. По моей просьбе Толстая просила Императрицу ходатайствовать перед Императором за мою племянницу. Некоторое время спустя Толстая сказала мне по секрету, что Государь отказал в этой милости, которую у него просили от имени матери, пять сыновей которой служат в армии, и что Его Величество указал, как на довод, что и другие матери имеют такое же право обратиться с подобной просьбой, но что он собирается дать шифр моей дочери, чтобы показать моему мужу, что его милостивое отношение к нему не изменилось.

Мне была приятна память Государя, но я не желала для дочери шифр, который перестал носить характер отличия. Я так хорошо хранила тайну Толстой, что совершенно забыла об этом. Мой муж уехал в имение; это была обыкновенная поездка, которую он совершал каждый год.

В день Нового года, 1810 года, я отправилась по своей привычке поздравить г-жу Перекусихину, камер-фрау Императрицы Екатерины, интересную своим умом и привязанностью, сохранившейся в ней к Государыне, чьим другом она была в течение тридцати лет. Тарсуков, ее племянник, о котором я говорила выше, возвратился из дворца во время моего визита. Он сказал мне, входя:

— Я собирался к вам, чтобы поздравить вас с милостью Государя. Шифр...

— Моя племянница получила шифр! — воскликнула я радостно.

— Какая племянница? — возразил Тарсуков. — Ваша дочь получила шифр.

Я думала только о моей belle-soeur и, забыв про находившихся в комнате, воскликнула:

— Боже, как это досадно!

В комнате был Балашов[227], министр и военный губернатор, бывший тогда в большой милости; он посмотрел на меня с удивленным видом. Тарсуков, испуганный моей откровенностью, старался возвысить в моих глазах значение милости Государя.

Я почувствовала это и заговорила о своей благодарности. Потом я быстро поехала за г-жой де Тарант, дожидавшейся меня у г-жи Томры[228].

Я была готова расплакаться, объявляя им эту новость. Дома уже знали про это, и мои люди были в восторге. Швейцар назвал мне целый ряд лиц, побывавших у меня с обычным в таких случаях поздравлением. С тех пор как мой муж покинул двор, это было первым знаком внимания Государя по отношению к нему, и это событие, в соединении с прошлым, становилось источником беспокойства для некоторых людей.

---

[227] Балашов Александр Дмитриевич (1770–1837), московский обер-полицеймейстер, затем генерал-кригс-комиссар, петербургский военный губернатор, член Государственного совета и министр полиции (1810). Перед Отечественной войной он сопровождал императора Александра в Вильно и доставил Наполеону письмо государя. С 1816 состоял «по особому поручению» в свите государя, а в 1819–1828 был генерал-губернатором Орловской, Тульской, Рязанской, Тамбовской и Воронежской губерний.

[228] Жена русского посланника в Константинополе В. С. Томры.

Моя дочь была огорчена, как и я, и по той же причине; но наконец пришлось покориться, и я отправилась благодарить Императрицу. Три дня спустя, катаясь в карете по набережной с г-жой де Тарант и детьми, мы встретили Государя, идущего пешком. Карета остановилась и Государь соизволил подойти к нам. Я воспользовалась этим случаем, чтобы выразить ему мою благодарность за его милость.

— Я хотел, — сказал мне Государь, — доказать графу Головину, что моя прежняя дружба к нему осталась той же. Я также хотел, чтобы ваша дочь получила шифр сегодня одна, чтобы показать вам, что я не желаю ее смешивать с другими.

Граф Ростопчин приехал из Москвы и поместился в нашем доме. Вскоре же за этим вернулся и муж. Милость, дарованная дочери, доставила ему большое удовольствие, в особенности когда он узнал слова Государя по этому поводу. Граф Ростопчин, бывший в Петербурге в первый раз после смерти Императора Павла, хотел объясниться с князем Чарторижским по поводу всего, что произошло между ними. Князя старались уверить, что Ростопчин устроил его удаление. Я говорила уже об этом обстоятельстве. Граф попросил моего мужа пригласить к обеду князя Чарторижского и его друга Новосильцева.

Посещение князем моего дома не было для меня безразличным. Его появление напомнило мне целый ряд событий необычайных, и его замешательство, которое он не мог преодолеть, проглядывало сквозь его томный вид. Граф Ростопчин показал ему записку Императора Павла, ясно доказывавшую, что только Императрица-мать и граф Толстой были причиной немилости, которой подвергся князь Чарторижский; но я не могу привести этой записки, слишком оскорбитель-

ной для Императрицы Елизаветы. Я прочла ее из интереса к оправданию графа Ростопчина, вполне доказавшего Чарторижскому, насколько граф был оклеветан. Но я была далека от мысли, что эта записка окажет мне также большую услугу.

V

Немного спустя Император поехал в Тверь повидаться со своей сестрой, принцессой Ольденбургской[229]. Граф Толстой сопровождал Его Величество. В это время графиня Толстая заболела желчной лихорадкой. Я не ездила к ней после нашего разрыва с ее мужем и виделась с ней только у меня; но, когда она написала мне настоятельное письмо, в котором заклинала меня приехать, говоря, что она страдает и нуждается во мне, я не колебалась ни одной минуты: дружба изгладила во мне воспоминание обо всем другом, и я поехала к Толстой. Г-жа де Тарант была в восторге от этого примирения и поехала со мной, также и дети. С этого времени я ездила туда каждый день. Однажды я сидела у постели больной, когда в комнату вошла Императрица; с большим участием подошла к больной и попросила меня сесть. Мы поговорили с минуту о болезни и докторе; потом Катишь[230], дочь графини Толстой, вошла и сказала

---

[229] Великая княгиня Екатерина Павловна (1788–1819), в 1809 вышла замуж за своего двоюродного брата принца Георга Ольденбургского, назначенного тверским генерал-губернатором. Тверской салон Екатерины Павловны стал центром культурной жизни. В 1812 овдовела. В 1816 Екатерина Павловна вышла замуж за наследного принца Вильгельма Вюртембергского, в том же году вступившего на препрестол.

[230] Екатерина Толстая была замужем за князем Константином Любомирским, поляком, служившим в русской армии в чине генерал-лейтенанта.

Ее Величеству, что моя младшая дочь находилась в соседней комнате и страстно хотела видеть Государыню. Императрица встала и сказала с видом любезной шутки, что она будет сейчас ухаживать за ней.

Lise была совершенно сконфужена. Государыня подошла к ней и ласково сказала:

— Я вас знаю, Lise, уже давно, когда вы были еще в утробе матери. Вы родились 22 ноября; я не забыла этого.

Сказав это, Государыня быстро собралась и уехала. Она опять приехала несколько дней спустя. Я выходила из комнаты Толстой, собираясь уезжать, и встретилась с ней в гостиной. Государыня подошла ко мне и сказала, что, увидев в приемной мужскую шляпу и пальто, она подумала, что эти вещи принадлежат мне для переодевания.

— Я не имею в этом надобности, Ваше Величество, — отвечала я, — тем более в этом доме.

— Вы так спешите уехать?

— Я должна возвратиться домой; сейчас время моего обеда.

Толстая, чувствуя себя много лучше, оставила постель. Ее муж возвратился и сделал вид, что он в восхищении видеть меня. Я сделала вид, что поверила ему, и продолжала бывать. Я виделась еще с Императрицей несколько времени спустя, когда Толстая совсем уже выздоравливала. Ее Величество приехала с герцогиней Виртембергской[231]. Мои дети и г-жа де Тарант удалились в уборную. Я осталась около Императрицы, которая была любезна со мной. Разговор был очень оживлен и продолжался до трех часов. Тогда я встала, чтобы уезжать, и зашла за г-жой де Тарант в ее уединение. Она

---

[231] Антуанетта Саксен-Кобург-Готская (1779–1824), жена герцога Александра Вюртембергского (1771–1833).

забыла шляпу в комнате, где была Императрица, и мы послали за ней Катишь. Императрица, увидев ее, завладела шляпой и сама принесла ее г-же де Тарант с таким видом, точно ей было приятно увидеть меня еще раз. Я подчеркиваю эти кажущиеся незначительными детали, потому что они подготовляли развязку, которая не замедлила последовать.

Когда Толстая совершенно поправилась, мои встречи с Императрицей прекратились, и в течение некоторого времени не случилось ничего замечательного. Однажды утром Толстая написала мне, приглашая меня приехать к ней к шести часам. Она приняла меня в своем маленьком кабинете, ярко освещенном, надушенном и имевшем праздничный вид. Я услыхала, как подъехала карета. Толстая сказала мне: «Это Императрица»; и не знаю почему, я почувствовала себя смущенной.

Императрица вошла в комнату тоже немного взволнованная. Она поспешно подошла ко мне, спросила меня про здоровье мужа и велела нам сесть. Ее взгляды, полные милостивого отношения ко мне, рождали тысячи воспоминаний. Разговор носил теплый характер, но через полчаса я встала и уехала. Графиня говорила мне, что после моего отъезда Императрица осталась погруженной в задумчивость и сказала ей:

— Боже мой, что же такое, наконец, первое чувство?

На Рождество Толстая устроила угощение для детей пансиона иезуитов, где воспитывались оба ее сына. Императрица пожелала там присутствовать, так же как и герцогиня Виртембергская. В шесть часов вечера мы отправились к Толстой и вскоре приехала Ее Величество. Поговорив с хозяйкой дома, г-жой де Тарант и графиней Витгенштейн, Императрица села и попросила меня сесть рядом с ней. Я села на некотором расстоянии, но она тоном приказа повторила:

— Ближе ко мне.

Я повиновалась; тогда она сказала с волнением:

— Как я счастлива видеть вас около себя!

Я была как бы оглушена этой переменой и не понимала, что было ее причиной. Продолжение вечера еще более увеличило мое удивление. Но через несколько времени я узнала, что у Императрицы в руках побывала записка Императора Павла, о которой я упоминала выше. Граф Ростопчин уехал в Москву, а князь Чарторижский рассказал про то, что он узнал, графине Строгановой, та — Императрице, и Ее Величество изъявила желание прочесть записку. Написали графу Ростопчину; тот без всякого колебания прислал ее.

Возмущенная содержанием этой записки, Императрица бросила ее в огонь. Наконец-то она узнала, кто были настоящие виновники причиненного ей зла, и как несправедливо считала она меня виновной. С этой минуты она старалась приблизить меня к себе, и вполне естественно, что я была удивлена этим, не зная причин. Могла ли я догадаться о таких обвинениях, я, полагавшая, что мною вполне доказана моя нерушимая привязанность и верность!

У моей дочери заболели глаза. У нее опухли ресницы, и ей пришлось вынести довольно тяжелую операцию. Императрица соизволила принять в ней участие и послала ей розу через Толстую. Когда моя дочь выздоровела, мы отправились к Толстой, и Императрица также приехала туда. Она опять милостиво говорила о том, что должна была вынести моя дочь; потом я подарила ей кольцо с лунным камнем, который, как говорят, приносит счастье. Она надела его и сказала Толстой:

— Вы сделали какие-то перемены в ваших комнатах. Оставайтесь здесь, я пойду посмотрю их.

Она посмотрела на меня так, что я поняла, что должна последовать за ней. Наконец я оказалась

наедине с нею в маленьком будуаре Толстой. Как долго этого не случалось со мной! Мы говорили наспех и были очень взволнованны. Императрица поделилась со мной своей тревогой за здоровье Толстой. Я прибавила, что для меня еще ужаснее видеть ее в таком положении, потому что только через нее я могу получать известие от Ее Величества. Императрица смутилась и сказала:

— Я никогда не смогу выразить, до какой степени я тронута тем постоянным сочувствием, которое вы проявляете ко мне. Ваша преданность наполняет меня благодарностью.

Она продолжала говорить с чувствительной добротой, и я тысячу раз целовала ее руки, омывая их слезами.

После этого объяснения я часто виделась с ней то у ее сестры принцессы Амелии, то у г-жи Толстой. То утром, то вечером она приказывала мне приехать с г-жой де Тарант к принцессе. Мы разговаривали все вместе некоторое время, и потом она уводила меня в другую комнату, чтобы поговорить свободно. Это было все, что она могла сделать для меня: я не имела права входа к Ее Величеству и с благодарностью наслаждалась тем, что предоставляла мне ее доброта.

Было бы невозможно привести все наши разговоры, но новые идеи, прелесть выражения и кроткий характер Императрицы делали их очень приятными. Летом я виделась с ней два раза в неделю на даче у графини Толстой, куда она приезжала провести с нами вечер. Возвращаясь в город, мы опять отправлялись к принцесс Амелии.

Однажды Императрица сказала мне:

— Я непременно хочу, чтобы вы согласились на то, что я буду у вас просить. Напишите свои мемуары. Никто так не способен к этому, как вы, и я обещаюсь помочь вам и доставить материалы.

Я указала на некоторые затруднения, которые были устранены, и мне пришлось согласиться. Я приступила к работе, к которой не чувствовала себя способной, и на следующий день принялась за дело. Несколько дней спустя я отнесла начало Императрице; она осталась довольна и приказала мне продолжать.

Глава шестнадцатая. 1812–1814

I

На следующий год мой муж опять поступил на службу: он был назначен обер-шенком. Император сделал это назначение крайне милостиво и лестно отозвался о муже в разговоре с Императрицей, которая передала мне эти слова с участием, растрогавшим меня. Несколько дней спустя я встретилась с Императором на прогулке. Он дружески говорил мне о муже, о том удовольствии, которое он испытывал от этого сближения и вспоминал прежнее. Но эта перемена не привела ни к чему для меня, и мне не легче было от этого видеться с Императрицей. Г-жа де Тарант была очень этим огорчена, но мне в некотором роде было приятно доказать Императрице, насколько моя привязанность к ней была лишена личных чувств и самолюбия.

Император уехал в армию. Французы быстро продвигались, и их первые успехи вызывали довольно справедливое беспокойство. В этом замечательном случае Императрица проявила мужество и доверие, достойные восхищения, и ее благородный пример оживил многих, впавших в уныние. Стали надеяться, так же как и она, на славу, которая последует за этой минутой смущения.

Я не буду входить в подробности этой войны, бывшей так недавно и известной всем, и буду продолжать говорить о том, что особенно близко касалось нас. Первое путешествие Императора не было долгим; но в декабре месяце того же года он опять уехал, чтобы принять славное участие в успехах своей армии.

Императрица провела лето следующего года в Царском Селе. До того времени наши свидания происходили

или у Толстой, или у принцессы Амелии; но в это время ее резиденция стала слишком отдаленной, чтобы мы могли видеться. Она оказала мне честь, неоднократно присылая письма[232]. Мой муж получил особое поручение от Императора отправиться в Москву для раздачи пособий, в которых жители этого города очень нуждались. Когда он прощался с Императрицей, в разговоре его усердие завлекло его, кажется, слишком далеко. Он позволил себе сказать больше, чем следовало бы, и они расстались довольно холодно. Он написал мне по этому поводу письмо, полное сожаления. Императрица тоже соизволила говорить мне об этом, и ее снисходительная доброта позволила ей забыть то, что могло ее оскорбить.

В декабре месяце Императрица получила письмо от Императора, приглашавшего ее навестить свою мать, маркграфиню Баденскую. Накануне своего отъезда Императрица пожелала проститься с нами у графини Толстой. Мы разговаривали с ней в течение часа, и я осмелилась говорить со своей обычной откровенностью. Мы проводили ее до кареты и на следующий день поехали в Казанский собор, где она отстояла напутственный молебен. Стечение народа было чрезвычайное; горячее участие, которое она внушала всем, отражалось на всех лицах. Народ толпился вокруг нее и, когда она села в карету, некоторые, по обычаю, предложили ей хлеб и соль.

Она уехала 19 декабря 1813 года. Стояла суровая стужа. Отсутствие Императора и Императрицы опечалило город; но пока мы страдали от одиночества и некоторые беспокойные умы даже осмелились

[232] Часть этих писем будут приведены в продолжении. – *Прим. автора*.

жаловаться, Император, руководимый Богом, подготовлял спасение Европы. Среди союзников только у него были чистые намерения, и в исполнении их он сохранил твердость, достойную его.

Возвращаюсь к тому, что касалось лично меня. У мужа сделался сильный повторный припадок желтухи, и ему пришлось выдержать долгое и тягостное лечение. Мы проводили нашу жизнь дома, и счастливые новости, приходившие беспрерывно, вносили разнообразие в печальную однотонность нашего существования. Верное сердце г-жи де Тарант дышало надеждой. Было известно, что Людовик XVIII уехал из Англии и направлялся во Францию, что Император Александр победоносно приближался к стенам Парижа и что узурпатор убежал в Фонтенебло со своими приверженцами.

Я приближаюсь к ужасному моменту, повлиявшему на всю мою остальную жизнь.

II

Интересы Бурбонов были всегда мне дороги, отчасти по моим убеждениям, отчасти в силу дружбы, связывавшей меня с г-жой де Тарант. Наши души, смешиваясь, не могли испытывать разных чувств. Момент, так горячо ожидаемый ею, наступал. Скоро должен был раздаться крик: «*Да здравствует Король!*», восклицание, так глубоко запечатлевшееся в сердце моего несравненного друга. Было известно, что Император Александр находился в одном переходе от Парижа. Месть, чувство, к несчастью, так свойственное людям, заполняла все сердца. Разорение Москвы возбудило все страсти. Находили вполне естественным сжечь Париж, завладеть сокровищами, приготовить к возвращению короля только кучу пепла. Рассуждавшие так забыли милосердие Бога и великодушие Александра.

Мне часто приходилось страдать от подобных рассуждений. И мне вдвойне приходилось страдать, когда некоторые неделикатные люди высказывали это в присутствии г-жи де Тарант, которая не могла надеяться вполне, обеспокоенная опасением.

Она предложила однажды утром моей младшей дочери проехаться в нашу деревню, находившуюся в восьми лье от города. Это местечко отчасти было ее созданием; она любила жить там вместе с нами; в марте месяце она высаживала у себя на окошке растения и пересаживала их на свой остров, предоставленный мною в ее полную собственность. Во время ее отсутствия мужа известили, что русские войска вступили в Монмартр, что Париж сдался, и что мы вошли туда как друзья. Людовик XVIII был объявлен королем.

Эта новость распространила непередаваемую радость в гостиной моего мужа. У нас было много народа и каждый после первой минуты счастливого изумления думал о той радости, которую испытает г-жа де Тарант. Я не могу передать, что происходило во мне. Я села у окна, чтобы видеть, как подъедет г-жа де Тарант; сердце так сильно билось у меня, что я почти задыхалась. Муж послал старшую дочь в помещение нашего друга подождать там г-жу де Тарант и осторожно приготовить ее к этому счастливому известию.

Когда ее карета остановилась у ворот, она увидела на подъезде нашего управляющего: он махал платком в воздухе и был окружен толпою слуг, с нетерпением дожидавшихся, чтобы поздравить ее. Lisa говорила мне потом, что, когда г-жа де Тарант увидала эти изъявления радости, она воскликнула, взялась за голову, побледнела и сказала изменившимся голосом:

— Это какая-нибудь очень счастливая новость...

Она смолкла, не будучи в силах больше говорить. Дочь провела ее в гостиную мужа; я бросилась к ней на

шею, муж тоже, и все, кто был в комнате, с волнением окружили ее. Она вся дрожала и ослабела. Мы посадили ее, она едва переводила дыхание. С этого дня она была всегда бледной, ее благородное лицо приняло выражение меланхолической радости. Я не могла расстаться с ней ни на минуту. Ужасные предчувствия наполняли мое сердце. Я была в неопределенном волнении.

Мы любили друг друга более, чем когда-либо, и более, чем когда-либо мы чувствовали потребность жить друг для друга. Преданное сердце г-жи де Тарант с благородством и мужеством вынесло ужасные несчастья, но не могло вынести радости. Все ее физические силы упали под влиянием движения души, слишком нового для нее.

Немного спустя, мы получили известия от французских друзей. Король и герцогиня Ангулемская желали, чтобы г-жа де Тарант приехала в Париж. Г-жа де Тарант, дорожившая своими обязанностями больше жизни, собиралась отправиться осенью, желая перед отъездом видеть Императора и поблагодарить его за гостеприимство. Однажды утром, когда мы были в моей уборной комнате, где мы завтракали обыкновенно, она сказала мне, выйдя из глубокой задумчивости:

— Счастье создано не для меня. Бог исполнил желание сердца моего: король взошел на трон своих предков; я должна покинуть верное для неверного; покинуть вас и ваш гостеприимный дом, где благодаря вам я наслаждалась жизнью спокойной и чистой, — для меня равносильно смерти. У себя на родине у меня будут тысячи поводов к беспокойству. Не все так бескорыстны в своих чувствах к монарху, как я. Мне придется бороться с тысячами препятствий и исполнять тяжелые обязанности.

Я молча смотрела на нее; каждое ее слово, как меч, вонзалось в мое сердце; глаза были у меня полны слез и я боялась взглядом встретиться с ней.

В это время она получила очень ласковое письмо от Императрицы Елизаветы относительно перемен, происшедших во Франции. Я также получила от нее письмо из Брухзаля.

Мы заранее плакали, мои дети и я, от предстоящей разлуки с г-жой де Тарант. Эта мысль отравляла ее жизнь и мою, и мы искали подкрепления другу друга. Императрица-мать, которая всегда искренно принимала участие в интересах короля, написала г-же де Тарант записку, полную внимания, приглашая ее приехать на следующее утро. Она отправилась туда. Императрица приняла ее особенно милостиво и пригласила ее к обеду.

Появление г-жи де Тарант при дворе произвело особую сенсацию; она не бывала там после нашего союза с узурпатором, предпочитая лучше потерять все милости и даже пенсию, чем хотя бы на минуту изменить своим убеждениям. Она удалилась, ничего не сказав, но ее молчание было понято. Увидя ее при дворе, все, казалось, свободно вздохнули; она становилась сильным орудием, разрушавшим мнения, принятые по необходимости.

Она была принята в свете с уважением и вниманием, внушаемым ее добродетелями; она вернулась домой взволнованная и признательная; через несколько дней она опять отправилась ко двору, а третий раз мы были вместе. Я наслаждалась в глубине души почтением, которое ей оказывали, но бледность ее лица продолжала меня беспокоить. За обедом она не спускала с меня глаз и посылала то, что ей казалось лучшим.

Вдруг она заболела глазами, что ее удержало на некоторое время дома. В день Вознесения, седьмого мая,

она была в церкви, но почувствовала себя так плохо, что, возвратясь домой, легла в постель. Я была поражена ее плохим видом, но она разуверила меня, говоря, что это пустяки и пройдет. Она, как всегда, вышла к обеду и села за стол, но не могла ничего есть.

Я делала вид, что не замечаю этого, потому что видела, что она желала скрыть это от меня, брала себе разные кушанья и потом осторожно отставляла тарелку. После ужина она пришла ко мне в уборную со старшей дочерью; я заплела ей косы, как всегда, и собиралась ложиться в постель. Уходя, она поцеловала меня. У нее был очень нездоровый вид. Потом она сказала моей старшей дочери, что она почувствовала себя очень плохо сегодня за обедней, и прибавила, что день и место навели ее на мысль, что это было предупреждение.

В продолжение некоторого времени она продолжала бывать вместе с нами в помещении моего мужа. Семнадцатого, в Троицын день, она почувствовала себя хуже; но вместо того чтобы лечь в постель, она пожелала отправиться на обед ко двору, чтобы отвезти Lise на прогулку в саду. Она кашляла по временам и чувствовала себя плохо, но с такою силою боролась с болезнью, что, несмотря на нашу тревогу, по временам ей удавалось успокоить нас.

Ее бледность и слабость заметно увеличивались; мое сердце тосковало; я не смела думать о будущем и смертельно страдала. Как только она входила к мужу, она опускалась в большое кресло, не имея сил больше двигаться.

Двадцать седьмого мая, когда она сидела посреди нас, холодный пот выступил у нее на лбу; она оперлась головою на руки, почти не имея сил больше сдерживаться. В комнате из посторонних была г-жа Томра, очень преданная ей, и м-ль де Бюисси, превосходная

особа, из свиты герцогини Виртембергской. Я умоляла г-жу де Тарант лечь в постель; она согласилась на это, не будучи в состоянии сидеть. Послали за доктором, который на следующий же день убедился, насколько велика опасность. Мы больше не отходили от нее.

Так как все почти были уверены, что у нее местная болезнь — она часто страдала покалыванием в боку, — то решили поставить ей на это место мушку. Когда же проявились другие симптомы болезни, то другую поставили между плеч. Дрожащими руками меняла я препараты; мне крайне нездоровилось, но я никогда не позволила бы, чтобы другая рука, кроме моей, коснулась ее. Я сама умывала ее, натирала ей бок мазью с меркурием. Ее нежный взор, устремленный на меня, проникал до глубины моей души.

Беспримерное осложнение болезни развивалось с каждым днем. Ее страдания были выше всего, что только можно себе представить; но ее удивительное терпение, казалось, удваивалось, и когда я говорила ей:

— Боже мой, как вы должны страдать!

Она отвечала:

— Когда за человеком так ухаживают, как за мной, то он не имеет права жаловаться.

Описание, сделанное моей дочерью после смерти г-жи де Тарант и которое я рассчитываю прибавить к своим *Воспоминаниям*, содержит детали этой христианской и достойной восхищения смерти. Я буду говорить только о том, что я испытала во время этого ужасного несчастья, доказавшего мне, что в глубине нас находятся неведомые силы, в обыкновенное время заглушаемые нашей слабостью. Постоянная боязнь потерять то, что нам дорого, не позволяет нам видеть нашу силу. Желают уверить себя, что способны на самые прекрасные поступки, но мысль: «Я переживу того, кого я люблю» не

входит в расчеты сердца и ума, пока Бог не поразит смертью дорогого нам человека, явит нам силу нашей души, наполняя ее собой.

Г-жа де Тарант не прекращала умственную молитву, и когда призывала духовника, чтобы он помог ей лучше молиться, все, кто находился в комнате, падали на колени и присоединялись к ней. Несмотря на боли, она, видимо, бывала тронута этим единением. Дружба до последней минуты обитала в ее сердце, а ее душа вся принадлежала Богу.

Когда ее перенесли наверх, в полночь я приказала моей старшей дочери уйти и осталась с г-жой де Тарант до того момента, пока горничная не пришла сменить меня в два или три часа ночи. Сидя на табурете в ногах кровати, я была окружена тишиной, прерываемой тяжелым и трудным дыханием моей подруги. Ночник, поставленный за ширмами, освещал это святилище религии и страданий. Я пристально смотрела на г-жу де Тарант и была не в силах оторвать глаз; я была уверена, что на следующий день ее не будет в живых, и ни слезы, ни рыдания, готовые разразиться, не осмелились вырваться у меня. Ее святая покорность, несравнимое благочестие делали меня ничтожной в своих глазах. Я была несчастна и не осмелилась просить одной минуты облегчения для моей скорби. Ее душа привлекала мою к цели, к которой она стремилась.

Мой муж, еще очень страдавший от желтухи, проводил время в гостиной, где наши общие друзья ежедневно собирались, оплакивая г-жу де Тарант и высказывая нам сочувствие. По временам я отходила от моего несравненного друга, чтобы ободрить мужа, печаль которого раздирала мне сердце. Герцогиня Виртембергская в этом ужасном случае была для меня ангелом-утешителем; она бывала почти каждый день и

находилась у нас за час до смерти г-жи де Тарант. Никогда я не забуду ни ее слез, ни того, что она мне сказала. Она приезжала по утрам, и я принимала ее в моем ателье, отделенном одной комнатой от комнаты больной. При каждом судорожном крике г-жи де Тарант я бросалась к ней.

В последнее утро ее жизни, когда герцогиня была у нас, я услыхала, как больная ужасно вскрикнула. Я подбежала к ней; она схватила мою руку; ее холодеющая рука была покрыта потом. Она сжимала мне руку судорожно, как бы собрав силы, остававшиеся у нее; ее агония лишала меня последних сил: я боролась с собою, как жертва кораблекрушения среди волн. Я старалась освободить мою руку; я готова была разрыдаться и в то же время предпочла бы скорее умереть, чем смутить больную беспокойством обо мне. Бог приказывал мне всецело забыть себя; мне казалось, что я больше не существую; эта смерть, это зрелище истины исторгало меня из самой себя. Г-жа де Тарант молилась за меня, и ей я обязана тем, что вынесла все и пережила ее.

Наконец ужасное 22 июня настало. Во время обеда я согласилась оторваться от нее, чтобы успокоить моего мужа, ежеминутно спрашивавшего меня; но прежде, чем уйти из комнаты, я опять подошла к ней. Она была в предсмертной тоске; я пощупала у нее пульс, который почти не бился. Она взяла меня за руку с необычайной живостью и сказала:

— Скажите мне, что вы чувствуете себя хорошо и что вы не страдаете!

— Я хорошо себя чувствую, — отвечала я, — дай Бог вам быть так здоровой, как я.

— Чудак еще жив, — сказала она, — но это недолго продлится.

Доктор Крэйтон уверил моего мужа, не знаю к чему, что она будет жива и что ей надо давать куриный буль-

он. Когда человек несчастен, он хватается за малейшую надежду. Муж не входил в комнату больной, и он не видал ее агонии. Я с отчаянием села за стол. Горничная пришла за моей дочерью. Я собиралась последовать за ней, но муж просил меня остаться, повторяя мне то, что сказал ему Крэйтон. Это было для меня пыткой, но покорность приказывала мне повиноваться. Наконец, чувствуя себя не в силах противиться такой мучительной тоске, я убежала. Ее уже больше не существовало.

Отец Розавен закрыл передо мною дверь ее комнаты, прося меня не входить туда. Меня провели в помещение моих детей. Рыдания душили меня. Мне принесли три креста: один всегда находился при ней, другой был при ней во время причастия и третий был подарен герцогом Ангулемским. Она положила этот крест около себя накануне своей смерти, и моя дочь приложила его к губам умирающей, когда она испустила свое последнее дыхание. Вид этих трех крестов остановил мои слезы. Я с жадностью смотрела на них. Все окружающее исчезло передо мною. Бог всецело заполнил мою душу. Любящая душа молилась за меня. Я осмелюсь сказать, что почти испытывала святую радость.

III

Каждый из нас, казалось, потерял силы; мы обретали их в нашем общем чувстве скорби. Постоянная мысль о больном человеке, дорогом для нас, старание облегчить его страдания приводят к деятельности, которая поддерживает нас; но когда предмет стольких забот исчезает, мы остаемся уничтоженными. Дружба облагораживает все; мы оказываем для нее услуги, наиболее внушающие отвращение; она нуждается в нас

каждую минуту. Я вспоминаю, что за пять дней до смерти г-жи де Тарант я сидела одна у ее кровати. Вошел Крэйтон, он приехал из Павловска и сказал г-же де Тарант, выслушав ее пульс, что Императрица-мать поручила ему передать больной все ее сочувствие и что она сказала ему спросить у г-жи де Тарант, не желает ли она фруктов.

— Поблагодарите Ее Величество, — ответила она, — мне ничего не нужно.

Потом, приподнявшись с особой силой на своих слабеющих руках, она прибавила:

— Но скажите Императрице, что у нее никогда не было таких друзей, как у меня.

Каждое ее слово останется навсегда запечатленным в моем сердце.

Герцогиня де Шатильон, ее мать, умершая на два года раньше ее, выразила желание, чтобы ее любимая дочь была погребена рядом с ней, в капелле, в ее замке Видевиль, в восьми лье от Парижа. Гробница герцогини де Лавальер, бабушки г-жи де Тарант, была перенесена туда же по ее приказанию. Моим первым желанием после этого печального события было перенести тело моей уважаемой подруги в эту усыпальницу. Я исполняла желание матери, соединяя эти дорогие останки с прахом ее семьи. Пришлось вскрыть тело и набальзамировать его. В рукописи моей дочери находится подробное описание всех болезней, которыми она страдала уже давно и которые подготовили ее смерть.

Когда ужасная операция окончилась, около гроба поставили жертвенник, чтобы служить панихиды. Я не присутствовала на первых двух, заметив, что все боятся, как на меня это подействует; но потом увидали, что моя покорность заслуживает этой награды. То, что происходило в моей душе тогда, было сильнее меня. Вечером я

вернулась в эту комнату с моими детьми, Катишь и м-ль де Бюисси. Я остановила свой взор на той, кого не было больше в живых, удивленная, что я живу сама и пережила ее.

Через неделю тело было перенесено в церковный склеп. Это было в полночь; весь дом участвовал в шествии. После того как отец Розавен совершил обычные молитвы, наши слуги понесли гроб. Я шла пешком с мужем, детьми и нашими друзьями. Все заливались слезами; дорога показалась мне очень короткой; я отдала бы мою жизнь за возможность проводить ее до места последнего успокоения. Через день после этого в церкви с пышностью был свершен обряд погребения, и неделю спустя тело было перевезено в Кронштадт, для того чтобы быть отправленным на корабле.

Я провела лето на Каменном Острове, не имея мужества переехать в имение, где мы были так счастливы вместе.

Я хочу прибавить еще, что на другой день после этого ужасного несчастья — смерти г-жи де Тарант — утром, собираясь уйти с дивана, на котором я провела ночь, я села, желая собраться с мыслями и думами. «Боже, я молилась за нее, когда она была жива, я молилась во время ее страданий, как же мне молиться теперь?»

Моя младшая дочь в это время просматривала молитвенник г-жи де Тарант и вдруг сказала, точно отвечая на мою мысль:

— Maman, вот превосходная молитва для вас в этом случае.

Я была поражена этим странным совпадением и укрепилась в утешительной мысли, что душа моей подруги была с нами.

Глава семнадцатая. 1814–1817

I

Дом, занимаемый мною на Каменном Острове, находился у дороги, по которой постоянно ходили прохожие, и окна были так малы и низки, что, вовсе не желая этого, я ни на одну минуту не теряла из виду этого «волшебного фонаря». Подобное развлечение слишком противоречило моим страданиям и удручало меня различным образом. Вид из окон и с балкона был прекрасен. Вечером я слышала вдали звуки рогов. Хотя эта музыка не имела никакого отношения к моим воспоминаниям, она печально настраивала меня. Сладостная гармония оживляет в нас, я не знаю, что-то такое чувствительное, переносящее нас к тому, что трогает и волнует нас.

Я много принимала утомительных визитов. Муж потребовал от меня, чтобы я представила ко двору мою младшую дочь. Император возвратился на некоторое время, предстоял петергофский праздник: надо было везти туда дочь; это было ровно через месяц после смерти г-жи де Тарант. Я повиновалась, как и во многих других случаях, и поехала ко двору с растерзанным сердцем.

Императрица-мать была особенно милостива ко мне; она проявила ко мне большое участие во время моего горя и посылала каждый день справляться обо мне. Я не замечала окружавшей меня толпы. Когда бываешь погружен в большую скорбь, то только внутренние взоры могут видеть. Император обратился ко мне с обычными выражениями сожаления. Все, кого я встречала первый раз после смерти моей подруги, старались обращаться с общими местами, так мало способными

утешить. То, что я потеряла, непоправимо, и я буду считать себя счастливой, если мне удастся встретить некоторое сходство с тем, чего беспрерывно ищет мое сердце.

Герцогиня Виртембергская жила также на Каменном Острове. Я часто виделась с ней, и это было мое единственное утешение в это печальное время. Каждое утро я около часу гуляла в роще, погруженная в печальную задумчивость, почва, казалось, исчезала из-под моих ног, и мои прогулки сопровождались рыданиями.

В это время я получила письмо от Императрицы Елизаветы:

Брухзаль, сего 14–26 июля 1814 года.

«Отчего я не могу придать моим словам всю силу моих чувств, бедная подруга! Вы найдете здесь участие самое глубокое, которое кто-либо может принять в вашей скорби. Только сегодня узнала я о незаменимой потере вашей и всех, кто признает и умеет ценить достоинство. Что касается меня, каким сожалением обязана я ей за те чувства, которые она питала ко мне! Я прилагаю здесь кольцо, которое я выбрала для нее и дожидалась случая, чтобы послать ей: вы будете носить его в этом смысле; обещайте мне это. Как вы должны были страдать! Какую пустоту теперь вы должны испытывать! Мне очень мучительно находиться вдали от вас в это время и, если бы я позволила бы себе сделать замечание по поводу воли Божьей, я жаловалась бы на то, что Он посылает дорогим для меня людям самые тяжелые скорби как раз в то время, когда я нахожусь вдали от них и не могу об них позаботиться. Мне кажется, что Бог давно находил ее достойной приблизить к Себе, но Он предоставил ей в мире вкусить наибольшее счастье, единственное, которым она могла насладиться. Она счастлива; она окончила свою тяжелую урочную работу. И вот, быть может, она соединилась с теми, кого она оплакивала здесь; но вы, вы, бедная подруга, как вы нуждаетесь в сожалении! Берегите ваше здоровье, мне не надо

говорить вам это: вы никогда не забудете, какие обязанности прикрепляют вас к этой жизни. Один Бог знает, когда и как я с вами увижусь. Три недели тому назад я думала быть в Петербурге в будущем месяце, но Император, приехав сюда, решил иначе. Он нашел лучшим, чтобы я подождала его здесь, чтобы через шесть недель приехать к нему в Вену и пробыть там с ним время конгресса. Это соображение и его желание должны были повлиять на мое решение, но это опечалило меня. Я испытываю беспокойство и невыразимое нетерпение возвратиться в Россию. Бог делает иногда из положения наиболее привлекательного самое тяжелое испытание. Ах! Я более, чем когда-либо убеждена, что нет ни счастья, ни покоя, как только в будущей жизни! Я говорю вам о себе и не извиняюсь за это: я слишком уверена в вашей дружбе, чтобы не думать, что даже среди вашей печали вы интересуетесь тем, что меня касается. Нет таких друзей, как вы, и приятно полагаться на такое сердце. Я знаю, как болел ваш муж, я знаю, что делала Паша. Пусть Бог сохранит вам эти дорогие существа, и вы опять будете счастливы в этой жизни. Передайте им все, что я чувствую за них и за вас. Пишите мне, надеюсь, это не будет нескромностью просить вас об этом. Излейте всю свою печаль в мое сердце, которое сумеет оценить ее. Пишите мне о той, кого вы только что потеряли; расскажите мне все подробности ее последних минут. Я чувствую потребность знать это. Прощайте, бедный, бедный друг; да поддержит вас Бог».

Это письмо наполнило меня чувствительной благодарностью. Моя глубокая привязанность к Императрице была единственным, что могло облегчить тяжесть моего сердца.

Мое существование переменило свой характер. Преданного и верного друга не существовало более. Приходилось всецело посвящать себя другим, и у меня не было больше дружбы, беспрерывно поддерживавшей меня. Чувствительные привязанности, оставшиеся у ме-

ня, требовали полного самопожертвования, и я безропотно подчинилась этому. Когда Бог отнимает у нас предмет чувствительной любви, Он привлекает нас к Себе еще с большей силой.

Некоторые расчетливые люди говорили: «Когда имеют таких детей, как ваши, то можно утешиться». Но дети, которых я нежно люблю, были у меня и при жизни подруги. У меня было как бы ожерелье из драгоценных камней, составлявшее основание моего счастья; самый красивый камень потерялся и не может быть заменен; ожерелье разрознено. Надо понимать, чтобы судить, и не прилагать свою манеру относиться к чувствам других.

Каждый по-своему принимает удары судьбы.

Возвратясь в свой городской дом, я испытала массу ощущений, которые мне было бы трудно передать.

Комната, где умерла г-жа де Тарант, была для меня дороже всяких сокровищ. Я спала в комнате рядом, и мне часто казалось, что я слышу ее стоны. Мои друзья навещали меня. Герцогиня продолжала с участием относиться ко мне и привязала меня к себе на всю жизнь.

Приблизительно около этого же времени в Петербург приехала Аглая Давыдова, урожденная Грамон[233]. Г-жа де Тарант питала к этой молодой женщине настоящую привязанность. Ее несчастья, ее молодость, опасности, окружавшие ее, требовали поддержки. Моя уважаемая подруга взяла на себя эту боль. Благодарность и привязанность Аглаи к ней возбудили мое участие. Доверие, проявленное ею, заставило меня

---

[233] Аглая-Анжелика-Габриэль, Аглая Антоновна (1787–1842), дочь графа де Грамон, товарища по изгнанию Людовика XVIII, в России вышла замуж за полковника кавалергардов Александра Львовича Давыдова (1773–1833). Овдовев, уехала во Францию и в 1835 вторично вышла замуж за маршала графа Себастьяни.

постараться быть ей полезной. Я смею думать, что имела счастье предохранить ее от некоторых опасностей. Но пустота, которую я чувствовала и чувствую теперь, всегда остается той же.

II

Политические события, значительные и важные, интересовали меня только наполовину. Все потеряло цену в моих глазах с того времени, как у меня не было с кем бы я могла поделиться. Я была счастлива только, когда, оставаясь наедине с Богом, вызывала душу г-жи де Тарант, прося ее помолиться за меня.

Венский конгресс вместо назначенных шести недель продолжался девять месяцев. Продолжительность политических операций приводила в уныние общество, и прекрасная слава Императора теряла свой блеск в глазах некоторых людей. Мировое зрелище, двигаемое великими событиями, может быть сравнено с ходом театральной пьесы. Если поразительные места пьесы не слажены так, чтобы повести за собой благородную и ясную развязку, пьеса кажется неудачной. Напряжение умов, жадных до предсказаний, в конце концов вводит их в заблуждение, и таинственная приостановка в политике всегда возбуждает подозрения.

Императрица была в Вене во время празднеств, потом она вернулась к принцессе, своей матери.

Появление Бонапарта во Франции окончательно повергло в уныние общество. Опять показалась эта мятежная шайка, которую обстоятельства сковали на мгновение. Но Император Александр, предназначенный Провидением защищать законное дело, на этот раз при помощи Англии, восторжествовал над этой попыткой и второй раз обеспечил вступление французскому королю во владение своим государством.

Людовик XVIII не был принят с энтузиазмом; его королевская корона более, чем когда-либо, стала терновым венцом; союзники предлагали разделить его государство. Но Император Александр опять выступил защитником справедливого дела.

Приближался момент возвращения Императора и Императрицы. Они приехали в декабре месяце, и двор стал блестящим. Принц Оранский приехал в Петербург немного спустя после Их Величеств, и свадьбы двух Великих Княжон повели за собой большое число празднеств. Согласно письму, полученному мною от Императрицы и приведенному выше, мне дозволено было питать некоторые надежды. Я видела Императрицу в свете, во дворце; ее стеснение со мной и холодный вид Императора очень разочаровали меня, доказывая, что мне предназначены новые испытания.

Я покорилась с большим мужеством, чем когда еще со мной не случилось несчастья. Глубокая скорбь способна разрушить иллюзию. Мои неизменные чувства к Императрице торжествовали надо всем. Мое сердце страдало, но самолюбие не было оскорблено.

Я часто получала письма от моих парижских подруг. Их любовь увеличилась ко мне после смерти г-жи де Тарант. Баронесса де Бомон, ее старинная подруга, бедная и добродетельная, жила в это время только на пенсию, которую ей выдавала г-жа де Тарант, но таким образом, что баронесса думала, что получала помощь от Императрицы. Деликатное чувство, старавшееся скрыть свои благодеяния, заставляло г-жу де Тарант прибегнуть к этому замаскированию еще и потому, что без помощи Императрицы она едва ли бы могла помогать своей подруге. Она тайно получала от Ее Величества пенсию в 5000 рублей. Когда г-жа де Тарант умерла, я решилась испросить для баронессы продолжения пенсии.

Я осмелилась говорить об этом Императрице и, лишенная возможности видеться с ней наедине, я обратилась к ней с этой просьбой на балу у Императрицы-матери. Я думала, что не надо заботиться о себе, когда дело идет об оказании услуги другим, и что не надо падать духом перед препятствиями, которые можно преодолеть усердием и старанием. Я также много рассчитывала на желание Императрицы делать добро и на воспоминание, которое она хранила о г-же де Тарант. Моя попытка удалась; она приказала мне прислать с мужем записку по этому поводу. Я повиновалась без промедления и на следующий же день получила деньги и записку следующего содержания:

«Я посылаю графу Головину пенсию за год, и я с удовольствием буду продолжать ее уплачивать г-же де Бомон. Я посылаю эту сумму ему, потому что в то же время мне надо ему послать и еще другую сумму. Мне очень досадно, что я не имею возможности поговорить с вами; я сделала бы вам тысячу вопросов; но *в данное время* это невозможно. Надо подождать. Сколько перемен приводит с собой время! Могу ли я пока справиться у вас о вашей исторической работе? После несчастья, испытанного вами, я думаю, что вы ею не занимались, но я также уверена, что вы не забыли про нее, и очень желала бы, если это возможно, увидеть ее. В моем уединении все рода умственных занятий спасительны для меня, а эта работа была бы отдохновением. Как-нибудь, когда вы можете сделать это без особого труда, соберите все бумаги и пошлите мне, *если это возможно*, если же это невозможно, скажите мне, я без огорчения откажусь от этого».

Вот мой ответ на письмо Ее Величества:

«Благодеяние, которое Ваше Императорское Величество оказали г-же де Бомон, наполняет меня благодарностью. Все, что имеет отношение к памяти г-жи де Тарант, обладает осо-

бой властью над моей душой. Вы смягчите скорбь очень страдающего существа; Вы возвратите жизнь той, которая совсем потеряла надежду жить. Это благодеяние так же приятно мне, как и г-же де Бомон, в особенности потому, что Вам, Ваше Величество, мы имеем счастье быть за него обязанным. Что касается *исторических Воспоминаний*, то я не могу послать мое маранье Вашему Величеству. Рукопись необходимо переписать; я слишком плохо вижу, чтобы сделать это; я потеряла зрение почти на три четверти после этого ужасного несчастья; я пишу днем с очками, а вечером и они не дают мне никакого облегчения. Если Вы доверяете моей дочери, за которую я отвечаю, как за себя, то я поручу ей это. Г-жа де Тарант переписала наши рукописи по смерти Императора Павла. Именно там Вы остановились. Я продолжала с этого времени писать все, что касалось меня лично, прибавив, что не находясь вместе с Ее Величеством, моя история не может следовать за ней, и что я буду продолжать рассказ до того момента, когда, возвратившись из путешествия, я была приближена Ее Величеством и могла узнать точную правду. Я описывала мои путешествия и остановилась на смерти моей матери во время пребывания в Дрездене. Я не продолжала с тех пор: болезнь, страдания моей уважаемой подруги заполнили меня всю. Осмелюсь признаться Вашему Величеству, что эта потеря, эта смерть и эта печаль так же живо чувствуются мною сейчас, как и в первую минуту. Я возьмусь за эту работу, если Ваше Величество желает ею заняться. Ваше Величество увидит из того, что я имела честь сказать, с какого момента надо начать. Если Ваше Величество приказываете, я пришлю с мужем отрывки, которые Ваше Величество соизволили мне доверить.

Поверьте, Ваше Величество, что я всегда с уважением подчинюсь обстоятельствам, имеющим отношение к Вашему Величеству. Моя судьба не быть признанной; моя совесть слишком чиста, чтобы оправдываться. Поверьте, что бы ни случилось, моя почтительная преданность и верность останутся теми же. Я радуюсь и благодарю Бога, что привязана к Вам только из-за Вас, а не как любят в этом жалком мире.

Примите милостиво мое наиболее почтительное уважение».

После этого письма я увиделась с Императрицей на одном балу. Она сказала мне оставить рукопись в таком виде, в каком она была, но я продолжала ее для себя.

III

Немного времени после возвращения Их Величеств в Санкт-Петербург были высланы иезуиты. Этот суровый акт был вызван опасением совращения православных в католическую веру. Подозревали, что они старались обратить многих, особенно дам из общества, и Император был принужден принять соответственные меры. Это событие привело к тягостным последствиям для многих семейств, и той же причине я должна приписать очень заметную холодность, проявленную Императором по отношению ко мне. То некоторое внимание, которое он соизволил оказать моим детям и мне, я могу отнести только на счет его милостивого отношения к моему мужу. Весною Катишь Любомирская известила меня о приезде графини Ржевусской, немецкой кузины ее мужа. Я слыхала об ней уже давно и относилась к ней с особым уважением. Заря ее жизни прошла в тюрьме; она родилась во Франции и осталась там с матерью, которая была одной из жертв революционного варварства; она была лишена жизни после нескольких месяцев заключения[234]. Ее дочь семи лет осталась одна на попечении тюремщика. Он плохо обращался с нею и отказывал ей даже в черном хлебе, составлявшем ее единственную пищу. Князь Любомирский, отец Роза-

---

[234] Ходкевич Розалия, была замужем за князем Александром Любомирским, кастеляном Киева, была заключена в тюрьму по подозрению в сношениях с Марией-Антуанеттой и эмигрантами и казнена в 1793. Ее единственная дочь вышла замуж за Вячеслава Ржевусского, известного своими путешествиями по Востоку.

лии (имя графини), был на французской службе, но в это время не находился во Франции и не знал о судьбе, постигшей его дочь. Наконец он узнал о ней и потребовал ее. Лицо, взявшее на себя это поручение, приехало всего за три дня, как Розалию должны были поместить в воспитательный дом. Там бы она была потеряна навсегда.

Такое необычное начало, казалось, только подготовило ее добродетели. Ее ум является цветком ее души. Я познакомилась с г-жой Ржевусской. Катишь привезла ее ко мне 15 мая (1810 года), два дня спустя после ее приезда в Петербург. Моя дружба с г-жой де Тарант интересовала ее уже давно; история ее смерти поразила графиню необычайною близостью ее души с душою принцессы де Тарант и сходством между их характерами и убеждениями. Это сходство поразило меня; оно отвлекло мне сердце от печали, в которую оно погружалось так часто. Знакомство с нею повлияло на мою жизнь, и, говоря о себе, я должна говорить и о ней.

Император не взял с собою графа Толстого, здоровье которого ухудшилось; у него не было сил выносить быстроту поездок Его Величества. Главным образом этим путешествиям и волнениям, связанным с его должностью, надо приписать его болезнь.

Она была долгой и тяжелой, с короткими минутами покоя и улучшения. Он был очень огорчен своей разлукой с Императором, и, расставшись со своей ролью приближенного, он увидел, как удалилось от него большое количество случайных друзей. Но, сближаясь с нами, он увидал, что у него еще были друзья.

Нет ничего сладостнее для сердца, как забыть сделанное нам зло. Надо отдать справедливость графу Толстому, что он искренно был привязан к Императору, но у него не было чувства меры в культе, до которого он доходил, и он бесчестил благородную роль

верноподданного низостью слуги. Это значило наносить вред и своему господину, и себе.

Возвращение Императора не принесло никакой перемены в его положении: он был слишком болен, чтобы возвратиться к своей службе. Государь навестил его и всячески старался утешить. Созвали весь факультет; они только увеличили опасность и страдания больного.

Я провела день в моей деревне, на петергофской дороге. Я аккуратно, раз в неделю, ездила на Каменный Остров к графу Толстому. Я уезжала рано с моими детьми; мы останавливались у г-жи Ржевусской, которая отправлялась потом с нами. Я всегда избегала встречаться с Их Величествами, которые почти каждый день навещали графа Толстого. Я особенно находила неудобным встретить Императрицу, как будто я принуждала ее видеться со мной.

Катишь жила вместе со своим братом. В августе месяце с ней случилось несчастье: у нее умерла дочь, прелестный ребенок. Это печальное событие заставило меня остаться у нее дольше, чем обыкновенно. Вечером, когда я стояла на балконе вместе с г-жой Ржевусской, с княгиней Барятинской, невесткой графа, и моей дочерью, доложили о приезде Императрицы. Мы остались на своих местах. Ее Величество прямо прошла в комнату графа и там виделась с Катишь. Перед уходом она велела позвать меня в комнату, соседнюю с балконом. Несчастье Катишь сильно взволновало ее. Она много говорила мне об этом. Кто же мог лучше, чем она, разделить скорбь матери? Потом она сказала мне, что, проходя, она заметила меня в окне, но не хотела выйти на балкон с красными и заплаканными глазами. Взяв меня за руки, она говорила мне о вечерах, которые мы проводили в этом доме, о тяжелой утрате, понесенной мною с тех пор, и о том огорчении, которое она испытывает от того, что ничего не сделала для меня.

Этот проблеск единения принес мне больше дурного, чем хорошего. Мое неопределенное и неясное положение в отношениях с Императрицей было слишком тяжелым противоречием с той действительной привязанностью, которую я испытывала к ней. На некоторое время я потеряла ее из виду. Жизнь в деревне давала мне много мучительных воспоминаний. На каждом шагу мне попадались предметы, напоминавшие о г-же де Тарант. Ее остров, кусты, посаженные ею, возбуждали во мне печальные и мрачные мысли о том, что я пережила ее.

Г-жа Ржевусская неоднократно приезжала на несколько дней к нам; ее присутствие и очарование ее общества доставляли мне много удовольствия. Она часто ездила со мною в Павловск. Императрица-мать всегда милостиво принимала меня.

На маскированном балу, в Петергофе, Государь оказал мне честь протанцевать со мною полонез. Он много говорил мне о муже, который отсутствовал тогда, и выражал желание, чтобы он возвратился, или же хотел с ним встретиться в Москве, куда Государь беспрестанно ездил. Я должна прибавить здесь, что, когда мой муж прощался с Государем, у них был разговор и Государь взял с мужа честное слово, что он согласится на ту просьбу, с которой обратится к нему Его Величество. Государь пожелал тогда, чтобы, вернувшись, муж вступил на действительную службу:

— Клянусь вам, — прибавил он, — что я никогда не менялся по отношению вас; я говорю это перед Богом и перед людьми, доверие, которое я питаю к вам, равняется уважению, которого вы вполне заслуживаете. Поверьте также, что я умею ценить все, что касается вас.

Действительно, несколько месяцев спустя по возвращении моего мужа Император напомнил ему об

обещанном и назначил его членом Государственного совета, дав ему возможность быть действительно полезным. Император совершил путешествие по России и в Польшу и возвратился в начале октября.

Граф Толстой расхварывался все больше и доктора объявили, что ему надо ехать за границу. Он уехал со своей дочерью и сыном в августе месяце. Они совершили тяжелое путешествие, и, предпринятое слишком поздно, оно оказалось бесполезным для больного. Они завтракали у нас, проездом, и я простилась с ним как с умирающим: у него действительно был такой вид. Он умер в Дрездене, в декабре месяце.

IV

Зима не привела никаких особых перемен для меня. Перед январем (1817 года) я осмелилась напомнить Императрице относительно пенсии, назначенной ею г-же де Бомон. Я просила графиню Строганову, которая имела честь бывать в тесном кругу Императрицы, взять на себя это поручение; но через несколько дней, видя, что я не получаю никакого ответа, я решилась говорить сама и сделала это на балу. Вскоре после этого я получила деньги и несколько очень любезных слов.

Герцогиня Виртембергская находилась в Витебске уже полтора года. Я имела честь быть в переписке с ней и часто выражала желание, чтобы она вернулась, как для Императрицы, так и для себя. Она приехала к Новому году, и я увиделась с ней с искренней радостью: ее милостивое отношение ко мне привязало меня к ней на всю жизнь. Я имела честь неоднократно бывать у нее и через это могла иметь некоторые сношения с Императрицей.

Я осмелилась просить Ее Величество прислать мне Христа из бронзы, которого она соизволила принять от

меня несколько лет тому назад. Она согласилась, и эта посылка сопровождалась очень любезным письмом. Я заказала копию с Христа и возвратила его Ее Величеству. Несколько дней спустя герцогиня Виртембергская позвала меня к себе, и через четверть часа, к моему большому удивлению, вошла Императрица. Она сказала мне, что, узнав, что я была у герцогини, она пожелала сама передать мне письмо Толстой.

Мы сели. Я принесла герцогине несколько мыслей и воспоминаний, записанных мною. Императрица пожелала прочесть их, и по этому поводу разговор перешел на прошлое. Она сказала мне, что сохраняет мою маленькую записку, где я советовала ей быть снисходительной к другим и строгой самой к себе; она прибавила, что часто пыталась осуществить этот совет на практике.

После целого часа разговора Императрица простилась со мною, пожав мне руку. Я же поцеловала у нее руку от всего сердца. Я встретила ее и во второй раз. Ее Величество была огорчена преждевременной смертью молодой женщины, нашей знакомой. Наш разговор был печален; я находила в нем некоторые проблески прошлого, имеющего такую власть надо мною, когда предмет, наиболее украшавший его, вновь встает перед моими глазами. Когда воспоминание возбуждено неодушевленными предметами, оно ищет того, кто сделал его чувствительным, и отвлекает нас от всего окружающего. Но, если оно его находит, волшебство чувства заставит нас все почувствовать, даже воздух, которым мы дышали.

Я отправилась однажды утром к герцогине. Через минуту дверь гостиной тихо открылась, и появилась Императрица; она сказала мне, входя:

— Мое сердце угадало, что я найду вас здесь, и я поспешила прийти.

Она села, говорила со мной о моем здоровье и о необходимости для меня поехать на воды. Мы шутили над новой системой докторов, утверждавших, что сердце находится на правой стороне. Потом были упомянуты мои *Воспоминания*, и тон разговора переменился. Императрица соизволила мне сказать, что она очень довольна, что побудила меня предпринять эту работу. Мы говорили о том, что в них заключается, и после некоторой задумчивости она милостиво сказала:

— Боже мой, когда же мне можно будет видеться с вами свободно! Надеюсь, что скоро.

При этом вопросе я замолчала; почтительное молчание было единственным возможным для меня ответом.

Переговорив о наших рукописях, Ее Величество ушла раньше, чем, казалось, желала этого, из-за туалета к парадному обеду. Герцогиня выразила мне удовольствие, которое она испытывает, видя участие, принимаемое Императрицей во мне. Я осмелилась попросить у Ее Величества альбом с рисунками, нарисованными для нее четыре года тому назад. Она прислала мне его вместе с очень милостивой запиской, на которую я имела честь ответить, отсылая альбом, после того как я прибавила туда кое-что новое.

В день Пасхи Император пожаловал шифр моей младшей дочери.

Я говорила здесь о массе мелких событий, которые не могут интересовать всех; но не надо забывать, что я пишу не *Мемуары*, а *Воспоминания*, и те, которые относятся к Императрице, очень ценны для меня.

Никогда с безразличием не вступают вновь на тропинки, по которым проходили в молодости. У сердца есть также свои тропинки, по которым оно любит следовать. Чистые и справедливые чувства являются их образом, а их граница — наша смерть.

Литературно-художественное издание

Головина Варвара Николаевна

Мемуары

12+

Ответственный редактор *Е. Романова*
Верстальщик *С. Мартынович*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел. +7 (495) 258-90-28, 8-800-333-68-45
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru

Наши проекты

www.biblioclub.ru – Университетская библиотека онлайн, электронная библиотека для вузов и ссузов

www.lib.biblioclub.ru – Библиотека NON-FICTION, онлайн-библиотека научной и познавательной литературы

www.art.biblioclub.ru – Арт-портал «Мировая художественная культура» и Арт-библиотека, интерактивная галерея произведений мирового искусства

www.biblioschool.ru – «Библиошкола» и «Читающая школа», онлайн-библиотека школьной образовательной литературы и книг для внеклассного чтения

www.read-analytic.ru — «Аналитик чтения», программа для оценки сложности текстов и читательских компетенций учащихся

www.new-gi.ru — «Новое поколение», интеллектуальный центр дистанционных технологий

www.english-direct.ru — Ресурсный центр изучения иностранных языков и курсы иностранного языка онлайн

www.enc.biblioclub.ru — «Энциклопедиум», сайт классических, академических и авторских энциклопедий и онлайн-справочников

www.directacademia.ru — «Директ-Академия», учебно-методический центр обучения цифровым технологиям в образовании

www.lms.biblioclub.ru — Центр профессионального онлайн-обучения «Электронные курсы». Платформа дистанционного обучения

